

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

**Nº 9–10 2015
September–October**



«East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

**Vienna
2015**

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

Nº 9–10 2015 (September – October)

ISSN 2310-5593

Editor-in-chief

Petra Busch, Austria

Consulting editors

Jolanta Lewicka, Poland

Rostislav Komarov, Russia

International editorial board

Egor Rachynski, Ukraine

Natalia Bondarenko, Russia

Rima Dzhansarayeva, Kazakhstan

Nikolay Inshin, Ukraine

Alajos Fazekas, Hungary

Slavka Konstantinova, Bulgaria

Tatiana Yashkova, Russia

Jennifer Mathieson, Scotland

Hong Han, China

Alessandro Massaro, Italy

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

European Science Review

“East West” Association for Advanced Studies
and Higher Education GmbH, Am Gestade 1

1010 Vienna, Austria

Email:

info@ew-a.org

Homepage:

www.ew-a.org

Austrian Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the “East West” Association GmbH home page at: <http://www.ew-a.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

© «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH, Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Archaeology

*Filatova Inga Vladimirovna,
Institute of Archeology and Ethnography,
SD RAS, PhD, Junior Researcher,
Amur State University of Humanities and Pedagogy,
Associate Professor of the History and Law Department
E-mail: inga-ph@mail.ru*

Morphological analysis of ceramic vessels of the Malyshevo Neolithic culture early complex (Lower Amur region)

Abstract: The morphological analysis of the ceramics of the Malyshevo Neolithic culture (Lower Amur) early complex has been done according to different methodics (V. F. Genning, H. A. Nordström): the leading principles are identified and the tendencies to forming “standard” forms are discovered. The comparative analysis of the early Malyshevo ceramics and the materials of the Lower Amur and the Primorye (Maritime) territory have shown some differences.

Keywords: Neolithic, Lower Amur, Malyshevo culture, pottery, morphological analysis.

Currently, for the lower Amur Neolithic archeology, the most pressing problems are issues of cultural genesis and cultural history [9; 11; 27; 20]. A significant place in their solution belongs to morphological analysis of ceramics. According to a number of foreign and Russian scientists, the shapes of vessels are the basis of ancient ceramics classification and typology [30, 224–248; 16, 53–54]. According to L. N. Mylnikova: “... morphological features of ceramics can be a source of information about the cultural and historical affiliation of the population, which has made a particular archaeological unit” [12, 45].

In the territory of the lower Amur, early Neolithic stage correlates to the Mari (VIII–VII millennium BC), early complexes of the Kondon (mid VII – first half of V millennium BC) and Malyshevo (second half of VII – turn of the IV – III millennium BC) cultures [8; 23]. Analysis of the Mari ceramics was made by Yu. B. Tsetlin and V. Ye. Medvedev [17], of the early Kondon one — by I. Ya. Shevkomud [18; 19]. Malyshevo materials are studied only partially [24]. Meanwhile, their full research, in our view, will provide information that can be useful in the search for answers to some questions. The purpose of this article is to determine the signs of the Malyshevo complex pottery early forms on the basis of morphological analysis.

The centre of the Malyshevo culture formation, according to the researchers, is the south-western part of the Lower Amur, where the main archeological sites are concentrated with the finds of early Malyshevo ceramics: Malyshevo-1, Petropavlovka-Ostrov, near the Amur Sanatorium, Kazakevichevo, Sheremetyevo, and others (Fig. 1).

According to the stratigraphic data and ^{14}C dates of the Gasya (7950 ± 80 BP) and Sikachi-Alyan (lower point) (6900 ± 260 BP) sites, the early stage of the Malyshevo culture

dates back to the second half of the VII – beginning of the VI millennium BC including calibration [10, 420–421].

Early Malyshevo ceramics is distinguished with fragmentation. In the collections, there are mostly disparate fragments of the nimbi, walls, bottoms, somewhat more seldom there are upper and lower parts of the vessels. Thus, materials from Malyshevo-1 (1965) include 18 upper and two lower parts, 92 nimbi, 569 walls and 29 bottoms. Collections from the settlements near the Amur Sanatorium (1959) and Petropavlovka-Ostrov (1969) contain an upper part of the vessel, 13 nimbi and six walls and five upper part fragments, five nimbi and 12 walls, respectively. Materials from Gasya (1976, 1980) include four upper parts, eight nimbi and six walls [5: 37, 41–42, 56, 58–59, 79, 82]; from the Sikachi-Alyan lower points (1980) — three nimbi.

The material for the analysis is the fragments of ceramic vessels from the various sites collections (Fig. 2).

The total sample consisted of 773 units including 28 upper and two lower parts, 121 nimbi, 593 walls and 29 bottoms. We have carried out measurements of 18 upper and two lower parts, as well as five nimbi from different vessels. Totally, 25 samples were studied, for some of them graphic reconstructions were made.

It should be noted that national archeology has no single approach to the study of ceramic vessels shapes. The most popular ones are the “formally classifying” [3; 4, etc.] and “historical and cultural” [2; 15, etc.] approaches including those based on computer programs [7]. In the investigations of foreign scientists [30; 28; 25; 26, etc.], an “integrated approach” dominates, the initial stage of which is based on the “universal method” [22]. Among the relatively recent researches, we can mention the second edition of the monograph by C.-R. Orton and M. Haggis [29]. Siberian and Far Eastern archeologists use different methods [13; 6; 17; 12].

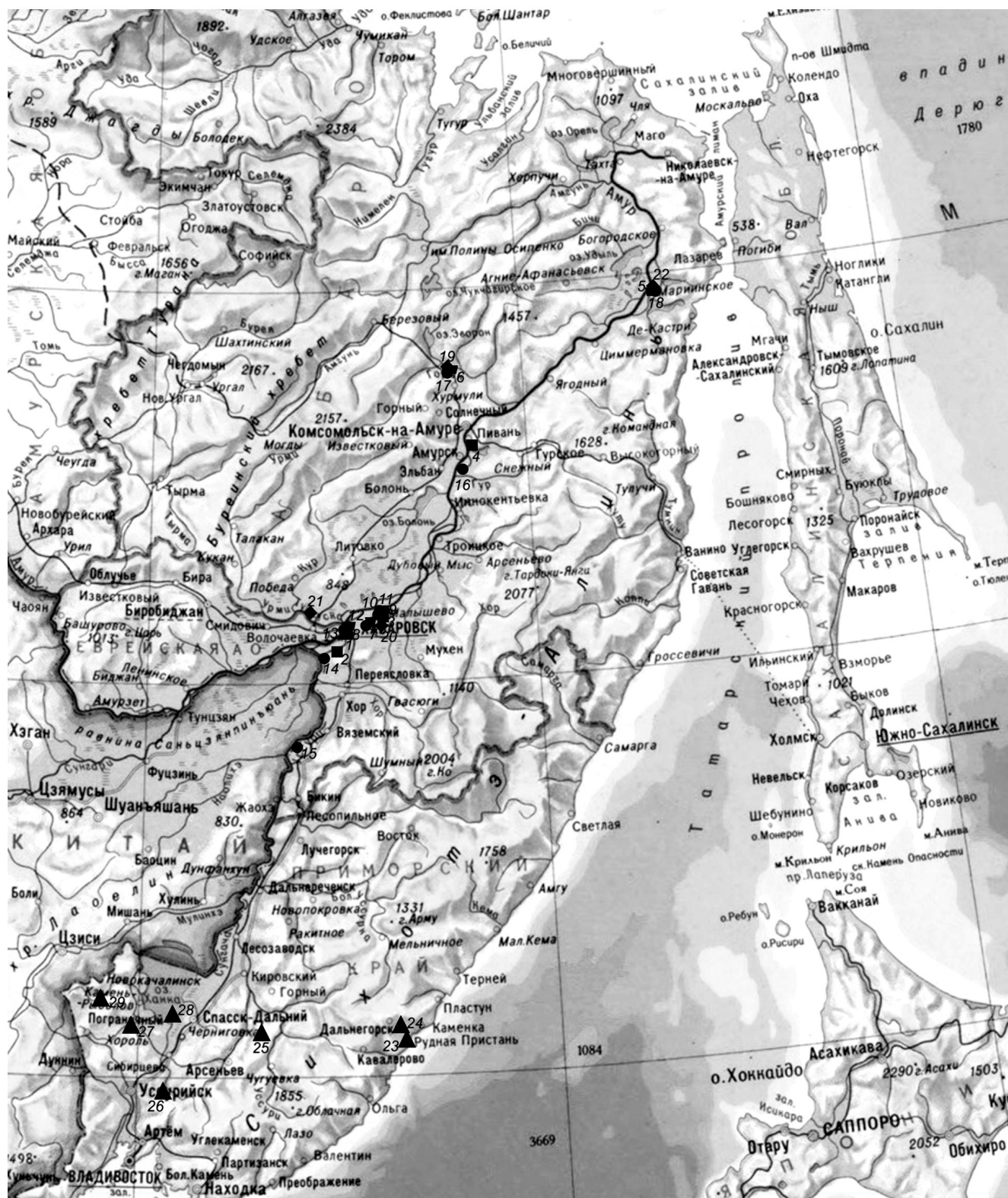


Fig. 1. Schematic map of the major archaeological sites locations of the Middle Neolithic primary and early stages in the territory of the Lower Amur and Primorye:

- Sites of the Osipovka culture: 1 — Osipovka; 2 — Goncharka-2; 3 — Gasya; 4 — Hummi;
- ▲ Sites of the Mari culture: 5 — Suchu; 6 — Kondon-Pochta; 7 — Petropavlovka-Ostrov; 8 — Amur Sanatorium;
- Sites of the Malyshevo culture (early complex): 9 — Malyshevo-1; 10 — Gasya; 11 — Sikachi-Alyan (lower point); 12 — Petropavlovka-Ostrov; 13 — Amur Sanatorium; 14 — Kazakevichevo; 15 — Sheremetyevo; 16 — Voznesenskoye; 17 — Kondon-Pochta; 18 — Suchu;
- ◆ Sites of the Kondon culture (early complex): 19 — Kondon-Pochta; 20 — Knyaze-Volkonskoye-1; 21 — Jermen; 22 — Suchu;
- ▲ Sites of the Rudnaya culture: 23 — Rudnaya Pristan; 24 — Chortovy Vorota; 25 — Sheklyayevo-7; 26 — Osinovka; 27 — Sergeyevka-1; 28 — Luzanova Sopka-2; 29 — Dvoryanka-1

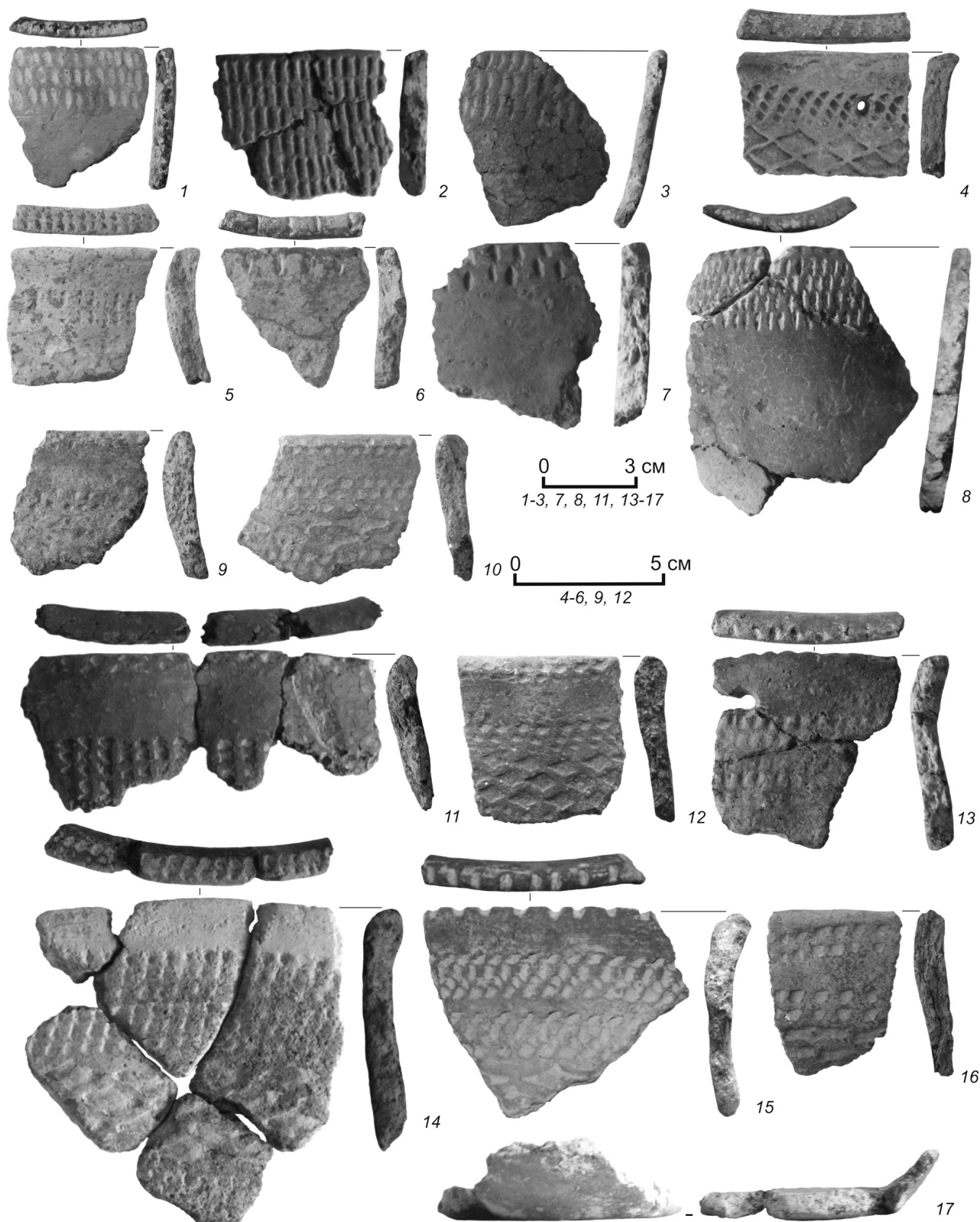


Fig. 2. Ceramics of the Malyshevo culture early complex: 1–3, 7, 8, 11, 13–17 — Malyshevo; 1, 4, 6 — Petropavlovka-Ostrov; 5, 9 — Amur Sanatorium; 10, 12, 16 — Sheremetyevo

Initial evaluation of ceramics was held according to a shortened (The shortened program using is due to significant fragmentation of the ceramic) program of statistical processing [3]. Then, the missing data was calculated using the graphic reconstruction. The reconstructions were also used while working according to the technique by H.-A. Nordstrom [28]. The early Malyshevo ceramics was

compared with the Low Amur and Primorye materials using the published data [13; 1; 21].

In the study, we obtained the following results. All the shapes of the Malyshevo ceramic samples were divided into two groups: without the neck (7 pcs) and with the neck (16 pcs including 11 upper parts and five nimbi). Within each group, two subgroups were identified: open (7 pcs) and closed (16 pcs) shapes (fig. 3).

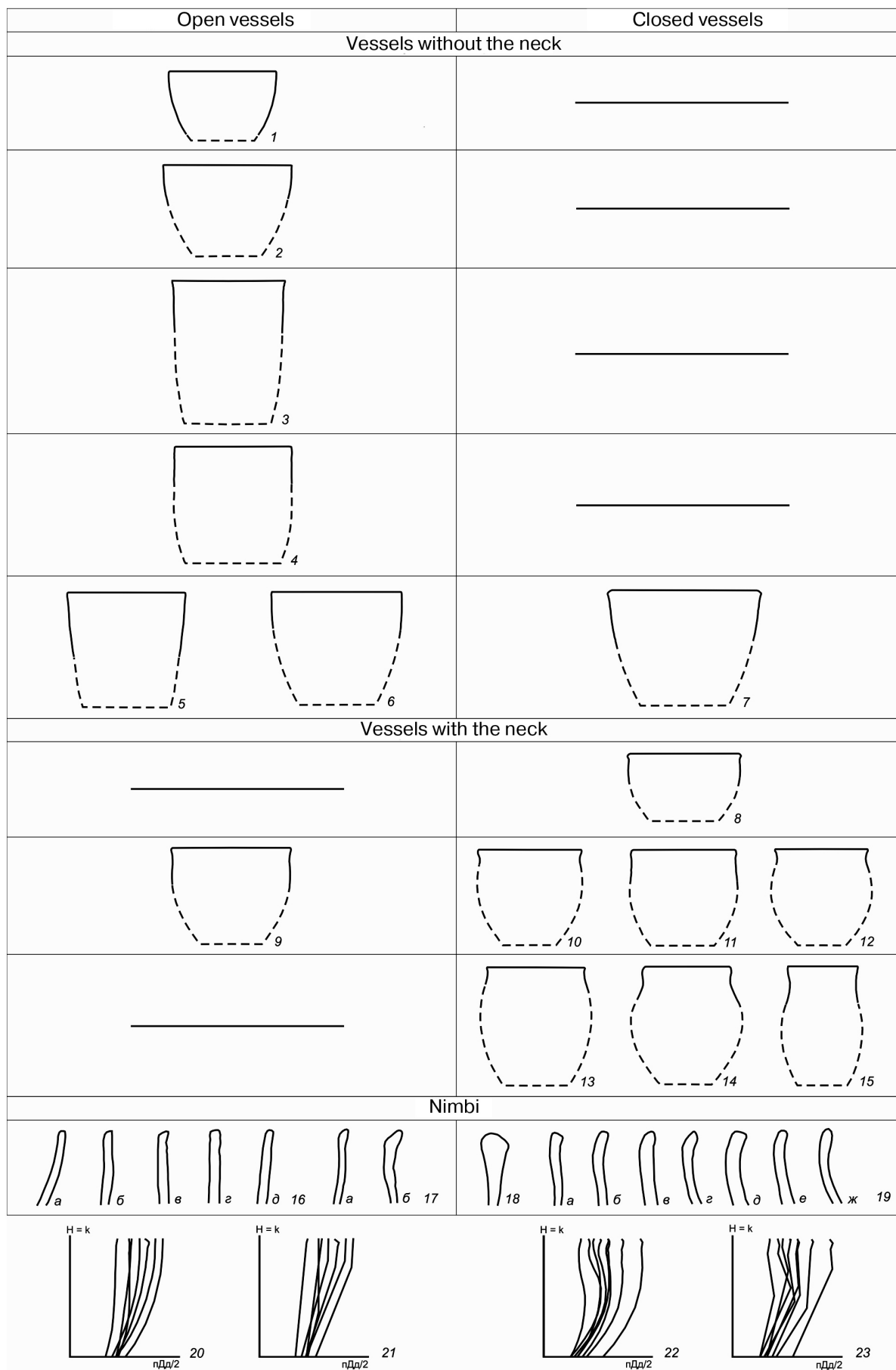


Table 1. – Indexes of the shape pointers of the Malyshevo culture early complex

Indexes	Vessels without the neck	Vessels with the neck
Height (FA)	0.70-1.32	0.62-1.50
Neck height (FB)	–	0.94–3.57
Neck width (FC)	1.02–1.08	0.93–1.02
Neck profile (FD)	–	0.00–0.29
Body height (FE)	0.70-1.32	0.62-1.50
Shoulder height (FF)	0.26-2.25	0.32-1.00
Shoulder convexity (FG)	0.00-0.10	0.02–0.91
Bottom width (FH)	0.09-0.45	0.17-0.60

Even the first researchers of the Malyshevo-1 site stated: “Vessels <...> were of different size: large, low-profiled ones with wide neck and small ones, in the form of bowls” [14, 114–115]. Total data of the shapes indexes calculated by the program of ceramics (Neck height and neck profile pointers were identified only for the vessels with neck) statistical processing is presented in Table 1.

Early Malyshevo vessels without the neck having open and closed forms (fig. 2, 1–4, 6–8; fig. 3, 1–7) have the features:

1. On the height index: low (14.3% Hereinafter of the vessels without the neck), medium (71.4%) and high (14.3%);
2. On the neck width index: with very wide neck (85.7%) and with wide neck (14.3%);
3. On the body height index: flattened (14.3%), round (57.1%) and elongated (28.6%);
4. On the shoulder height index: very low (14.3%); average (28.6%), high (57.1%);
5. On the shoulder convexity index: very slightly convex (100%);
6. On the bottom width index: with very wide bottom (57.1%) and wide bottom (42.9%).

The mouth edge is rounded or slightly flattened, sometimes beveled inward. The nimbi are straight (fig. 2, 1, 3, 6, 7, 8; fig. 3, 16a, b, d, e), but there are also samples with slightly bent outwards (fig. 2, 2, 4; fig. 3, 16c) or thickened outer edge (fig. 3, 18).

On the basis of the graphic reconstructions, we have identified five types of vessels (fig. 3, 1–7). By the outline, the fifth type of the first subgroup includes two subtypes (fig. 3, 5, 6).

Superposition of the vessels half-profiles and their graphic models created by the extreme points joining (fig. 3, 20, 21), showed the absence of standard shapes. However, the trend towards making a “standard” vessel is observed since abnormalities of some products are associated not with the common proportions, but with their width.

Thus, there are 28% of the ceramic vessels without the neck in the Malyshevo culture early complex, only one of which has a closed shape. For the most part, these are products of medium and low height. Basically, the ceramics is very wide-necked. The vessels have usually rounded, sometimes flattened or elongated body. The shoulders are mainly high and medium, very slightly convex. Just more than a half are wide-bottomed instances, the other ones are very wide-bottomed.

Early Malyshevo necked vessels of open and closed shape (fig. 2, 5, 9–16; fig. 3, 8–15) have characteristic features:

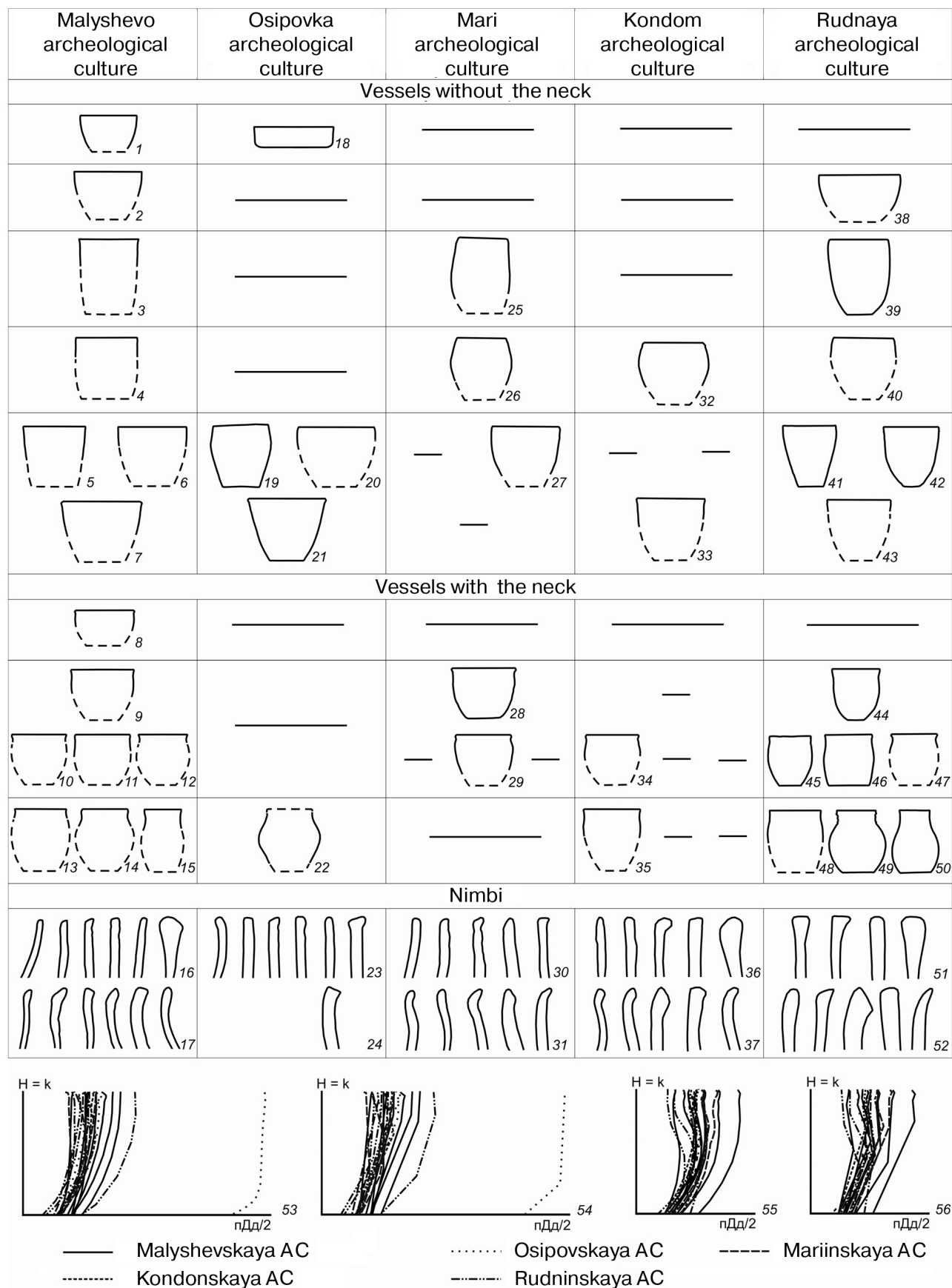
1. On the height index: low (30.8% During calculating the percent of the vessels with the neck, the nimbi were excluded because data on these samples in a number of indexes is not possible to calculate) medium (61.5%) and high (7.7%);
2. On the neck height index: low- (69.2%), medium- (23.1%) and high-necked (7.7%);
3. On the neck width index: with very wide neck (15.4%) and wide neck (84.6%);
4. On the neck profile index: with inward angling (15.4%); slightly- (76.9%) and medium-profiled (7.7%);
5. On the body height index: flattened (53.9%), round (38.4%) and elongated (7.7%);
6. On the shoulder height index: average (84.6%) and high (15.4%);
7. On the shoulder convexity index: medium (7.7%), slightly (7.7%) and very slightly convex (84.6%).
8. On the bottom width index: medium (7.7%), wide (84.6%) and very wide bottom (7.7%).

Mouth edges (fig. 3, 17, 19) are rounded or slightly flattened; slightly beveled outward or inward ones are present. The nimbi are bent outward at an angle of 15–25° to 45–55°.

On the basis of graphic reconstructions, we can supposedly mention the three types of vessels. On the shape of the service parts, there are two subtypes: with simple (fig. 2, 5, 9–12, 16; fig. 3, 19b, e–g) and with figured (fig. 2, 13–15; fig. 3, 17a, b, 19a, c, d) neck profile. On the point of the maximum diameter in the second and third types of the second subgroup, we identify three subtypes (fig. 3, 10–15).

The superposition of the vessels and their graphical models half-profiles (fig. 3, 22, 23) showed that in the middle part of the graph a semi-profile of the “standard” vessel is seen despite some deviations to the right and to the left because of differences in products width.

Thus, in the sample ceramics of the Malyshevo culture early complex, the vessels without the neck amounted to only 64%, two of which are of open shape. These are low, medium and high products with very wide and wide neck. The neck is low, medium and high. It is inclined inwards being slightly and medium profiled. On the height index, the body is flattened, rounded and elongated. The shoulders are medium and high, medium, slightly and very slightly convex. The vessels have medium, wide and very wide bottom.



In both groups, types and subtypes are identified, so we can talk about relative types diversity of the early Malyshevo complex ceramics. Furthermore, the presence of bottoms fragments in the collections and of two lower parts (with diameters of bottoms of 6.5 and 10.0 cm.) of flat-bottomed vessels in the sample (fig. 2, 17) indicates that ceramics is flat-bottomed.

So, the Malyshevo culture early complex ceramics is distinguished by the following formal features:

1. On the height index: low (35%), medium (55%) and high (10%);
2. On the neck height index: low- (45%), medium- (15%) and high-necked (5%);
3. On the neck width index: with very wide neck (40%) and wide neck (60%);
4. On the neck profile index: inclined inward (10%), slightly (50%) and medium-profiled (5%);

5. On the body height index: flattened (40%), round (45%) and elongated (15%);
6. On the shoulder height index: very low (5%), medium (65%), high (25%) and very high (5%);
7. On the shoulder convexity index: very slightly convex (90%), slightly (5%) and medium convex (5%).
8. On the bottom width index: medium- (5%), wide- (70%) and very wide-bottomed (25%).

Correlation of the early Malyshevo vessels with the ceramics from the territory of the Lower Amur and Primorye revealed some similarities (fig. 4).

A survey of the Osipovka, Mari, Kondon (early complex) and Rudnaya (Rudnaya and Sergeyev types) ceramics by the statistical processing program allowed to determine their morphological features, as well as to compare them with the signs of the Malyshevo complex. Results of the analysis involving only whole specimens, if possible, are presented in the Table 2.

Table 2. – Indexes of the shape pointers for the Lower Amur and Primorye archeological cultures (AC) of the primary, early and early stage of the middle Neolithic

Index		Malyshevo AC (early complex) (20 pcs)	Osipovka AC (4 pcs)	Mari AC (11 pcs)	Kondon AC (early complex) (4 pcs)	Rudnaya AC (Rudnaya and Sergeyev* types) (25 pcs)
1		2	3	4	5	6
FA	0.41–0.80	Low (0.62–0.74)	–	Low (0.76–0.80)	Low (0.58)	–
	0.81–1.20	Medium (0.81–1.16)	Medium (0.82–1.12)	Medium (0.82–1.17)	Medium (0.85–0.96)	Medium (0.85–1.18)
	1.21–1.60	High (1.32–1.50)	–	High (1.38)	High (1.51)	High (1.22–1.51)
FB	0.51–1.50	Low-necked (0.94–1.40)	Low-necked (0.18)	Low-necked (0.58–1.00)	Low-necked (1.19)	Low-necked (0.98–1.32)
	1.51–3.00	Medium-necked (1.67–2.06)	–	–	Medium-necked (1.80)	Medium-necked (1.63–2.84)
	3.01–5.00	High-necked (3.57)	–	–	–	High-necked* (3.10)
FC	0.66–1.00	Wide-necked (0.93–1.00)	Wide-necked (0.92–1.00)	Wide-necked (0.83–1.00)	Wide-necked (0.77–0.96)	Wide-necked (0.68–1.00)
	> 1.00	Very wide-necked (1.01–1.08)	Very wide-necked (1.03–1.04)	Very wide-necked (1.02)	Very wide-necked (1.10)	Very wide-necked (1.01–1.08)
FD	< 0.00	Tilted inside (0.00)	–	Tilted inside (–0.07)	Tilted inside (–0.05–0.00)	Tilted inside (–0.03–0.00)
	0.01–0.26	Slightly profiled (0.03–0.25)	–	Slightly profiled (0.05–0.21)	–	Slightly profiled (0.05–0.20)
	0.27–0.57	Medium- profiled (0.29)	–	Medium- profiled (0.28)	–	Medium- profiled * (0.31–0.50)
FE	0.50–0.85	Flattened (0.62–0.82)	Flattened (0.73–0.85)	Flattened (0.59–0.82)	Flattened (0.85)	Flattened* (0.85)
	0.86–1.15	Rounded (0.88–1.07)	Rounded (1.04)	Rounded (0.91–1.00)	Rounded (0.86–0.96)	Rounded (0.91–1.14)
	1.16–1.50	Elongated (1.16–1.32)	–	Elongated (1.17)	Elongated (1.50)	Elongated (1.18–1.50)
FF	> 2.00	Very low (2.25)	Very low (4.2)	–	–	–
	0.50–1.00	Medium (0.53–1.00)	Medium (0.57)	Medium (0.63–1.00)	Medium (0.54–0.74)	Medium (0.52–1.00)
	0.26–0.50	High (0.26–0.40)	High (0.34)	High (0.38)	–	High (0.28–0.48)

1		2	3	4	5	6
FG	<0.25	Very slightly convex (0.00–0.24)	Very slightly convex (0.00–0.25)	Very slightly convex (0.00–0.15)	Very slightly convex (0.00–0.07)	Very slightly convex (0.00–0.20)
	0.26–0.57	Slightly convex (0.28)	–	Slightly convex (0.43)	Slightly convex (0.49)	Slightly convex* (0.26–0.27)
	0.58–1.00	Medium convex (0.91)	–	–	–	–
FF	0.57–1.00	Medium-bottomed (0.60)	Medium-bottomed (0.57)	Medium-bottomed (0.59–0.98)	–	Medium-bottomed* (0.59–0.68)
	0.25–0.56	Wide-bottomed (0.25–0.55)	Wide-bottomed (0.27–0.51)	Wide-bottomed (0.31–0.53)	Wide-bottomed (0.39–0.43)	Wide-bottomed (0.28–0.56)
	<0.25	Very wide-bottomed (0.09–0.17)	–	Very wide-bottomed (0.21)	Very wide-bottomed (0.09–0.20)	Very wide-bottomed (–0.02–0.21)

Note: * — Indexes only for Sergeyev type of the Rudnaya culture ceramics

Comparisons revealed some similarities in morphological features on the main indexes of the vessels. Partial coincidence of indexes is noticed regarding all cultures: Osipovka ceramics — on six (FA, FC, FE, FF, FG, FH) ones; Mari — on eight ones; Kondon — on seven (FA, FB, FC, FE, FF, FG, FH) ones and Rudnaya ceramics — on eight indexes. Full match of the indexes was found in only one case: between the very wide-necked Malyshevo and Rudnaya products (see Table 2 in italics).

Superposition of the vessels semi-profiles and their graphical models also indicates some closeness of the Amur and Primorye cultures ceramics (fig. 4, 53–56). The closest forms can be seen between the Malyshevo and Kondon vessels and between Malyshevo and Rudnaya necked vessels (fig. 4, 55, 56). Signs of similarity are also recorded in the nimbi modeling (fig. 4, 16, 17, 24, 25, 31, 32, 36, 37, 51, 52).

So, summing up the shapes indexes data we can say that the early Malyshevo clay vessels are flat-bottomed, evenly symmetrical in the section products without the neck and with the neck of the open and closed forms. They are low, medium or high with a wide and very wide low, medium or high neck. The neck is tilted inward or weakly and medium-profiled. They have a flattened, rounded or elongated body with very low, medium, high or very high, slightly and very slightly convex shoulders. The bottom is medium, wide or very wide one.

The superposition of the vessels semi-profiles and their graphical models showed that while the neckless products “standards” were only planned, the necked vessels already partly realized this trend.

In general, we can talk about two major shapes of the early Malyshevo pottery. One of them is a flat-bottomed vessel without the neck with an open mouth, the other one is a flat-bottomed vessel with the neck and a closed mouth. The presence of the product open shapes with the neck and closed shapes

without the neck probably indicates a certain connection between the major forms. It can be assumed that it is either a result of the pottery tradition internal dynamics, its gradual development and complexity, or a consequence of an outside influence.

The comparative analysis revealed a different degree of correlation between ceramic vessels morphology of the primary, early and middle (early stage) Neolithic Lower Amur and Primorye cultures, which is manifested both on general and special levels. The general (stage) signs include the type of the shape (mainly slightly profiled vessels of simple shapes), the special (cultural) ones include designing of the products service parts.

The most likely explanation for the connection of the Mari and Osipovka shapes with early Malyshevo vessels is a possible genetic relationship of the early Malyshevo with Osipovka and, presumably, the interaction with Mari in the later stages of the latter. As for the correlation between the morphology of the Kondon (early complex) and Rudnaya and Malyshevo (early complex) culture ceramics, in this case, apparently, it is possible to talk about fairly strong contacts with Rudnaya and relatively weak ones with Kondon.

Thus, the survey using the program by V. F. Gening revealed both general and specific features of the Malyshevo culture early complex ceramic vessels morphology, defined the basic features of the traditions formation. H.-A. Nordstrom's technique made it possible to identify a tendency to the appearance of the “standard” pottery forms in the early Malyshevo. In addition, the selected methods of analysis generally confirmed the conclusions of the first researchers on the existence of two vessel groups in the materials of the single-layer Malyshevo-1 site.

Gratitude

The author expresses her sincere gratitude to everyone who participated in the excavations of 1950–1980-ies, as well as for the opportunity to work with collections of the SD RAS funds.

References:

1. Batarshch S. V. Rudnaya archeological culture in Primorye. – Vladivostok: LLC “Rea”, 2009. – 200 p.
2. Bobrinsky A. A. On the method of studying the pottery shapes from archeological excavations. // Cultures of the I millennium Eastern Europe. – Kuibyshev: Kuibyshev State University Press, 1986. – P. 137–157.

3. Gening V.F. The program of statistical processing of ceramics from archaeological excavations.//Soviet archeology. – 1973. – № 1. – P. 114–135.
4. Gening V.F. Ancient ceramics. Methods and research programs in archeology. – Kiev: Naukova Dumka, 1992. – 188 p.
5. Derevianko A. P., Medvedev V. Ye. Research of the Gasya settlement (preliminary results, 1980). – Novosibirsk: Publishing House of the SD RAS, 1993. – 109 p.
6. Zhushchikovskaya I. S. Essays on the history of ancient pottery in the Russian Far East. – Vladivostok: Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, 2004. – 312 p.
7. Loman V. G. Computer program for the analytical study of the pottery vessels shapes.//Modern problems of Russian archeology. – Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2006. – Vol. 2. – P. 476–477.
8. Medvedev V. Ye. Neolithic cultures of the Lower Amur Region.//Russian Far East in ancient and medieval times: Discoveries, problems, hypotheses. Monograph. – Vladivostok: Dalnauka, 2005. – P. 234–267.
9. Medvedev V. Ye. On the culture genesis of the Neolithic Age in the Lower Amur region.//Modern problems of archeology in Russia: Coll. of scientific works. – Novosibirsk, Publishing House of the SB RAS, 2006. – Vol. I. – P. 288–291.
10. Medvedev V. Ye. On the chronology of the Malyshevo culture: New radiocarbon dates for the Gasya settlement.//Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories: Materials of the SB RAS annual session of 2007. – Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2007. – Vol. XV. – P. 130–135.
11. Medvedev V. Ye. On the current trends in the Neolithic study of the Russian Far East south. The Lower Amur region.//Proceedings of the III (XIX) All-Russian Archeological Congress. – Vol. 1. – SPb.-M.-Veliky Novgorod: Publishing House of the IIMC, 2011. – P. 176–179.
12. Mylnikova L. N. The study of the ancient ceramic vessels shapes: theoretical and practical aspects.//Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2014. – № 2 (58). – P. 32–43.
13. Neolithic south of the Far East: ancient settlement in the Chortovy Vorota cave. – M.: Nauka, 1991. – 224 p.
14. Okladnikov A. P., Derevianko A. P. The distant past of Primorye and Amur region. – Vladivostok: Dalnevost. knizh. publishing house, 1973. – 440 p.
15. Tsetlin Yu. B. Ancient Ceramics: Theory and methods of historical and cultural approach. – M.: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2012. – 379 p.
16. Tsetlin Yu. B., Volkova Ye. V. The role of natural science methods in the study of ancient ceramics as a source of historical information.//Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2010. – № 4 (44). – P. 52–59.
17. Tsetlin Yu. B., Medvedev V. Ye. Ceramics of the Mari Culture in the Lower Amur.//Archeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2014. – № 4 (60). – P. 30–40.
18. Shevkomud I. Ya. Kondon Neolithic culture in the Lower Amur: Overview.//Problems of archeology and paleoecology of Northern, Eastern and Central Asia: Materials of the Intern. Conf. – Novosibirsk: Publishing House of the SB RAS, 2003. – P. 215–216.
19. Shevkomud I. Ya., Gorshkov M. V. On the question of Kondon culture in the Lower Amur region (research of the Knyaze-Volkonskoye-1 settlement in 2006).//Northern Eurasia in the anthropogene: humans, paleotechnologies, geo-ecology, ethnology and anthropology: Mat. of the all-Rus. conf. with International participation dedicated to the 100th anniversary of M. M. Gerasimov's birth. – Vol. 2. – Irkutsk: Publishing House "Ottisk", 2007. – P. 306–310.
20. Shevkomud I. Ya., Kuzmin Ya. V. The chronology of the Lower Amur Stone Age (Russian Far East).//Cultural chronology and other issues in the study of the East Asia antiquities: Coll. Art. – Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum, 2009. – P. 7–46.
21. Shevkomud I. Ya., Yanshina O. V. Start of the Neolithic in the Amur region: Goncharka-1 settlement. – SPb.: RAS, 2012. – 270 p.
22. Birkhoff G. D. Aesthetic Measure. – Cambridge, Harvard: University Press, 1933. – P. 83–91.
23. Derevianko A. P., Medvedev V. E. Neolithic of the Nizhnee Priamurye (Lower Amur River Basin).//Archaeology of the Russian Far East: Essays in Stone Age Prehistory/BAR International Series 1540. – Oxford: Archaeopress, 2006. – P. 123–150.
24. Filatova I. V. The peculiarities of the design of containers of the early complex of Malyshevo Neolithic culture of the Lower Amur basin (based on materials on the settlement Malyshevo-1).//Bylye Gody. – 2015. – Vol. 35, Is. 1. – P. 5–13. (на рус. яз.).
25. Gardin J.-C. Code pour l'analyse des formes de poteries. – P., 1976. – 97 p.
26. Hole F. Analysis of structure and design in prehistoric ceramics.//World Archeology. – 1984. – Vol. 15.3. – P. 326–347.
27. Kato H. Neolithic Culture in Amurland: The Formation Process of a Prehistoric Complex Hunter-Gatherers Society Author (s).//Journal of the Graduate School of Letters. – 2006. – 1. – P. 3–15.
28. Nordström H. A. Cultural Ecology and ceramic technology. Early Nubian Cultures from the Firth and the Fourth Millennium b. c. – Stockholm: Almqvist and Wiksell, 1972. – 200 p.
29. Orton Cl., Hughes M. Pottery in Archaeology. – Cambridge University Press, 2013. – 340 p. (Cambridge manuals in archaeology).
30. Shepard A. O. Ceramics for Archaeologist. – Washington: Carnegie Institute of Washington, 1965. – 380 p.

Section 2. Journalism

*Blikharsky Roman Igorovych,
Lviv National Scientific Library, Jr. Researcher
E-mail: patra727@gmail.com*

The religious press in Galicia Austrian Empire period – intellectual support and impulse to the political awakening of Ukrainian

Abstract: The question of origin and formation of the Ukrainian religious periodical press in Galichina first half of the XIX century in a sociopolitical context of the period is investigated.

The idea of the edition «Byblyoteka besyd duhovnih», as attempt of the initiation of the Ukrainian national religious press is considered. Features of substantial filling the edition «Poucheniya Cerkovnyja» are defined.

Keywords: religious and ecclesiastical press, Ukrainian Greek Catholic Church, Austrian Empire, Galicia, Golvna Rus'ka Rada, «Zorja Galic'ka» religion, Christianity.

*Блихарский Роман Игоревич,
Львовская национальная научная библиотека Украины
имени В. Стефаника, младший научный сотрудник
E-mail: patra727@gmail.com*

Религиозная пресса в Галиции периода Австрийской империи – интеллектуальная опора и импульс политического пробуждения украинцев

Аннотация: Исследован вопрос зарождения и становления украинской религиозной периодики в Галиции первой половины XIX в. в общественно-политическом контексте эпохи. Рассмотрена идея издания «Бібліотеки бесід духовних» как попытка основания украинской национальной религиозной прессы. Определены особенности содержательного наполнения издания «Поучения Церковныя».

Ключевые слова: религиозно-церковная пресса, Украинская греко-католическая церковь, Австрийская империя, Галиция, Главная Русская Рада, «Зоря Галицка», религия, христианство.

Рассматривая вопросы зарождения и становления украинской религиозной прессы в Галиции периода Австрийской империи 1804–1867 гг., необходимо кратко описать те общественно-политические условия, в которых находилась религиозная община галицийских украинцев, конфессиональной принадлежности которых к Греко-католической церкви была важной чертой их национальной идентичности.

Период до первого раздела Речи Посполитой характерен крайне неудовлетворительным социальным положением духовенства и верующих Греко-католической церкви. Ситуация изменилась после аннексии Галиции Австрийской империей, правительство которой осуществило ряд мероприятий, в результате чего произошло уравнивание греко-католиков в социальном и культурном статусе с римско-католиками. Стоит также вспомнить два события, которые способствовали дальнейшему становлению и укреплению авторитета Греко-католической Церкви в Галиции,

и демонстрируют благоприятную политику австрийского правительства для подъема правового, образовательного и экономического уровня греко-католиков. А именно: запрет в 1774 Марией Терезой на официальном уровне употреблять понятие «униатство», которое часто в бытовой устной и письменной речи могло иметь отрицательную коннотацию, зато принято определение «Греко-католическая церковь», и присвоение в 1808 Львовскому епископату статуса Галицкой митрополии.

Политическая слабость императора Фердинанда I, а также выгодная для галицийцев украинская административная и языковая политика его преемника, Франца Иосифа I, которую он вел в первые годы своего правления, позволили украинской интеллектуальной среде свободно развиваться, постепенно избавляясь от польского культурнического влияния, а также выделить собственное социокультурное отличие и сформулировать существенные вопросы национального просвещения,

которые сосуществовали с программой духовного лидерства народа.

В течение 1820–1830 гг. ячейкой организованного украинского духовно-просветительского движения, видными деятелями которого были И. Снигурский, И. Могильницкий, И. Левицкий, И. Лозинский и др., стал Перемышль. Их деятельность, кроме духовного пастырства, касалась также сферы науки, культуры и образования. С их активной участью основывались начальные школы и гимназии, создавались и издавались грамматики украинского языка и учебники для учеников гимназий и семинарий.

Участники Перемышльского украинского просветительского круга осуществляли первые шаги в деле основания украинской религиозной прессы. И. Кревецкий в работе «Начало прессы на Украине. 1776–1850» вспоминает об инициативе И. Левицкого в 1843 основать журнал религиозно-церковного направления п. н. «Бібліотека бесід духовних» [2, 200].

Исследователь В. Пилипович в статье «Начало украинской религиозно-церковной прессы в Галиции на примере Перемышль — от идеи до реализации» подает полный текст анонса журнала И. Левицкого, в котором четко наводились цель, направление, структура и целевое назначение будущего издания [4]. Интересно то, что в этом анонсе значительное внимание уделялось языковому вопросу. При этом важно вспомнить, что проблема нормирования литературного языка — один из основных предметов дискуссий в среде галицийской интеллигенции, которые продолжались в течение XIX–XX вв..

В этой дискуссии И. Левицкий позиционировался как сторонник сочетание этимологического правописания и грамматики старославянского языка и критиковал сторонников фонетического правописания. В своей работе «Грамматика», написанной на немецком языке и изданной в 1834 г., ученый представляет свое видение правописания украинского языка. Он также активно отстаивал свои взгляды, публикуясь на страницах журналов, выходивших на территории Галиции [3].

Хотя губернатор Галиции Фердинанд д'Эсте и перемышльский епископ И. Снигурский и отнеслись к этой инициативе благосклонно, но все же издания в свет не вышло [2, 200]. Этому помешал львовский митрополит Михаил Левицкий, вероятно считал, что если бы журнал начал свой выход, то появилась бы угроза конфликта с другими религиозными группами, или с правительством, когда участие писателей в таком журнале вызвала подозрение об организации между духовенством славянского общества [6, 19].

Важно иметь в виду, что И. Левицкий рассматривал собственный издательский проект как органический компонент своей пастырской миссии и стремился использовать прессу как эффективный и оперативный способ донести свое сообщение до читателя на понятном ему языке.

Революция 1848–1849 гг. в Австрийской империи стала одним из факторов, которые стимулировали украинское

национальное культурное и общественное движение в Галиции, важные вехи которого — создание Главной Русской Рады с разветвленной сетью уездных представительств, которую возглавил Григорий Яхимович — перемышльский епископ Украинской греко-католической церкви, а также основание первого украинского журнала «Зоря Галицка». Существенно, что именно религиозно-церковный аспект в значительной степени определял идейное направление и методы деятельности Главной Русской Рады.

Первое фактическое религиозное издание на территории Галиции — это «Поучения Церковныя», что издавалось во Львове 1853–1854 гг. как приложение к «Зоря Галицка». Отметим, что «Зоря Галицка» в современной историографии считается первым украинским журналом, материалы которого публиковались народным языком, однако в ней в значительной степени прослеживаются тенденции языковых дискуссий, которые шли в тогдашней интеллектуальной среде. Издание можно рассматривать как своеобразный плацдарм, где вели диалог сторонники различных культурно-политических течений, одни из которых склонялись к правописания основ москвофильства, другие же были сторонниками употребления народного языка [5].

В редакционной заметке, которая открывала первый выпуск «Поучений Церковных» говорилось, что своей инициативой редакция стремится удовлетворить духовные потребности читателей. Редакция адресовала свои публикации не только представителям духовенства, а делала все для расширения круга своей читательской аудитории. Указывая при этом, что в отличие от других народов, у галичан совсем нет собственной духовной литературы и своими «Поучениями» редакция стремилась восполнить этот временной пробел.

Авторство почти всего материала журнала принадлежит М. Малиновскому (1812–1894 гг.) — церковному и общественно-политическому деятелю, педагогу, составителю учебников для гимназистов, соучредителю Главной Русской Рады и театра общества «Русская беседа». В разное время он занимал должности архидиакона и канцлера митрополичьей консистории, генерального викария, секретаря митрополита Иосифа Сембратовича.

В своей интеллектуальной деятельности он выступал как историк Церкви и религии, как автор многочисленных богословских исследований и публицистики. Его статьи, которые печатались на страницах галицийской прессы, касались в основном тем церковной и общественно-политической жизни украинской Галиции [1].

Основной жанр всех его публикаций в журнале — это богословские проповеди, представленные в форме «слов» и бесед. Условно их можно разделить на четыре тематических блока. Первый — беседы и «слова», второй тематический блок — материалы по истории христианских праздников и обряда, третий — жития святых, четвертый тематический блок — катехитические проповеди, в которых автор затрагивал вопросы просветительского и религиозного

характера. В частности, в статье «Катехизическое слово въ неделю 14 по сошествіи св. Духа» рассмотрена история возникновения понятия «религия» и представлены примеры его употребления в различных исторических и философских трудах античности и средневековья. С богословской точки зрения описано виды религии, подано разъяснения ее цели, обоснована необходимость религии как объективного неизменного атрибута природы человека.

В следующих публикациях этой тематической группы речь шла о комплексе богословских наук: представлен общий обзор экологических дисциплин, рассмотрены аспекты методики их преподавания. Автор также осуществляет детальное описание естественных, гуманитарных, прикладных и фундаментальных наук, определяя их как «подготовительные» к богословию, в частности физики, географии, палеонтологии, медицины, истории, антропологии, философии. Акцентируем на том, что М. Малиновский трактует и филологию как прелегомен к науке богословия, в контексте тогдашних правописаний дискуссий вводит языковую проблематику в богословское измерение.

Освещая структуру духовного и материального аспектов человеческого существования, автор подробно анализирует тогдашние знания по физиологии и анатомии, выстраивает четкую иерархию наук и отдельных дисциплин, в которых плюрализм подходов к изучению феномена материи, психики, социума, политики строго подчинен единому направлению познания — раскрывать во всякой форме бытия Божье провидение.

По нашему мнению, в «Поучениях Церковных» нашел свое воплощение нереализованный замысел И. Левицкого создать для галицийской аудитории газету духовного содержания. С одной стороны, издатели журнала имели целью предоставить интеллектуальную опору для галицийских украинцев в следовании своего христианского образа, с другой — проблематика проповедей с особенной манерой аргументации, оригинальным стилем создают базис для возможности формирования у читателя мировоззренческой системы, основанной на религиозных началах, в которых интегрированы тогдашние актуальные тенденции научного знания.

Список литературы:

1. Енциклопедія Українознавства: слов. частина: перевид. в Україні. – Л., 1994. – Т. 4. – С. 1448–1449.
2. Кревецький І. Початки преси на Україні, 1776–1850./Кревецький І.//Записки Наукового Товариства імені Шевченка. – Л., 1926. – Т. 144–145. – 271 с.
3. Лесюк М. Формування української літературної мови в Галичині в умовах австрійського режиму./Микола Лесюк//Галичина: наук. і культ.-просвіт. краєзн. часопис. – 2003. – № 9. – С. 145–154.
4. Пилипович В. Початки української релігійно-церковної преси в Галичині на прикладі Перемишля – від ідеї до реалізації./В. Пилипович//[Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://www.cerkiew.net/page.php?23>.
5. Райківський І. Мовно-правописне питання в українському національному русі Східної Галичини 1850-х років (за матеріалами тогочасної періодики)./І. Райківський//Наукові записки Тернопільського національного педагогічного університету імені Володимира Гнатюка. Серія: Історія. – Т., 2011. – Вип. 2. – С. 206–214.
6. Романюк М. М. Українські часописи Львова 1848–1939 рр.: іст.-бібліогр. дослідж.: у 3 т./М. М. Романюк, М. В. Галушко. – Л.: Світ, 2001. – Т. 1: 1848–1900 рр. – 744 с.

*Pavlenko Victoria Vadimovna,
Oles Honchar Dnipropetrovsk National University,
Candidate of Philological Sciences, dotsent
E-mail: vikapavlenko@ukr.net*

Key constituents of the concept “war” in British war media discourse

Abstract: The article deals with key constituents of the concept “war” and their functioning in British war media discourse. The author stresses that nowadays meta-communication factors have gained the primary importance in researching war media discourse. The most representative constituents of the concept “war” are analyzed in British war media discourse.

Keywords: war media discourse, concept, concept sphere, constituents of the concept, war.

The end of the XXth – the beginning of the XXIst century is characterized by the significant development of mass media as well as by their increasing influence in the society. “War” and its constituents have become common things both in media discourse and in people’s lives. It is conditioned by the fact that nowadays traditional forms of war have changed a bit.

Together with warfare in hot spots, psychological and informational wars coexist. War is very often represented mediately in media discourse by actualization of meta-communication factors. In these cases extra linguistic factors gain the primary importance, which makes it necessary to research the constituents of the concept “war” in media discourse.

The origination of cognitive trend in linguistic in 1970s-1980s gives stimulus to the researches of "concept". Theoretically it has been grounded in the works of G. Lakoff, Ch. J. Fillmore, R. W. Langacker, A. Wierzbicka, R. Pavilonis, D. Likhachev, Yu. Stepanov, Yu. Prokhorov, Ye. Kubryakova, M. Boldyrev, V. Maslova, Ya. Prykhoda, M. Yatsymirskaya, O. Yasinovska, L. Vasylyk, etc. However, despite the variety of cognitive, linguistic, culturological and other researches, the nature of concept as well as its structure, definition and peculiarities of its functioning in media discourse are still not worked out properly. It is connected not only with the different approaches to the study of concept, but also with text-focused nature of researches, while concept, which is directly included into discourse sphere, stays beyond scholars' attention.

It is well known that the term "concept sphere" was introduced into scientific circulation by a famous academician D. Likhachev. Proceeding with S. Askoldov-Alexeev's theoretical researches, he considers the totality of nation's concepts as a concept sphere. D. Likhachev believes that a concept sphere is made by all potentialities of native speakers' concepts, hence: "The wider and more abundant the person's cultural experience is, the wider and more abundant the potentialities of the concept are" [3, 5]. Unlike S. Askoldov-Alexeev, the scholar supposes that "concept exists not for the word itself, but ... for each main (dictionary) meaning of the word separately" [3, 5]. D. Likhachev suggests that a concept should be considered as "algebraic expression of meaning" which we use in written or oral speech, because a person can't realize the meaning "in all its complexity ... and sometimes even interprets it in his own way" [3, 5]. Such interpretation may become significant in media discourse. That is why studying the concept sphere of media discourse enables to draw a conclusion as for the mental models of reality which are depicted in the language in general as well as in native speakers' consciousness.

The concept sphere of any discourse consists of separate concepts functioning in this particular discourse. The definitions of "concept" vary depending on the field of study (linguistic, philosophy, philology, cognitive science, etc.). Analyzing media discourse, it seems quite reasonable to appeal to cognitive science and its interpretation of "concept". Ye. Kubryakova states that "concept" is a unit of cognitive activity which is in constant motion [2]. Examining the field structure of "concept", Z. Popova and I. Sternin assert that "concept" is a combination of cognitive signs and cognitive classifiers, and is the unity of image, information contents and interpretative field [4]. Differentiating the terms "notion" (*conceptus*) and "concept" (*conceptum*), N. Alefirenko defines "concept" as a cognitive image which possesses a rather wide structural range: "from general visual images to logical notions; from superficial to deep layers of sense coding (with various degree of its explication)" [1, 60]. Thus, as a unit of cognitive scope, "concept" represents the result of person's cognitive activity and defines the attitude of the person's consciousness to the particular object, phenomenon or event.

Concept "war" is basic for war media discourse. The following are the definitions of the word "war" represented in dictionaries:

- 1) Organized armed fighting between countries, social classes, etc.; the state of hostility; quarrel [5].
- 2) A conflict carried on by force of arms, as between nations or between parties within a nation; warfare, as by land, sea, or air; a state or period of armed hostility or active military operations; active hostility or contention; conflict; contest; aggressive business conflict, as through severe price cutting in the same industry or any other means of undermining competitors; a struggle to achieve a goal [6].
- 3) Fighting, using soldiers and weapons, between two or more countries, or two or more groups inside a country; competing — when two or more groups are trying to be more successful than each other; an attempt to stop something bad or illegal [7].
- 4) Armed fighting between countries, peoples, etc. or social groups inside the country; fighting for one's aim by means of economic, political, etc. influence on somebody or something; unfriendly or hostile attitude to something; actions aimed at annihilation of something [8].

Thus, semantic meaning of "war" is much wider than just warfare involving soldiers and weapons. Analyzing the concept "war", one has to take into account different methods of psychological and informational wars which are widely spread, especially in media discourse.

Such variety of semantic meanings makes it possible to pick out lexical-semantic constituents of the concept "war". In British war media discourse the semantic of the concept "war" includes the constituents which define different level of problem's tragic nature and gravity. The most representative concepts are as follows: protest, crisis, threat, and conflict.

My analysis of British war media discourse showed that typical for the given concepts are their combinations with the following descriptions:

- 1) protest — "anti-government, sprawling, the largest/the biggest, massive, pro-European";
- 2) crisis — "deep, internal, economic";
- 3) threat — "security, raw physical, world";
- 4) conflict — "messy, crippling, current, military".

The given descriptions, together with the corresponding concepts, represent and estimate the political situation which appears in the center of the discourse. To the semantic-associative structure of the concepts I can attribute the following:

- 1) "the protest movement", "the centre of protests", "the headquarters of the protest movement", "protesters";
- 2) "Ukraine crisis", "the crisis that followed last March's annexation of Crimea", "to resolve crisis", "in the eurozone crisis", "deepening crisis", "immediate causes of the crises", "at the core of the crisis";
- 3) "the threat to immediate futures", "the threat of a definite clash to wipe out the world", "the threat of violence";
- 4) "the conflict went global", "the conflict carried on with fighting", "the conflict drags on".

Thus, concept “war” gains contextual specification due to its constituents as “the actions, which publicly demonstrate the disagreement of people with a certain action or situation, an extremely difficult or dangerous point in a situation, a suggestion

that some violent actions will be undertaken if a particular thing is not followed, fighting for the idea”. It can be judged that in British war media discourse, with the aggravation of a conflict situation the concept “war” is made of more and more tragic constituents.

References:

1. Алефиренко Н. Методологические основания исследования проблемы вербализации концепта. // Вестник ВГУ. Серия гуманитарные науки. – 2004. – № 2. – С. 60–66.
2. Кубрякова Е. С. Языковая картина мира как особый способ репрезентации образа мира в сознании человека. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. – 2003. – № 4 (38). – С. 2–12.
3. Лихачов Д. С. Концептосфера русского языка. // Изв. АН. Серия литературы и языка. – Т. 52., № 1. – 1993. – С. 3–9.
4. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж, 1999.
5. Академический толковый словарь английского языка // [Electronic resource]. – Available from: <http://sum.in.ua/s/vijna>
6. Dictionary.com // [Electronic resource]. – Available from: <http://dictionary.reference.com/browse/war>
7. Cambridge Dictionaries Online // [Electronic resource]. – Available from: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english-russian/war>
8. Справочно-информационный портал gramota.ru // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?word=%E2%EE%E9%ED%E0&all=x>

Section 3. History

*Burda Vladislav Yurievich,
Taras Shevchenko National University of Kyiv,
postgraduate student, the Faculty of History
E-mail: vlad.home.1990@gmail.com*

Reports authorities during election campaigns in Ukraine in the 1920s

Abstract: The article is devoted to reports of local authorities in the context of the electoral process in the Ukrainian Soviet Socialist Republic in the 1920s. It identifies the main theme of the critical speeches of the population during their discussion.

Keywords: Ukrainian Soviet Socialist Republic, the Communist Party, local soviets, reports.

*Бурда Владислав Юрьевич,
Киевский национальный университет
имени Тараса Шевченко, аспирант,
исторический факультет
E-mail: vlad.home.1990@gmail.com*

Отчеты органов власти во время избирательных кампаний в Украине в 1920-е годы

Аннотация: В статье рассматриваются отчетные доклады местных органов власти в контексте избирательного процесса в Украинской Социалистической Советской Республике в 1920-е годы. Определяется основная тематика критических выступлений населения во время их обсуждения.

Ключевые слова: Украинская Социалистическая Советская Республика, коммунистическая партия, местные советы, отчеты.

В 1920-х годах большевики в Украине осуществляли комплекс мер, направленный на формирование в обществе образа «народного» характера своей власти. В связи с этим особое внимание уделялось проведению избирательных кампаний в местные советы. Ежегодные перевыборы органов власти использовались как важный элемент коммунистической пропаганды и должны были способствовать установлению связи между населением и государственными структурами. С этой целью во время избирательных кампаний практиковалось заслушивание докладов местных органов власти. Таким образом, акцентируя внимание избирателей на достижениях советской власти, большевики пытались доказать населению эффективность своей внутренней и внешней политики.

В первой половине 1920-х годов доклады органов власти включались в повестку дня избирательных сходов. На такой порядок их работы, в частности, нацеливал Президиум Всеукраинского центрального исполнительного комитета, который рекомендовал на сельских собраниях избирателей ставить отчеты председателя сельсовета, районного исполнительного комитета, а в особо крупных селах — и окружного [1; 2].

Но в 1925 г. советским руководством такая практика была признана ошибочной. Согласно исследованиям Всеукраинской Центральной избирательной комиссии включение отчетов органов власти в порядок работы избирательных сходов приводило к их чрезмерной растянутости. В результате многие избиратели преждевременно покидали избирательные участки, не дождавшись самого момента голосования [2, 242]. Кроме того, обсуждение докладов часто превращалось в критику власти и, естественно, влияло на позицию избирателей во время голосования.

Начиная с избирательной кампании 1925/1926 гг. отчеты органов власти проводились по новому — на протяжении месяца непосредственно перед самими выборами. Разделение отчетных и избирательных собраний давало возможность заранее локализовать протестно настроенные группы избирателей и минимизировать их влияние на результат выборов. Отдельно делались доклады низовых советов (сельских и городских), районных и окружных исполнительных комитетов, которые с целью охватить как можно большее количество населения они производились по избирательным участкам одного населенного пункта. Так, во время отчетной кампании 1925 г. по данным 19 округов

на 10 сел в среднем припадало 18 отчетов сельсоветов, 8 — районных исполкомов и 1 — окружного [4, 17].

Посещаемость отчетных собраний в среднем была на 20 % меньше явки избирателей на выборы, хотя с каждым годом она увеличивалась. Если в 1926 г. в сельской местности на них явилось в среднем 30,5 % избирателей, то в 1928 г. уже 42,3 % [5, 34]. В городах этот показатель был несколько выше и колебался в районе 50 % [6, 34]. Относительно невысокая посещаемость отчетных собраний объяснялось как объективными причинами (плохая погода, отсутствие просторных помещений), так и часто низким уровнем подготовки докладчиков, нежеланием населения тратить свободное время на выслушивание формальных докладов («все равно все останется на бумаге, по-нашему ничего не будет, так что нечего туда и идти») [4, 12], почти полным отсутствием на них женщин и значительной консервативностью сельского населения.

Низкая явка женщин была, в основном, вызвана нежеланием мужского населения допускать их к участию в общественной жизни. Центризбиркомом в 1926 г. повсеместно отмечались факты, когда за приход на собрание мужчины угрожали побить женщин или выгнать их из дому [4, 21]. В 1926 г. участие в отчетной кампании взяли лишь 9 % женского населения, в 1928 — 20 % [5, 34]. Также консервативные взгляды сельского населения проявлялись и отправке на собрание одного представителя от двора [4, 19].

Неравномерной была явка и разных социальных групп, как в селе, так и в городе. В сельской местности наибольшей активностью отмечалась беднота и середняки, а самыми пассивными были наемные сельскохозяйственные рабочие.

В городах уровень посещаемости отчетных собраний также колебался по разным группам населения. По данным информационного отдела ЦК КП (б)У в 1925 г. явка членов производственных профсоюзов составила 65–80 %, непроизводственных — 25–40 %, а неорганизованного населения — 10–30 % [6, 36].

При этом избирательные комиссии постоянно обращали внимание на высокую активность граждан, пришедших на отчетные собрания. Центризбирком отмечал, что в среднем на один доклад приходилось до 20 вопросов и выступлений мест. В обсуждение в среднем брало до 10 % участников собрания. Так, в 1926 г. в Мариуполе в дискуссии по докладу горсовета взяло участие 1374 человека (5,7 % присутствующих), в Полтаве — 803 (7,2 %) [7, 84–84].

При обсуждении отчетов наибольший интерес вызывали вопросы, связанные с насущными потребностями населения: улучшение бытовых условий, расширение сети школ и больниц, борьба с бюрократизмом в соворганах, улучшение работы советов, борьба с хулиганством и грабежами. Местные избирательные комиссии, которые курировали отчетную кампанию, отмечали, что в большинстве случаев обсуждение докладов происходило оживленно с деловой критикой [8, 99].

Рядом с тем значительная часть выступлений граждан имела протестный характер. В сельской местности, в первую

очередь, это выражалось в требованиях уменьшения налогового бремени и его равномерного распределения между всеми слоями крестьянства. На этой почве распространенными были выступления, в которых осуждалась чрезмерная поддержка государством бедноты, предоставление ей налоговых льгот и покровительство комитетам незаможных селян. Это выливалось в вопросы «кто дал больше пользы стране — бедняк или середняк» [5, 35] и высказываниях, что «соввасть заботится только о голодранцах» [4, 17].

Темой, которая постоянно поднималась во время обсуждения отчетов, было и несоответствие материального положения крестьян и рабочих. В Украине, где сельское население значительно превышало городское, предоставление существенных преференций пролетариату вызывало среди крестьян справедливое возмущение. В первую очередь это касалось законодательного нормирования длительности рабочего дня для рабочих, лучшего обеспечения товарами повседневного спроса, большей доступностью медицинской помощи в городах. Часто на отчетных собраниях звучали требования «снизить зарплату, увеличить рабочий день рабочим и служащим», «обратить все внимание соввласти на село», «одинаково с рабочими обложить налогами». Популярными также были требования забрать землю у заводов и распределить ее между крестьянами [4, 20].

В городах большинство критических выступлений было связано недочетами действующей власти в решение жилищной проблемы, обеспечения продуктами питания и вообще слабой эффективностью местных органов власти. Например, в 1928 г. на отчетном собрании в Днепропетровске один рабочий заявил: «Нам нужен хлеб, а не дом культуры. Едят ли главковерхи такой хлеб, как рабочие, с ячменя и кукурузы. Сейчас рабочий ест, как скотина» [7, 20].

По сравнению с экономическими и бытовыми, требования политического характера звучали значительно реже. Чаще всего их высказывали представители зажиточного крестьянства, лишенцы (лица, лишённые избирательных прав) и исключенные из партии. Больше всего они критиковали избирательное законодательство. Особенно это касалось положений, которые ограничивали круг лиц, пользующихся правом голоса. Протесты против такой политики значительно усилились после издания 18 декабря 1926 г. новой избирательной инструкции, которая значительно расширила круг лишенцев [9, 1389–1395]. По сравнению с прошлым годом их количество возросло с 1,4 % до 4,6 % от общего числа населения, старше 18 лет [10, 67]. Так, например, норма, которая предполагала лишение права голоса лиц, которые используют наемный труд при использовании сельскохозяйственных машин (молотилок, сеялок, мельниц), оценивалась их владельцами как мера направленная против интенсификации и механизации села. На отчетных собраниях звучали требования, чтобы избирательных прав лишал сельской сход, а не избирательная комиссия [4, 19].

Распространенными были требования сравнения в политических правах крестьянства и рабочих, их пропорционального представительства в государственных органах.

В наиболее радикальной форме они находили выражение в заявлениях о необходимости превращения государства из «рабоче-крестьянского» в «крестьянско-рабочее» путем наделения законодательными функциями беспартийных селянских конференций [4, 20].

Подвергался критике и активно пропагандируемый коммунистической партией тезис о «советской демократии». Местами на отчетных собраниях участники дискуссий отмечали безальтернативность избирательного процесса и засилье партийцев во всех государственных учреждениях. Например, в Конотопе один служащий заявил, что «Выборы проводятся только для виду, потому что на все ответственные должности уже назначены коммунисты. Разговоры о демократии — одни красивые слова, а на деле в СССР еще хуже, чем в буржуазных государствах» [7, 21].

Количество критических выступлений возросло в конце 1920-х годов. Свертывание новой экономической политики, провозглашение курса на индустриализацию, борьба с любыми проявлениями инакомыслия находили свое отображение на отчетных собраниях. Усиления внимания к развитию промышленности расценивалось крестьянством, как отказ государства решать насущные проблемы сельского населения: «Строят за 300 млрд. Днепрогэс и 19 этажные дома в Харькове, а у нас ничего нет, хоть берут все». Недовольство новым экономическим курсом местами проявлялось и в среде пролетариата, что

было связано с отсутствием существенного прогресса в улучшение бытовых условий жизни при одновременном выделении значительных средств на строительство новых предприятий. Так, при обсуждении доклада горсовета в Днепропетровске на заводе им. Дзержинского один рабочий заявил, что «надо сначала дать хорошую квартиру, одежду и сытную пищу, а потом говорить по поводу индустриализации» [7, 20].

В некоторых случаях даже звучали слова о поддержке «правого уклона» в партии, с представителями которого ассоциировалось продолжение новой экономической политики. Так, в одном из сел Яблунковского района Прилуцкого округа в 1928 г. крестьяне выступили с заявлением, что «будем иметь возможность жить и хозяйствовать тогда, когда успех одержит правый уклон» [11, 36].

Но, несмотря на довольно значительное количество критических замечаний, выступления против власти большевистской партии были единичными, а популярный еще в начале 1920-х годов лозунг «советы без коммунистов», начиная с середины десятилетия, фактически уже не поднимался. В основном населением выдвигались требования экономического характера и улучшения бытовых условий жизни. При этом сам факт докладов органов власти о своей работе и возможность их критической оценки создавали иллюзию подотчетности государственных структур простым гражданам.

Список литературы:

1. ЦДАВОУ. – Ф. 2. – Оп. 3. – Д. 175.
2. ЦДАВОУ. – Ф. 1. – Оп. 2. – Д. 1754.
3. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 2222.
4. ЦДАВОУ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 2382.
5. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 3018.
6. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 2543.
7. ЦДАВОУ. – Ф. 1. – Оп. 4. – Д. 1111.
8. Гонтар А. В. Городские Советы Украины. / А. В. Гонтар. – К.-Одесса, 1990.
9. ЗУ УСРР. – 1926. – №. 79. – С. 1389–1395.
10. ЦДАВОУ. – Ф. 1. – Оп. 3. – Д. 522.
11. ЦДАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 20. – Д. 3011.

*Dryakhlov Vladimir Nikolaevich,
Volgo-Vyatsky Institute (Branch) of Moscow State Law University
named after O. E. Kutafin, Associate Professor,
the Department of Theory and History of State and Law
E-mail: vdryakhloff@mail.ru*

The pagan sacrifice in the "Lex Salica"

Abstract: Information from the "Lex Salica" is analyzed as an evidence of the existence of the pagan cult. It shows us some stages in the disintegration of the pagan rituals among the Salian Franks.

Keywords: "Lex Salica", paganism, sacrificial cattle, pagan sacrifice.

The Salian Franks were defeated by the Roman Emperor Julianus (355–363) and were settled as the conquered and

dependent population in the north of Gaul. This place was named "Toxandria" and was situated somewhere on the left

bank of the Lower Rhine [1, XVII, 8.3]. At the end of the IV – the beginning of the V centuries A.D. the Salians became Roman allies (*foederati*). They kept their previous tribal pagan beliefs and rituals, which had not got under the Christian influence.

The King of the Salian Franks Chlodowech (481–511) adopted Christianity, which is dating approximately between 496–508 A.D. [12, 30]. In the last years of his ruling the “Lex Salica” was set up [3, 29]. It was the record of juridical norms of the Salians. The original text of the “Lex Salica”, which reflected everyday Frankish life of earlier times just before the conversion of Chlodowech, was lost. But the later text kept some fragmentary evidence about the pagan rituals. This information became available and was included into the reader on the history of the Early German religion [4, 18–20].

It is obvious that the conversion of the Salian Franks into Christianity during the reign of Chlodowech was very limited in number. The majority of the Franks remained pagans [7, 192, 112; 10, 64–65].

One of the most perfect examples of the existence of pagan rituals among the Salians at the beginning of the VI century A.D. is the reference to the boar prepared to pagan sacrifice in Chapter II of the “Lex Salica”: “If anybody steals a sacred boar (*maiale votivo*) and the fact that it was initiated may be proved by witnesses (*testibus*), so he will be sentenced to pay 700 denars, which makes 17, 5 solids” [9, II, 12]. The penalty for a theft of a simple boar was 15 solids [9, II, 14].

The ritual of offering sacrifice was very important in the life of the Celts and the Germans [2, 67–68]. On the basis of the information from the Roman historian Tacitus (died circa 120 A.D.) and modern archeological investigations we know that since olden times the Germans sacrificed their domestic animals to the deities [11, 254; 13, IX]. While speaking about the pagan manifestation among the Salian Franks, Gregor of Tours (538–594) mentioned the ceremony of offering sacrifices: “This tribe was always devoted to the paganism; they ... made the images of the woods, waters, birds and animals and worshipped them as gods and sacrificed for them” [*sacrificium delibare consueti* – 6, II, 27]. The reference to the sacred boar in the “Lex Salica” is usually used as the indisputable fact of existence of some pagan rituals among the Franks [8, 197; 19, 259].

The paganism of the Franks and other German tribes wasn't invariable during the Great Migration. J.-M. Wallace-Hadrill recognized that the Frankish paganism had changed greatly and included some details from the beliefs of the Celts, Anglo-Saxons, Frisians and other tribes [18, 17–18]. The main problem of our article is whether the “Lex Salica” can be used as a source of information on the evolution of the paganism among the Salians.

First of all we should discuss the issue what kind of sacrifice is reflected in the “Lex Salica”? The article about the theft of a boar is significant by its reference to witnesses (*testibus*), who can confirm the sacrificial destiny of the stolen animal. Who were these witnesses? In this case their confession is not very important; they could be Christians or pagans. How

could they know about the sacrificial boar and the forthcoming sacrifice? It seems that these witnesses were not afraid to give evidence and were not afraid to show their sympathy for the pagan ritual in such a way.

Pagan beliefs and rituals of the German tribes were closely connected with their tribal forms of living and rural economy. By the end of the Vth century A.D. the Salian Franks had migrated from Toxandria in different directions and were governed by several kings. The Salian Franks disintegrated into separate local tribal groups. The disintegration of the tribe made it difficult to keep common tribal pagan holidays and rituals as it had taken place just before the Great Migration. Moreover, the migration to Gallia broke all connections with the native sacred groves and forests across the Rhine where the Germans usually kept their pagan festivals and sacrifices.

The common tribal holidays disintegrated little by little. But the Franks preserved the group forms of the pagan rituals, which were practiced in the frameworks of patriarchal households, among the dwellers of farmsteads and small villages, among the groups of warriors. At the beginning of the VIth century A.D. the Salian Franks lived in small villages and farmsteads: this conclusion can be drawn on the basis of the data on the size of the herds of cows, horses and pigs [5, 74–75].

The sacrifice of domestic animals usually took place under the open sky. A group of people — family members and relatives of the person who made the sacrifice, his village neighbors — always watched the act of sacrifice. The ritual of sacrifice was simple and it could be performed not only by the pagan priests, but, according to the story of Tacitus, by patriarchs of the family (*pater familias*) as well [13, X].

Was the sacrifice in the “Lex Salica” in private or public interests? The reference to witnesses allows us to conclude that quite a wide range of people knew about the forthcoming sacrifice.

Hypothetically, only the head of the boar was used as a sacrifice. It is obvious from the letter of the Pope Gregory I to the Queen Brunchilda in 597 A.D. Gregory demanded that the Franks should never make “the blasphemous sacrifices of the animals' heads” [*animalium capitibus sacrificia* — 4, 30]. So the participants of the sacrifice ceremony ate the remaining portion of the corpse.

One can suppose that higher value of an initiated boar in comparison with an ordinary animal can be explained by its sacred mission. The stolen animal could have been raised just for the sacrifice. In case of theft the stolen boar could be replaced by another animal, but this fact broke the solemnity of preparing and keeping the ritual.

The forthcoming sacrifice of the boar may have had a public character and was performed in the interests of the all dwellers of the farmstead or village. Such local sacrifices usually took place during the seasonal agricultural festivals devoted, for example, to the completion of rural field works in autumn. So there always were people in the village, who knew about the forthcoming sacrifice.

The first stage of disintegration of the pagan beliefs among the Franks began from the moment of their settling in the Roman

Empire. It lasted till the Franks maintained mass folkmoths of all free men and warriors. As we know, in earlier times these folkmoths had been headed by pagan priests [13, XI]. So we may suppose that some pagan rituals were held at the beginning or at the end of these tribal folkmoths. The folkmoths were still kept among the Salian Franks in the beginning of Chlodowech's ruling. But gradually the folkmoths of the whole tribe were replaced by the assembly of the king with his personal band of men, junior military commanders, counsellors and assistants. So mass tribal folkmoths and mass pagan rituals became extinct. This stage of disintegration of the paganism ended with the conversion of Chlodowech into Christianity at the edge of the V–VI centuries A. D.

In the course of migration and settling on the new lands the tribal pagan societies which were commonly found among the Germans before the Great Migration fell into small pagan units — groups of patriarchal families, farmsteads and villages.

On the second stage of disintegration of the paganism pagan festivals and rituals held in these thin pagan groups got great significance. The dwellers of these small villages were connected together by their cognate and neighbouring relations and cooperative use of their lands. These people arranged their local pagan festivals.

The words of the biographer of Landibert (died between 698–701 A. D.), Bishop of Maastricht, about the people's life in the valleys of Shelda and Maas, convince us of this conclusion. He wrote: "The dwellers of this region didn't make up any urban districts (*civitatus*), but they lived in numerous villages scattered around here and there, where they arranged their frequent and numerous pagan gatherings to worship their gods" [15, IX].

Later clerics and missionaries faced these local pagan festivals and sacrifices. Thus, Vedastus (died *circa* 540 A. D.), Bishop of Arras, saw the preparation of the ritual of sacred spilling of beer in the private feast [17, VII]. Paternus (died *circa* 565 A. D.), Bishop of Coutances, saw the sacrifice of meat at a peasants' festival [16, 427]. An Irish monk and preacher Columbanus (died 615 A. D.) met a small group of Alemanns, who made sacrifice of beer in the honour of Wodan [14, II, 53].

The second stage was lasted till the times when local sanctuaries near the villages and local pagan festivals were preserved. The article from the "Lex Salica" about the sacred boar shows us this particular period in the destruction of the paganism in Gallia. So the existence of pagan beliefs and rituals in small groups of peasants didn't worry the first Merovingian kings, who recognised the high value of a sacrificial boar.

References:

1. Ammianus Marcellinus. Works. With an English translation by J. C. Rolfe. – London: Heinemann, 1950. – Vol. 1.
2. Davidson H. R. E. Myths and symbols in pagan Europe. Scandinavian and Celtic religions. – Syracuse: Syracuse University press, 1988.
3. Drew K. F. The Laws of the Salian Franks. – Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1991.
4. Fontes historiae religionis germanicae. Hrsg. von K. Klemen. – Berlin: Walter de Gruyter, 1928.
5. Gratsiansky N. P. K tolkovaniu termina "villa" v "Salicheskoy Pravde". // Srednie veka. – 1946. – T. 1. – P. 73–81.
6. Gregorii Episcopi Turonensis Libri Historiarum X. // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. – Hannover, 1951. – T. I., Pars 1. – P. 1–538.
7. Hauck A. Kirchengeschichte Deutschlands. – Berlin: Walter de Gruyter, 1952. – Bd. 1.
8. Helm K. Altgermanische Religionsgeschichte. Zweiter Band. Die Nachrömische Zeit. Teil II. Die Westgermanen. – Heidelberg, Carl Winter– Universitätverlag, 1953.
9. Lex Salica. Latin text with a Russian translation by N. P. Gratsiansky. Ed. by V. F. Sokolov. – Moscow, 1950.
10. Schaferdiek K. German and Celtic Christianity. // Cambridge History of Christianity. Ed. by A. Casiday and F. W. Norris. – Cambridge: Cambridge University press, 2008. – Vol. 2. – P. 52–69.
11. Seyer R. Kult und Ideologie. // Die Germanen. Geschichte und Kultur der germanischen Stämme in Mitteleuropa. – Berlin: Akademie Verlag, 1983. – Bd. 2. – S. 248–279.
12. Shanzer D. Dating the baptism of Clovis: the bishop of Vienne vs bishop of Tour. // Early Medieval Europe. – 1997. – 7 (1). – P. 29–57.
13. P. Cornelius Tacitus. De origine et situ Germanorum. Ed. E. Fehrlé, R. Hünnerkopf. – Heidelberg: Carl Winter, 1959.
14. Vita Columbani auctore Iona. // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. – Hannover–Leipzig, 1882. – T. IV. – P. 64–108.
15. Vita Landiberti auctore Nicolao. // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. – Hannover–Leipzig, 1913. – T. VI. – P. 407–429.
16. Vita Paterni auctore Fortunato. // Acta Sanctorum Aprilis T. 2. Venetia, 1738. – P. 427–429.
17. Vita Vedastis auctore Alcuino. // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum merovingicarum. – Hannover, 1896. – T. III. – P. 414–427.
18. Wallace-Hadrill J.-M. The Frankish Church. – Oxford: Clarendon press, 1985.
19. Wood J. Pagan religions and superstitions east of the Rhine from the fifth to the ninth century. // After Empire. Towards an ethnology of Europe's barbarians. Ed. G. Ausenda. – San Marino: Boydell press, 2002. – P. 253–279.

*Gadzhimuradov Murad Tagirovich,
Dagestan State University, Russian Federation,
Assistant Professor, Department of Russian History,
Candidate of science (History)
E-mail: murad-docent@mail.ru*

*Aligadzhieva Nuriyat Umakhanovna,
Dagestan State University (Branch in Izberbash),
Senior lecturer, Department of General Subjects
E-mail: elpeli@rambler.ru*

Tactics and armament of the Russian troops in the capture of Derbent fortress in 1796

Abstract: The article describes the composition and armament of the Russian Imperial Army during a campaign to the South Caucasus in 1796, and analyzes the tactics of the combat operations during the capture of the heavily fortified Derbent fortress.

Keywords: Russian Imperial Army, war, Caucasus, Derbent, artillery, grenadiers, jaeger, storm the fortress.

During the reign of Catherine II the Russian Empire had grown into one of the strongest powers of the time, able to solve almost any foreign policy objectives. Powerful army and the galaxy of brilliant generals led to huge territorial gains in the south and west, and let Russia stand firm foot on the Black Sea. Catherine's army alternately defeated its opponents — the Ottoman Empire and the Polish-Lithuanian Commonwealth, and as a result, Crimea, Western Ukraine and Western Belorussia, Kurland, Azov steppes, Kabarda and a number of other areas became Russian territories.

Along with the other directions of foreign policy, the government of Catherine II made its efforts to master the flanks of the Greater Caucasus — the Eastern Black Sea region and the Western Pre-Caspian region. In the beginning of the XVIII century Peter I drafted the paving an international transit trade route from India through Iran then the Caspian Sea and along the Volga route to the White Sea and beyond [3, 56]. In these plans an important place was given to the western coast of the Caspian Sea the ports of which in the long run should become a transshipment base for merchant boats.

An impressive victory of the Russian army over the Ottoman Empire, which considered itself a "master" of the Caucasus, contributed the implementation of these ambitious plans. The victory over the head of the Sunni world, the Turkish Sultan, made an indelible impression on the highlanders of the Northern Caucasus and raised greatly the prestige of Russia in their eyes. After the approval of the Russian protectorate over the Kingdom of Kartli-Kakheti in 1783, Dagestani feudal lords alternately began to contact St. Petersburg for the patronage, seeing in that some economic and political benefits. Among them were some influential khans including Fet-Ali-Khan of Derbent, Umma-Khan Avarian, Mohammed-Khan of Kyura, Surkhay-Khan of Ghazikumukh [15, 45], Mohammed-Shamhal of Tarki [5, 1].

These events seriously alarmed the Iranian Shah Agha Mohammad Khan Qajar who nurtured his own plans for

subordinating the southern and eastern Caucasus to his authority. In the spring of 1795 his 60,000-strong army struck the Kingdom of Kartli-Kakheti and started a severe pogrom as a punishment for the pro-Russian position of Irakli II. Tens of thousands of Georgians were killed in the massacre, and twenty-five thousand were driven into slavery [6, 131].

Agha Mohammad Khan Qajar's challenge was accepted by Catherine II without any hesitation. Russian literary and political magazine "Herald of Europe", which was published twelve years after the events described, not impartially informs the following: "The news about this incident prompted Empress Catherine's anger. Great Empress determined to avenge the insult inflicted on Her Majesty in the face of the Ruler She patronized. It seemed that the time had come to humiliate the arrogant Persian, and to pave a new path for the communication between India and Europe" [17, 154].

Catherine II ordered the head of the Military Collegium Count Nikolai Saltykov to prepare an immediate campaign in the South Caucasus. Delay was impossible because there was a real threat of the capture by Agha Mohammad Khan a key point for the entire Caucasus, which certainly was Derbent, at all times represented a kind of "gateway" from Asia to Europe. In addition hitherto loyal to Russia the ruler Sheikh-Ali-Khan of Derbent began to vacillate in his political orientation, having found himself in a very difficult situation — from the north powerful Russia pressed on him, from the south Agha Mohammed Khan threatened to ruin the land if he did not recognize his power. In the end, fearing the fate of Tbilisi, Sheikh-Ali-Khan of Derbent defected to Agha Mohammad Khan. The Commander of the Caucasian line of General-in-Chief Count Ivan Gudovich reported to St. Petersburg that the ruler of Derbent "already having his envoy at the Imperial Court, having betrayed, went over to the side of Agha Mohammad Khan" [18, 70].

Sent to Derbent in December 1795 Major-General Saveliev's four battalions were forced to go back to Kizlyar

with nothing [3: 63, 106, 115]. The eyewitness of the events General Bakunin's wife Varvara Bakunina who were with her husband during the Persian campaign in 1796 wrote later in her memoirs that "Sheikh-Ali-Khan was so rude that he ordered to lock it (*gate*) in Russians' face" [13, 347].

And then it was decided to speed up preparations for the march. According to the plan, it was supposed to take Derbent by forced march from Kizlyar, afterwards having moved further south to reach the Kura River and to gain a foothold on its shores.

From January to April there was a scrupulous preparation for the march — the troops were moving up, the purveyance was procured, Rear Admiral Fyodorov's ships of the Caspian Flotilla approached to the mouth of the Terek River [18, 71]. There were twelve ships in total [3, 85]. Gathered in Kizlyar 30,000-strong Expeditionary Corps was composed of "the Caucasian Grenadier Regiment, two Musketeer Regiments, one Jaeger Corps, 30 squadrons of dragoons, 3,000 men of the best light troops, 33 guns and 20 pontoons" [16, 24].

On April 10th Lieutenant-General V. Zubov's Expeditionary Corps moved southward with a specific goal — to take Derbent by storm and dislodge the Persian troops of Agha Mohammad Khan behind the Kura River. At the same time 8,000-strong detachment of General Gudovich moved to Georgia. He was tasked not only to protect the Kingdom of Kartli-Kakheti from the repeated invasions of Iranian troops, but in the case of motion of Agha Mohammad Khan's army to Derbent, hit him in the rear, cutting way for supplying the troops. Thus was supposed to take the military initiative from Iran.

In this campaign V. Zubov's troops were divided into four brigades: the 1st Infantry Brigade under the command of General Bulgakov, the 2nd Infantry Brigade of General Rimsky-Korsakov, the 1st Cavalry Brigade under the command of General Count Bennigsen, the 2nd Cavalry Brigade of General Apraksin [14, 138].

As for the types of the troops that took part in that expedition and the nature of their armament, then we should say that the core of the army was consisted of the most capable at the time Grenadier units, which were a striking force of the Russian infantry. Armed with the rifles with a fixed bayonet and sabers, grenadiers were excellent attack and defense warriors, they were specially trained melee fighters, masters of storming the fortified fortresses. Grenadiers wore red epaulets which were considered to be a hallmark of the elite units [9, 121].

The Musketeers were linear infantry. They were armed almost the same way as grenadiers with smoothbore gun with a bayonet attached.

Light infantry of the Expeditionary Corps was represented by jaegers. As a rule in European armies of that time jaegers were the best riflemen, usually not tall and able to move quickly over rough terrain. They were used as snipers, scouts, patrol men or cavalry support. In contrast to the grenadiers and musketeers, the jaegers were not often used in close

combat. Jaeger's rifles had greater range and accuracy, so they could deliver aimed fire at long distances [1, 36].

The cavalry in this campaign numbered 30 squadrons of dragoons, the total number of which was about 4 thousand riders. They had almost the same weapon as that of the grenadiers, with a small pike in addition [12, 152].

Referred to in historical literature as "3,000 men of the best light troops" apparently were Cossacks and hussars.

The artillery should be also touched on, because it is always a determining factor in choosing combat tactics. Russian troops in this campaign were armed with 33 artillery guns [16, 24]. As to the nature of these weapons, in Issue 27 1827 of "Russian History" magazine in the article about Zubov's campaign "heavy guns" and "mortars" are mentioned to be under the walls of Derbent [6, 147]. Presumably, under the "heavy guns" it is understood the 12-pounder field guns and howitzers — "licornes", invented by Count Shuvalov, because they were the weapon that the Russian army had in Catherine's era.

It should be noted that the licornes were being produced of various calibers — mostly 8-and 12-pounder, more rarely 24- and 48-pounder. Licornes were able to fire the solid shot weighing up to 40 kg., as well as the bursting shell and the buckshot. It was a very effective weapon of siege and battlefield, which had enormous destructive power and the ability to fire at high elevation angle [8, 36]. Thus, Zubov evidently used them at Derbent for firing urban neighborhoods over the fortress walls. The licornes of a smaller caliber would be less effective, but the ones of a larger caliber were difficult for transporting over rough terrain, thus, 12-pounder licornes were used.

Mortars had a shorter barrel and usually a less caliber and were applied for high-angle fire [3, 95].

Russian troops were to capture the city fortified with heavy stonewalls, rather large at the time, a trade and craft center of the Eastern Caucasus. In Derbent there were 2,189 houses, 450 shops and 6 caravanserais, 30 factories producing silk, 113 paper mills, more than 50 craft workshops, 15 mosques, a mint, etc. [2, 137]. All of this suggests Derbent was a crowded city. It gathered merchants not only from the Caucasus, but also from Russia and the Middle East.

To defend the city Sheikh-Ali-Khan managed to gather 10,000-strong army. Reinforcements were sent to him by Dagestani feudal lords Surkhay-Khan II of Gazikumukh [11, 104–107], Qadi of Akusha-Dargo and Ali-Sultan of Jengutai [10, 225]. His appeals to other khans of Dagestan and to the Sultan of the Ottoman Empire remained unanswered: they chose neutrality. Agha Mohammed Khan even left the South Caucasus, having retreated within his own country, though he had promised to put up 100,000-strong army against the Russians [3, 95]. It can be assumed that the Shah simply was just afraid of the open confrontation with the powerful Russia, whose army gained a victory over the Ottoman Empire.

Sheikh-Ali-Khan was armed with a few small cannons and falconets weighing about 250 kg. and with a bore diameter

of about 50 mm. Actually, as E. I. Kozubski wrote, these cannons caused virtually no harm [10, 231].

Sheikh-Ali-Khan had been intensively preparing for defense for several months — moving troops up, fortifying the gate, filling it up with stones from the inside, delivering ammunition and food to the city. In a couple of hundred meters from the north wall he built another, the third stone tower, that allowed to keep under rifle fire the approaches to the city walls. The round tower contained four floors, it was 3 fathoms (4 m.) high and 4 fathoms (5.3 meters) in diameter, the walls were 2 yards (70 cm.) thick [10, 226]. Between the towers and walls, the trench was dug. It was occupied by Sheikh-Ali-Khan's riflemen, whose task was not to allow the enemy to come up to the tower.

On May 2nd, 1795 the Russian troops were under the ancient walls of Derbent ready for the storming. Command Headquarters decided to block the city from all sides, so as to eliminate the possibility of receiving reinforcements from outside and possible retreat in the case of the successful development of the attack.

Caspian Flotilla blockaded the city from the sea, and General Bulgakov with a unit of the troops consisting of 7 battalions, 4 companies of grenadiers and 6 artillery guns carried out a turning movement to go around the city from the flank along the upland in order to attack the southern walls [6, 140–141]. During the march General Bulgakov's battalions were suddenly attacked by highlanders. But not distracted by the response, Bulgakov hurried out to the plain, and blockaded the southern wall of Derbent. On the north from the sea to the mountains at a distance of 4 km. the brigades of General Bennigsen, General Saveliev and General Rimsky-Korsakov stretched.

On May 4th Zubov ordered Colonel V. Krivtsov and a battalion of infantry and two companies of grenadiers to seize one of the towers, which made it impossible to approach the city walls, and to set a battery there. However, the desperately resisted defenders of the tower did not allow capturing it. The storming ended for attackers with a loss of 25 killed and 72 wounded, including Colonel Krivtsov and Major Veryovkin who suffered serious wounds. The direct fire with 12-pounder cannon also caused no harm either to the tower or to the city walls. Bulgakov's attempt to seize the southern gate of Derbent by march failed as well. The defenders stubbornly resisted there too [10, 231].

Only the second better-prepared attempt succeeded to take the front tower. The grenadiers of Voronezh Regiment managed to climb over the wall to the roof and there from, removing the floor slabs and shooting defenders from above, captured the tower. Grenadiers' losses during the tower assault totaled 180 of the 250 soldiers killed and wounded.

At the same time jaegers attacked Sheikh-Ali-Khan's riflemen seated in a trench, in order to prevent their aimed fire at the grenadiers, who were storming the tower. After the fall of the tower Sheikh-Ali-Khan's riflemen left the trench

and retreated into the city as it did not make sense defending the trench anymore.

After that Russian troops were able to come to a sufficient distance to the city wall in order to lay breaching-batteries. On a hill to the north-west of the citadel Narynkala there was constructed a breaching-battery of four 12-pounder licornes and one mortar. The fortress turned out to be a few dozens meters lower relatively to the battery. The same breaching-battery of five licornes and one mortar was laid in 200 meters from the southern corner tower. To the west and the north from the citadel in several sites there were also staged two cannons a place that were to strike the city blocks [6, 148]. So Derbent found itself tightly blocked on all sides. Citadel Narynkala and its palace complex were in full view expecting a hard fate to be destroyed.

On the morning of May 7th Commander Lieutenant-General V. Zubov ordered to start shelling the city. For four days the artillery was striking high-angle fire over the tower walls directly on city blocks, causing serious damage.

Most effectively a breaching-battery operated opposite to the southern corner tower as it was firing the tower and the palace behind the wall. Probably that was what prompted the defenders to take a desperate step: they dug an underground passage under the wall and made a night raid. The traces of that passage were discovered in 2011 by Doctor of Historical Sciences Murtazali S. Gadzhiev during the archaeological expedition of DSC RAS (the Dagestan Science Center of the Russian Academy of Sciences) [4, 56–81].

Apparently, that raid was not successful, they couldn't capture the breaching-battery because later one of the eyewitnesses recalled that "the five-cannon battery opposite to the corner tower on the south side of the city acted so successfully that by noon the aforesaid tower was destroyed by three meters on top; equally other batteries also caused great damage to the city" [6, 151].

The number of casualties and destruction grew rapidly. Although the defenders were ready to continue defending, the city population began to demand to surrender it, as they did not want to expose the complete destruction of the city. Moreover, the inhabitants who were mostly artisans and merchants, were initially for the surrender of the city without resistance because they were interested in closer economic and trade relations with Russia.

On May 10th the defenders hoisted a white flag. The delegation came to Zubov asking to stop shelling the city and to negotiate the terms for surrender. The Russian command put forward tough conditions, in fact the ultimatum: the unconditional surrender, the surrender of all firearms by the defenders of the city and the surrender Sheikh Ali Khan into captivity. The delegation returned to the fortress to pass the terms. At the same time, in order to make Sheikh-Ali-Khan more tractable, the shelling of the city was continued [13, 357].

In case if the defenders of Derbent had not laid down their arms during the day, V. Zubov would have begun to prepare the assault, which had been scheduled on the night

of 11 to 12 of May. Under the plan, from the seaside General Bennigsen with the Vladimir Dragoon Regiment and the Nizhny Novgorod Dragoon Regiment was to storm lower quarters of the city, and from the west and south Bulgakov and Rimsky-Korsakov's infantry were to take the citadel Narynkala by storm [6, 153].

However, the assault did not take place. On the evening of May 11th the gates of Derbent was opened, Zubov was reported that the garrison was ready to surrender.

Sheikh Ali Khan was taken prisoner; the Khan gave dignity to his sister Peridzha-Khanum, with whom General Saveleyev's garrison of 3 infantry battalions and 200 Cossacks with 4 guns was kept [7, 96].

The capture of Derbent, and besides without spending a lot of effort and suffering serious casualties, had enormous military and political significance for Russia.

Since then till our times Derbent has remained the Russian city.

References:

1. Bobrovsky P. O. The history of the 13th Leib-Grenadier Yerevan Regiment for 250 years. 1642–1892. – St. Petersburg, 1893. – Vol. 3., Jaeger (1786–1816).
2. Bronevski S. M. Historical statements about the relations of Russia with Persia, Georgia and in common with the mountainous people living in the Caucasus from the time of Ivan the Terrible until now. – St. Petersburg, 1996.
3. Dubrovin N. The history of war and domination in the Caucasus. – St. Petersburg, 1886. – Vol. 3.
4. Gadzhiev M. S. Excavations in the citadel of Derbent in 2011. // Vestnik instituta IAE (The journal of the Institute of HAE). – 2013. – No. 1.
5. State archive of the Astrakhan region. – F. 476, Op. 5., D. 124
6. Historical news of the march of the Russian troops in 1796 in Dagestan and Persia under the command of Count Valerian Alexandrovich Zubov. // The notes of the Fatherland. – 1827. – Part 31, No. 87.
7. The history of the Russian army. – St. Petersburg, 2003. – Vol. 1. – Polygon.
8. Izonov V. V. From the history of the Russian artillery in second half of the eighteenth century. International scientific conference, dedicated to the 300th anniversary of the Military-Historical Museum of Artillery, Engineering and Communications Forces. – St. Petersburg, 2003.
9. Kerenovskiy A. A. The history of the Russian army. – Moscow, 1994. – Vol. 1.
10. Kozubski E. I. The history of the city of Derbent. – Temir-Khan-Shura, 1905.
11. Kurbanov A. D. Ghazikumukh khanate and the Persian campaign of V. A. Zubov in 1796. // Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. – 2011. – No. 2–3. – P. 104–107.
12. Markov M. M. The history of the cavalry. Book III. From Frederick the Great to Alexander Suvorov. – Moscow, 2009.
13. Persian campaign in 1796. Memories of Varvara Ivanovna Bakunina. // Russian antiquity. – 1887. – No. 2.
14. Radozhitski I. T. Historical news of the march of the Russian troops in 1796 in Dagestan and Persia under the command of Count Valerian Alexandrovich Zubov. // The notes of the Fatherland. – 1827. – P. XXXI, B. LXXXVIII.
15. Russian state archive of military history. – F. 52, D. 416.
16. Shishkevich M. I. Persian campaign of Zubov. History of the Russian army and Navy. – Moscow, 1911.
17. Reduced extract from the curious notes on incidents in Persia and Georgia occurred at the end of the last century. // The Herald of Europe. – 1807. – Part 32, No. 6.
18. Notes on the service of Field Marshal Count I. V. Gudovich, drawn up by himself. Caucasian war: the origins and the beginning. 1770–1820 years. – St. Petersburg: Zvezda, 2002.

*Klymenko Lyudmila Alekseyevna,
Bogomolets National Medical University,
department of physiology, Kyiv,
Candidate of Historical Sciences
E-mail: rfpb@ukr.net*

Scientific school P.G. Kostyuk

Abstract: The article is dedicated to the outstanding Ukrainian physiologist P. G. Kostyuk — the organizer of a vast scientific school of neurophysiology. There is shown the scientific research role of the school in the development of national science. Characterized by his contribution to the development of world physiology.

Keywords: school of physiology, neurophysiology, membranology, nervous system.

*Клименко Людмила Алексеевна,
Национальный медицинский университет
имени А. А. Богомольца, кафедра физиологии, Киев,
Кандидат исторических наук
E-mail: rfpb@ukr.net*

Научная школа П. Г. Костюка

Аннотация: Статья посвящена выдающемуся украинскому физиологу П. Г. Костюку — организатору огромной научной школы нейрофизиологов. Описаны его исследования и исследования его учеников. Охарактеризовано его вклад в развитие мировой физиологии.

Ключевые слова: научная школа, физиология, нейрофизиология, мембранология, нервная система.

Платон Григорьевич Костюк — выдающийся физиолог и биофизик, академик НАН и АМН Украины (1994), РАН (1974), Европейской Академии (Academia Europaeae) (1989), Немецкой академии Природоведения «Леопольдина» (1966), АН Чехословакии (1990), Венгерской АН (1990).

Платон Григорьевич родился в семье ученых, мать — химик, а отец — известный психолог Григорий Силович Костюк, основатель украинской школы психологии. Его именем назван Институт психологии АПН Украины в Киеве. Склонность к научным исследованиям проявилась у Платона Григорьевича очень рано, поскольку домашняя атмосфера способствовала этому. Будучи студентом Киевского университета, он работал в лаборатории общей физиологии, которую возглавлял известный электрофизиолог Данил Семенович Воронцов. Первые научные поиски будущего ученого были направлены на исследования механизмов функционирования нервной системы. Это научное направление он продолжил и после окончания университета, оно стало основой его кандидатской (1950) [1] и докторской (1957) диссертаций [2].

В дальнейшем Платон Григорьевич Костюк проводил исследования в двух направлениях: структурно-функциональная организация нервной системы и молекулярно-биофизические механизмы возбуждения и торможение в нервных клетках. Следуя по стопам своего учителя Д. С. Воронцова, известного физиолога, Костюк старался использовать новейшие методы исследования и сделать объект исследования максимально простым, с целью

достижения наилучшего контроля над экспериментальной моделью. Молодому ученому под руководством Д. С. Воронцова удалось впервые в бывшем СССР разработать и использовать методику внутриклеточного отведения потенциалов при исследовании процессов возбуждения и торможение в центральных частях двухнейронной рефлекторной дуги спинного мозга. П. Г. Костюк получил достоверные данные об изменении возбуждения мотонейронов после одиночного ортодромного и антидромного потока импульсов и доказал, что торможение мотонейрона антагонистической мышцы сопровождается увеличением его мембранного потенциала. Было изучено функциональное различие между структурами рефлекторной дуги и особенности реагирования на разные фармакологические вещества. Результаты исследований освещены в монографии «Двухнейронная рефлекторная дуга» [2], которая фактически стала учебником для многих физиологов.

Данные исследования в 50-х годах XX в., в период когда в советской науке господствовали искривленные, идеологизированные представления учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности [3], оказали огромное влияние на развитие украинской нейрофизиологии. Нужно отметить, что в этом молодой ученый оказался верен своему учителю Д. С. Воронцову, всю свою научную деятельность посвятивший электрофизиологии, за что его обвиняли в отходе от павловского учения [3]. Действительно 50-е годы были довольно сложными в истории физиологии. Была попытка разгромить физиологию, как это случилось с генетикой. В 1950 г. прошла т. н. «Павловська сессія», организаторы

которой старались свести всю физиологию нервной системы к физиологии высшей нервной деятельности. Несмотря на преграды представители школы Д. С. Воронцова, в т. ч. и Платон Григорьевич, вывели украинскую физиологию на высокий уровень научных исследований и на долгие годы обеспечивая ей международное лидерство. Д. С. Воронцов создал могущественную школу электрофизиологов и мембранологов [4], и так случилось, что в дальнейшем часть его учеников стали учениками П. Г. Костюка. Успех ученого «был закреплен во время плодотворной совместной работы Платона Григорьевича с корифеем мировой нейрофизиологии проф. Дж. Экклсом в г. Канберра (Австралия)» [5, 354]

С 1958 г. Платон Григорьевич заведует отделом общей физиологии нервной системы Института физиологии им. О. О. Богомольца. Институт физиологии становится основным местом его многогранной деятельности. С 1966 года Платон Григорьевич Костюк возглавляет Институт физиологии и выводит его на международный уровень исследований в области нейрофизиологии. Институт становится мощной научной школой, которую прошло много талантливейшей молодежи. Отделы в Институте возглавили известные ученые В. І. Скок, М. Ф. Шуба, П. М. Серков (представители школы Д. С. Воронцова) и др. П. Г. Костюк занимался развитием Института, всю энергию направил на его расширение, были открыты мастерские для изготовления новых приборов. Но своей уникальности они были одни из лучших в бывшем СССР, аппаратуру приезжали закупать почти со всех республик.хлопоты Платона Григорьевича по строительству нового корпуса увенчались успехом и в 1979 г. его сотрудники получили новый 16-этажный дом научно-экспериментального корпуса с новейшими современными приборами. В институте стали проводиться конференции, школы, симпозиумы, в которых участвовало множество ученых из всего мира.

Используя новейшие подходы, Костюк и его коллеги исследовали функциональные свойства мозга и спинальных нейронов, процессы передачи сенсорной информации, механизмы интегративной деятельности нервной системы. Результаты исследований были представлены в монографиях «Структура и функция нисходящих систем спинного мозга» [6]. Исследования в этом направлении довольно обширны и значимы. П. Г. Костюк и Д. А. Василенко осуществили цикл работ по изучению сегментарных и межсегментарных связей спинного мозга, исследовано их локализацию, проекцию проприоспинальных путей, функциональные характеристики и механизмы функционирования [7]. Сотрудники Н. Н. Преображенский, А. П. Гокин, З. А. Тамарова совместно с П. Г. Костюком изучали интегративные функции центральной нервной системы. В результате исследований была дана характеристика разных уровней процесса интеграции функций, также изучены клеточные механизмы процессов афферентной передачи импульсации от соматических и висцеральных рецепторов к центральной нервной системе [8].

К. В. Баевым под руководством Платона Григорьевича было проведено обширное исследование центральных локомоторных программ, которые обеспечивают согласованность движений. Исследователем расшифрована закономерность и последовательность процессов в центральной нервной системе, которые обусловлены определенными связями между нейронами [9, 10].

Исследование структурной организации нейронных систем проводили и в крупных нейроанатомических лабораториях Венгрии, США, Нидерландов, Норвегии, Швеции под руководством — Я. Сентаготаи, В. Наута, Г. Куйперса, А. Бродала, Б. Фалька. Этими учеными разрабатывались вопросы структурной организации и функциональной интеграции нисходящих нейронных систем головного и спинного мозга у приматов и других млекопитающих. Это доказывает, что исследование научных сотрудников Института физиологии им. О. О. Богомольца НАН Украины под руководством П. Г. Костюка были проведены в русле мировых научных поисков.

Один из многочисленных учеников П. Г. Костюка Д. А. Василенко вспоминает о совместной работе с учителем: «Особо хочу подчеркнуть, что он не только определял идеологию экспериментальных исследований и помогал подробно и глубоко интерпретировать полученные результаты, но и принимал непосредственное участие во всех стадиях эксперимента» [5, 355].

В 80-х годах исследования в этом направлении усовершенствовались. Совместно с В. А. Майским, Н. Х. Погорелой и Г. Г. Скибо осуществлено микроскопическое и ультрамикроскопическое изучения нейронной и синаптической организации разных отделов серого вещества спинного мозга и выявлены источники нисходящих и восходящих путей в центральной нервной системе [11].

Работы другого направления нейронаук, в которых П. Г. Костюк и его ученики достигли значительных успехов, — исследование мембранных и молекулярных механизмов базисных нервных процессов — приобрели широкое развитие также начиная с 60х годов прошлого века. И в этом огромное влияние осуществило внедрение микроэлектродной техники. Вместе с сотрудниками — Ю. П. Лиманским, Б. Я. Пятигорским, Н. Н. Преображенским и Исследовательско-конструкторским отделом института П. Г. Костюк провел цикл работ относительно создания специальной микроэлектродной аппаратуры. Было выпущено 23 разновидности приборов (в 1976 г. коллектив сотрудников за эту деятельность удостоен Государственной премии). Это содействовало не только развитию правильного представления относительно строения клеточной мембраны, но и развитию экспериментальных исследований в Украине. Таким способом осуществлялся переход на более высокий методологический уровень исследований в области физиологии клетки. Особенно ценной для исследователей стала монография П. Г. Костюка «Микроэлектродная техника» [12].

Коллектив Института физиологии стал активно применять новую аппаратуру, что дало возможность

исследовать нейронную организацию спинного и головного мозга. Так, П. Г. Костюком совместно с Б. Я. Пятигорским изучены принципы передачи информации в некоторых отделах восходящих и нисходящих путей спинного мозга [13], совместно с В. Д. Герасимовым и В. А. Майским — изменение зависимости мембранного потенциала и мембранной проницаемости от изменения внеклеточной концентрации разных ионов. В процессе исследования было установлено участие ионов кальция в переносе положительных зарядов через мембрану некоторых нейронов внутрь клетки, соотношение ионной проницаемости мембраны в покое и в состоянии активности, временный характер активации и инактивации проводимости для определенных ионов [14; 15].

Визитной карточкой школы П. Г. Костюка стала разработка новых методик исследования или усовершенствование старых. Сотрудники Института физиологии П. Г. Костюк, И. С. Магура, О. А. Кришталь, П. А. Дорошенко впервые в СССР использовали метод фиксации напряжения на мембране нервной клетки [16; 17]. Сущность данного метода состоит в поддержании на заданном уровне трансмембранного различия потенциалов определенного участка мембраны с помощью усилителя обратной связи и измерение ионного тока. Данный метод позволяет сделать мембранный потенциал контролируемой величиной, а также измерять ионный ток на мембране, изучать их зависимость от мембранного потенциала, кинетику их активации, деактивации и инактивации. С помощью этого метода был установлен ряд свойств возбудимой мембраны тела нервной клетки, в частности, изучена характеристика кальциевых трансмембранных токов.

В 70-х г. сотрудниками института также было успешно освоено методы изоляции отдельных нервных клеток разных животных, которые дали возможность изучить ионный ток через плазматическую мембрану нейронов [18]. Это в свою очередь послужило основой для разработки способа внутриклеточного диализа сомы изолированных клеток. Данная методика в мировой научной литературе известна как «метод Костюка» [19–20]. Это был большой прорыв в нейрофизиологии. Впервые в эксперименте появляется возможность менять ионный состав внешней и внутриклеточной среды нейрона и тем самым выяснить роль ионов в процессах возбуждения и торможения. Разработка новых методик содействовала прогрессу электрофизиологии и нейрофизиологии не только в Украине, но и в мировой науке.

Дальнейший процесс исследования мембраны шел в направлении изучения ионных токов через одиночные трансмембранные каналы, образованные макромолекулами канальных белков, а также на выяснение процессов молекулярной рецепции биологически активных агентов и внутриклеточной сигнализации. Огромное достижение школы П. Г. Костюка в применении методики изолирования кальциевого тока. Вместе с учениками и сотрудниками П. Г. Костюк впервые зарегистрировал ток через

отдельные кальциевые каналы и выяснил роль кальция как одного из самых важных универсальных внутриклеточных посредников. Эти фундаментальные исследования были зарегистрированы в 1983 г. как научное открытие и описаны в монографиях [21]. В результате многочисленных исследований структуры и функций кальциевых каналов была создана модель, которая описывает двухкомпонентную структуру кальциевых каналов и возможные физико-химические механизмы, которые обеспечивают их ионную избирательность. Также были выявлены механизмы регуляции функционирования ионных каналов: большинство кальциевых каналов метаболично зависимые, другая часть кальциевых каналов — метаболично независимые [21].

С использованием метода внутриклеточного диализа сомы изолированных клеток сотрудники института определили наличие воротного механизма, получены данные о селективности и проводимости ионных каналов, их потенциалзависимость, кинетику активации и инактивации.

Под руководством П. Г. Костюка Н. С. Веселовским с сотрудниками был сделан ряд исследований, в результате которых выявлено медленные натриевые каналы, которые отличаются от быстрых определенными функциональными характеристиками — они не чувствительны к специфическому блокатору быстрых натриевых каналов тетродотоксину, но могут блокироваться блокаторами кальциевых каналов, поэтому были выдвинуты предположения о наличии естественной промежуточной модификации ионных каналов [22].

Нужно отметить, что исследования академика П. Г. Костюка и его учеников всегда были направлены на решение актуальных проблем нейрофизиологии. Много внимания ученые уделяли выяснению вопроса о функционировании центральных синапсов, поскольку с ними связаны процессы передачи нервного импульса от нейрона к нейрону. Этими вопросами занимались М. С. Веселовский и С. А. Федулова. Под руководством Костюка ученые осуществили обширные исследования электрофизиологических процессов в центральных синапсах. Выяснение этих проблем давало возможность познать те закономерности, с которыми связаны процессы возбуждения и торможения. Эти данные также важные для выяснения механизма распространения нервного импульса по нейронам центральной нервной системы. В результате исследования изучены механизмы выброса нейромедиатора, что является основным процессом межклеточной коммуникации, в частности исследован выброс ГАМК в тормозных синапсах ЦНС. Исследователями была выяснена роль ионов кальция в каскаде этих сложных биофизических процессов. Изучена роль цАМФ-зависимого фосфорилирования мембранных белков в поддержке высокопороговых кальциевых каналов [23–25].

Платон Григорьевич исследовал, как происходит переход информации из электрической формы в молекулярную. Благодаря этим процессам человек способен учиться, помнить, осознавать. П. Г. Костюк довел, что самую важную

роль здесь играют именно ионы кальция. Незаурядный вклад сделали ученики П. Г. Костюка в раскрытие причин нарушений при некоторых специфических формах мозговой патологии — гипоксии, сахарном диабете и т. п.

Большая заслуга П. Г. Костюка в создании школы нейрофизиологов. Среди его учеников известные ученые: В. И. Скок, О. А. Кришталь, М. С. Веселовский, Я. М. Шуба, Г. Г. Скибо, С. А. Федулова и др. Под непосредственным научным руководством Платона Григорьевича были выполнены и успешно защищены 28 докторских и 97 кандидатских диссертаций. Это блестящий экспериментатор, яркая личность, доброжелательный и толерантный человек. С 1966 по 2010 гг. он бессменно возглавлял Институт физиологии им. О. О. Богомольца НАН Украины. Все свои усилия он направил на поднятие научных исследований на высокий уровень. Именно благодаря научным достижениям П. Г. Костюка и его учеников Институт достиг уровня общепризнанного международного исследовательского центра. Ученым был создан Международный центр молекулярной физиологии НАН Украины (1992 г.), международную кафедру ЮНЕСКО «Молекулярная и клеточная физиология» (2000 г.). Сотрудники института активно сотрудничают с рядом высших учебных заведений в подготовке молодого научного изменения. Многие ученики П. Г. Костюка сотрудничают с зарубежными научно-исследовательскими учреждениями.

Научное сообщество как отечественное так и зарубежное высоко оценило заслуги П. Г. Костюка, отмечая особую роль в создании научной школы и называя его миссионером в науке. Также отмечается его умение всегда гордиться достижениями своего коллектива. Ученый постоянно говорил «мы», подчеркивая не свои достижения, а успехи всего коллектива [26–28].

В наше время сотрудники Института физиологии им. О. О. Богомольца продолжают начатые П. Г. Костюком исследования, направленные на выяснение молекулярных и метаболических процессов плазматической мембраны и мембран субклеточных структур (эндоплазматического ретикула, митохондрий, ядра) в норме и при экспериментальном моделировании патологических состояний. Результаты исследований направлены на решение многих проблем в медицине, в частности при лечении ишемии, гипоксии, диабета и эпилепсии. Исследование также направлено на тестирование действия ряда веществ, которые осуществляют эффективные влияния на активность ионных каналов и на внутриклеточные регуляторные процессы, которые в перспективе можно применять в клинике.

В последние годы продолжая, начатые П. Г. Костюком исследования кальциевых каналов, группа сотрудников института провела цикл научных работ «Кальций-зависимые клеточные механизмы и их роль в патологических состояниях», за которые получила Государственную премию (2013).

Список литературы:

1. Костюк П. Г. Адаптация нерва к постепенно нарастающему электрическому току: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. канд. биол. наук. – 1949.
2. Костюк П. Г. Дружнейронная рефлекторная дуга. – 1959.
3. Клименко Л. О. Розвиток фізіології нервової системи в Україні в 40–60-х роках ХХ століття: Автореф. дисс. ... кан. іст. наук. – 2005.
4. Клименко Л. О. Воронцов Д. С. і його наукова школа: Проблеми екологічної та медичної генетики і клінічної імунології. – 2011.
5. Василенко Д. А. Платон Григорьевич Костюк (к 80-летию со дня рождения). // Нейрофизиология. – т. 36. – 2004.
6. Костюк П. Г. Структура й функція нисходящих систем спинного мозгу. – 1973.
7. Василенко Д. А., Костюк П. Г. Межсегментарные нейронные системы спинного мозга. – 1983.
8. Костюк П. Г., Преображенский Н. Н. Механизмы интеграции висцеральных и соматических афферентных сигналов. – 1975.
9. Баев К. В. Поляризация терминалей первичных афферентов поясничного отдела спинного мозга во время фиктивной локомоции. // Нейрофизиология. – т. 12. – 1980.
10. Баев К. В. Центральная программа включения мышц задней конечности при чесании у кошек. // Нейрофизиология. – т. 13. – 1981.
11. Майский В. А. Структурная организация и интеграция нисходящих нейронных систем головного и спинного мозга. – 1983.
12. Костюк П. Г. Микроэлектродная техника. – 1960.
13. Герасимов В. Д., Костюк П. Г., Майский В. А. Изменения электрических характеристик мембраны гигантского нейрона при увеличении наружной концентрации ионов калия. // Биофизика. – т. 10. – 1965.
14. Герасимов В. Д., Костюк П. Г., Майский В. А. // Биофизика. – т. 10. – 1965.
15. Kostyk P. G., Krishtal O. A., Doroshenko P. A. Calcium currents in snail neurons. I. Identification of calcium current. // Pflügers Arch. – vol. 348. – 1974.
16. Kostyk P. G., Krishtal O. A., Doroshenko P. A. Calcium currents in snail neurones. II. The effect of external calcium concentration on the calcium inward current. // Pflügers Arch. – vol. 348. – 1974.

17. Дорошенко П.А, Костюк П. Г., Кришталь О.А. Действие кальция на мембрану сомы гигантских нейронов моллюсков.//Нейрофизиология. – т. 5. – 1973.
18. Kostyuk P. G., Krishtal O. A., Pidoplichko V. I. Effects of internal fluoride and phosphate on membrane currents during intracellular dialysis of nerve cells.//Nature. – Vol. 257. – 1975.
19. Kostyuk P. G., Krishtal O. A. Effects of calcium and calcium-chelating agents on the inward and outward current in the membrane of mollusc neurones.//J. Physiol. – Vol. 270. – 1977.
20. Костюк П. Г., Кришталь О.А. Механизмы электрической возбудимости нервной клетки. – 1981.
21. Костюк П. Г. Кальций и клеточная возбудимость. – 1986.
22. Веселовский Н. С., Костюк П. Г., Цындренко А. Я. «Медленные» натриевые каналы в соматической мембране нейронов спинальных ганглиев новорожденных крыс.//Доклад АН СССР. – т. 250. – 1980.
23. Веселовский Н. С., Федулова С.А. Два типа кальциевых каналов в соматической мембране нейронов спинальных ганглиев крысы.//Докл. АН СССР. – т. 268. – 1983.
24. Веселовский Н. С., Костюк П. Г., Федулова С.А., Широков Р.Е. Деактивация кальциевых токов в соме нейронов спинальных ганглиев при выключении деполяризующего смещения мембранного потенциала.//Нейрофизиология, т. 17. – 1985.
25. Веселовский Н. С., Федулова С.А. Выявление кальциевых каналов в соматической мембране нейронов спинальных ганглиев крыс при внутриклеточном диализе циклическим аденозин-3',5'монофосфатом.//Докл. АН СССР. – т. 258. – 1980.
26. Трахтенберг И. Академик Костюк. О жизни и науке Прощальное эссе.//Зеркало недели. – № 20. – 28 мая 2010.
27. Брежневский П. Миссионер в науке: Троицкий вариант.//Наука. – № 10 (54). – 25.10.2010.
28. Мацієвський Ю. Платон Костюк в історії і науці.//Віче. – № 9. – 2011.

*Lupovskaya Khristina Pavlovna,
Tretyakov Gallery, Senior Researcher, Moscow
E-mail: k.lupovskaya@gmail.com*

Portraits remind (from House of Stankevich iconography)

Abstract: This paper presents an iconographic material Stankevich family and comments to the material. Most of these portraits are published for the first time. The photos of members of Stankevich family taken from the family album of Shchepkins-Stankevichs.

Keywords: House of Stankevich, Shchepkins family collection, XIX century, the Russian nobility.

*Луповская Христина Павловна,
Государственная Третьяковская галерея,
старший научный сотрудник
E-mail: k.lupovskaya@gmail.com*

Портреты напоминают (из иконографии семьи Станкевичей)

Аннотация: В статье представлен иконографический материал семьи Станкевичей и комментарии к материалу. Большинство портретов публикуется впервые. Фотографии членов семьи Станкевичей взяты из семейного альбома Щепкиных-Станкевичей.

Ключевые слова: Станкевичи, собрание семьи Щепкиных, XIX век, русское дворянство.

7 июля 2015 года исполнилось 165 лет со дня смерти русского философа, общественного деятеля, поэта Николая Владимировича Станкевича. В своих «Воспоминаниях» известная русская писательница Александра Владимировна Щепкина (Станкевич) писала: «Вспоминая всё давно пережитое, всё, что было мило и дорого в прошлом, можно увлечься и много говорить о том, что интересовало нас лично, — но, может быть, не привлечёт читателей мемуаров... В воспоминаниях, однако, сохраняется жи-

вой очерк старого семейного быта и нравов общества в прошлом...» [1, 1].

О семье Станкевичей в литературно-исторических публикациях упоминалось, чаще всего, в связи с исследованиями жизни и деятельности Н. В. Станкевича, анализом его поэтического и эпистолярного наследия, а также в связи с обширным биографическим материалом, посвященным жизни и творчеству великого русского актера М. С. Щепкина (один из его сыновей, Николай Михайлович Щепкин,

был женат на младшей сестре философа Александре Владимировне Станкевич).

Задача, которая стояла перед автором данной публикации, — дать галерею портретов (как фотографических, так и живописных) некоторых представителей рода Станкевичей и изложить их краткие биографические характеристики. В основу характеристик легли отзывы современников, выдержки

из писем их близких и друзей. В работе были использованы документы из семейного архива доктора исторических наук, Заслуженного деятеля культуры РСФСР Марфы Вячеславны Щепкиной (1894–1984), внучки А. В. Станкевич [2, 40–45]. Возможно, данный иконографический материал станет еще одним штрихом к широкому полотну общественной и культурной жизни России XIX столетия.



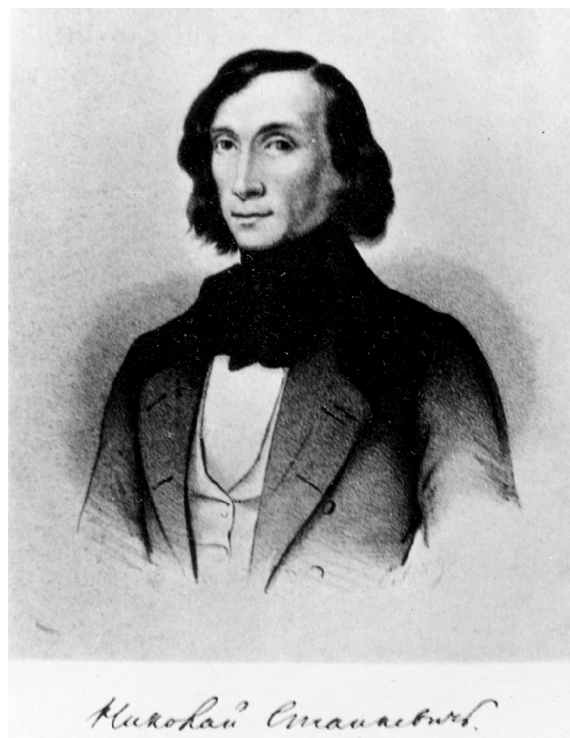
Ил. 1. Николай Владимирович Станкевич (1813–1840). Литография с акварели Л. Беккера (на обороте акварели надпись: «L. Becker. 1838»)



Ил. 2. К. Г. Эйхлер. Портрет Н. В. Станкевича. Берлин. 1838. Барельеф. Гипс. Диаметр 9,5 см.

Автор барельефа Карл Готфрид Эйхлер (1788–?) родился в Берне, гравер, литограф. Можно предположить, что в 1838 году, в Берлине, состоялась встреча К. Г. Эйхлера

и Н. В. Станкевича, который зимой 1838–1839 гг. лечился в Германии и продолжал изучение философии у берлинского профессора К. Вердера.



Ил. 3. Неизв. худ. Портрет Н. В. Станкевича. Литография. Берлин. 1838

Важно отметить, что портрет опубликован в «Переписке Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840», изданной его племянником А. И. Станкевичем в 1914 году в Москве. И, как писал сам составитель, этот снимок «с очень редкой, заграничной литографии, почти неизвестной, тогда как снимков с портретов работы

Беккера (Becker) и Эйхлера (Eichler) опубликовано довольно много в разных изданиях. Если сравнить этот портрет с ними, то видно, с какой быстротою развивалась болезнь [чахотка — прим. Х. А.] Николая Владимировича, так как исполнены они все в одном и том же, 1838-м, году, лишь в разные месяцы» [3, 5].



Ил. 4. Н. Станкевич. Эмблематическая виньетка. Берлин. 1838 г. Бум, карандаш, 16,3х18

Рисунок опубликован в «Переписке Н. В. Станкевича» [3, 456, п. № 221]. Это единственный автопортрет философа. «Нарисовано нечто вроде портика, на котором расположены имена — Нестор, Максимович, Ломоносов, Тунман, Шлецер, Погодин, Тредьяковский, Строев, Каченовский, Эверс, Бодянский и Станкевич... Философ изображен с вскинутой вверх головой, с длинными волосами и острым носом, во фраке, фалды которого затейливо откинулись в виде длинного крючка. Одну руку он поднял кверху и восклицает: «Варяги = Вагры! Ей, ей — правда!», а другую положил на раскрытую книгу с надписью: «Философия русской истории. 1850»» [3, 5]. В письме от 27 апреля 1838 года из Берлина Николай Станкевич пишет Т. Н. Грановскому: «... Теперь все решено. Я рад. Хочу писать “Философию русской истории”. Вот эмблематическая виньетка» [3, 456].

Н. В. Станкевич (ил. 1–4). Поэт, философ, глава литературно-философского кружка в Москве. В 1834 г. он окончил словесное отделение Московского университета. Как написано в одном из номеров литературно-юмористического журнала «Искры» за 1913 г. с именем Станкевича «связывается пора пробуждения лучшей части нашего общества, когда его представители стали сознавать важность строгого, добросовестного служения науке, необходимость нравственных требований от себя и от других, общественное значение чистоты действий и побуждений» [4].

Из кружка Станкевича вышли Т. Н. Грановский, В. Г. Белинский, А. В. Кольцов, В. П. Боткин, Я. М. Неве-ров, поэты И. П. Ключников, В. И. Красов «и даже Гоголь обязан до некоторой степени нравственной поддержкой Н. Станкевичу... Для всех в кругу знакомых он был, казалось, путеводной звездой...» [1, 84]. И. С. Тургенев вспоминал, что, будучи в 1838 г. в Берлине, он познакомился с Н. Станкевичем и «очень скоро почувствовал к нему уважение и нечто вроде боязни, проистекавшей... от внутреннего сознания собственной недостойности и лживости... И в то же время невозможно передать словами, какое он внушал к себе уважение, почти благоговение... Станкевич оттого так действовал на других, что сам о себе не думал, истинно интересовался каждым человеком и, как бы сам того не замечая, увлекал его вслед за собою в область Идеала, — никто так гуманно, так прекрасно не спорил, как он» [5: 224, 227]. Ранняя смерть философа была для всех знавших его «великой утратой», а Т. Н. Грановский так скажет по поводу кончины друга: «... Он был человеком гениальным и святая душа. Все, кто к нему приближался, признавали его превосходство, и никого это не унижало. Он мог бы покрыть славою десять имен и умер 27-ми лет, оставив по себе память лишь в сердце нескольких друзей. Его место останется среди нас незанятым» [6, 297]. В этих словах раскрывается всё обаяние личности Н. Станкевича, его роль и значение в истории русской культуры.

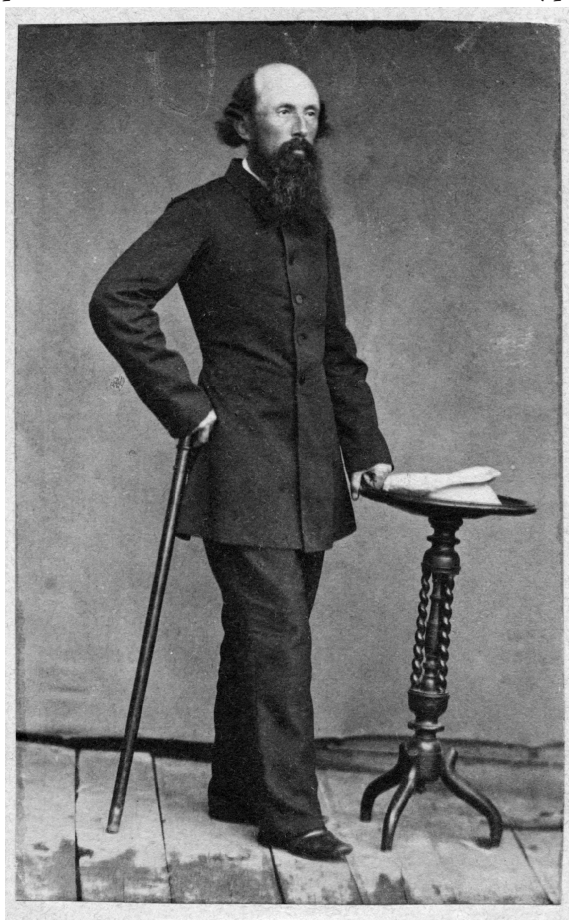


Ил. 5. Владимир Иванович Станкевич (1786–1851). Фотография. Москва. 40-е годы XIX в.

В.И. Станкевич (ил. 5). Отец Н.В. Станкевича, его братьев и сестер; был женат на дочери острогожского врача Екатерине Исифовне Крамер (1794–1866); поручик в отставке; с 1811 г. острогожский уездный исправник; предводитель дворянства (1837–1841); владел имением в деревне Удеревка Бирюченского уезда Воронежской губернии (ныне Алексеевский р-н Белгородской обл.). Из «Воспоминаний» А.В. Щепкиной-Станкевич об отце: «Он был хорошего роста, смуглый и с живыми карими глазами; волосы, очень черные, были всегда низко подстрижены; нос прямой, с небольшой горбинкой; вообще тип лица его был не русский, хотя имел сходство с типом малороссийским...» [1, 44].

В письме к М.А. Бакунину от 24 дек. 1835 г. Н.В. Станкевич писал: «... Несмотря на различные взгляды на

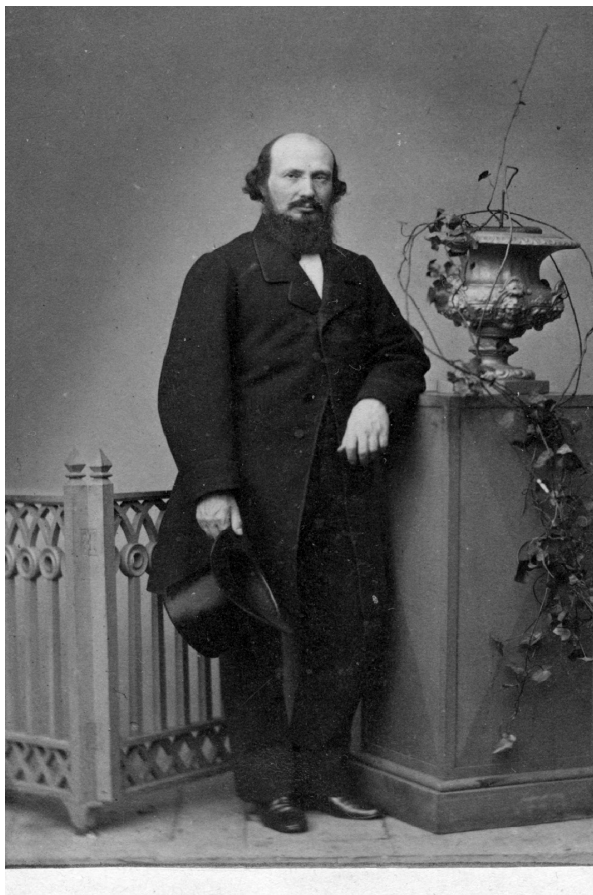
вещи, я имею с отцом много общего: в нем самом есть то же беспокойное начало, та же жажда деятельности и замыслов...» [3, 601]. А в одном из последних писем к родителям В.И. и Е.И. Станкевичам от 5 марта 1840 г. из Флоренции он с благодарностью и нежностью говорит о той силе родительской любви, которая окружала их, детей, привила в молодых сердцах доброту и стремление к истине. «Правда, — пишет Н. Станкевич, — мы все, может быть, немножко избалованы, но от избалованности скоро, слишком скоро, вылечивает жизнь; зато все мы, верно, единодушно скажем, что вашей любви обязаны мы всем, что только есть в самом деле хорошего в нас, что она сохранила сердца наши и открыла их для ощущений любви и дружбы, без которых жизнь не имеет смысла и без которых человек поневоле делается дурным...» [3, 147].



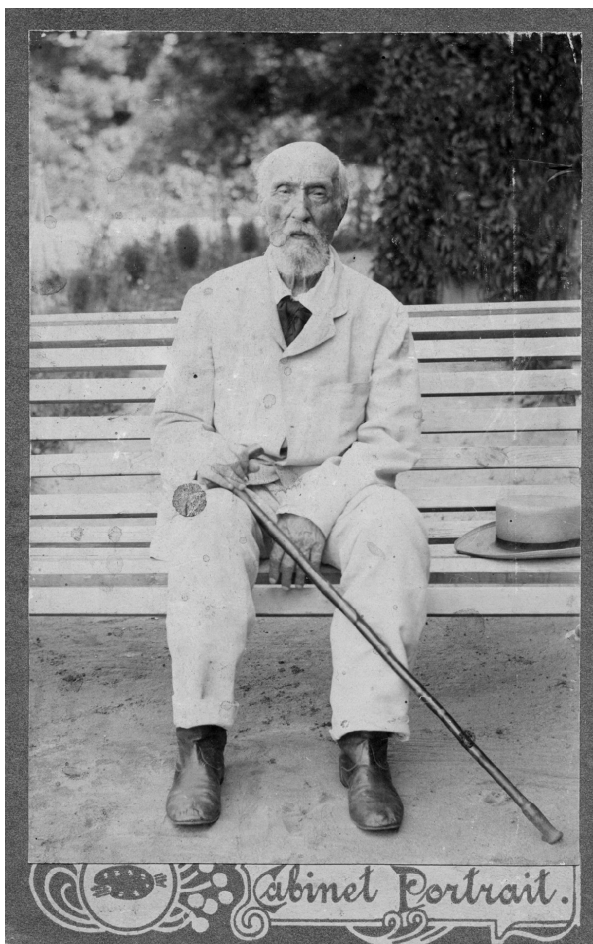
Ил. 6. Иван Владимирович Станкевич (1820–1907). Фотография. Москва (?). 90-е годы XIX в. Публикуется впервые

И.В. Станкевич (ил. 6). Брат Н.В. Станкевича; жил в родовом имении Удеревка, по выбору местного дворянства служил попечителем запасных хлебных магазинов, почетный смотритель Острогожского уездного училища, коннозаводчик. В семье И.В. Станкевича домашним учителем был известный латышский фольклорист, первый собиратель латышских дайн К. Б́арон (Б́аронс). И.В. Станкевич был знаком с И.Н. Афанасьевым, братом известного собирателя сказок, фольклориста А.Н. Афанасьева, приятеля М.С. Щепкина и его семейства. Можно утверждать, что братья Афанасьевы были близки и с семьей А.В. Щепкиной, в семейном альбоме которой сохранилась фотография А.Н. Афанасьева.

Один из сыновей И.В. Станкевича, Алексей Иванович Станкевич (1856–1922), служил библиотекарем в Императорском Российском историческом музее в Москве (1887–1914) и, по сути, был создателем научной библиотеки музея. Он, как мы уже упоминали, был первым издателем сочинений и эпистолярного наследия Н.В. Станкевича. С именем А.И. Станкевича связаны не только научная организация и рост научной библиотеки, но и пополнение ряда собраний Императорского исторического музея, в частности — гравюр, литографий, фотопортретов русских деятелей XIX века, а также нумизматики [7, 50].



Ил. 7. Александр Владимирович Станкевич (1821–1912). Фотография. Москва. 1880-е годы. Публикуется впервые



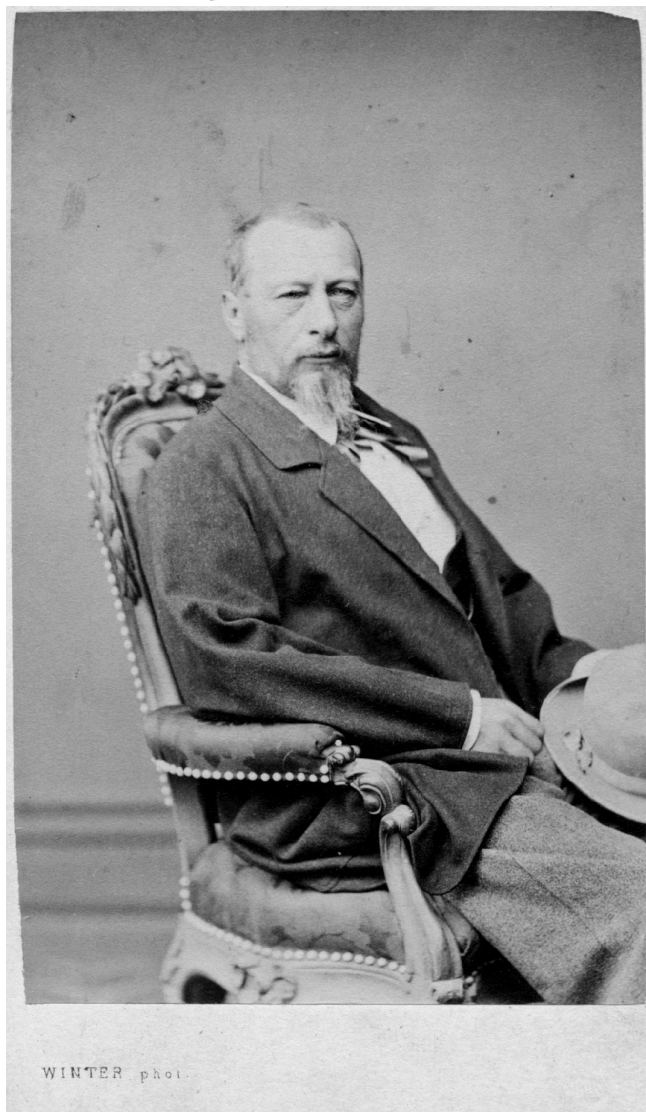
Ил. 8. Александр Владимирович Станкевич (1821–1912). Фотография. Москва. Нач. 1900-х гг. Публикуется впервые

А. В. Станкевич (ил. 7, 8). Брат Н. В. Станкевича. Литератор, был дружен с Н. А. Некрасовым; печатался в журнале «Атеней», «Русском вестнике» 1840-х гг., в журнале «Современник», 1848 г., альманахе «Комета», 1851 г. и др.; организатор литературно-художественного кружка в Москве (1860-е гг.), куда входили выдающиеся научные, художественные и общественные деятели: Б. Н. Чичерин, И. Е. Забелин, В. И. Герье, Е. Ф. Корш, П. Л. Пикулин, Ф. М. Дмитриев, С. М. Соловьев, Н. Х. Кетчер, худ. В. И. Шервуд, М. С. Щепкин и др. А. В. Станкевич — автор и составитель биографии Т. Н. Грановского (1813–1855) — крупнейшего историка XIX века, профессора Московского университета, близкого друга М. С. Щепкина. Здесь уместно отметить, что влияние Т. Н. Грановского на передовых людей того времени было не менее сильным влияния личности Н. В. Станкевича. Позднее М. И. Забелина, дочь историка И. Е. Забелина (1820–1909), в одном из писем В. Н. Щепкину напишет следующее: «... Папа очень любил и уважал своего, как Вы говорите, учителя. Всегда с трогательной нежностью относился к его памяти. Ежегодно, когда наступало 4 октября, “сегодня память Грановского” говорилось у нас, и мы все твердо знали, что сегодня папа непременно

пойдет на Пятницкое “к Грановскому”. И так продолжалось долгие годы, то есть ровно 50 лет. Последний раз, кажется, в 1903 или 4-м году папа воротился с кладбища очень слабым и утомленным. На мой вопрос, кто был на могиле, ответил: “Я был один. Да некому уж и бывать больше, и я-то, кажется, в последний раз...”».*

Александр Владимирович Станкевич был женат на двоюродной сестре Т. Н. Грановского Е. К. Бодиско (1825–1904).**

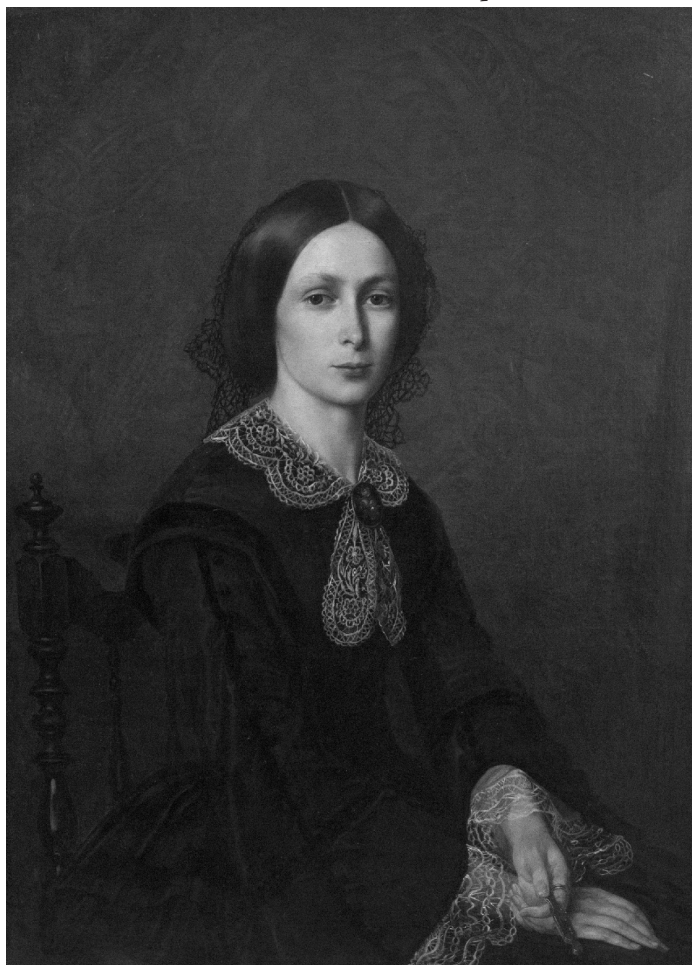
Из письма Н. Станкевича брату Александру: «... Как сходны люди, как сходны их мысли, их развитие! Особенно в одном семействе — в каждом из нас, в братьях и сестрах, при всем различии характеров и темпераментов, я непременно нахожу себя, свое, даже в самых незначущих чертах... побольше доверенности к себе!.. Чтобы наслаждаться настоящим... надобно его расширить, надобно заключить в нем прошедшее и будущее, надобно прочное сознание своей духовной самостоятельности... Ты думаешь, что, может быть, жизнь, а не наука — твое назначение... Это смешанные понятия, душа моя... Человеческая жизнь есть разумная деятельность и вытекающее оттуда наслаждение, любовь. В наше время нельзя быть деятельным без сведений...» [3, 171].



Ил. 9. Иосиф Владимирович Станкевич (1825–1894). Фотография. Москва, 1870-е гг. Публикуется впервые

И. В. Станкевич (ил. 9). Брат Н. В. Станкевича. Унтер-офицер Кинбургского драгунского полка (1843–1848). С 1848 г. поручик в отставке, депутат дворянского собрания (1850–1862), мировой посредник (1861–1862), уездный предводитель острогожского дворянства (1862–1867); принимал постоянно самое деятельное

участие в земских и дворянских собраниях, где пользовался всеобщим уважением, любовью и авторитетом. Сохранились фотографии его жены Любви Афанасьевны Станкевич (рожд. Бояркиной), дочерей Марии, Екатерины, Елизаветы (в замужестве Прокуниной) и сына Владимира.



Ил. 10. А. Станкевич. Портрет Александры Владимировны Щепкиной-Станкевич (1824–1917). Рим. 1857 г. Х/м. 99х76. ГИМ, Москва

Портрет А. В. Щепкиной-Станкевич ранее опубликован исследователями жизни и творчества М. С. Щепкина Т. С. Грицем [8, 423] и О. М. Фельдманом [9, 127].

А. В. Щепкина-Станкевич (ил. 10). Сестра Н. В. Станкевича. Писательница, автор многих рассказов для детей (выпуски «Родные места», М., 1874), «Заметок о воспитании в раннем детстве» (М., 1868), исторического романа «Бояре Стародубские» (М., 1897), а также «Воспоминаний» (Сергиев Посад, 1915). Вышла замуж за Н. М. Щепкина, одного из сыновей великого русского актера. Из письма-завещания А. В. Щепкиной от 14 июля 1907 г.: «... Его же (В. Н. Щепкина, сына А. В. Щепкиной-Станкевич — Х. А.) прошу сохранить у себя мой портрет работы художника Станкевича в Риме и передать портрет в Исторический музей со временем и когда пожелает...».*

На портрете изображена молодая женщина. Тонкое лицо, обрамленное темными волосами, светло и немного печально. Печальны и глаза. Во взгляде, пронизательном и спокойном, светятся ум и доброта. Руки изящно сложены

на коленях. В тонких пальцах, чутких и трепетных, зажата лорнетка. Фигура скромно сидящей молодой женщины в темном платье со светлым кружевным воротничком полна обаяния и достоинства.

Портрет был написан во время свадебного путешествия А. В. Щепкиной-Станкевич и Н. М. Щепкина по Италии. Автор портрета, художник Александр Станкевич, был учеником Карла Брюллова. По случайному совпадению живописец носил фамилию портретируемой модели. В связи с этим в научной литературе возникает ошибочное мнение о родственных связях художника с семьей философа Н. В. Станкевича. Так, портрет А. Станкевича (художника), написанный Г. И. Семирадским (1843–1902), ошибочно помещают в портретную галерею рода Станкевичей.***

Портрет до 1984 года хранился у сестер М. В. и Е. В. Щепкиных. После смерти М. В. Щепкиной был передан ее сестрой, согласно завещанию, в дар Гос. историческому музею.



Ил. 11. Надежда Владимировна Станкевич, в замужестве Вульферт (1814–1898). Фотография. 1860-е годы (?). Публикуется впервые



Ил. 12. Надежда Владимировна Станкевич. Фотография. Начало 1870-х гг. Публикуется впервые

Н. В. Станкевич (ил. 11, 12). Сестра Н. В. Станкевича. Из «Воспоминаний» А. В. Щепкиной: «Старшая сестра Наденька... была высока и стройна, красив был ее лоб и правильный нос с легкой горбинкой... и к ней шли ее темные волосы. И неправильность одного глаза, слегка скошенного, — не портила мягкость ее взгляда, — особенно в молодые годы... она возбуждала общее уважение к её уму и солидности... и могла служить образцом живой деятельности и теплого отношения к окружавшим её!.. Дружба наша с сестрою Надеждой неизменно сохранилась до последних дней ее жизни, и после ее кончины я чувствовала себя более одинокой, в ней потеряла я самое близкое мне лицо из нашей семьи...» [1: 87–89, 98].

Из письма Н. Станкевича сестре Наде: «... привязывают нас к кому бы то ни было — ни внешность, ни душа, ни принципы, а совокупность, то, что гармонично в нем самом и гармонирует с нами. Тебе может встретиться герой добродетели, ангел по красоте и ты будешь им восхищаться, но с тем же чувством, какое ты испытываешь, глядя на прекрасную картину. Между существами, полюбившими друг друга, существует предустановленное согласие, которое, раз оно проявилось и обстоятельства ему благоприятствуют, делает их союз и их любовь — вечными! ...» [3, 155–156].

В семейном альбоме А. В. Щепкиной-Станкевич сохранились фотографии четырех сыновей Надежды Владимировны.



Ил. 13. Любовь Владимировна Станкевич, в замужестве Томилиная (1818–1895). Фотография. Москва. 1887 (?). Публикуется впервые

А. В. Станкевич (ил. 13). Сестра Н. В. Станкевича. В своих «Воспоминаниях» А. В. Щепкина пишет, что сестра Люба резко отличалась от всех сестер оригинальным характером, большой живостью, «... можно сказать живой страстностью, отличалась веселостью и до конца неизменившимися ей шутливостью и остроумием. В письмах ее встречались меткие характеристики и заметки, оригинально изложенные...» [1, 106–107]. При жизни нашего

старшего брата Николая она находилась под его влиянием, очень любила его, держалась его взглядов, его уважения к культуре» [1, 99]. В пожилом возрасте (некоторые исследователи пишут об её короткой жизни, что неверно) она переселилась в другое своё имение, уступив взрослым сыновьям роскошный дом.... ***** «Сама она помещалась уже в небольшом доме***** и вела тихую жизнь, постоянно заботясь о детях и внуках...» [1, 105].



Ил. 14. А. Ефремов. Портрет Марии Владимировны Станкевич, в замужестве Фроловой (1822–1850). Бум., акв. Конец 1840-х гг. (в настоящее время находится в ГЦТМ им. А. А. Бахрушина)

М. В. Станкевич (ил. 14). Сестра Н. В. Станкевича. На миниатюре изображена милостивая женщина, удивительно похожая на свою сестру Александру, которая отмечала, что черты лица Маши «тонки, правильны и ясно обозначены, что она нравилась всем знакомым... Из всей семьи нашей она особенно выдавалась своими разнообразными талантами... С годами она становилась всё интереснее, у неё проявлялись новые способности. Так, был скоро замечен её прекрасный голос, и способность хорошо рисовать... Также легко владела она стихом, и в семье нашей сохранилось несколько её шуточных стихотворений и прекрасных переводов её с немецкого языка из Гейне и Гёте» [1: 108, 112, 116]. Сохранился дагерротип с этой портретной миниатюры.

В «Списке русских художников» (сост. С. Н. Кондаков) упоминается художник Алексей Ефремов (1810-?):

живописец, учился в Академии художеств (1821–1831) у А. Г. Варнека; писал исторические картины и портреты [10, 68]. Видимо, будущий художник посещал и класс миниатюрной живописи, которым с 1815 года руководил А. Г. Варнек.

Напутствием в жизнь звучат слова из письма Николая Станкевича, обращенные к своим младшим братьям и сестрам: «Будьте веселы: верьте, что люди не брошены в мир беззаботною рукою, смотрите вперед, сохраните в душе благодарное воспоминание, любовь, не бойтесь порою и тихой грусти... Не забывайте, что в этом мире велик ещё круг Вашей любви, что каждый из вас составляет лучшую часть жизни другого — один в другом ищите опоры, утешения, твердости; пусть каждый живет для другого, и все будут покойны, веселы, счастливы!» [3, 186].

Примечания:

* — Из письма М. И. Забелиной В. Н. Щепкину. 1908. Личный архив М. В. Щепкиной. Публикуется впервые.

** — Исполненный маслом парный портрет А. В. Станкевича и Е. К. Бодиско кисти известного скульптора и архитектора В. О. Шервуда находится в ГИМе. Он был написан в 1869 году в имении Станкевичей Курлак (Воронежская губ.).

*** — Отрывок из письма-завещания А. В. Щепкиной публикуется впервые.

**** — Оба портрета (пастельный, 1888 г. и живописный, 1892 г.) находятся в национальных музеях Познани и Варшавы, Польша. Опубликовано в кн. Т. Л. Карповой «Генрих Семирадский». — СПб.: Золотой век, 2008 (серия «Русские художники. XIX век»). — С. 176–177.

***** — Имение Княжое (Княжая) на р. Сейме (Семи) в Тимском уезде Курской губ. Ранее принадлежало купцам Демидовым.

***** — Имение Шорстово в Курской губ.

Список литературы:

1. Щепкина А. В. Воспоминания. – Сергиев Посад, 1915.
2. Луповская Х. П. Марфа Вячеславна Щепкина. // Austrian Journal of Humanities and Social Sciences, «East West» Association for Advanced Studies and Higher Education GmbH. – Vienna. – 11–12. – 2014.
3. Переписка Николая Владимировича Станкевича. 1830–1840. Ред. и изд. А. Станкевича. – М.: Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1914.
4. «Искры», журнал. – 1913. – № 37.
5. Станкевич Н. В. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1982.
6. Манн Ю. В. В кружке Станкевича. – Историко-литературный очерк. – М., 1983.
7. «И за строкой воспоминаний большая жизнь...». Мемуары, дневники, письма. К 125-летию Государственного исторического музея. – М.: ГИМ, 1997.
8. Гриц Т. С. Летопись жизни и творчества М. С. Щепкина. – М.: Наука, 1966.
9. Щепкин М. С.: жизнь и творчество. В 2-х т. Под ред. О. М. Фельдмана. – М.: Искусство, 1984. – Т. 1.
10. Императорская Санкт-Петербургская Академия художеств. 1764–1914. В 2 т., Т. 1–2/сост. С. Н. Кондаков. [СПб.]: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, [1914], Т. II. Часть биографическая. Список русских художников к юбилейному справочнику Императорской Академии художеств.

*Pugovkina Oksana Gennadevna,
Institute of History Academy of Sciences of Uzbekistan, Senior researcher,
Department of Historiography and historical sources studies
E-mail: pugovkina@yandex.ru*

The first results of work on the collection of data on local settlements named after the “former imperialist generals” in the Soviet Turkestan in 1920–1922 (based on the funds of TSGACSA RUz)

Abstract: Within this article there were shed the light one of the episodes from the history of Soviet toponymy associated with the collection of data in Soviet Turkestan on localities, that emerged after Central Asia was conquered by Russian empire. The result of such a work was a spreadsheet composed by local authorities containing information on more than 100 settlements. In addition, these findings suggest that in the beginning of the 20th century Turkestan's toponymy began to be introduced by new “sovietized” titles that were to replace previous imperial ones.

Keywords: Soviet toponymy, the Soviet authorities, Turkestan, the collection of data, the sources, localities, the former imperial elite.

*Пуговкина Оксана Геннадьевна,
Институт истории Академии наук Республики Узбекистан, канд. истор. наук,
старший научный сотрудник, отдел «Историографии и источниковедения»
E-mail: pugovkina@yandex.ru*

Первые итоги работы по сбору сведений о населенных пунктах, носящих названия «бывших империалистических генералов» в советском Туркестане в 1920–1922 гг. (по материалам фондов ЦГА РУз)

Аннотация: В рамках данной статьи освещен один из эпизодов из истории советской топонимики, связанный со сбором сведений в советском Туркестане о населенных пунктах, носящих названия, возникшие после завоевания Российской империей Средней Азии. Результатом работы стали составленные местной властью сводные таблицы, содержащие сведения о более чем 100 таких населенных пунктах. Кроме того, полученные данные позволяют говорить о том, что с началом 20-х годов в топонимику Туркестана начинают внедряться новые «советизированные» названия, которые должны были заменить прежние имперские.

Ключевые слова: советская топонимика, советская власть, Туркестан, сбор сведений, источники, населенный пункт, бывшая имперская элита

Установление советской власти в Туркестане сопровождалось не только сменой политического режима, но и всего того, что могло хоть отдаленно напоминать гражданам новой советской республики о прошлом, прежней жизни, ценностях, связанных с династией Романовых.

Не осталась без внимания советской власти и бывшая колониальная топонимика Туркестана. История возникновения первых названий, связанных с именами российских и туркестанских политических деятелей уходит в середину 60-х годов XIX в., с момента установления российской имперской власти в Туркестане. На это время приходится практика замены исконных, традиционных названий, новыми, которые, по мнению колониальной власти, более всего отвечали задачам укрепления русской государственности на окраине империи.

Таким образом, в Туркестанском крае появились города, улицы, поселки, связанные с именами видных представителей колониальной элиты Туркестана — селения Кауфманское [1], Осташкинское [2], Лыкошинское [3]; членами правящего дома Романовых — Романовское, Новоалексеевское; видными фигурами российской истории, политики, науки — Милютинская [4] станция, станция Хилково [5], село Столыпино [6], село Кутузовское [7], станция, город Пржевальск [8]; с православными праздниками — Троицкое, Вознесенское, Богословское и др.

В Центральном государственном архиве Республики Узбекистан [9] в фонде Р-39 — Народный комиссариат внутренних дел, хранится ряд документов, связанных со сбором сведений о городах, селениях, улицах, проспектах, носящих названия, так или иначе связанные с бывшей имперской властью в Туркестане. Они содержатся в двух делах, с почти аналогичными названиями — «Переписка с областными исполкомами и управлениями милиции о переименовании населенных пунктов, носящих названия царских генералов в период завоевания Туркестана царской Россией» [10]. Документы представляют собой сводные таблицы, в которые занесены указанные сведения по следующим областям Туркестана — Семиреченской, Сырдарьинской, Ферганской и Туркменской. Кроме того, в таблицы вносились сведения о новых названиях, связанных с новой властью и ее новыми героями.

В документах фонда не удалось обнаружить входящих документов, непосредственных директив из Москвы о необходимости сбора указанных сведений. Вызывает большие сомнения появление данной инициативы «на месте» в Ташкенте, поэтому можно предположить, что такой документ был «спущен» из центра именно в 1920 году. Вообще 1920 год — ключевой в истории советского Туркестана. Именно с этого года центральная власть начинает активно «заниматься» Туркестаном: были окончательно введены и закреплены новые правила правописания русского языка в Туркестане, начинается «чистка» советских учреждений Туркеспублики «от антисоветских, саботажных, контрреволюционных элементов», активная высылка из Туркестана «бывших» — жандармов, полицмейстеров,

служивших при имперской власти, принята первая Конституция ТАССР [11], ограничивающая гражданские права и свободы «бывших».

Как позволяют судить архивные материалы, сбор данных сведений начался с июня 1920 года, с указания Комиссариата внутренних дел ТАССР. Во все уездные исполнительные комитеты ТАССР были отправлены запросы следующего содержания: «Срочно составьте списки всех городов, пунктов, местечек вашего уезда, носящих в настоящее время названия разных бывших русских империалистических генералов, а также имеющих названия, относящихся к временам завоевания Туркестана русским царским правительством с указанием носимых или прежде исторических туземных названий» [12, 11].

Со всех мест шли телеграммы в Ташкент, в Народный комиссариат внутренних дел о том, есть или нет в областях «местечек, носящих названия бывших русских империалистических генералов». Так, из Ташкентского уезда была получена телеграмма: «На циркулярное распоряжение Ваше Ташкентский уездный революционный комитет сообщает следующие поселки, носящие названия бывших империалистических генералов — Константинов, Кауфман, Черняев, Ново-Николаевское» [12, 3].

В другой телеграмме из Верного сообщалось: «Сообщаем в Верненском уезде селения, носящие названия генералов: историческое Чамалган — ныне Самсоновское, историческое Утиное — ныне Осташкинское (генерал), историческое Джанышар — ныне Алексеевское (бывший наследник), историческое Кутентай — ныне Николаев (бывший царь)» [12, 4].

Особого внимания заслуживают представленные сведения. В частности, местная власть должна была собрать следующие сведения:

1. Наименование городов, пунктов, местечек, носящих империалистические названия;
2. В честь кого названы;
3. Их прежнее историческое название;
4. Наименование современное.

С учетом поставленных задач, местная власть должна была провести, по сути, «исследовательскую» работу, полноценное научное изыскание, чтобы ответить на все требуемые вопросы. Данная работа продолжалась до 1922 года, после чего были уже сформированы списки всех мест Туркестанского края по областям, носящие «империалистические» названия, которые составили более 100 наименований.

Анализ сводных таблиц по областям позволяют говорить, что к 1922 году многие населенные пункты Туркестана уже были переименованы в честь победителей Октября и героев, погибших в борьбе за установление советской власти в Туркестане. Так, согласно сделанным примечаниям к таблицам, в Ходженском уезде разъезд Прилона был переименован в разъезд Баранова — «в честь погибшего от рук басмачей продработника Баранова» [13, 3]. В Фергане, в 1922 году вместо Романовского переулка появился проспект Ленина, что, согласно данным документам

можно считать одним из первых упоминаний имени вождя в топонимике советского Туркестана, появились поселки Урицкого, Свердлова, Полторацкого.

Вся политика советской власти в отношении городской топонимики в Туркестане была регламентирована и направлялась инструкциями из Москвы, преследуя целью «очищение» исторической памяти новых граждан

советского Туркестана от прошлого имперского наследия. Параллельно с этим шел процесс замены старых «героев» на новых, что вводило в повседневную жизнь советских граждан новые фамилии и имена, что можно рассматривать как часть идеологической борьбы советской власти. Новая власть ничего не придумывала нового, они умело использовали прежний имперский опыт.

Список литературы:

1. Константин Петрович фон Кауфман (1818–1882) – первый Туркестанский генерал губернатор.
2. Осташкин Павел Петрович – вице-губернатор Семиреченской области. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ru.rfwiki.org/wiki/Семиреченская_область.
3. Нил Сергеевич Лыкошин (1860–1924) – военный губернатор Самаркандской области (1914–1917), известный туркестановед.
4. Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) – русский военный историк и теоретик, военный министр в 1861–81 гг. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Милютин,_Дмитрий_Алексеевич
5. Михаил Иванович Хилков (1834–1909) – князь, русский государственный деятель из рода Хилковых, действительный тайный советник, министр путей сообщения Российской империи (1895–1905). // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Хилков,_Михаил_Иванович
6. Пётр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) – государственный деятель Российской империи, министр внутренних дел, премьер-министр. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Столыпин,_Пётр_Аркадьевич
7. Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов – русский полководец, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией во время Отечественной войны 1812 года.
8. Пржевальский Николай Михайлович (1839–1888) – русский путешественник и натуралист. Исследователь Центральной Азии. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Пржевальский,_Николай_Михайлович
9. Центральный Государственный архив Республики Узбекистан – далее ЦГА РУз.
10. ЦГА РУз Р-39 (Народный комиссариат внутренних дел ТАССР). – оп. 1, д. 223, д. 409.
11. Туркестанская Автономная советская социалистическая республика – далее ТАССР.
12. ЦГА РУз Р-39, оп. 1, д. 223 – Переписка с уездными исполкомами ТАССР о предоставлении списка городов и поселков, носящих названия царских генералов. – 1920. – 23 л. – Л.11.
13. ЦГА РУз Р-39, оп. 1, д.409 – Переписка с областными исполкомами и управлениями милиции о переименовании населенных, носящих названия царских генералов в период завоевания Туркестана царской Россией. – 10.1921. – 41 л. – Л.3.

Section 4. Linguistics

*Bashmakova Irina Stepanovna,
Irkutsk State Technical University,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Faculty of Applied Linguistics
E-mail: bis61@mail.ru*

English idioms with proper name in semiotic aspect

Abstract: The article deals with the semiotic status of proper name in English idioms. The main directions of contextualization in terms of discourse are determined. Idiomatic contexts with proper names are considered as mythological discourse components. Idioms with proper name are originated in its mythological function in panchronic discourses. Due to the fact, any idiom is the possessor of concise illocution. In the given article the terms phraseologism and idiom are considered as fully interchangeable.

Keywords: English idiom, phraseologism, mythological discourse, proper name, anthroponym, semiotic status, cognitive center, categorization, taxis relationships, symbolic meaning, sign, symbol.

Due to the awareness of need to research interaction between a person and his language not only as a product “ergon”, but also as a language producing activity “energeya” [1], in linguistics, in studying object there has been a shift to the anthropological paradigm. The appeal to the human factor in language-study means important changes in basic paradigmatics. Furthermore, it means the transition from the immanent approach to the anthropological one, which suggests language-studying in close relation with a person and his consciousness, spiritual and practical activities. The **aim** of the given article is to determine the semiotic status of a proper name, anthroponym in particular, in English idioms. This goal involves the following **objectives**: to determine the main direction of proper name contextualization (PN) in discourse, stating proper name as cognitive center of English idioms [2], to formulate the principles of interaction between the idiom and its context in cognitive and semiotic perspectives. The theme topicality is determined by a new approach in the interpretation of idiomatic context with proper name, which is considered to be a symbol of mythological discourse.

Research methods: phraseological identification, comparison, analysis.

The anthropological linguistics initial thesis is a claim that language is a constitutive property of a human being. Hence, it is impossible to learn a language in itself, not going beyond its limits, without contacting its creator — a person. However, a person without a name does not exist in the world. The name is as old as a person himself. Modern scholars are unanimous in view that proper name content, anthroponym, in particular, is determined not by formal but its content characteristics, due to the fact that senseless and meaningless names don't exist in their genesis.

The peculiarity of proper name in free use dictates the urgent need to study its functioning characteristics in idioms, such as: the patience of Job, Augean stables, a Judas kiss, as old as Methuselah, Bacchus has drowned more men than Neptune, a Roland for an Oliver, the sword of Damocles, and gives a basis for the idiom with proper name segregation into a special group.

So far, in phraseology there is a view that all components of a phraseological unit take equal part in its formation [3; 4]. However, it can't be asserted in case of idioms with proper name, on the reason that any proper name in such phraseologisms is the cognitive center of the unit, the center which organizes specific mythological knowledge [2]. The proper name (anthroponym) as the center of proposition and illocution contemporaneously, irradiates to the rest idiom components by its symbolic meaning.

Most of the proper names have a rich lexical background, fixed in people's memory as rigid associations-personalities. These personalities are kept in people's mind as myths and legends. They might be the myths about historical events or heroes, fiction characters, the Bible individuals. The people's association is extremely important. Due to that we are to study language along with the history and the ethnos' culture. As phraseology is onomastic science, from the position of which — names reflect not only the national identity, but inform us about people's peculiar customs, traditions, the way of thinking. As a rule, the Bible, historical events, literature are the sources of idioms with proper name formation. Hence, it is possible to assume that proper name, being a repository of knowledge, contains an action, a small history fragment. To prove it, one example, taken from an article by B. Shaw, which contains the idiom *Jack the Ripper* is illustrated. In the extract, the author has a discussion about the work of Zola and Victor Hugo.

... As an example of how to cater for such readers, we may take Zola's *Bete Humaine*. It is in all its essentials a simple and touching story, like Prevost's *Manon Lescaut*. But into it Zola has violently thrust the greatest police sensation of the XIX century: the episode of **Jack the Ripper**. Jack's hideous neurosis is no more a part of human nature than Caesar's epilepsy or Gladstone's missing finger. One is tempted to accuse Zola of having borrowed it from the newspapers to please his customers just as Shakespeare used to borrow stories of murder and jealousy from the tales and chronicles of his time... [5].

The idiom *Jack the Ripper* is based on the definite historical information about a personality, Jack by name, who lived in London and killed many women. The events, happened in the 1888, were officially recorded. Since that time, Jack the Ripper is a nickname assigned to a serial killer who brutally murdered an incredible number of girls in the slums of London.

For further analysis, it is necessary to agree on the meaning of the terms "discourse", "text", "context". In this article, the point of view of T. van Dijk and B. Kintch in the field of discourse and text is taken as the basis [6]. According to their approach, discourse is a broad and universal linguistic object, covering not only the linguistic structure of the speech product, but also the typical parameters of the communicative situation, a strategy of creating communication. In contrast to the discourse, text, by T. van Dijk, is more specific and narrow phenomenon, which doesn't go beyond the actual structural and semantic parameters of speech fragment. In speech activity, communicants, depending on their role at a certain point, can move in both directions: from the discourse to the text, and vice versa. The first way is search for linguistic means to express the information that speaker/writer is going to tell the listener/reader, i. e. from the discourse to the text. The second way is listener's/reader's action. To penetrate deeper into the meaning of a particular text, the interpreter derives the information from "o'ertext" discourse. Discourse gives an idea about things or people, their properties and relations, about events or actions i. e. a fragment of the world, which is named "situation".

A detailed excursus into the mentioned above theory has been done to state that one of the results of text understanding is its meaning representation in episodic memory in the form of text base. Retracing to the given above example with the English idiom *Jack the Ripper*, we can conclude that in people's memory, the name *Jack* together with the word *the ripper* in the given word-combination will always be referred to a definite person, Jack, in connection with fixed negative information which describes cruelty of a woman hater, once lived in London. The anthroponym Jack in the word-combination is that element of the idiom that implies a set of unchanged attributes like cruelty, callousness, ruthlessness. Without a doubt, the proper name Jack in the idiom *Jack the Ripper* has its prototype. This prototypical image was enclosed into the idiom under the myth conditions, where myth is necessarily symbol [7]. Hence, the symbolic function of anthroponyms in phraseologisms is a major one.

Since ancient times, symbol is the object of studying of professionals dealt with philosophy, semantics, ethnography, folklore and other fields of human knowledge. Greek philosophers interpreted symbol as a real life function, as an ideal model of the Universe, disintegrating in endless rows of its constituent elements. During the Renaissance, there was nothing new in the theory of symbol, but there was a noticeable shift in the perception of a character as a multivalued unit. G. Hegel, after the German romantics, emphasizing the rationalistic and linguistic sides of symbol based on the conventionality, defines symbol as external existence, given to the contemplation, which might be perceived in comprehensive meaning [8].

In the given article, proper names in idioms are interpreted as symbol, with special indicating the fact of anthroponyms' close connection with the primordial referent. In other words, these proper names symbolize the image which obtained steadiness, which is kept in mind in invariable representations through centuries. To prove the affirmation about proper name symbolic meaning when the latter is included in idioms, the following example is given.

Lord Rockingham took office in 1782, his political creed was still in its earlier period of liberal emphasis. The Ministry of the Rockingham Whigs that summer, left a deep impression for good on our public life, because it passed Burke's Economic Reform Bill, which greatly reduced the patronage of government in sinecures and places, and rendered it impossible for anyone ever again to bribe Parliament wholesale, as Walpole, Newcastle and George III had done. **The Augean stables** were half swept out [9].

In the extract from the "History of England" by Trevelyan G. M., the reader's attention is focused on the idiom *Augean stables* in the context of a historical reference. Outwardly, the use of the idiom is inappropriate. However, under more careful analysis, one can observe the author's intention aimed to show the importance and complexity of Burke's economic reform, firstly, and secondly, the state of affairs during the time of Walpole and George III. The use of the idiom *Augean stables*, which is a symbol of neglect, contaminated place, helps readers to understand a true situation in the government of Britain in 1782, specifically: excessive welfare of some leaders of the sinecures, bribes received by members of the Parliament to lobby personal interests of minority. In the idiom *Augean stables* the "move" from denotative meaning to the predicative one is implemented. In other words, the meaning is fixed at the level of axiology (Eternal World) [10], a characteristic feature of which is a complete lack of taxis relations, which, in turn, is the main feature of a mythological semiotics, obtaining by proper name. The symbol in the given example (dirty place) is not just a sign of some events, but it contains the generalized principle of further disclosure of implied semantic content, the deplorable state of affairs in the parliament, exactly. A symbol is a common generating unit, i. e. autonomous semantic system "programmed" for some new origin of multiplicity of personal meanings, subordinated to the symbol integrity.

To confirm the affirmation of symbolic nature of anthroponym, incorporated in idiom, a number of examples with English idiom *Every Tom, Dick and Harry* are considered.

Every Tom, Dick and Harry — any person:

a) I'm not going out with **any Tom, Dick or Harry**. If Ronald doesn't invite me, I won't go out at all [11].

b) If we were to listen to the half-baked ideas of **every Tom, Dick and Harry** you know what we'd have? I'll tell you. Anarchy [12].

c) As for qualified guides here, there is no legislation for giving them a licence, so that **any Tom, Dick or Harry** can work as a guide and give not only wrong information, but cause further chaos by not knowing his way about [12].

When analyzing the example with the idiom *every Tom, Dick and Harry*, the first question that might occur is why these names (Tom, Dick, Harry) were accepted as the basis for the phraseological meaning "just any". According to the research [2], in this case, the frequency of use plays an important role, as: Tom is the most popular name in England, Dick — in Scotland, Harry — in Ireland. The factor of frequency in indeterminated idioms plays a principal role, along with the phonetic factors such as alliteration, rhyme, folk etymology. As the research showed, the anthroponym 'Jack' is a structural component of about 30 phraseological units; the anthroponym "Tom" is used in more than 16 idioms, like Tom Fool, Tom Tiddler's ground, Old Tom, more (people) know Tom Fool than Tom Fool knows, Tom o'Bedlam, Tom Tailor, etc. In the given idioms, the individuated function "to be ordinary" can be observed. Taking into consideration the examples with the given above English idiom, it can be concluded that the anthroponyms Tom, Dick, Harry symbolize ordinary persons. The names, together with the indicator any/every, express some negative hint. So, the heroine Sess will not go anywhere with everyone she meets if Ronald

doesn't invite her personally (a); if one listens to stupid ideas of common people it will inevitably lead to anarchy (b); if any person without special training starts working as a guide, nothing good will come of it (c). From the infinite number of predicates inherent to the names Tom, Dick, Harry only one component was selected — to point that a person does not belong to high society (a), to emphasize that people don't have any specific intelligence and knowledge (b, c). In the idiom *every Tom, Dick and Harry* the anthroponyms "work" as internal predicates which remained in people's memory as symbol of mediocrity.

It should be noted that all events related to individuals (Jack, Augeas, Tom, Dick, Harry, etc.) are interpreted in the form of myths, the form of knowledge representation, which allows to assert about cognitive and semiotic statuses of proper names, incorporated in idioms.

Conclusion

1. Proper name in idioms, anthroponym in particular, is a symbol.

2. In English idioms with proper names the symbolic nature of anthroponym is expressed by inner predication.

3. Proper name in idioms is a single, unique predicate because of its semiotic status. The essence of the latter is that the idiom is endowed with the properties of symbolism on the one hand, and the predication, on the other.

4. From the perspective of semiotic relations that is an unusual combination, as normally, symbol is a name with "undeveloped" syntax but with great pragmatic significance. The predicate, on the contrary, has high mobility, "cosmopolitanism" in relation to nominal semantic units.

5. The semiotic status can be fixed by special context, which helps to reproduce the main features of the prototypical situation. Thus, an idiom with anthroponym can be interpreted adequately only in the context of discourse.

References:

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 2000. – 400 с.
2. Башмакова И. С. Когнитивные аспекты антропонима в составе английской идиомы. – Иркутск: Иркутский гос. лингвист. университет, 1998. – 180 с.
3. Амосова Н. Н. Основы английской фразеологии. – Л.: Ленинградский университет, 1963. – 208 с.
4. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Аспекты теории фразеологии. – М.: Знак, 2008. – 656 с.
5. Shaw G. B. Selection from Shaw: A Fearless Champion of the Truth. – М.: Прогресс, 1977. – 420 p.
6. Dijk T. A. van. Discourse as Structure and Process. // Discourse Studies: A Multidisciplinary Introduction. – Vol. 1. – London: Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications, 2000. – 308 p.
7. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. – М.: Искусство, 1995. – 320 с.
8. Гегель Г. Собрание сочинений. Т. 2. Эстетика. – М.: Искусство, 1971. – 326 с.
9. Trevelyan G. M. History of England. – London: Longmans, Green and CO. LTD, 1926. – 723 p.
10. Уайтхед А. Н. Философская мысль Запада. Избранные работы по философии. – М.: Прогресс, 1990. – 718 с.
11. Gulland M., Hinds-Howell G. Dictionary of English idioms. – London: Penguin Books, 1994. – 420 p.
12. Oxford English Dictionary. – Oxford: Univ. Press, 1984. – 769 p.

Walter Arthur,
Vienna University of Economics and Business,
doctoral student, Institute for Slavic Languages
E-mail: 1arthur1walter1@gmail.com

On the concept of “corporation”

Abstract: The paper examines the problems of the functioning of the concept of “corporation” in the Russian context. The necessity of taking into account the organizational and legal forms of the enterprises when researching Russian business culture has been substantiated.

Keywords: corporation, legal forms of organization, business culture, Russia, corporate communications.

Вальтер Артур,
Венский экономический университет,
докторант, Кафедра славянских языков
E-Mail: 1arthur1walter1@gmail.com

О понятии «корпорация»

Аннотация: В статье рассматривается проблематика функционирования понятия «корпорация» в российском контексте. Обоснована необходимость принятия во внимание организационно-правовых форм предприятий при исследовании российской бизнес-культуры.

Ключевые слова: корпорация, организационно-правовая форма, бизнес-культура, Россия, корпоративные коммуникации.

Становление предпринимательства как «новой» социально-экономической практики в постсоветской России сопровождалось активным процессом социально-культурных заимствований из международной бизнес-среды. В российскую деловую культуру вошли различные иноязычные экономические и юридические термины и понятия, которые впоследствии были приняты российским социумом и прочно обосновались в русском языке. Некоторые из них не получили законодательно закреплённого определения, как, например, понятие «бизнесмен», которое, однако, широко используется как синоним слова «предприниматель» [14].

Подобная ситуация наблюдалась длительное время и в отношении термина «корпорация» [8; 11], который, в общепотребительном смысле, часто ассоциировался с крупной компанией или крупным бизнесом. В целом это соответствует разъяснениям к понятию корпорации в различных англоязычных справочных источниках, указывающих на специфику и сложность функционирования таких организаций и поэтому, как правило, крупных [1; 3; 4], однако, там же рассматриваются и «малогабаритные» варианты корпорации [2].

В советское время понятие «корпорация», которое происходит от латинского слова «corporatio» — объединение, подчас сопровождалось использованием столь отрицательных характеристик (замкнутость, узкоиндивидуалистические интересы, авторитарность руководства, асоциальные и антисоциальные ценностные ориентации) [10], что данный термин приобретал негативную коннотацию. Современные русскоязычные толковые

и специальные словари чаще всего представляют термин «корпорация» как объединение (общество) или группу лиц, объединённых по профессиональному признаку либо для достижения какой-либо цели [5; 15; 17]. О масштабах такой организации, в большинстве случаев, речь не идёт.

Исследователями из областей экономики и права предлагались различные подходы при определении, что именно следует считать корпорацией: рассматривались варианты из англо-саксонского и континентального права [6; 8]; иногда учитывалась возможная экономическая сторона понятия [7]. Корпорация также представлялась как определённая организационно-правовая форма хозяйствующего субъекта, к которой относили организации и предприятия различного экономического «масштаба»: от внутренних торговых товариществ до транснациональных компаний [11; 13].

В настоящее время учтены поданные в высшие законодательные органы Российской Федерации предложения по правовому урегулированию этого вопроса, направленные на определение корпорации как юридического лица, учредители которого являются его участниками, обладающими в нём правом членства, формирующие его высший орган управления и имеющие право на участие в управлении его деятельностью [12], и в апреле 2014 Госдумой РФ принят федеральный закон, закрепляющий эти положения [16]. Принадлежность к корпорации в нём определяется только организационно-правовой формой и не зависит от размера уставного фонда, экономических показателей или направления деятельности организации, а корпорации, при этом, могут быть коммерческие и некоммерческие [9; 16].

Следовательно, в категории «корпорация» оказываются вместе с крупнейшими компаниями (ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл» и т.п.) и такие юридические лица как товарищества собственников недвижимости, крестьянские (фермерские) хозяйства, казачьи общества, общины коренных малочисленных народов Российской Федерации и т.д. [16]. При этом не все юридические лица попадают под определение «корпорация». Так, например, крупные унитарные предприятия: ФГУП «Почта России» (государственная компания, оператор почтовой сети), ФГУП «ГКНПЦ имени М.В. Хруничева» или ГУП МО «Мособлгаз» не входят в категорию «корпорация», поскольку относятся к иной организационно-правовой форме.

Проблема определения понятия «корпорация» в российском законодательстве разрешена, однако, исследователям российской бизнес-культуры, возможно, ещё предстоит уточнить: рассматривать ли производные понятия «корпоративные коммуникации», «корпоративная культура», «корпоративная этика» или «корпоративный дресс-код» в связи с существующим организационно-правовым контекстом принадлежности к «корпоративности». В российской действительности заимствованное слово «корпорация» не стало синонимом понятия

«крупный бизнес», но и не охватывает все предприятия и организации, поэтому, с учётом вышеизложенного, представляется целесообразным производные «корпоративные» понятия, уже давно принятые и используемые как в бизнес-сообществе, так и в научной среде, не ставить в прямую зависимость от юридической терминологии, однако принимать во внимание законодательные положения.

Не каждая организация является корпорацией, но, в то же время, любая корпорация — организация в широком смысле этого слова, поэтому сложившийся подход, рассматривающий производные «корпоративные» понятия как тождественные «организационным», допустим, но не следует его использовать всуе. Для газетной публицистики, художественной литературы или бизнес — лексика это приемлемо, однако в научных публикациях, где от чёткости понятий и категорий зависит валидность исследований и достоверность выводов, такой подход неуместен. Надо полагать, что с учётом российского нормативно-правового контекста в научных исследованиях или публикациях, посвящённых российской «корпоративной» тематике, необходимо оговаривать (пояснять) применение «корпоративных» понятий по отношению к некорпоративным организациям.

Список литературы:

1. Cambridge Dictionaries Online. Meaning of “corporation” in the English Dictionary. – Cambridge University Press, 2015.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/corporation> (Дата обращения: 07.10.2015).
2. Entrepreneur. Corporation.//Entrepreneur Media, Inc. – 2015.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.entrepreneur.com/encyclopedia/corporation> (Дата обращения: 07.10.2015).
3. Oxford Dictionaries. Definition of corporation in English.//Oxford University Press. – 2015.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.oxforddictionaries.com/definition/english/corporation> (Дата обращения: 07.10.2015).
4. Small Business Administration. Corporation.//U. S. Small Business Administration. – 2015.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sba.gov/content/corporation> (Дата обращения: 07.10.2015).
5. Tolkslovar.ru. Корпорация.//Tolkslovar.ru. – 2015.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tolkslovar.ru/k9413.html> (Дата обращения: 07.10.2015).
6. Бондарь Татьяна Васильевна. Корпорация как институт реализации государственной собственности: теоретические аспекты.//Вестник Томского государственного педагогического университета. – 12 (127). – 2012. – С. 68–73.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://vestnik.tspu.edu.ru/archive.html?year=2012&issue=12&article_id=3740 (Дата обращения: 07.10.2015).
7. Голикова Ю.А. Корпорации России: состояние и перспективы развития.//Российское предпринимательство. – № 5, Вып. 1 (183). – 2011. – С. 46–51.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.creativeconomy.ru/articles/11676/> (Дата обращения: 02.11.2013).
8. Добровольский В. И. Применение корпоративного права: практ. рук. для корпоратив. юриста.//Wolters Kluwer Russia. – 2008. – 539 с.
9. Консультант Плюс. Новости для юриста. Государство. Проект Федерального закона N 47538–6/2 «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов РФ».//Консультант Плюс – 2014.//[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/law/review/fed/nw2014–04–30.html> (Дата обращения: 07.10.2015).
10. Карпенко Л.А. (сост.) Краткий психологический словарь./Под общ. Ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – М: Политиздат, 1985. – 431 с.
11. Лазарев В.В., Потапов В.А. Корпорации и их виды в российской правовой системе.//Внешнеторговое право. – № 2. – 2006.
12. Президент Российской Федерации. Законопроект № 47538–6/2. “О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, статью 1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»

- и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации" // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/\(ViewDoc\)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&02AC6C653179969843257AD20027D563](http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/(ViewDoc)?OpenAgent&work/dz.nsf/ByID&02AC6C653179969843257AD20027D563) (Дата обращения: 02.11.2013).
13. Саакова Л. В. Сравнительный анализ теорий фирмы и сущность современной корпорации. // Проблемы современной экономики. – № 4. – 2010. – С. 78–83.
 14. Словарь русского языка. Бизнесмен. // РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – 4-е изд., стер. – Т. 1. А-Й. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – С. 89. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/02/ma108941.htm> (Дата обращения: 02.11.2013).
 15. Словарь русского языка. Корпорация. // РАН, Ин-т лингвистич. исследований. – В 4-х т. – 4-е изд., стер. – Т. 2. К-О. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – С. 107. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/11/ma210725.htm> (Дата обращения: 07.10.2015).
 16. Федеральный закон от 05.05.2014 № 99-ФЗ «О внесении изменений в главу 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации и о признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации». // Государственная система правовой информации. // Опубликован 05.05.2014 на официальном интернет-портале правовой информации. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201405050086?index=0&rangeSize=1> (Дата обращения: 07.10.2015).
 17. Экономический словарь. Корпорация. // Экономический словарь. – 2015. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ekslovar.ru/slovar/k-/korporatsiya.html> (Дата обращения: 07.10.2015).

Ismikhanova Gulkhanim Tofiq kizi,
Baku Slavic University

E-mail: gulxanim_ismixanova@hotmail.com

The structural-semantic peculiarities of the temporal words in Mahmud Gashgari's "Divanu-lugat-it-turk"

Abstract: The great Turkic Encyclopedias of the XI century Mahmud Gashgari's work "Divanu-lugat-it-Turk" is a very rich and fundamental source for study of historical phonetics, vocabulary and grammar of the Turkic languages. The temporal words are the most significant among the other remarkable lexical units in this monument. The study and research of the temporal words, analysis of their structural- semantic peculiarities makes it possible to specify and determine the ancient Turku's attitude to such an important factor as notion of time.

Keywords: temporal words, Mahmud Gashgari, Turkic languages.

The temporal words used in the monument can be united in several groups:

1) the general temporal words: *oğur*, *öd*//*ödh*, *ödhlek*, *köç*, *çar*, *çarik*, *kibə*, *kaçan*, *tidhin*, *türk*. There are the following concrete examples:

Oğur — time: *nə oğurda kəlding* — What time did you come? [5, I, 126]; *Ol bu oğurnu tumluğlandı* — He thought that time was cold [5, II, 269];

Ödhlek — time, fate, fortune [5, I, 351]: *Ödhlek kamug küfrədi*, *Ərdəm arığ səwrədi* — The time has become weaker, Erdem has got thinner [5, I, 165–166]; *Ödhlek küzgərđi* — The time became the autumn [5, III, 207];

Köç — hour, moment, term, period: *Bir köç küdhil* — Stop a moment, a little [5, I, 337]; *Çar* — time: *Bu çarlikdə kəl* — Come at this time [5, I, 338]; *Çarik* — time, certain period, season [5, I, 389]; *Kibə* — little time, in a very short time: *Kibə boldu* — Very little time has passed [5, III, 207]; *Kaçan* — When: *Kaçan kəlding* — When did you come? [5, I, 401]; *Səniq barğinq kaçan?* — When will you go away? [5, II, 84]; *Tidhin* — a temporal word: *Bu tidhin gəldi* — He came at

that time [5, III, 168]; *Ödh yayikti* — The spring has come; It is spring [5, III, 186]; *Öd* — season — *Öd küzərđi* — The autumn has come [5, II, 113]; *Türk* — a temporal word that means the middle of the time when fruits ripen [5, I, 359] etc.

Though the words *köç*, *çar*, *çarik*, *kaçan* are used in the modern Turkic literary languages and their dialects and patois in the same form or with some phonetic changes, the other ones have become archaic. B. Atalay noted that the word *çar* "time" is used only by village women in many places of West Anatolia [1, 323]. Now this word occurs in the Kazakh and Tatar languages in the forms *çer* and *çor* [4, 187].

Though the other words were widely used in the Turkic languages in the ancient times, some of them disappeared gradually, and some of them changed their semantics, for example the words *öd*//*ödh* and *oğur*.

The words *öd*//*ödh* used as the synonyms of the words *vaxt* "time" and *mövsum* "season" in the modern Azerbaijani language have become the main means of formation of temporal word-combinations, for example: *Türk üzüm ödi* — the time when grapes ripen [5, III, 359]; *Tüşlük ödhi* — the time

after midnight when wayfarers make a halt [5, I, 461]; *Tüş ödi* — noon [5, III, 133]. It now appears that when speaking about weather or any season the ancient *Turki* used the words *öd*, *ödh*, *ödh*. These words also occur in the monument “Kutadgubilig” [3, 172].

There are such expressions in the Azerbaijani and Turkish languages as *ödü* qopmaq, *ödü* partlamaq. Having compared these expressions with the similar ones in the other Turkic monuments (“Yusif and Zuleykha”, “Kitabi — Dede Korkud”) G. Yilmaz concluded that though now they mean “to fear very much”, in the ancient texts they meant “the allotted time is up to man and his life is over” [8, 2].

The word *oğur* both for its meaning and function corresponds to the word *zaman* “time” in the modern Azerbaijani language. In the dictionary this word is very active as it expresses the different spaces of time and forms the temporal word-combinations, for example: *Bitik bititgü oğur* “when he has a book written” [5, II, 310]; *At közätgü oğur* “when a horse waits” [5, II, 310]; *Tarığ arıtğı oğur* “when wheat is peeled” [5, II, 310]; *Bu ya kurğu oğur ərməs* “this summer is not the time to build” [5, II, 83]; *Tərpätgü oğur* “when he moves it” [5, II, 341]; *Tawratgü oğur* “when it revolves” [5, II, 341]; *Təprätəsi oğur* “when it is moved” [5, II, 341]; *Yatğışük oğrı* “during the sleep” [5, III, 54]; *Bu ət toğrağü oğur ol* “it is the time to cut meat” [5, III, 281].

In the “*Divanu-lugat-it-Turk*” the word *oğur* is given as a homonym and it is noted that this word is used in several meanings: time, state, chance, thief. M. Kashgari gave the following explanation of the word *oğurladı* “stole”: It was done in time. *Ər işin oğurladı* “a man did his work in time”. It now appears that there is semantic closeness between the verb *oğurlamaq* “to steal” and the temporal word *oğur*, or rather as a thief can catch a moment and seize the opportunity to steal, this word is connected with him. At least the expression “a thief will never let the moment pass and let pass no occasion” confirms it, too [5, I, 341].

The great Turkic Encyclopaedist of the XI century Mahmud Gashgari’s work “*Divanu-lugat-it-Turk*” is a very rich and fundamental source for study of historical phonetics, vocabulary and grammar of the Turkic languages. The temporal words are the most significant among the other remarkable lexical units in this monument. The study and research of the temporal words, analysis of their structural-semantic peculiarities makes it possible to specify and determine the ancient *Turki*’s attitude to such an important factor as notion of time.

The temporal words used in the monument can be united in several groups:

1) The general temporal words:

oğur, *öd*//*ödh*, *ödh*, *köç*, *çər*, *çarik*, *kibə*, *kaçan*, *tidhin*, *türk*. There are the following concrete examples:

Oğur — time: *nə oğurda kəlding* — What time did you come? [5, I, 126]; *Ol bu oğurnu tumluğlandı* — He thought that time was cold [5, II, 269];

Ödh — time, fate, fortune [5, I, 351]: *Ödh* — *kamug küfrədi*, *Ərdəm arıg səwrədi* — The time has become weaker,

Erdem has got thinner [5, I, 165–166]; *Ödh* — *küzgərdi* — The time became the autumn [5, III, 207];

Köç — hour, moment, term, period: *Bir köç küdhil* — Stop a moment, a little [5, I, 337]; *Çər* — time: *Bu çərlikdə kəl* — Come at this time [5, I, 338]; *Çarik* — time, certain period, season [5, I, 389]; *Kibə* — little time, in a very short time: *Kibə boldu* — Very little time has passed [5, III, 207]; *Kaçan* — When: *Kaçan kəlding* — When did you come? [5, I, 401]; *Səninə barğınq kaçan?* — When will you go away? [5, II, 84]; *Tidhin* — a temporal word: *Bu tidhin gəldi* — He came at that time [5, III, 168]; *Ödh yayikti* — The spring has come; It is spring [5, III, 186]; *Öd* — season — *Öd küzərdi* — The autumn has come [5, II, 113]; *Türk* — a temporal word that means the middle of the time when fruits ripen [5, I, 359] etc.

Though the words *köç*, *çər*, *çarik*, *kaçan* are used in the modern Turkic literary languages and their dialects and patois in the same form or with some phonetic changes, the other ones have become archaic. B. Atalay noted that the word *çər* “time” is used only by village women in many places of West Anatolia [1, 323]. Now this word occurs in the Kazakh and Tatar languages in the forms *çer* and *çor* [4, 187].

It is very interesting that such sentences as *baya ok kəldim* “I came not long ago” [5, I, 112]; *əmdi ok aydım* “I have just said” [5, I, 112] occur in Kashgari’s dictionary, too. M. Kashgari showed that the word *ok* is a particle closed to the meaning of case. It is obvious that *okun* is a phonetic variant of the word *oğur*. The word *baya* as a n independent lexem is used in the modern Kirghiz language in the meaning “the other day”. So in these sentences the expressions *baya ok* and *əmdi okcan* be understood as *baya oğur* (time), *əmdi oğur* (time) and the element — *ur* in the word *oğur* can be considered a suffix of plural. E. Karabajak shows that this word is used in the dialects and patois of the Turkish language in the form *baya* in the meaning “before” [4, 1877].

There are such lexems in DLT, that can express temporal meaning without the word *oğur*, for example: *sıkman* — the time when grapes are squeezed [5, I, 435]; *ulığı* — the time of howling: “*Bu uğur ol böri ulığı*” — It is the time of wolf’s howling [5, I, 193]; *kirkin* — the time of camel’s excitation: “*Boğra kirkini kirdi*” — The time when a camel gets excited has come [5, III, 434]; *Töl-foetus*’ time. In the *Oghuz* language this word also means “baby” [5, III, 139]; *Ol bizgə kəlgü boldı* — It happened when came to our place [5, II, 84].

2) The words connected with a day

This group includes the words *kün*, *öylə*, *ertə*, *özlə*, *kün ortusu*, *ikindi*, *türk kuyaş ödi*, *tanq*, *küşlük*, *tüş ödi*, *tünüg*, *in-qtüir*, *axşam*, *kündüz*, *keçə*, *tün-kün*, *tün*, *tünlə*, *maraz*, for example: *Öylə-noon* (in the *Oghuz* language), *özlə* (Qypchaq) [5, I, 174]; *ertə* — early in the morning [5, I, 183]; *ortu*: *kun ortusu* — noon [5, I, 183]; *Türk kuyaş ödi-noon* [5, I, 359]; *ikindi* — the time for the second day’s prayer [5, I, 196]; *tanq* — dawn, daybreak: *Tanq ata yortalım*, *Budhruç kanın irtəlim* — Let’s go at dawn and desire Budhruch’s blood [5, III, 310]; *küşlük* — the time between morning and noon (in *Oghuz*) [5, I, 460]; *tüş ödi* — the time between morning and

noon [5, III, 133]; *tünüg* — night [5, III, 233]; *ingir* — dusk, twilight, gloaming. The Oghuz called it "*imir*" [5, I, 157]; *axşam* — evening [5, I, 169]; *küngüz* — afternoon: *Tünl yorup kündüz səwnür* — The night wayfarer rejoices over afternoon [5, III, 80]; *keça* — night: *Keça turup yorır ərdim, Kara kızıl böri kördüm* — While walking at night I saw a gold black wolf [5, III, 208]; *Tün* — night: *Tünlə kəldim* — I came at night [5, I, 349]; *tün-kün* — at night-in the afternoon (i. e. the whole day, from morning till night) [5, I, 344]; *maraz* — the darkest night [5, I, 409].

The ancient Turki used the different words to call the certain parts of day, the certain spaces of time. Most of them are used in the epos "Kitabi-Dede Korkud" and in the modern Azerbaijani language; some of them are used in the modern Turkic languages and their dialects [6, 41]. The words *tuş* and *kuşluk* are used in the Kumyk language in the same meaning [2, 27].

Both in the modern Turkic languages and in the XI century the word *kun* that is the phonetic variant of the word *gün* was widely used and played an important role in the formation of the temporal expressions, for example: *Sü on kün örük boldi* — The troops stayed at the same place for ten days [5, I, 137]; *Ol kiyim-kiyim kün keçürdi* — He spent his days doing nothing [5, III, 166]; *Tuyuk kün* — rainy, drizzling day [5, I, 164]; *Bu yelinq kün* — this windy day [5, III, 323] etc.

3) The words connected with a year

This group includes the following words: *yıl, izi, arkun, bildir*, for example: *yıl* — year: *Bir yıl keçti* — A year has passed [5, III, 16]; *Yıl yazıktı* — The spring has come [5, III, 95]; *bildir* — last year [5, I, 446]; *izi, arkın izi* — next year [5, I, 153]; *kurğak yıl* — dry year: *Kurğak yılın budhun kör, karda tüşər kodi il* — If people move to the other place in the dry year, go with them [5, III, 66]; *arkun* — the name of the next year [5, I, 170]. The words *yıl* and *bildir* occur in the Azerbaijani language in the forms *il* and *bildir*.

Besides them there are twelve animals' names of year used by the ancient Turki in the "Divanu-lugat-it-Turk". The twelve animals calendar used by the Turki is the most ancient.

Giving the information about the word "pars" M. Kashgari wrote: "Pars is one of the names of Turki's twelve years. It has the following history: the Turki chose twelve animals' names to call twelve years. All memorable dates and events in their children's life (birth, age, war etc.) they calculate by these years..." [5, I, 355].

There is a following story in the "Divanu-lugat-it-Turk": One day the ruler went hunting and the people drove all animals towards the river Ilisu. Some of the animals jumped into the river and twelve of them crossed it. Thus according to the succession of the twelve animals' crossing they named each year [5, I, 355]: *sıçğan yılı* — mouse year, *ud yılı* — cow year, *pars yılı* — panther year, *tawışğan yılı* — hare year, *nək yılı* — crocodile year, *yılan yılı* — snake year, *yund yılı* — hourse year, *biçin yılı* — monkey year, *takağu yılı* — hen year, *it yılı* — dog year, *tonguz yılı* — swine year. Comparison of this ancient calendar with the modern animals' calendar shows that there are

no serious distinctions between them: in the "Divanu-lugat-it-Turk": *ud yılı* — cow year, *nək yılı* — crocodile year, *takağu yılı* — hen year and at present: *öküz ili* — ox year, *əjdaha ili* — dragon year, *xoruz ili* — cock year.

4) The words connected with the months and seasons.

This group includes the following words: *ay, küz, uluğ, bağır, oğlak*, for example: *Ay* — month (30 days) [5, I, 148]; *küz* — autumn: *Küz kəligi yazın bəlgürər* — Autumn's coming can be judged by summer [5, II, 362]; *Kış* — winter [5, II, 395]; *kadır kış* — severe winter [5, I, 366]; *uluğ* — the middle of summer [5, I, 356]; *uluğ oğlak* — the period after the goat month [5, I, 35]; *bağır* — the middle of summer [5, I, 366]; *oğlak ay* — the spring period after the holiday Nowruz (after March) [5, I, 356]; *yaz* — summer: *Yazın katıqlansa, kışın səwnür* — The one who works in summer, will be glad in winter [5, III, 159] etc.

M. Kashgari wrote about the nomination of months and seasons carried out by the ancient Turki: "About the names of months: these names were used in the Arabic languages in towns. Nomads and the Turki who weren't Moslem divided a year into four seasons and named them. Each of three month had its name and the end of a year was determined by it. The names of months after Nowruz were *oğlak ay* and *uluğ oğlak ay*, because *oğlak* — kids — grew up during this period. Then the month *uluğ ay* came, as the ground was fertile and plentiful, animals grew up and milk increased during this period. The other months followed one another in the same order, but as they are used very little, I don't enumerate them" [5, I, 356].

Thus the Turki used the names of months in the XI century, but as they were in the Arabic language, they weren't included in the dictionary, that is to say as M. Kashgari's dictionary was compiled with the purpose to teach the Arab the Turkic language, M. Kashgari giving the Turkic names of seasons didn't include the Arabic names of months in his dictionary, because it wasn't necessary.

5) Past-present-future

This group includes the lexemes that express action, events, processes that take place in the past, present, future and their temporal connection. I. Tahirov in his book "The tense category in the Azerbaijani and English languages" divides the temporal words of the compared languages into two parts: the first group includes the temporal nouns, adverbs, adjectives, the second group includes the words of the different parts of speech that express action, events, processes which take place in the "past-present-future" and considers each of these groups a separate microsphere [7, 118]. In the M. Kashgari's dictionary this microsphere includes the following words: *aşnu, basa, burun, sonq, andan, öng, əmdi, uza, izi, uş, baya ok, imdi ok, tutaşı* and other words, for example: *aşnu* — before: *Mən ondan aşnu kəldim* — I came before him [5, II, 383]; *basa* — after, later: *Mən anda basa kəldim* — I came after him [5, II, 370]; *burun* — before: *O məndin burun bardı* — He came before me [5, II, 383]; *sonq* — then, after: *Sən məninq sonqa kəl* — Come after me; follow me; *Bu söz sonqında ayğıl* — Speak after these words [5, II, 383]; *andan* — after him (in the Oghuz):

Andan aydım — I spoke after him [5, I, 171]; *önq* — before: *Ol mändən önqdin bardı* — He went away before me [5, I, 114]; *Baya ok kəldim* — I came not long ago [5, I, 112];

Əmdi ok aydım — I have just said [5, I, 112]; *əmdi* — now [5, II, 370]; *uş* — now: *Uş kəldügüm* — I have just come [5, I, 111]; *uza* — the past time: *Ərdi uza ərənlər, Ərdəm bəgi bilik tağ* — There used to be men in the past, Erdem bey was like a mountain [5, I, 153]; *izi* — next year, *arkın il* — next year [5, I, 153]; *tutaşı* — always: *Mən sanqa tutaşı barır mən* — I always come to your place [5, I, 431]. The temporal words in these examples are postpositions, nouns and adverbs. More than past of them are used in the modern Azerbaijani language. Naturally there were certain phonetic changes in them, but they didn't influence their semantics.

The word *uza* is used in the Turkmen and Altai languages in the form *oza* and means “in the ancient times”, in the Qypchaq language it means “time”. The word *burun* is

used in the Turkmen and Karachai-Balkar languages in the form “*burun öncə*” and means “in the past” and it is given in the dictionaries in this form. Thus such words given in the M. Kashgari's “*Divanu-lugat-it-Turk*” haven't left the language in spite of long time and are still used in the Turkic languages in the different forms.

25 % of the words given in the following couplet are temporal ones, and it proves that the ancient Turks attached great importance to time and tried to appreciate this notion:

*Kışka etin, kəlsə kalı kutluğ yay,
Tün, kün keçə alkınur ödhlək bilə yay
Prepare for winter, if summer comes,
The days will flee into nights
The month will be over* [5, I, 148].

Generally the wide study of temporal vocabulary in the “*Divanu-lugat-it-Turk*” including temporal words, word-combinations and sentences will make it possible to clarify some problems in Turkic philology.

References:

1. Atalay B. M. Kashgarli Divanu-lugat-it-Turk. Turkish translation. – Volume I. – Ankara: Turk Tarih Basimevi, 1985. – 530 p. (in the Turkish language).
2. Aidiyeva T. I. Apprehension of temporal semantics of some nouns in the different languages (on the material of the Kumyk and English languages). // The humanities and social sciences. – № 70. – 2008. – 67 (in the Russian language).
3. Askerov R. B. Qutadgu Bilig. / R. Asker. – Baku: “Elm”, 2003. – 320 p. (in the Azerbaijani language).
4. Karabacak E. Zaman isimleri üzerine. // V Uluslararası Türk Dili Kurultayı Bildirimleri. II. – 2004. – səh. 1855–1946.
5. Kashgari M. Divanu-lugat-it-turk. IV volumes. – Baku: «Ozan», 2006 (in the Azerbaijani language).
6. Kitabi-Dede Korkud / Compiled, transcribed and adapted by F. Zeynalov and S. Alizadeh. – Baku: «Yazichi», 1988. – 265 p. (in the Azerbaijani language).
7. Tahirov I. M. Tense category in the Azerbaijani and English languages. – Baku: «Nurlan», 2007. – 324 p. (in the Azerbaijani language).
8. Yılmaz G. Erken dönem Türk düşüncesinde “zaman” kavrayışı. // [Electronic resource]. – Available from: <http://www.turanjeopolitigi.com/felsefe-metinleri/99-turk-dusuncesinde-zaman-kavrayisi.html>.

*Ukrainets Liudmyla Fedorovna,
Poltava National Pedagogical University
named after V. G. Korolenko,
Doctor of Philology, Professor,
Department of Ukrainian language
E-mail: ukrayinetz@mail.ru*

Culturologically-linguistic aspect of the voiceless consonants' [τ], [τ:], [τ'], [τ':] connotation in the Ukrainian poetic language of XX–XXI centuries

Abstract: The article deals with the problem of generating connotations by noisy consonants in the Ukrainian poetic language of XX–XXI centuries. Culturologically-linguistic interpretation of the association experiment has allowed participants to objectify phonetic connotation of the voiceless consonants [τ], [τ:], [τ'], [τ':] that is not only as an element of aesthetization artistic type of communication, but also as an important part of the dominant stylistic trends formation in the development of the Ukrainian literary language.

Keywords: connotation, voiceless consonants, culturologically-linguistic aspect of analysis, poetic language of XX–XXI centuries.

Украинец Людмила Федоровна,
Полтавский национальный педагогический университет
имени В. Г. Короленко, доктор филологических наук,
профессор кафедры украинского языка
E-mail: ukrayinetz@mail.ru

Лингвокультурологический аспект коннотации глухих [t], [t:], [t'], [t':] в украинском поэтическом языке XX–XXI ст.

Аннотация: В статье затронута проблема порождения шумными согласными коннотации в украинском поэтическом языке XX–XXI ст. Лингвокультурологическая интерпретация участниками ассоциативного эксперимента позволила объективировать фонетическую коннотацию глухих [t], [t:], [t'], [t':] не только как элемент эстетизации художественного типа общения, но и как важное звено формирования доминирующих стилистических тенденций в развитии украинского литературного языка.

Ключевые слова: коннотация, глухие консонансы, лингвокультурологический аспект анализа, поэтический язык XX–XXI ст.

Природа порождения коннотации фонетическими средствами в украинском поэтическом языке XX–XXI ст. приобретает все более интенсивную форму объективации как культурологический феномен, который создает не только ассоциативно-образный, но и “культурно-исторический фон слова, выражая национальную специфику языка” [11, 248]. Фонетическая коннотация в контексте понимания имплицитных вербальных структур как очень сложных прагматических и семантических моделей является своеобразным аксиологическим концептом, ведь “слова с собственно коннотативным содержанием нельзя подчинить только стилистической проблематике, потому что они всегда апеллируют к определенному опыту человека, возникающему в результате его воспитания культурой” [2, 78–79]. Определяя синергетические истоки кодирования культурно-исторического опыта системой языка и системой мышления, известный исследователь становления когнитивно-семиологической теории слова в рамках взаимодействия когнитивно-дискурсивной лингвистики и лингвокультурологии Н. Алефиренко подчеркивает: “Культурные концепты по природе своей антропоцентричны и в силу этого оказываются насыщенными культурноносными коннотациями” [1, 12].

В украинском поэтическом языке XX–XXI ст. коннотационный потенциал шумных согласных [t], [t:], [t'], [t':] — релевантное средство выражения семантико-прагматического компонента аксиологической картины мира благодаря эксплозивному сегменту, который интерпретирует коммуникативно-информационное содержание поэтического дискурса по законам мотивации “субъективного настроения”, определяя в итоге суггестивное влияние языка на социум. Полифония такого диффузного континуума в эволюционной динамике поэтического дискурса предопределила коннотационную стратегию звукописи прежде всего как один из способов коррекции эмоционального состояния говорящего. Акцентируя внимание на психолингвистических

аспектах проблемы, В. Телия отмечает корреляцию между изучением коннотации и понятием ассоциации, а также с “эмоциональной организацией речи, отчасти — с культурно-национальным ее аспектом, рассматриваемым в связи с особенностями восприятия речи” [10, 3]. Зачастую ассоциативно значимыми оказываются не столько акустические, сколько артикуляционные стандарты актуализации этих консонансов, ведь поэтическая речь воспринималась “тугой” и “тяжелой” не в последнюю очередь “благодаря повторению буквы Т” [8, 177]. В славистике такую “наглядность стихотворения”, тем не менее, традиционно рассматривали в аспекте ассоциативной интерпретации как художественный способ “выражения трудности всего действия” [8, 177]. Со временем прагматические перспективы согласных [t], [t:], [t'], [t':] претерпели существенную трансформацию под влиянием символических характеристик этих согласных, ведь твердый [t] *большой, сильный, темный, твердый* — вызывает в целом неприятные ассоциации, тогда как палатальный [t'] *теплый, мягкий, слабый и светлый* претендует на положительно маркированные символические характеристики [5, 52].

В украинском поэтическом языке XX–XXI ст. ассоциативное поле звукобуквенного символа *t* → [t], [t:], [t'], [t':] позволяет смоделировать визуальную, психологическую, аудиальную и стилиобразующую коннотацию.

Визуальная коннотация глухих [t], [t:], [t'], [t':] в рамках синестезии феномена апперцепции *света и тени* — это своеобразный экспонент сконденсированной на принципах символизма образной суггестии: *Ти тільки сон, Перебіжна тінь... Ти тільки тінь скорботна* (Д. Загуг). Даже экспериментальная версификация модернистов не избежала зависимости от коннотационного потенциала этих глухих: *Тіні такі тонкі* (М. Семенко). Ассоциации акустического импульса инициируют адекватные художественные образы, среди которых вечер результат превалирования тени над светом: *Там, де втомно в темінь тоне*

<...> *Хтось невтомним дзвоном дзвонить Хтось в чарівнім царстві тонів Відправляє месо* (В. Кобылянский). Гармония звуков как эстетическая категория инициирует сложные, но, бесспорно, прекрасные по своей природе импресии, которым в украинском поэтическом дискурсе свойственна полимодальность: *Тільки тобою білий святиться світ, Тільки тобою повняється брості вім* (В. Стус).

Высокая степень коннотации *т*-континуума (палатальный [т'] декларирует эмоциональные приоритеты мягкой речи) локализирует субъективные интенции в рамках поэтического образа, чувственная конкретика которого возрастает до уровня эстетического символа.

Архитектоника украинского поэтического языка подчинена переосмыслению глухих согласных и в аспекте аудиальной коннотации, инициируя звуки колокола — *Тінь там тоне, тінь там десь...* (П. Тычина) или колокольчиков: *Хай по полю, Золотому полю ляже тінь. Хай схитнеться — Жито усміхнеться: Тінь! Тінь* (П. Тычина). Фонетическая мотивированность лексемы *тінь* согласными [т], [т:], [т'], [т':] на фоне ассоциативной парадигмы сонорных [м], [н], [н'] является импресией высокой метафорической организации, когда “слово-звук <...> непосредственно выявляет мироощущение поэта” [9, 7]. Прагматическая функция коннотации согласных [т], [т:], [т'], [т':] — позиционировать “гармонию между художественной формой и внутренним содержанием” [3, 143] — достигает цели: “эмоциональность, которая передается читателю, <...> является результатом суггестивного действия выражений” [3, 140]. Звуковая гармония благодаря коннотационным свойствам анализируемых глухих экспонирует национальные особенности украинского поэтического языка XX ст., позволяющие создать “художественный мир, законом для которого является красота” [7, 124]: *За травами у срібнім верховінні Замерехтіла в тінях темна хата; Темнавій вітер, темні губи і темні трави травня* (Н. Винграновский).

Психологическая коннотация *т*-континуума определяет эмоциональное состояние, ассоциативными составляющими которого есть *терпение, усталость, протест*. “Скрытые семы” (Р. Гинзбург) глухих согласных в лингвосфере писателей трагической судьбы приобретают статус психологического концепта: *Терпи, терпи — терпець тебе шліфує Сталить твій дух — отожд терпи, терпи* (В. Стус). Такая звуковая архитектура определяет органически самобытное мироощущение автора, склонного к “философскому углублению самовыражения, герметичной самодостаточности поэтического слова и в то же время к синтезу глубинных традиционных истоков украинского художественного формирования образов

с поэтическим языком двадцатого столетия” [4, 184]. Фоностилистической категорией субъективно-эмоциональной информативности *т*-континуум становится благодаря денотативной фоносеманте в томат: *Це просто втома. Втома — і смертельна. Це просто стало сторч на голові Тобі волосся* (В. Стус). Артикуляционно-акустическому сегменту [т], [т'] свойственно моделировать концептуально информативный образ даже *максимы психологического напряжения: Хитайся і злітай, хитайся і лютуй, Троци в трикутничок знайомого причілка* (Н. Бажан). Такая фонетически мотивированная информация — показатель имманентных параметров языка, философско-медитационное направление которого сконцентрировано “на трагизме человеческого бытия, одиночестве личности, на поисках духовных ценностей в глубинах независимой души” [6, 155].

Стилеобразующая коннотация глухих [т], [т:], [т'], [т':] — это, с одной стороны, проявление версификационного мастерства, элемент своеобразного экспериментирования с фоностилистическими возможностями поэтического дискурса XX–XXI ст., а с другой — эмоционально-экспрессивная особенность поэтического языка, архитектура которого осуществляется на уровне каламбурных образований, перемещая алогизм в фокус коннотационных сущностей: *У Таврії таврянки й таври Заводять сонну кров в тавернах. Тепер у ті таверни тільки орли тавричеські літають* (И. Малкович). Как средство выражения остроты мысли с эффектом неожиданности такой звуковой континуум концентрирует внимание на восприятии “семантических особенностей единиц, которые разыгрываются” [11, 100]. В этой связи перспектива дискурсивного эффекта [т], [т:], [т'], [т':] функционально значима прежде всего для реализации принципа карнавальности в украинском поэтическом языке постмодерного периода, который лучше рассматривать в контексте теории “личностных смыслов” (А. Леонтьев): *Це триває свято поїдання птиці При світлі відлітань і тріпотінь* (Ю. Андрухович).

Неоднозначность ассоциативной рецепции [т], [т:], [т'], [т':] с позиций лингвопоэтики XX–XXI ст. позволяет актуализировать эксплозивный сегмент повторяющихся глухих аллофонов как коннотационную доминанту, которая “имеет форму субъективно-оценочного модуса”, однако дополняет информацию “об объективно существующей реалии сведениями о национальной ее специфике, что и вызывает соответствующий речевой эффект” [10, 4]. Поэтому лингвокультурологическая интерпретация глухих [т], [т:], [т'], [т':] позволила объективировать фонетическую коннотацию не только как элемент эстетики, но и как важное звено формирования стилистических тенденций в развитии украинского литературного языка.

Список литературы:

1. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова: монография. — Волгоград: Перемена, 2006. — 228 с.
2. Верещагин Е. М. Лингвострановедческая теория слова. / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. — М.: Русский язык, 1980. — 320 с.

3. Клочек Г. Д. “Душа моя сонця наміряла...”: поетика “Сонячних кларнетів” Павла Тичини./Г. Д. Клочек. – К.: Дніпро, 1986. – 367 с.
4. Коцюбинська М. Василь Стус./М. Коцюбинська//Історія української літератури ХХ століття: навч. посіб.: у 2 кн./за ред. В. Г. Дончика. – 2-ге вид. – К.: Либідь, 1995. – Кн. 2. 1960–1990-ті роки. – С. 184–193.
5. Левицкий В. В. Семантика и фонетика./В. В. Левицкий. – Черновцы, 1973. – 104 с.
6. Літературознавчий словник-довідник; [за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка]. – К.: Академія, 2007. – 752 с.
7. Моренець В. Микола Вінграновський./В. Моренець//Історія української літератури. ХХ століття: навч. посіб.: у 2 кн./за ред. В. Г. Дончика. – 2-ге вид. – К.: Либідь, 1995. – Кн. 2.: 1960–1990-ті роки. – С. 124–136.
8. Радищев А. Н. Избранные сочинения./А. Н. Радищев; подгот. текста и вступ. ст. Г. П. Макагоненко. – М.: Худож. лит., 1952. – 711 с.
9. Родько М. Д. “Сонячні кларнети” Павла Тичини./М. Д. Родько//Українська мова і література в школі. – 1968. – № 1. – С. 5–9.
10. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц./В. Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – 144 с.
11. Українська мова: енциклопедія./В. М. Русанівський, О. О. Тараненко, М. П. Зяблюк та ін. – К.: “Укр. енцикл.”, 2000. – 752 с.

Cipriani Enrico,
University of Turin (IT),
Department of Philosophy,
PhD Student
E-mail: enrico.cipriani@edu.unito.it

A modal account of the initial position

Abstract: Rawls's thought experiment of initial position is one of the most discussed topic in philosophy, ethics and social science, and has been presented and criticized in different ways and by different approaches. In this paper, I will provide two criticisms against Rawls's hypothesis, and I will express them by using modal logic and possible world semantics. My aim is to show how Rawls's experiment is “computationally impossible” and how modal logic and possible world theory can be useful in social choice theory.

Keywords: Initial position, Veil of ignorance, Modal logic, Possible worlds computation, Relevant fragments, Rigid-designator.

Introduction

The thought experiment of initial position, proposed by Rawls in *A Theory of Justice*, has been criticized from several points of view. One of the firmest opponent to Rawls's hypothesis is Sandel, who, in accordance with communitarian criticisms to Rawls [2; 3], thinks that the notions of veil of ignorance and of original position cannot be accepted, in virtue of the fact that it is not possible for an individual to abstract completely from her beliefs and her conceptions. A stronger, and maybe more dangerous, criticism can be advanced against Rawls's thought experiment by using possible world logic. This criticism wants to point out that Rawls's experiment is not impossible only for reasons concerning the individual beliefs about and knowledge of the world, but also in virtue of the fact that the individual will not be able to compute and judge all the possible situations in which she could find herself. Furthermore, this criticism will show that Rawls's proposal does not shed light on the contradictory situations which are determined by the abstracting process that the author suggests. Modal approach to Rawls's hypothesis will not be developed in details here; I will instead point out how much modal logic can be useful in social choice theory.

Rawls's argument and Sandel's criticism

In his *A Theory of Justice* [1], Rawls argues that if individuals who compose a society found themselves in an original position where they are covered by the veil of ignorance (where they do not know which role they will have in the society, and which characteristics), and if those individuals should establish the social norms for the future society in which they will be born, so their choice would consist in the best one, in the sense that they would choose those norms which would grantee social justice in the future society, and which would favor inequalities only to help the weakest [4]. The original situation to which Rawls refer is not only a theoretical notion which has no effect on reality: according to Rawls, in fact, real individuals in the real world, all of us, could use his thought experiment to converge on right social norms and rules.

Michael Sandel has criticized the notion of veil of ignorance, by pointing out that it is not possible for a individual to prescind from her identity in real world. Sandel attacks Rawls's model by arguing that the American philosopher takes for granted the notion of Me, while actually such notion should be better defined. According to Sandel, the Me is at the same

time disembodied and radically placed, and this paradox entails a confutation of Rawls's theory [5, 195–6].

Sandel's criticism is based on the fact that ethical norms that we approve and values which characterize us depend radically on our knowledge of the world and on our point of view. It is sufficient to consider the multiplicity of cultures — in some of which activities which are repudiated in other societies are instead accepted and socially shared — to understand that what is true or acceptable cannot be determined a priori, unless we do not assume, as Rawls seems to do not too surreptitiously, that there exists a sort of natural justice and right; however, such an assumption should be discussed in details. Furthermore, even if such natural rights and a natural law existed, they would not be sufficient to contemplate and govern all the possible contrasts in which individuals can find. For example, multiculturalism can be in contrast with occidental modesty norms, as when we think that there are societies where sons have sexual relations with mothers before than with their wives. In this case, a smart individual in an original position should on the one hand propose norms which defend multiculturalism, while on the other hand deny *some* forms of multiculturalism, in virtue of some ethical principle. The denial of some forms of multiculturalism, however, would represent a prejudice against a culture and a population.

If Rawls's proposal is difficult to accept for contradictions to which it leads, it is rejectable also for the fact that it is not possible for an individual to compute the infinite situations in which she could find: in other words, given the infinite situations which could characterize an individual, that individual should be able to compute all of them to solve the contradictory situations and beliefs which are due to the observations of all counterfactual situations.

A modal criticism

Criticisms that I have just pointed out can be expressed by a modal account, namely by using possible worlds logic and metaphysics. To proceed in this direction it is necessary to introduce three relevant notions. The first one is that of *possible world*: if we consider any situation which is different from the real one (as it happens when we utter and interpret a conditional sentence), we are considering a possible world. The notion of possible world, originally proposed by Leibniz [6] and introduced in logic and philosophy by Wittgenstein [7] and Carnap [8], was fully defined by Kripke and his school in sixties: a possible world is defined as a collection of entities which is potentially — but not actually — definable by listing all the true (elementary) sentences in the world. The second notion is that of *rigid-designator*: a rigid-designator is represented by a constant which denotes the same individual in all possible worlds (Even if there are some opponents, the hypothesis that proper names correspond to rigid-designator in almost universally accepted in philosophy of language and mind, and in these years such hypotheses has been empirically (psychologically) tested). So, r denotes Rawls in every possible world, and so denotes Rawls whatever his properties are (there are worlds where Rawls is an engineer or other where

he is a Formula 1 driver) [9] [10]. The third and last relevant notion is that of *accessibility between worlds*: given a world W_1 , from that world it is or not possible to access to another world W_2 . By these notions it is possible to describe and criticized Rawls's thought experiment and his idea of the veil of ignorance; furthermore, modal reflections will show that Sandel's criticisms are very strong.

Let's consider Rawls's experiment. Let's imagine that an individual, s , carries out Rawls's thought experiment: s tries to prescind from her beliefs and her experience in real world (in W_r), and imagines to be in the original position, without knowing what properties will characterize her in the future world where she will be born. We say that, given an hypothetical situation α , if s imagines to be characterized by α , s will imagine to be in the corresponding world W_α , and so in the world where she has property α . It is clear that relevant possible worlds are infinite, because there are many worlds as single properties that s can imagine to have are: this is a source of great perplexity, because it is not sure that the number of the world does not exceed the mathematical countability. The problem of mathematical countability is even more evident if one considers that the worlds vary not only for the properties $\alpha_1, \dots, \alpha_n$ which are attributed to s , but also on the basis of the infinite combinations between elements which compose possible worlds $W_1, \dots, W_n$.

The most serious problem that Rawls's theory must face is expressible in the following terms. The original position entails that s detaches from all her beliefs and convictions, and that she projects herself in a possible world where her life is different. Let's imagine that from real world s goes in W_1 , where she is the member of a tribe where what is commonly defined incest is not so, but instead it is a propitiatory practice. There are two possible situations. If s , by accessing from real world (where she considers the incest a pathology and an indecent assault) to possible world W_1 , loses her knowledge of herself in real world, so in W_1 s will sustain the incest, and would like all other members of every society to accept and practice it. If then s carried out another thought experiment, by displacing in another world W_2 , where s is a catholic observant, so she would like the incest to be condemned by the Church and by the society, and to be cured as a disease of the mind and the body, contrarily to her desires in W_1 . Let β be the property to accept the incest: on the basis of what just said, s would be pushed to approve and disapprove β at the same time. This criticism is even stronger if we imagine that from W_1 and W_2 s passes to other possible worlds, where her beliefs and moral convictions change radically. The problem could be solved by saying that s would desire that β in W_1 and that $\sim \beta$ in W_2 , but there would not be any world in which she wants that $(\beta \wedge \sim \beta)$: so, s would not be in contradiction. This objection would not be efficacious, since Rawls's thought experiment entails that s must be able to look at all possible worlds while being conscious to be in the real world, or, better, in the world which correspond to the original position. Rawls's experiment requires instead that

one accesses in all possible worlds while being able to look and analyze all those worlds at the same time, so to choose the synthesis enclosing her moral desires and beliefs in all the worlds. However, this operation requires God's eye. Furthermore, a more serious problem would consist in the fact that even if s could compute the choices on all the worlds that she contemplates, s should judge a lot of situations — maybe infinite — where both α and $\sim \alpha$ are accepted: in these situations, she could not decide. The only way to proceed would be to distinguish between significant fragments [11] on the basis of the distinction between α and $\sim \alpha$: in other words, given two equally acceptable choices for s , s should distinguish between those worlds where one or the other one is chosen, and should act on both the fragments, namely on the two sets of worlds chosen by distinguishing between α and $\sim \alpha$.

It is however sufficient to reflect for a while to understand that this approach is not plausible at all: given the infinity of worlds and of choices that s would provide in those worlds, for every choice γ there would be worlds where s wants that γ and worlds where she rejects γ . The only way to solve this contradiction would be to assume that there exist some a priori moral principles such that, given two relevant fragments γ and $\sim \gamma$, s is able to exclude a priori γ or $\sim \gamma$. However, this assumption would be completely arbitrary, and would lead to consider Rawls's argument a *petitio principii*. It seems so more reasonable to suppose (as an inference to the best explanation) that justice and equity principles cannot be universal in any way, but depend instead on the context where they are contemplated [12], as the meaning of the words depends on the context where they are uttered.

References:

1. Rawls J. A Theory of Justice. – Cambridge (MA): Belknap Press of Harvard University Press, 1971.
2. Caniglia E., Spreafico A. Comunitarismo o liberalismo? – Roma: LUISS University Press, 2003.
3. Ferrara A. Comunitarismo e liberalismo. – Roma: Editori Riuniti, 2000.
4. Rawls J. Justice as Fairness. – Cambridge, London: Cambridge University Press, 2001.
5. Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. – New York: Cambridge University Press, 1982.
6. Leibniz G. W. Saggi di teodicea, Mathieu V. (a cura di). – San Paolo, 1994.
7. Wittgenstein L. Logisch-philosophische Abhandlung, Annalen der Naturphilosophie. – 14. – 1921. – P. 185–262 (tr. 1922. Tractatus logico-philosophicus, London: Kegan).
8. Carnap R. Meaning and Necessity. – Chicago-London: University Chicago Press, 1947.
9. Kripke S. A. Identity and Necessity, Munitz, M. K. (eds.), Identity and Individuation. – New York: New York University Press, 1971. – P. 135–64.
10. Kripke S. A. Naming and Necessity. – Cambridge (MA): Harvard University Press, 1980.
11. Lewis D. Truth in Fiction. // American Philosophical Quarterly. – 1978. – Vol. 15, No. 1, – P. 37–46.
12. Walzer M. Spheres of Justice: in Defense of Pluralism and Equality. – New York: Basic Books, 1983.

Section 5. Pedagogy

*Dzhahparaeva Jamila Yusupovna,
Institute of National Problems in Education, researcher
E-mail: dgamka.84@mail.ru*

*Omarov Omar Alievich,
Academician of RAE, Doc. of Physics and Mathematics, prof.,
Institute of National Problems in Education, researcher, director
E-mail: inporao@mail.ru*

*Omarova Naida Omarovna,
Corresponding Member, Russian Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Phys.-Math.), prof., Institute of National Problems
in Education, researcher, deputy director
E-mail: n.omarova@yandex.ru*

Psycho-pedagogical conditions of education of tolerance and prevention of aggressive behavior of children and youth in innovative continuous Russian regional education system

Abstract: In modern society, the role of spiritual and moral education in human development is particularly great. In recent years, researchers pay much attention to the search for new methods and approaches in education. The creation of a new concept of education has a paramount importance. The education system should be integrated into the global educational community and to respond to global trends in education.

Keywords: Youth, extremism, tolerance, education, innovation system, upbringing.

Modern Russia as a result of reforms faced with increasing social and economical problems. Economic and social instability leads to the problems of employment and lack of confidence in the prospects for the future. The youth is accompanied by the instability of motivationally value structure and manifestations of aggression, nationalist, racist, fascist, interfaith attacks.

The main causes of extremism and terrorism are the psychological discomfort experienced by people permanently under conditions of low living standards, the need for significant dissatisfaction vital ideological orientations in terms of ideological pluralism (the lack of clearly defined common national ideology).

Popular explanatory model of terrorism is a purely psychological, designated as a model of frustration — aggression. Adherence to terrorism in this model occurs due to prolonged blocking of the basic personal values (unemployment, impossibility to get a decent education, blocking career promotions, etc.). Researchers were embarrassed by the simplicity of this model, so that in recent years there was a more adequate explanation of the model. The negative personal identification has been declared as the main cause of psychological readiness for terrorist activity, which is expected to occur because the group identification of some person (ethnicity, denomination,

social stratum), usually referred to a minority is alienated from basic life values. Therefore a person elects negative forms of identification. Frustration in their social outlook makes this person to form motives value denial, to which she/he tended so much. This denial can be the basis of the transition from thought to aggressive actions relatively to one or another social institution [4, 3–15].

Violence and aggression of children and youth is of particular concern in this case, people defining the future of the state, its status and direction of development. Thus the prevention of aggressive behavior developing individual since the pre-school age becomes relevant.

The problem of aggressive behavior, quantitative and qualitative evaluation of aggression in children, the development of appropriate strategies for its prevention and reduction, the study of the causes of aggressive behavior, identification of conditions, methods and means of correction are not sufficiently explored in psychological — pedagogical sciences. In educational institutions, the problem at the present stage becomes relevant, since insufficient attention is paid to evidence-based systematic mechanism to reduce aggression in the behavior and the formation of readiness for positive communication of the person when you change the social situation, as well as the ability to resolve conflicts and to cope with

difficulties in learning, which serves as an indicator of positive attitudes to work.

In domestic science there is a wide range of scientific searches, which investigate the aggressive behavior of children, depending on the surrounding reality.

Prevention problems of aggressive behavior of children and young people are under the scrutiny of representatives of medicine, psychology and pedagogy.

Designating the social context of aggressive behavior, you should pay attention to the study of the factors forming the sensitive to various forms of environmental exposures, and in particular to social factors (the media, the family, educational institutions, etc.), where as defining isolated influence of the family as the reference an environment in which there is a complex multilateral process of education. It is assumed that children and adolescent aggression is a consequence of deformation and lack of positive impact on the developing personality [3, 59–62].

Social and economic instability, uncertainty about the future, mass unemployment — all of these reasons cause aggressive behavior of young people, contributing to the growth of extremism and terrorism.

The school almost lost form of direct communication of teacher and student, and the figure of the teacher “covered” all sorts of controlling test forms that can detect only the most superficial aspects of intellectual readiness of the pupil. They do not provide for a deeper search for truth than to choose one object from several. As a result, understanding of the world and its properties are often based on religion and different kinds of superstitions, which in turn leads to the formation of an inadequate attitude of young people to science and its achievements [4, 3–15].

Young people get answers to the most urgent questions of life beyond from high school or the classroom. This source of information can become a publication of various sectarian and half sectarian organizations.

Hence it is natural to assume that the higher and secondary schools were outside the social and cultural space in which today forms part of a certain modern Dagestanians. Besides the actual problem of teachers — practitioners and researchers — teachers of the republic is the analysis of the reasons of such a depressing situation, the identification of new methods and means of influencing the mindsets, orientation and installation of students.

In this situation, there is a need to develop a system of preventive measures. This preventive work represents an innovative approach, the results of which could, if not completely resolve the contradictions between the individual and society, or at least take the edge off and tension of confrontation, a set of ideas that define the ideological foundations, ideology, purpose, content, objectives, basic forms and methods educational activity of education, as well as ways to engage educators and educability in this activity.

Today the society dynamic in time and rich with conflicting information, is constantly increasing the number

of minors with deviant behavior, manifested in the actions: (alcoholism, drug addiction, disturbing public order, hooliganism). Demonstrative and defiant attitude toward adults is also intensified.

Parents of highly aggressive children also often are hostile and inconsistent in matters of learning the rules and norms of behavior. If one of the family members react with hostility, others are beginning to do something that increases the likelihood of additional hostile manifestations, and the children have difficulties in behavior. It should be noted that parents unknowingly become an example of normative behavior, where most aggressive manifestations are your own unwillingness to share with each other, lack of privacy, tensions with non-native members of the family, jealousy, selfishness, differences of the characters, as well as unequal treatment to them by adults. If the parents are affectionate with their children, responsive to their needs the percentage of anti-social behavior goes down.

Thus, we can conclude that warm emotional, harmonious relationship of the child with the parents (especially with a parent of the same gender as the child), contribute to the development of humane attitude to the other.

In modern conditions, spiritual and economic revival of Russia makes new demands on education and training in the preparation of a harmoniously developed and spiritually rich personality. This is possible with daily enrichment of human and national traditions in the education of children and youth, which will affect the social intellectual potential approval and development of humanistic education [1, 200].

Innovations in the system of science and education today is the creation of the Dagestan Scientific and Educational Center of RAE (DSEC RAE) is a structure of continuous education institutions at various levels. A special place in DSEC RAE reserved to psycho-pedagogical conditions of formation of psychologically healthy and stable personality that determines the ability to counter any negative impact, to maintain stability and balance of the inner world and way of life, the creation of the Russian system of education of patriotism, friendship of peoples, tolerance, citizenship [5, 59–62].

Work in the area of search and creation a new concept of education is of paramount importance. The education system needs to adapt to the new market economy and integrate into the global educational community, to respond adequately to global trends in education. It is necessary to pay attention to the development of human capacity for innovation. The task of education is to help each individual to develop their skills and become a human being and citizen.

Today, conditions are updating the content of education, which focuses on the formation of the humanistic, socially significant values and patterns of civil behavior.

Organization of spiritual and moral education involves the creation of pedagogical conditions for the formation of young people feeling and consciousness of Russian patriotism, friendship of peoples, tolerance.

Youth upbringing in the system of continuous education is reduced to the process of formation of various social qualities, since education has a purposeful process of the collaboration with the student's educational community.

At the same time in all educational work through the prism of folk customs and traditions disclosed universal values: the value of good, relation to another, as to himself, tact and consideration for people and nature, the value of harmony and friendship.

In this regard, the culture of inter-ethnic relations development in terms of multinational Dagestan is of great importance. Such education involves respect for another culture, another's language, customs and religion, the ability to go beyond their nationality, are not confined to the narrow national interests.

The culture of interethnic communication depends on the general culture, communicating with each other people skills to put human values above narrow national.

Education culture of international relations is not a declaration, but one of the most acute problems of education in a multi-ethnic Dagestan, which is going through a difficult period of social development, complicated by the instability of the political situation in Dagestan [1, 224].

Educational work of DSEC RAE, perceived as a separate category, is guided by the aim of diversifying personality supported by his/her identity. This aim is realized in the process of learning, but only partially, as the limited scope of training curricula and program, specifics of the organization. The extracurricular educational work has all opportunities to achieve this goal, which is a complicated target complex, consisting of many interrelated specific pedagogical purposes.

DSEC RAE is a center in the formation of the new spiritual and moral potential of society, the processes of revival and development of the cultures of the people of Dagestan. All organizers of the educational process need to gain knowledge about nations and ethnic relations, which are formed under the influence of children and young people towards people of different nations, their cultures and traditions [6, 78–80].

Culture education of interethnic communication (upbringing of Russian patriotism and citizenship, tolerance and friendship between the peoples) in DSEC RAE is an organized, purposeful process.

Education is intended to ensure the formation of young people humanistic motives. Humanistic orientation based on the motives of international behavior (formation of young people needs to show attention and sensitivity to the national dignity, have the attention and respect for the culture of a different nationality, language, traditions).

Speaking of education and spiritual formation of young people, we can not say about the place and role of religion. This is particularly important in the general surge of religious fundamentalism and the dissemination of ideas in the Caucasus. Therefore, the organization of youth education in the spirit of peace and tolerance among peoples, and should be considered reasonable to use the influence of religion in the various spheres of social life, the state, law, culture, education, national and family relations.

The aim of the teacher while organizing educational process is to consider the humanistic side of religion, to determine its positive content from the standpoint of the human phenomenon of regulating cultural and ethnic and confessional relations people. Young people should be encouraged that the universal moral content are filled with cultural and ethnic and religious virtues: faith, abstinence, simplicity, humility, respect for human rights. Religion appeals to universal moral norms, clothe them in their canons [1, 225].

Systematically role approach in the education changes the structure, acquires a new meaning, filled with new sense and content. The criteria for the education of youth are indicators of their willingness and ability to carry out a system of social roles.

Education is a process of endless and boundless as well as the personality of any person. The starting point begins with the birth of kid, accompanying his entire adult life, providing him with the corresponding influence.

References:

1. Gasanov M. M., Omarov O. A. Experience in the organization of continuous training in the university complex DR. – Makhachkala: Jupiter, 2011.
2. Dzhahparaeva D. Y., Omarov O. A., Omarova N. O. Problems of education of young people in a multicultural region of Russia. // Herald PSLU. – Pyatigorsk, –2009. – № 2. – P. 237–240.
3. Dzhahparaeva D. Y., Omarov O. A., Omarova N. O. Factors strengthening extremist sentiments among the youth in the socio-intense environment. // Education. – Moscow, 2013. – № 9. – P. 59–62.
4. Omarov O. A. The concept of continuous innovation in education. // RD – Bulletin of the Dagestan Scientific Center RAE. – № 1. – 2011. – P. 3–15.
5. Omarov O. A., Gasanov K. Z. The system of preventive measures for the prevention of extremism in the situation of acute social tension: the program. – M.: Inpo-press, 2011.
6. Omarov O. A., Omarova N. O. Basic principles for the development of Russian regional innovative continuous education. // Bulletin of the Dagestan Scientific Center of RAE. – № 2. – 2014. – P. 78–80.

*Zinukova Natalia Viktorovna,
PhD in pedagogical sciences, Associate Professor,
Head of English Philology and Translation Department
Alfred Nobel University, Dnipropetrovsk (Ukraine)
E-mail: nat-zinukova@yandex.ru*

The role of bilingual competence in interpreters' training in multilingual society

Abstract: Aspects of bilingualism in relation to interpreters' training have been investigated in this article. The findings of the research raise the question about whether notions of bilingualism should be considered in more depth by interpreter trainers and assessors and whether an understanding of bilingualism should be included in the university course content.

Keywords: bilingual, interpreting, training, multilingual society, bilingual and interpreting skills, interpreter education.

Introduction. As everything in the world modern education is constantly changing and now it needs new knowledge about human being. Scientific pedagogical knowledge reflects the demand for widening the perceptions of specific personality development, its inner world, experiences in communication with other people. Existential psychology ideas analysis helps pedagogical thinking to receive new meaning in relation to problems of foreign languages acquisition, creativity and personality self-fulfillment, acquisition of freedom and the skill to be responsible for it, spirit development and conscience education.

Nowadays despite the fact of transition to the multilingual society, intercultural integration at national and international levels, globalization the situation is not so simple to overcome the barrier of language diversity in the world. It still remains possible to do it only through translation where the professional is required to play the role of a middleperson or a person who can decipher meanings from the speaker to the audience. Cultural and linguistic diversity cause new challenges in the field of translation studies and translator/interpreter training, in particular while searching to find a new sense for the cardinal categories on the basis of bilingualism as we have in Ukraine.

We can appeal to thorough and comprehensive research in this particular field mentioning the works of F. Pöchhacker (2004), G. Gile (2000), G. Garzone and M. Viezzi (2002), Ch. Schäffner (2004), E. Gentzler (1993), M. Baker (1996), R. T. Bell (1995), D. Robinson (2003), B. Hatim (1997), S. Bassnett (1995), J. Munday (2001), I. D. Melamed (2001), A. Chesterman (1997) and others. From the second half of the twentieth century until now translation studies has produced numerous approaches, models, concepts and terms. Translation studies have become a mixture of ideas and findings in which it is difficult to find fair consensus. Consequently, one still turns to concepts and different approaches to translation studies to insert some clear points into the collection of theories and findings.

The *goal* of the present article is to consider the role of bilingual competence in order to build an interpreting

capacity regarding skills, knowledge and experience which can be revealed in the training process of future interpreters at universities.

Interpreter's professional status. Interpreting and translation studies nowadays are a rich field of enquiry not only for linguists but also for translators' trainers. The profession of an interpreter or translator is undergoing quite a significant change and is becoming more attractive nowadays. More and more students attend undergraduate and postgraduate university courses in our country and in the whole world. Even a number of people who have already been trained in other professions are retraining as interpreters and translators partly to make a career move, partly to specialize in the chosen field. There is quite a significant proportion of translators and interpreters working as freelancers who managed to adjust their careers to their lifestyle and family commitments. This profession can be referred to an innumerable number of occupations with such a high level of flexibility and independence.

Despite the fact that the professions of translator and interpreter are significantly different, we can hear interpreters being called as translators from all around the world. Moreover in Ukrainian there is only one word defining this profession. It's necessary to add the adjective "oral" to the word "translation" in order to understand that we are speaking of interpreting.

The definition itself shows the comparison of translation and interpreting in sharp relief, highlighting the time restrictions, the single presentation of the source text alongside the single realization of the receptor text, and the impossibility of editing the receptor text. All these points are characteristic for interpreting process. Thus the circumstances of interpreting differ from those under which a written translation is produced. The constraints under which an interpreter works have a major influence on the transfer process during interpreting. To add more we have to mention quality criteria on the finished product of interpreting which differ from those of a written translation [12, 41].

Talking about the profession of an interpreter or translator first of all, it's necessary to consider the requirements

to people who would like to become interpreters or translators. Over the last decade or so, many empirical studies were published by interpreter trainers and researchers. Even there is an opinion that the future of interpreting is unclear because everyone can observe an increasing number of people using English, and they doing without interpreting services. There is another situation when it's possible to hire born or bred bilinguals and use their service.

Bilingualism in relation to interpreter' training.

Except for hot discussions as to the priority of born and bred/acquired bilingualism we have to realize that the aim of the multilingual education and development of multilingual competence must be rationally derived from the global institutional goals. The phenomenon of national institutional subordinate bilingualism requires a more precise analyses taking into consideration the correlation of the contact languages and establishing common and specific methodological and pedagogical principles.

In the process of each new language learning it is necessary to consider the benefit of two or three language experience. Now it is quite clear that there is a certain hierarchy in the interconnected language learning process which determines the strategies of language teaching and learning as a result of psycholinguistic subordination, so any new language is efficiently learnt based on previously acquired languages.

Talking about interpreters' training and requirements to the candidates of such a training it's necessary to mention the wide-ranging assumption of numerous researchers who state that interpreters need to be bilingual in order to interpret. This would seem to be common sense, given that interpreters work with two (or more) languages, and thus linguistic competence in two languages is a fact. However, the complexity of notions of bilingualism, the difficulty of measuring bilingual language proficiency and establishing the profile of a bilingual individual, mean that questions about what is meant by such an assumption remain difficult to answer.

Aspects of bilingualism in relation to interpreters' training have not been thoroughly researched among researchers and perceptions of bilingualism among interpreter practitioners even less so. The impetus for the study came from the discussions with interpreter educators, researchers and practitioners in which the question had been raised concerning "how bilingual" an interpreter must be in order to interpret effectively, particularly in relation to the "B" or non-dominant language. Interpreters are assumed to have a high level of bilingualism.

The key research questions considered in this study were the following: Do the two languages of future interpreters who are bilinguals play a positive or negative role in interpreting? Can they be used in academic process for effective training? Answers to these questions should be found by pursuing two approaches.

First, we are going to review the relevant literature on bilingualism and translation/interpreting, and second, to carry out the empirical investigation with bilingual subjects by means of special methodology on usage the privilege

of bilingual's capacity to explore two languages and to investigate the role of two or more languages in the process of interpreters' training.

Concepts of bilingualism. We can find at least three very different concepts of bilingualism in the relevant literature. According to the first concept by Bloomfield (1993) and M. Halliday (1964) bilingualism is an exceptional phenomenon which can hardly be found in reality.

The second concept of bilingualism by Haugen (1956), which is absolutely opposite to the previous one, considers this phenomenon to be normal rather than odd.

The third concept of bilingualism, which takes a medial position between the concepts outlined above, means that bilingualism occurs when an individual uses or has to use two languages — or two varieties of one and the same language — in the conduct of her/his daily life [8]. This also means that competence in each of the two languages (or varieties) can vary considerably both with respect to the various skills (speaking, writing, reading and listening), and with respect to the content to be communicated (e.g. the weather, a holiday) as well as the domain of the communication (e.g. an everyday conversation, an enquiry at a car registration office) [8].

Among scholars there is such an opinion that in national institutional environment the situation gets complicated due to the particular type of bilingualism: the level of language proficiency and their interrelation as not static, it gradually changes qualitative and quantitative characteristics [5]. Moreover the learner's performance as well as his or her linguistic and intercultural experience has its progressive character. In such a setting, learners can go through various stages of language acquisition and show various levels of general language proficiency [5].

The analysis of the above mentioned phenomenon which is the basis of speech activities, confirms that the students need to master the core language, as an obligatory condition for developing language activities. The role of the second language as an intermediate link between verbal thinking and accordingly natural development of the linguistic competence should be obviously clarified.

To find out the extent to which reserves of the students' bilingual or multilingual competence could be used in learning foreign languages, it is necessary to define the proficiency level in a second language (L2).

Potentially, the same student can "go up", passing through all the levels of bilingualism, from the lowest up to the highest. Therefore we could define the utmost methodological importance — the mobile dynamic character of the student subordinate bilingualism. The establishment of this fact is crucial for building the performance-based specific methodology and analyzing the teaching/learning process on conceptual level in theory and practice [12, 42].

The problem stated is quite important in particular while researching which of the languages (L1 or L2) should serve as a positive support in learning a new foreign language and the influence of which of them should be neutralized to avoid interference. The problem how to make an effective

use of language experience the learner has already acquired is worth its further investigating.

The overcoming of inter- and intra-language transfer, the elaboration of adequate automatism of operating the language units in the process of developing multilingual competences and gaining intercultural experience can successfully be achieved by means of the didactic instruction.

Psychological model of translation. To understand the nature of this problem it is necessary to consider the psychological model of translation because this model reflects the real actions of the translator and describes all translation processes. It determines the direction of translator's internal thinking and shifting stages from the original text to the target one. In psycholinguistics it's evident that in bilinguals (here we apply this term to anybody who is reasonably fluent in a second language) the same word recognition system is used as in the L1. According to the Interactive Activation model it means that there are common letter level codes, and the word-level representations of the two languages are held in the same system [6; 9].

In terms of interpreters' training we mean university students, who are from 19 to 22 years old. Adults can make use of explicit awareness to facilitate communicative development due to their higher mental functions and their already existing code in L1 [12]. Thus, adults go from a visible language (learnt through L1) into automatic language (thinking in L2), while children go from automatic language (thinking in L1) into visible language (through literacy of L1).

So in order to understand L2, adults may involuntarily filter the new language through L1. Consequently, one thing is to teach everything in L2 in an adult classroom, and another is to avoid their internal thinking in L1. Then, adults, having their L1 as a reference, will automatically compare L1 and L2 consciously or unconsciously. In this process they usually use translation for their private speech as a resource to internalize and retain L2 words or expressions. This is applicable mainly in beginners and intermediate students. However, mainly in an advance level, certain students could reach that level of "automatic (or unconscious) translation".

Bilingual skills and interpreting skills. In order to work effectively interpreters are expected to have an accepted level of bilingual proficiency in both (or all of) their languages. The professional education programmes for interpreters expect a minimum level of bilingual proficiency for acceptance onto the course.

Considering aspects of bilingualism and their interrelations with interpreting we can assume that they are an underexploited field of study. However it is possible to find some works where the relation and difference between bilingual proficiency and translation or interpreting competence have been mentioned [1; 2; 4]. So, de Groot and Christoffels compared monolingual and simultaneous interpreting tasks in order to investigate bilinguals' control over their languages [3].

Bilingual fluency and bicultural understanding enables interpreters to analyze a source language message for its meaning and to search for equivalence above word-level in the

target language (i. e. semantic equivalence), to ensure the success of any communicative interaction [7; 10]. In addition, it's quite important to mention that a minimum level of bilingualism for interpreters is required in the form of bivocubularism [1; 11], with equivalent vocabularies in the languages they use.

The languages of a bilingual shift and change as their life circumstances change. Bilinguals may suffer attrition in one of their languages because they move away from the community of speakers with whom they used that language. However, interpreters, unlike other bilinguals, are required to have a high level of proficiency in both languages, have functional proficiency in a broad range of linguistic domains, and are expected to maintain their languages at a high level.

We are not going to discuss the assumption stating that all bilinguals are good interpreters or only few can be professional ones. We share the opinion of F. Grosjean who made the distinction between the *regular bilingual* and the *interpreter bilingual* [4]. It can therefore be seen that in addition to balanced fluency in at least two languages, interpreters are also required to have functional proficiency in a wide range of social and professional domains in order to transfer messages between two different languages effectively.

Implications for interpreter education. The results of this study have implications for requirements for the interpreters' training and can also be applied more widely to future interpreters' education and practice in a whole.

Interpreters are trained and assessed in both language directions, because bi-directionality is necessary in most interpreting contexts. The findings of our research raise the question about whether notions of bilingualism should be considered in more depth by interpreter trainers and assessors and whether an understanding of bilingualism should be included in course content. Findings also support the need for testing of actual bilingual fluency as a pre-requisite to any interpreter training program. Students should possess at least a certain level of proficiency in both languages before entering into an interpreter training program, and thus before becoming qualified as an interpreter. They should be, and have the perception that, they have bilingual proficiency in order to be able to function as an interpreter.

Conclusions. This study goes some way towards providing more information about the language skills of interpreters, and highlights the need for further study of the nexus between bilingualism and interpreting in order to develop a broader picture of interpreters and bilingualism worldwide.

The research has important implications for the formal assessment of interpreters on entry to interpreter training programs. Screening for bilingual language proficiency is essential but an understanding of the complexity of the profile of bilingual individuals is necessary in undertaking these assessments. An understanding of the bilingual individual drawing on sociolinguistic and psycholinguistic research can assist in better understanding the linguistic requirements of interpreting and the relevance of long-held views about directionality.

References:

1. Bowen M. Bilingualism as a factor in the training of interpreters./M. Bowen/In J. E. Alatis (ed.) Georgetown University Round Table on Languages and Linguistics: Current Issues in Bilingual Education. – Washington, D. C: Georgetown University Press, 1980. – 201 p.
2. Green D. W. Control, activation, and resource: a framework and a model for the control of speech in bilinguals./D. W. Green/In L. Wei (ed.) The Bilingualism Reader. – London: Routledge, 2000. – 407 p.
3. De Groot A. and Christoffels I. K. Language control in bilinguals: monolingual tasks and simultaneous interpreting./A. de Groot, I. K. Christoffels/Bilingualism: language and cognition. – Oxford: Oxford University Press, 2006. – P. 189–201.
4. Grosjean F. The bilingual individual./F. Grosjean//Interpreting. – No. 2. – 1997. – P. 88–163.
5. Lee M. W., Williams J. N. Lexical access in spoken word production by bilinguals: Evidence from the semantic competitor paradigm./M. W. Lee, J. N. Williams//Bilingualism: Language and Cognition. – No. 4. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – P. 233–248.
6. Malmkjær K. Translation Competence and Aesthetic Attitude./K. Malmkjær/Ed. By A. Pym, M. Schlesinger, D. Simeoni. Beyond descriptive Translation Studies: Investigations in Homage to Gideon Toury. – Amsterdam: John Benjamins, 2008. – P. 293–309.
7. Metzger M. Sign Language Interpreting: Deconstructing the myth of neutrality./M. Metzger. – Washington, DC: Gallaudet University Press, 1999.
8. Nicol Janet L. One Mind, Two Languages: Bilingual language processing./Janet L. Nicol. – Malden: Blackwell Publishers, 2001. – P. 1–22.
9. Paradis M. A Neurolinguistic Theory of Bilingualism./M. Paradis/Amsterdam. – Philadelphia: Benjamins, 2004. – 310 p.
10. Roy C. Interpreting as a discourse process./C. Roy. – Oxford: Oxford University Press, 2000.
11. Seleskovitch D. Interpreting for International Conferences./D. Seleskovitch. – Washington, DC: Pen and Booth.
12. Zinukova N. V. Integrated methodological model of interpreters' training in multilingual society./N. V. Zinukova//Inozemni Movi. – № 4 (80). – Kyiv, 2014. – P. 40–45.

*Karimova Beibitkul Sarsemhanovna,
Doctor of Philologie, Republican scientifically-practical
center "Uchebnik", Republik of Kazakhstan
E-mail: nur.oras@mail.ru*

Development of systems thinking in advanced training

Abstract: The article describes the possibilities of development of systems thinking in advanced training. It sets out the principles for the formation of systems thinking.

Keywords: a systematic approach, the principles of assimilation mechanism, systemic way of thinking, the formation of a system of knowledge.

*Каримова Бейбиткуль Сарсемхановна,
кандидат филол. наук, директор Республиканского
научно-практического центра «Учебник»,
Республика Казахстан
E-mail: nur.oras@mail.ru*

Развитие системного мышления в опережающем обучении

Аннотация: В статье рассмотрены возможности развития системного мышления в опережающем обучении. Определены принципы по формированию системного мышления.

Ключевые слова: системный подход, принципы механизма усвоения, системный стиль мышления, формирование системы знаний.

Необходимым условием эффективной реализации системного подхода в познавательной, аналитической, практической и иной деятельности является наличие у субъекта соответствующих системных представлений, умений

и навыков системного мышления. Наличие системных представлений, умений и навыков системного мышления является одним из главных условий реализации опережающего обучения [1].

Опережающее усвоение субъектом знаний, умений и навыков системного подхода, системного мышления может способствовать:

- эффективному формированию системы знаний, адекватной изучаемой науке;
- целостному познанию, эффективному и качественному преобразованию окружающей действительности;
- эффективной реализации целей и задач обучения (включая опережающее обучение), а также целей и задач осуществляемой и предстоящей познавательной, теоретической, практической и иной деятельности при минимизации затрат;
- быстрой адаптации в новой социально-экономической, политической, информационной и т. д. среде;
- повышению конкурентоспособности данного субъекта в современных условиях развития рынка и рыночных отношений и т. д.

Общая установка эксперимента по формированию системного мышления, проведенного под руководством З. А. Решетовой, была направлена на формирование нового механизма усвоения, основу которого составляют следующие принципы [2]:

1. Принцип предметной деятельности, который выражает деятельностный подход к процессу усвоения, деятельностную природу его механизма.

2. Принцип системности в обучении. В указанной работе он выступает методологической базой рассмотрения: во-первых, процесса обучения в целом; во-вторых, способа организации учебно-познавательной деятельности (программы) и построения структуры знаний о предмете; в-третьих, структуры ориентировочной основы усваиваемых умений и процесса поэтапного ее формирования; в-четвертых, способа ориентировки формируемого мышления учащегося.

3. Принцип единства теоретической и практической деятельности. Производимые теоретической деятельностью знания о предмете, их характеристики формируются с учетом их ориентирующей функции — как ориентировочная основа практических умений субъекта решать определенный класс задач.

4. Принцип единства внешней и внутренней деятельности. Исходная форма процесса усвоения — внешняя деятельность с предметами (или их моделями). Производной от нее является внутренняя (умственная) деятельность. Способ организации внешней деятельности: содержание, структура, средства, способ выполнения — определяет внутреннюю деятельность как способ мышления. Подобный способ мышления, в свою очередь, регулирует функционирование внешней деятельности как сформированного умения.

5. Принцип управляемого формирования процесса усвоения. Объект управления — формируемая ориентировочно-исследовательская деятельность обучающегося и ее превращение в ориентировочную основу усваиваемых умений. Процесс этот управляется двумя программами,

одна из которых формирует предметное содержание и характеристики ориентировочной основы (полноту, структуру, форму обобщенности, системность, рефлексивность), другая — организует последовательные этапы превращения ориентировочно-исследовательской деятельности из внешней формы во внутреннюю — в мысль о предмете.

6. Принцип развивающего обучения — выражает установку обучения на развитие учащегося, в первую очередь его интеллектуальных способностей. Принцип связан с формированием нового способа организации познавательной деятельности, изменяющей тип ориентировки в изучаемых объектах и способы их преобразования.

Всякий мыслительный процесс, являясь по своему внутреннему строению действием или актом деятельности, направленным на разрешение определенной задачи, совершается в обобщениях. Эти обобщения выражаются в понятиях как специфическом содержании мышления. В мыслительном процессе, который всегда направлен на разрешение какой-нибудь задачи, различают основные этапы (фазы): этап более или менее отчетливого осознания проблемной ситуации; этап перехода мысли от осознания проблемы к ее разрешению. По мере протекания мыслительной деятельности строение мыслительных процессов и их динамика изменяется [3].

В работе [4] мышление определяется как опосредованное отражение внешнего мира, которое опирается на впечатления от реальности и дает возможность человеку в зависимости от усвоенных им знаний, умений и навыков правильно оперировать информацией, успешно строить свои планы и программы поведения.

По определению Г. К. Селевко, мышление представляет собой процессы познания человеком объектов и явлений окружающего мира и их связей, решения жизненно важных задач, поиска неизвестного, предвидения будущего [5].

Характеризуя системный стиль мышления, как объективную интегративную тенденцию научного познания, И. Б. Новик выделяет три его глубоких основания [6]:

- 1) многосторонность;
- 2) системность процесса развития;
- 3) предостережение против абсолютизации отдельных сторон и черточек познания.

Множество теоретических и прикладных проблем могут быть решены только при условии применения целостного, глобального, всестороннего подхода. В контексте таких проблем, по словам В. А. Ганзена [7]:

– существуют различные виды научных и практических задач систематики, построения системных описаний целостных объектов, проектирования и создания систем, тактического и стратегического планирования, принятия и реализации решений и т. д. Поскольку самым общим признаком перечисленных выше и иных задач является системность, то и мышление, являющееся главным инструментом их решения, может быть названо системным;

– человек, владеющий системным мышлением, в любом объекте видит целое, разделенные на части и

состоящее из частей, стремится обнаружить упорядоченность частей в целом. А так как почти все можно рассматривать таким образом, то человек, владеющий системным мышлением, приобретает возможности (инструмент) совершенно общие, универсальные и может легко входить в любую область знания и деятельности. В этом ценность системного мышления;

- оно не только вид человеческого мышления, определяемый спецификой предметной области и классом решаемых задач, но и новый этап в развитии мышления человека, ибо реализуется оно на основе особого состава операндов (концептов, конструктов, компактов, моделей и парадигм) и новых технологий, характеризуется высоким уровнем развития как анализа, так и синтеза, а также применением спектра логик и системы языков описания;

- системное мышление — это и особый стиль мышления, противоположный (противостоящий) мышлению локальному, непоследовательному, одностороннему.

Д. О'Коннор и И. Макдермотт определяют системное мышление как подход, который позволяет нам увидеть и понять смысл и закономерность в наблюдаемых последовательностях — паттернах событий, так что мы можем подготовиться к будущему и в определенной степени повлиять на него. Это значит, что мы будем способны в некотором смысле управлять ситуацией. По мнению этих авторов [8]:

- неотъемлемой характеристикой систем является наличие обратной связи: нет обратной связи, нет и систем;

- обратная связь реализуется в контуре, в петле, поэтому мышление в категориях обратной связи является контурным мышлением;

- чем большей динамической сложностью отличается система, тем больше нужно времени на то, чтобы сигнал обратной связи прошел по сети взаимосвязей в ней. Скорость системы определяется самым медленным звеном;

- любую нашу деятельность направляют глубоко укоренившиеся идеи, стратегии, способы понимания и руководящие идеи. В литературе они известны как ментальные модели, представляющие собой общие идеи, которые формируют наши мысли и действия, а также представления о желаемых результатах.

Д. Х. Медоуз рассматривает системное мышление как новый способ описания и познания окружающего мира, учитывающий, что «все связано со всем», что

взаимосвязи могут носить нелинейный характер и образовывать циклы обратных связей, что система в целом представляет собой нечто большее, чем простая совокупность составляющих ее частей [9].

В процессе изучения, конструирования и реализации системы в сознании субъекта отражаются в определенных теоретических понятиях внутренняя природа, характерные черты, свойства и особенности системы, в том числе [10]:

- сущность (присущие системе системные, интегративные свойства);

- состав (количественная и качественная характеристика ее частей);

- структура (внутренняя организация, взаимосвязь элементов);

- функции (активность, жизнедеятельность системы и ее частей);

- интегративные, системные факторы, механизмы обеспечения целостности, взаимодействия, совершенствования и развития;

- коммуникации с внешней средой и связь с большей системой;

- история (начало и источник возникновения, становления, тенденции и перспективы развития, превращение в качественно новую систему).

Как считают авторы работы [11], системное мышление проявляется в способности человека видеть связи между науками, понимать общенаучные законы, лежащие в основе их развития, иметь обобщенные представления о закономерностях развития природы и общества.

Д. В. Чернилевский для поэтапного формирования системного мышления предлагает составлять серии задач, каждая из которых служит формированию познавательных действий [12].

Системный способ организации и осуществления познавательной, теоретической, практической и иной деятельности в процессе интериоризации деятельности становится способом системного мышления.

В целом системное мышление определяется нами как опосредованное и обобщенное на основе принципа системности отражение окружающей действительности, связанное с реализацией системного подхода в познавательной, теоретической, практической и иной деятельности человека.

Список литературы:

1. Опережающее обучение: системный подход. Вопросы теории и методологии: Научно-практическое пособие/Б. С. Каримова, Н. О. Жетпеисова, А. Т. Галиева; под ред. д-ра пед. наук, проф. Т. Т. Галиева. – Астана: Изд-во РНПЦ «Учебник» МОН РК, 2013. – 300 с.
2. Формирование системного мышления в обучении: Учебное пособие для вузов/Под ред. З. А. Решетовой. – М.: Юнити-дана, 2002. – 344 с.
3. Рубинштейн С. А. Основы общей психологии. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 720 с.
4. Педагогический энциклопедический словарь./Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 528 с.
5. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: Учебное пособие. – М.: Народное образование, 1998. – 256 с.
6. Новик И. Б. Системный стиль мышления. – М.: Знание, 1986. – 64 с.

7. Ганзен В. А. Системное мышление. // Вестник СПГУ. – Серия 6, вып. 1. – 1992. – № 6. – С. 78–84.
8. О'Коннор Д., Макдермотт И. Искусство системного мышления: Необходимые знания о системах и творческом подходе к решению проблем. Пер с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2008. – 256 с.
9. Медоуз Д. Х. Азбука системного мышления: Пер. с англ.; под ред. Н. П. Тарасовой – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. – 343 с.
10. Разумов О. С., Благодатских В. А. Системные знания: концепция, методология, практика. – М.: Финансы и статистика, 2006. – 400 с.
11. Сарыбеков М. Н., Сыдыкназаров М. К. Словарь науки. Общенаучные термины и определения, науковедческие понятия и категории: Учебное пособие. – Алматы: Триумф «Т», 2008. – 504 с.
12. Чернилевский Д. В. Дидактические технологии в высшей школе: Учеб. пос. для вузов. – М.: Юнити-дана, 2002. – 437 с.

*Semenova Lyudmila Mikhaylovna,
Orel State University, Candidate of Biological Sciences, Professor
E-mail: semenova03@yandex.ru*

*Makarova Olga Valentinovna,
Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor
E-mail: remsk@inbox.ru*

*Mishina Yelena Alekseyevna,
Senior Lecturer
E-mail: elena.mishina2016@mail.ru*

Features of psycho-pedagogical support of families that have children with autism spectrum disorders

Abstract: The paper describes an integrated, differentiated approach of the team of specialists working with families that have children with autism spectrum disorders, to enhance the effectiveness of their psycho-pedagogical support.

Keywords: autism spectrum disorders, psycho-pedagogical support of families.

*Семенова Людмила Михайловна,
Орловский государственный университет,
кандидат биологических наук, профессор
E-mail: semenova03@yandex.ru*

*Макарова Ольга Валентиновна,
кандидат педагогических наук, доцент
E-mail: remsk@inbox.ru*

*Мишина Елена Алексеевна,
старший преподаватель
E-mail: elena.mishina2016@mail.ru*

Особенности психолого-педагогического сопровождения семей, имеющих детей с расстройствами аутистического спектра

Аннотация: В статье описывается комплексный, дифференцированный подход команды специалистов в работе с семьями, имеющими детей с расстройствами аутистического спектра, способствующий повышению эффективности их психолого-педагогического сопровождения.

Ключевые слова: расстройства аутистического спектра, психолого-педагогическое сопровождение семей.

Согласно статистическим данным, за последнее десятилетие значительно увеличилось количество детей с расстройствами аутистического спектра (РАС). Детский аутизм — это искаженный вариант первазивного нарушения развития, связанный с дефицитом базальной

потребности в общении, вследствие патологии, прежде всего эмоциональной и интеллектуальной сфер психики [9].

Появление в семье ребенка с такими отклонениями всегда связано с тяжелыми переживаниями родителей и близких родственников. Для них характерно подавленное

настроение, пассивность, замкнутость, тревожное поведение, растерянность, повышенная эмоциональная чувствительность, ранимость. При этом нарушаются внутрисемейные отношения, растет неуверенность и опасение за будущее ребенка [1; 2; 4; 5; 6].

Заболевание ребенка вызывает психогенный стресс, депрессию у его матери и провоцируют у нее соматические и психические заболевания. Ухудшается психоэмоциональное и моральное состояние матери, проявляется дискомфорт, снижается социальный статус [3, 7].

В этой связи, родители часто оказываются не в состоянии выполнять реабилитационную функцию по отношению к детям с расстройствами аутистического спектра. Незнание особенностей воспитания такого ребенка, неадекватная оценка его способностей и возможностей нарушает характер взаимодействия ребенка с родителями. Такие семьи нуждаются в психолого-педагогической помощи и поддержке, полной информации о возможностях и способностях ребенка. При этом ориентация на индивидуальность ребенка является принципом психолого-педагогического сопровождения.

В настоящее время активно развиваются службы психолого-педагогической и медико-социальной помощи семье и детям, основанные на комплексном интегративном подходе к диагностике и консультированию, мультидисциплинарном сопровождении развития ребенка.

На базе Центра детского развития для детей с тяжелыми психо-неврологическими расстройствами г. Орла был организован эксперимент, направленный на повышение резистентности к стрессовому воздействию, уменьшение депрессивного состояния матерей, воспитывающих детей с РАС.

С целью оценки тяжести депрессии матерей, воспитывающих детей с РАС, и ее динамики в процессе терапии использовалась шкала Монтгомери-Асберга (MADRS). Оценить субъективные признаки самоощущения испытуемых позволил опросник САН (самочувствие, активность, настроение) [11].

В эксперименте приняли участие 15 матерей, воспитывающих детей с РАС.

Результаты тестирования по шкале MADRS показали, что у большинства матерей (80 %), воспитывающих детей с РАС, депрессия средней степени (26–30 баллов), у части матерей (20 %) — депрессия тяжелой степени (свыше 30 баллов). Матерей с легкой депрессией и нормальным состоянием не выявлено.

Тест САН продемонстрировал у всех матерей неудовлетворительное самочувствие, низкую активность и плохое настроение (< 4 баллов по всем шкалам).

С целью повышения эффективности психолого-педагогического сопровождения семьи, воспитывающей ребенка с РАС, использовался метод компьютерного ЭЭГ биоуправления, основанный на принципе биологической обратной связи (БОС).

Терапия аффективных расстройств является относительно новой областью применения электроэнцефа-

лографического тренинга. Курс альфа-стимулирующего тренинга проводился с помощью программно-аппаратного комплекса Бослаб, разработанного специалистами ГУ НИИ молекулярной биологии и биофизики Сибирского отделения Российской Академии медицинских наук.

Перед началом курса исследовалась биоэлектрическая активность головного мозга испытуемых для определения оптимального места наложения электродов и диапазона альфа-ритма, поскольку обязательным условием проведения электроэнцефалографического тренинга являются правильно выставленные диапазоны ритмов ЭЭГ. Для этой цели проводилась проба закрытые/открытые глаза по двум каналам ЭЭГ.

Мониторирование электрической активности выявило у всех испытуемых дефицит альфа-активности в правой лобной доле и преобладание альфа-активности в левой лобной доле (при биполярном монтаже электродов).

Преобладание альфа-активности в правой лобной доле предрасполагает к развитию позитивных эмоциональных реакций, а доминирование альфа-активности в левой лобной доле предрасполагает к развитию депрессивных состояний. Испытуемого можно обучить перераспределять альфа-активность таким образом, чтобы правая лобная доля становилась более альфа-активной. При этом значительно снижается глубина депрессии [8, 10].

Курс терапии методом БОС состоял из 15 сеансов. Занятия проводились индивидуально, с частотой 2–3 раза в неделю. Первые 3–5 сеансов были обучающими. На следующих этапах выполнялись задания нарастающей сложности по увеличению уровня контролируемого параметра (индекса мощности альфа-ритма). Испытуемым предлагалось с закрытыми глазами увеличивать частоту возникновения сигнала обратной связи (то есть увеличивать альфа-активность) в течение 30-минутной сессии. В случае усталости испытуемого продолжительность сессии уменьшалась. Порог возникновения сигнала обратной связи устанавливался перед началом сеанса таким образом, чтобы альфа-активность исходно превышала его в 30 % случаев. Положение электродов при проведении альфа тренинга: двуххвостый датчик крепился в точках F4-O2.

Для достижения цели тренинга испытуемые использовали различные стратегии:

- Техника Цигун (пациенты концентрировали внимание на чувстве прохождения энергии по каналам тела).
- Техника аутогенной тренировки.
- Создание динамических позитивных образов (Пенистон и Кулькоски).
- «Свободный метод» (испытуемым предлагалось свободно изменять предложенные методы).

В результате тренинга у матерей с депрессией средней степени произошло перераспределение альфа-активности в сторону правого полушария, которое сопровождалось позитивными изменениями данных психологического

тестирования. Показатели редукции шкалы MADRS составили в среднем 52 %. Существенные положительные изменения были в тестах САН — значительное улучшение показателей самочувствия (на 45 %) и настроения (на 60 %). Полученные данные свидетельствуют о повышении адаптационных возможностей испытуемых на фоне проводимого курса БОС-терапии.

У матерей с депрессией тяжелой степени показатели редукции шкалы MADRS оказались невысокими и составили в среднем 24 %. Динамика психологических параметров в исследуемой подгруппе свидетельствует о некотором увеличении субъективных показателей активности и настроения по опроснику САН (на 25 % и 12 %), что отражает увеличение способности к социальной адаптации испытуемых.

Таким образом получены положительные результаты по редукции депрессивной симптоматики. Наибольшую эффективность метод БОС-терапии продемонстрировал у матерей с депрессией средней степени.

Схема воздействия на депрессивное состояние с помощью биоуправления в ходе исследования ориентирована на сомато-вегетативную регуляцию. Схожесть задействованных этих механизмов позволяет более легко и в относительно небольшие сроки восстановить процессы саморегуляции и, как следствие, оказать выраженный лечебный эффект.

В то же время, помимо собственно депрессивной симптоматики, у части матерей наблюдалось отчетливое снижение мотивации к лечению. При этом они обвиняли своих близких и окружающих в собственном болезненном состоянии и, тем самым, отрицали возможность анализа ситуации и выхода из сложившегося кризиса.

Таким образом БОС-терапия способствует улучшению способностей человека противостоять стрессу. Большая роль при этом отводится его резервным возможностям, способности преодолеть заболевание. Во время занятий появляется осознания психологических механизмов болезни и их обратного развития. Успешная деятельность по саморегуляции улучшает самочувствие, способствует повышению самооценки, за счет чего расширяются возможности и улучшается адаптивность. В конечном итоге в ходе БОС-терапии снижается фиксация на своих переживаниях, уменьшается ипохондричность, агрессивность, увеличивается вера в свои возможности, улучшается настроение.

Следовательно, общая переносимость метода и общая его эффективность по результатам проведенного исследования позволяют рекомендовать БОС-терапию для практического применения в отношении матерей, воспитывающих детей с РАС.

Аналогичная работа строилась с матерями, имеющими детей с РАС, в учебно-методическом центре «Семейный лад» при кафедре технологий психолого-педагогического и специального образования Орловского государственного университета. Вся работа была направлена на психолого-педагогическое просвещение родителей. С родителями проводятся просветительские лекции, беседы, психолого-педагогические консультации, практическое

обучение их педагогическим технологиям воспитания детей, индивидуальные занятия с детьми в присутствии матери, обучение приемам саморегуляции.

Занятия с детьми в Центре проводят студенты-волонтеры, обучающиеся на коррекционном отделении университета. С детьми проводились игры типа «Разложи игрушки по домикам», «Волшебный сундучок», «Птички», «Догонялки», «Обезьянки», «Ласковая кошка», направленные на коррекцию их эмоционального состояния, снятие агрессии и самоагрессии, а также на формирование межличностных отношений. В результате работы дети стали более контактными со сверстниками и взрослыми.

Кроме того, вместе с родителями организовывались детские праздники, экскурсии, совместные прогулки. Яркие совместно проведенные вечера сплачивали участников, помогали им налаживать контакты. Постепенное вовлечение ребенка в совместную деятельность способствовало обогащению его эмоционального и интеллектуального опыта.

С родителями проводится специальная работа, которая начинается с предварительной беседы, в ходе которой их знакомят с правилами работы с детьми в Центре, а затем организуется непосредственная психолого-педагогическая помощь семье, исходя из особенностей развития каждого ребенка. При этом работа проводится как коллективная, так и индивидуальная с каждой семьей. Главным для нас является поддержка и уверенность родителей в возможностях своего ребенка, формирование у них адекватного отношения к его болезни, развитие адекватных родительско-детских отношений.

Родители с удовольствием учатся общаться и работать со своими детьми на индивидуальных занятиях. Всего было проведено 20 занятий. Это занятия по развитию мелкой и крупной моторики, изготовление поделок из природного материала, ткани, бумаги (оригами), занятия с карточками, пазлами, нанизывание бус, пальчиковые игры, релаксационные упражнения.

Эффективными видами работы являются лекции, семинары, дискуссии, консультации, которые проводятся с матерями ежемесячно. Их целью является расширение знаний родителей об особенностях развития их ребенка, особенностях его обучения и воспитания. Вместе со специалистами родители обсуждают свои проблемы, пытаются найти пути их решения, обмениваются опытом.

Таким образом, для повышения эффективности поддержки родителей, имеющих детей с РАС, важно использование разнообразных форм группового взаимодействия родителей, их активное включение в лечебный и психолого-педагогический процесс.

Анализ проведенной работы позволил выделить следующие особенности психолого-педагогического сопровождения семей, имеющих детей с РАС:

- комплексный дифференцированный подход команды специалистов;
- коррекция межличностных взаимоотношений в семье;

- коррекция нарушенного психологического состояния родителей;
- обучение родителей коррекционным методам воспитания и обучения ребенка в семье;
- формирование психолого-педагогических знаний и умений, повышение воспитательной компетенции родителей;
- индивидуальное семейное консультирование (приемы саморегуляции, аутотренинги, релаксация, альфа тренинги).

Круг проблем, с которыми встречаются семьи детей с расстройствами аутистического спектра, разнообразен: изоляция ребенка, которая затрудняет его полноценную социализацию и адаптацию в общество; травмирующее действие микросреды; неприятие ребенка в среде здоровых детей; дефицит общения с окружающими; неуверенность в собственных возможностях; незнание закономерностей физического и психического развития, а также психологических особенностей детей; незнание специальных приемов коррекционно-развивающей работы с детьми; недостаточность реабилитационных мероприятий и психолого-педагогического сопровождения семьи на ранних этапах жизни

детей с нарушениями аутистического спектра; низкий уровень педагогической культуры родителей.

Какая же помощь нужна семьям:

- ранняя комплексная медико-социальная и психолого-педагогическая поддержка и сопровождение семьи с момента выявления дефекта у ребенка;
- установление партнерских взаимоотношений и сотрудничества всех специалистов с родителями; психотерапевтическая и консультативная помощь, направленная на коррекцию внутреннего психологического состояния родителей;
- информирование родителей о психическом и физическом развитии ребенка и условиями ухода за ними для адаптации его в семье;
- обучение родителей методам и приемам коррекционно-развивающего и компенсирующего обучения и воспитания, с учетом индивидуальных особенностей ребенка;
- гуманное отношение окружающих людей и общества к семье;
- создание организаций, ассоциаций и обществ, для обмена опытом с другими семьями.

Список литературы:

1. Аксенова Л. И. Ранняя комплексная помощь детям с отклонениями в развитии как одно из приоритетных направлений современной специальной (коррекционной) педагогики. // Дефектология. – 2002. – № 3. – С. 15.
2. Баенская Е. Р., Никольская О. С., Либлинг М. М., Костин И. А., Веденина М. Ю., Аршатский А. В., Аршатская О. С. Дети и подростки с аутизмом. Психологическое сопровождение. – М., 2008.
3. Горячева Т. Г., Солнцева И. А. Личностные особенности матери ребенка с отклонениями в развитии и их влияние на детско-родительские отношения. / Под ред. В. К. Шабельникова, А. Г. Лидерса. – М., 2008. – С. 285–298.
4. Корельская Н. Г. «Особенная» семья – «особенный» ребенок. – М., 2003.
5. Лютова Е. К., Монина К. Б. Шпаргалка для родителей: Психокоррекционная работа с гиперактивными, агрессивными, тревожными и аутичными детьми. – СПб., 2002.
6. Мамайчук И. И. Помощь психолога детям с аутизмом. – СПб., 2007.
7. Мастюкова Е. М., Московкина А. Г. Семейное воспитание детей с отклонениями в развитии. / Под ред. В. И. Селиверстову. – М.: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2003. – С. 306–318; 331–333.
8. Низова А. В. Метод биологической обратной связи. // Нелекарственные методы реабилитации больных с пограничными психическими расстройствами. / Под ред. Тихоненко В. А. – Сб. научн. трудов ГНЦ ССП им. В. П. Сербского. – М., 2005. – С. 111–128.
9. Морозов С. А. Основы диагностики и коррекции расстройств аутистического спектра. – М., 2014. – 448 с.
10. Скок А. Б. Использование биологической обратной связи для целенаправленного изменения поведения пациентов с аддиктивными расстройствами. Автореферат канд. дисс. – Новосибирск, 1999.
11. Тест дифференцированной самооценки функционального состояния. / Доскин В. А., Лаврентьева Н. А., Мирошников М. П., Шарай В. Б. // Вопросы психологии. – 1973. – № 6. – С. 141–145.

Nabiev Valery Sharifyanovich,
 Ulyanovsk state pedagogical university named after I. N. Ulyanov,
 Candidate of Pedagogical sciences, associate professor,
 Department of Pedagogics and social work
 E-mail: paradoks.nabiev@mail.ru

Diakonova Olga Olegovna,
 Ulyanovsk state pedagogical university named after I. N. Ulyanov,
 Assistant professor, English language Department
 E-mail: olgadiakonova@yandex.ru

Pedagogical support of university educational activities

The study was funded by the Russian Foundation for Humanities and the Ulyanovsk region in the framework of a research project № 15–16–73003/15

Abstract: The article touches upon the topical issues of pedagogical support organization interaction, diagnostics of the results, monitoring and evaluation of educational achievements of bachelors. The authors consider the particular approaches to designing and implementing educational activities considering the factors that determine the integrity of educational process. The article sets the evaluation criteria and success indicators of the competence (kompetentnost) formation by means of traditional and innovative teaching in a university.

Keywords: pedagogical support, educational environment, technological aspect, competencies (kompetencia), individual educational potential, competence (kompetentnost), edutainment.

Introduction

The learning process in the university is traditionally viewed as the assimilation of knowledge, development of abilities and mastering skills dealing with educational and in-process problems. However, the education with competencies (kompetentnost) featured in it raises new pedagogical and routine conditions for fulfillment of goals and objectives of the educational activities. This educational format also determines the rate of correspondence between the gained results and the requirements of state educational standards that should be compiled throughout mastering the competencies (kompetencia) and developing the competencies (kompetentnost).

Mismatches between the process maintenance of bachelors' educational achievements and the uncertainty of the educational results initiate the particular search for the solutions of this problem. Somehow or other, the mismatches are determined upon training and educational plans in the holistic educational process and successful pedagogical support of activities with the subjects seeking to achieve the goals of modern education regarded as a competence (kompetentnost).

Main part

Undergraduate bachelors of teacher training education undergo the competence formation since their first day at the university with the student status. Probably the reason is the following. Leaving their schools not long ago the students are aware of themselves being freshmen and they already have a strong motivation for success. They strive to meet the new status and showing their educational abilities and the desire to learn and study. That is absolutely true that the outstanding results can't be shown immediately. But still it is the initial period of subjectivity formation that characterize the specificity and dynamics of *change* of activity-related and personal components

constituting the competence (kompetentnost). Whereas these components deal with achievements and failures, successes and difficulties in the education throughout the entire process [1].

The freshmen (that have just left schools) regard the beginning of their studies in the university as a real opportunity to realize the importance of previous results and life plans that determine the next stage of their development in the new social context. As for the university stuff, collaborative educational activities are traditionally regarded as a particular position, the initial setting of the active actions, the starting point of planning goals and objectives of education and upbringing modified for revealing the entire educational potentials of the students' personalities [2].

Collaborative educational activities in conditions of productive interaction are of a great importance for the process participants. The expected results such as manifestations of personality should be regarded as the change of attitude towards yourself and the immediate surroundings. The fact that students show the ability to adapt to the new environmental conditions, use the means of interpersonal communication to enhance the educational space and produce the active interaction from the desired and actual perspectives confirms the following consumption. It is possible to form the competencies (kompetentnost) of undergraduate bachelors of teacher training education with help of academic discipline means.

We suggest considering the holistic educational process as the stages and the content of supportive activities within the organization of pedagogical interaction. The holistic educational process includes:

- setting goals and objectives of joint activities in both space and time learning content (university, training direction, training group, semester etc.);

- analyzing the baseline settings and the choice of targets and success indicators of the implementation of educational and upbringing plans (learning environment, educational content, educational needs of students etc.);
- correlating the parameters of resource support activities and the conditions of implementation capacity of the educational environment in the context of compliance with the students' demands or expectations;
- choosing the strategies and tactics of pedagogical maintenance and pedagogical support according to the predetermined conditions of pedagogical interaction;
- predicting the possible undesirable development tendencies of object-subject relations and leveling the probability of risk in order to reduce it to the minimum level;
- systematizing the success factors of the subject-subject relations and modeling the typical probabilistic outcomes of pedagogical situations of interaction;
- structuring the content of bacheloreate education in accordance with the objectives and results of the education or upbringing and both competencies (kompetencia) and descriptors of competence format;
- choosing the methods and maintaining the variability of didactic means and organizational forms of productive interaction between the subjects of education matching the different levels, ex. individual, communicative group of students, whole educational community;
- current and long-term planning, substantive content filling of educational tasks, diagnosing the quality of results of educational and training activities of the subjects;
- analyzing and systematizing the data, assessing the solution of pedagogical tasks in ensuring the competencies (kompetentnost), correcting directions of formation and managing the process.

Pedagogical support is a focused, highly organized and effective interpersonal interaction of subjects, based on the principles of dialogicity, compromise, priority selection for mutually acceptable solutions, meaningful definition of goals, objectives, content of activities etc.

Within the competence approach to the educational process the educational goal setting includes the wide range of formation problems and objectives. They involve both traditional indicators of productivity (knowledge and skills) and personality and psychological characteristics [2, 48]. The new activity priorities predetermine the increasing importance of productive categories of the educational process such as "attitude", "activity", "Interaction", "interest", "involvement", "creativity" and others [3, 127].

At the same time, pedagogical support involves technological aspect of activity organization (diagnosis, monitoring

and evaluation of educational achievements of bachelours). The choice of criteria and indicators for evaluation of educational competencies (kompetencia), components and structural elements of professional competence (kompetentnost) of an individual and formation level should be carried out at the technological basis [1].

The particular attention should be paid to the modern technologies of the subjective interaction within the educational process and the usage of the non-traditional means of education, entertaining and gaming techniques and technologies, etc. In the modern educational university space it is desirable not to neglect the variety of teaching characteristics of edutainment and to create the period schemes according to the interactive rules of drama/hermeneutics or social/gaming directing. These very educational novations may change the educational process and add the valuable specifications. For example, the studying atmosphere is supposed to become comfortable, playful, positive but still businesslike, emotional and intense. As a result all the changes let the pedagogical workers be the leaders in solving many different educational problems [4]. Interactivity of electronic educational systems may also be set by the quality characteristic of pedagogical support of intellectual, cognitive (etc.) processes or by the type of computer based technologies used for educational activities (ex. computer tutorial, computer training system, computer system monitoring knowledge level, IC technologies) [3, 134].

Conclusion

Problematic issues enlisted here will be determined by solving the urgent pedagogical support problems of educational and training activities of the educated subjects using multimedia software during the classes, as well as organizing interpersonal and group interaction between the participants through the usage of latest educational technologies (gaming, socio/gaming, drama/hermeneutic, role play, business, case study, training, theatrical, etc.) [3, 129]. It is necessary to take the full advantage of technological resources in order to make the educational process emotional and affective. They also allow to find the most significant and unique educational potentials inherent by the nature of the individuality of each student or to pay special attention to the unconscious mechanisms of learning picked out through the free creative activities [5, 50–52].

There comes the question: which characteristics of organizing the effective interpersonal interaction of subjects may be identified and classified as the key factors of pedagogical support? It is obvious that the special attention should be paid to the optimally balanced educational *environment* which helps to overcome the communicational barriers, to develop the personal responsibility and to form the professional competencies (kompetentnost).

References:

1. Набиев В. Ш. Военно-специальная компетентность: дидактические условия формирования личности: монография. – Саарбрюкен: Изд-во «LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Germany», 2011. – 140 с.
2. Набиев В. Ш. Предикат компетентностного подхода: генезис целей, содержания и результатов образовательной деятельности в вузе. // Сборник докладов XXII-й Международной научной конференции «Актуальные вопросы

современной психологии и педагогики» (Россия, 26 июня 2015 г.). – Липецк: Научное партнерство «Аргумент», 2015. – С. 45–49.

3. Набиев В. Ш. Педагогическое обеспечение электронного контента современных обучающих систем. // Электронное обучение в непрерывном образовании. – 2015. – Т. 2., № 1 (2). – С. 125–135.
4. Дьяконова О. О. Опыт использования эдьютейнмента в рамках учебных курсов. // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 9. – С. 61–62.
5. Дьяконова О. О., Букатов В. М. Эдьютейнмент в образовании взрослых и интерактивные технологии обучения в современной школе. // Педагогика. – 2014. – № 8. – С. 44–52.

*Sartbekova Nurjan Koodoevna,
Kyrgyz State University of constructions,
transport and architecture named after N. Isanov,
Kyrgyzstan, Bishkek
E-mail: nursart@mail.ru*

Bologna process and features of teaching in technical higher education institution of Kyrgyzstan

Abstract: The role and value of Bologna Process in Kyrgyzstan are considered in this article. Features of teaching English in technical higher education institution reveal.

Keywords: Bologna Process, state standard, two-level system, integration, internationalization, professional education, guarantee, quality, features of teaching, competence.

*Сартбекова Нуржан Коодоевна,
кандидат педагогических наук, доцент,
Кыргызский государственный университет
строительства, транспорта и архитектуры
имени Н. Исанова, Кыргызстан, г. Бишкек
E-mail: nursart@mail.ru*

Болонский процесс и особенности преподавания в техническом вузе Кыргызстана

Аннотация: В статье рассматриваются роль и значение Болонского процесса в Кыргызстане. Раскрываются особенности преподавания английского языка в техническом вузе.

Ключевые слова: Болонский процесс, государственный стандарт, двухуровневая система, интеграция, интернационализация, профессиональное образование, гарантия, качество, особенности преподавания, компетенция.

В последние годы роль английского языка в качестве международного еще более усилилась. Согласно информации всех международных организаций английским пользуются как официальным языком, приблизительно 90 % научных статей пишутся сегодня на английском языке.

Еще одной причиной повышения внимания к языковой подготовке студентов технических вузов является присоединение Кыргызстана к Болонскому процессу [1]. 16 сентября 2011 года в городе Болонья (Италия), в здании старейшего университета Европы — Университета Болоньи — состоялось подписание ректорами 37 университетов из 10 стран мира Великой хартии университетов. В числе подписантов ректоры 11 ведущих вузов Кыргызской Республики. В результате чего эти вузы присоединились

к Болонской конвенции (к 721 университету из 79 стран мира). Ранее к Болонскому процессу присоединилось два кыргызстанских вуза. Присоединение к Болонскому процессу позволит вузам республики перейти к двухуровневой системе образования. В августе 2012 года постановление об установлении с 2012–2013 учебного года двухуровневой структуры высшего профессионального образования, с присвоением академических степеней «бакалавр» и «магистр», за исключением некоторых специальностей подписал премьер-министр Кыргызской Республики. Болонская декларация подписана в июне 1999 года министрами образования 29 европейских государств. В сентябре 2003 года к Болонскому процессу присоединилась Россия. В мае 2005 года в состав государств, участвующих в Болонском

процессе, официально были приняты Армения, Азербайджан, Грузия, Молдова, Украина. В 2010 году в Болонский процесс официально принят Казахстан. Таким образом, в общее европейское пространство активно интегрировалось большинство стран, являющихся стратегическими партнерами Кыргызстана по СНГ, ЕврАзЭС и ШОС. Великая университетская хартия сформулирована в 1988 году. В настоящее время хартия объединяет более 700 университетов евразийского пространства в рамках Болонского соглашения, с целью создания единого европейского пространства высшего образования. В церемонии подписания приняли участие ректоры следующих вузов Кыргызстана:

1. Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына;
2. Кыргызский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова;
3. Академия управления при Президенте КР;
4. Кыргызский экономический университет;
5. Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова;
6. Кыргызский государственный университет им. И. Арабаева;
7. Кыргызская государственная юридическая академия при Правительстве КР;
8. Кыргызский национальный аграрный университет;
9. Иссык-Кульский государственный университет им. К. Тыныстанова;
10. Ошский технологический университет имени М. Адышева;
11. Таласский государственный университет.

Ранее Великую Университетскую Хартию подписали еще два вуза из Кыргызской Республики — Бишкекская финансово-экономическая академия и Международный университет Кыргызстана. 16 сентября 2011 года Кыргызстан присоединился к Болонскому процессу, главной целью которого является создание единой зоны высшего образования и единой системы гарантий качества образования на территории Европы [4]. Нарастающие интеграция и интернационализация современного мира привели к изменению целей и конкретизации задач образования и обучения вне зависимости от государственной принадлежности.

Предмет «Иностранный язык» играет важную роль при введении элементов Болонского соглашения на факультетах, готовящих специалистов для разных отраслей народного хозяйства: экономистов, программистов, инженеров, и др. Если рассмотреть с точки зрения возможностей введения элементов Болонского соглашения программу по иностранным языкам для неязыковых, специальностей в высшей школе, то видно, что необходимые навыки и умения отражены в требованиях стандарта к специалисту (федеральный компонент — ГСЭ. Ф. 01 «Иностранный язык»), согласно которым он должен владеть:

- навыками и умениями речевой деятельности применительно к сфере бытовой и профессиональной коммуникации;

- основами публичной речи;
- формами деловой переписки — навыками подготовки текстовых документов управленческой деятельности;
- основами реферирования и аннотирования литературы по специальности;
- навыками самостоятельного порождения стилистики мотивированного текста.
- навыками работы со словарем (читать транскрипцию, различать прямое и переносное значение слов, находить перевод фразеологических единиц);
- основой иноязычной терминологией специальности;
- русскими эквивалентами основных слов и выражений профессиональной речи;

должен уметь:

- отредактировать текст, ориентированный на ту или иную форму речевого общения;

должен освоить:

- нормы официально-деловой письменной речи, международные и национальные стандарты видов и разновидностей служебных документов;

должен изучить:

- характерные способы и приемы отбора языкового материала в соответствии с различными видами речевого общения;

должен иметь представление:

- о форме договоров, контрактов, патента;
- об основных способах сочетаемости лексических единиц;
- об основных словообразовательных моделях.

При условии выполнения всех программных требований по иностранным языкам, предъявляемых к специалистам, считаем вполне возможным введение элементов Болонского соглашения в учебных подразделениях нефилологического профиля. Однако, на наш взгляд, при этом обязательным требованием является соответствующий уровень знаний по иностранным языкам выпускников общеобразовательных школ. Как показывает многолетний опыт преподавания иностранных языков в вузах, уровень знаний по иностранным языкам у большинства студентов, поступающих в университет, не соответствуют требованиям, предъявляемым к выполнению целевых установок первого семестра. Анализ нормативных документов, определяющих содержание образования в технических вузах, показывает, что в них не ставится специально задача совершенствования в целом иноязычной речевой деятельности будущих инженеров. Отзывы выпускников свидетельствуют о том, что многие из них имеют низкие коммуникативные качества, слабо развитые черты общения. Имеется явная недостаточность теоретической и практической разработки проблемы формирования, коммуникативной компетентности будущего инженера на основе совершенствования иноязычной речевой деятельности в период подготовки его в техническом вузе.

В соответствии с требованиями программы одна из целей полного курса обучения иностранному языку в неязыковом вузе состоит в развитии личности будущего инженера; способной и желающей участвовать в межкультурной коммуникации и самостоятельно совершенствоваться в профессиональной деятельности. Для этого, как показывает анализ исследований по данной теме, необходимо постоянное на протяжении всего курса обучения иностранной речевой деятельности в вузе ознакомление через изучаемый язык с историей и современной жизнью данной страны, ее традициями и культурой. Кроме обновления структуры и, содержания основных профессиональных образовательных программ, стандарты формируют

требования к уровню подготовленности лиц, завершивших обучение по каждому из направлений. Они определяют уровень минимальных знаний, умений и навыков, которыми должен обладать выпускник вуза, чтобы получить документы о соответствующей квалификации [2].

Таким образом, изучение иностранных языков в техническом вузе является неотъемлемой составной частью подготовки специалистов различного профиля, которые в соответствии с требованиями Государственного образовательного стандарта должны достичь уровня владения иностранным языком, позволяющего им продолжить обучение и вести профессиональную деятельность в иноязычной среде.

Список литературы:

1. Байденко В. И. Болонский процесс: середина пути. / В. И. Байденко. – М.: Логос, 2005. – 379 с.
2. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: перспективы развития. / под ред. Я. И. Кузьминова и др. – М.: Логос, 2004. – 328 с.
3. Примерная программа дисциплины «Иностранный язык» федерального компонента цикла общегуманитарных и социально-экономических дисциплин в ГОС ВПО второго поколения. // УМО по лингвистическому образованию. – М.: Минобрнауки России, МПСИ, 2000. – 27 с.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ednet.edu.kg/index.php>.

*Slutskiy Yaroslav Sergeevich,
Donbass State Teachers Training University,
postgraduate student, the Faculty of Pedagogy
E-mail: yaroslavanddana@mail.ru*

The formation of the competences, as a component of volunteering activity, among the volunteer

Abstract: This article discusses the needs and methods of forming the basic competencies for the individual during the participation in the volunteering activity. The impact of volunteering competencies on the development of professional skills of the person, which is a factor in the formation of professional demanding in the modern world is examining. The volunteering competencies, as fundamental components of the volunteering activity have been analyzing.

Keywords: volunteering, competence, linguistic competence, socio-cultural competence, educational competence, leadership competence.

*Слуцкий Ярослав Сергеевич,
Донбасский государственный педагогический университет,
аспирант, кафедра педагогики
E-mail: yaroslavanddana@mail.ru*

Формирование компетенций, как составляющей волонтерской деятельности, у волонтера

Аннотация: В данной статье рассматривается необходимость и способы формирования основополагающих компетенций у личности при участии в волонтерской деятельности. Исследуется влияние волонтерских компетенций на развитие профессиональных навыков личности, что является фактором формирования специалиста, востребованного в современном мире. Проанализированы волонтерские компетенции, в качестве фундаментальных составляющих волонтерской деятельности.

Ключевые слова: волонтерство, компетенция, языковая компетенция, социокультурная компетенция, образовательная компетенция, лидерская компетенция.

Основной целью современной системы формирования личности является становление квалифицированных, всесторонне развитых личностей, компетентных в сферах своей деятельности. Современным работодателям «нужна не квалификация, а компетентность, как совокупность навыков, присущих каждому индивиду» [2]. Поэтому вопросы, касающиеся средств, которые нужно использовать для формирования профессиональных компетенций, актуальны. Развитие необходимых компетенций может происходить в ходе разнообразных процессов. Одним из них является волонтерская деятельность.

Язык используется для самовыражения, решения проблем, творчества, но в целом — для общения. Способность людей взаимодействовать с другими людьми с помощью языка является уникальным и универсальным человеческим качеством. В современном мире неопровержимой истиной является важность коммуникации. Волонтер, который не знает иностранных языков, сегодня неконкурентоспособен. Для изучения иностранного языка, главной целью является развитие языковой компетенции. Волонтерство дает шанс проверить свои знания иностранного языка, возможно даже провести некоторые эксперименты в процессе общения, используя различные способы формулирования своих мыслей. Ведь владение языковой компетенцией «выражается в способности говорящего продуцировать осмысленные предложения» [5, 1199]. Языковая компетенция развивается, опираясь на обучение говорению, письму, аудированию и невербальным навыкам общения. Одной из главных задач волонтера, изучающего иностранный язык, то есть формирующего свои языковые компетенции, является необходимость понимать семантические и синтаксические взаимосвязи и пытаться интегрировать исследуемый язык в родной; нести ответственность за обучение, прежде всего перед собой; а для этого нужна мотивация, понимание необходимости иметь способность общаться на иностранном языке [12].

Но чтобы иметь возможность общаться, не нужно быть в изоляции. Именно общение должно стать движущей силой развития языковой компетенции. Изучение языка с использованием учебника не дает глубокого развития. Это должен быть полноценный диалог. Именно диалог, с использованием обычных словосочетаний приводит к положительным сдвигам в процессе развития языковой компетенции.

Волонтер должен обладать комплексом различного рода компетенций, должен уметь пользоваться ими в необходимой ситуации. Обладая одной или двумя компетенциями, волонтер не сможет полностью адаптироваться в условиях современного мира. Социокультурная компетенция является одной из основных компетенций.

Главным аспектом этой компетенции является умение использовать существующие социокультурные правила в нужном контексте [7]. Потому что владение данной компетенцией без осознания того, как правильно применять ее, приводит к бесполезности подобных знаний. Волонтер должен быстро и качественно применять свои знания на практике.

Можно утверждать, что волонтерство и социокультурная компетенция взаимосвязаны и являются частью друг друга. Ведь данная компетенция относится к процессу, с помощью которого создается эффективная система для людей всех культур, языков, классов, рас, происхождения, религий. Данная система предполагает признание, подтверждение и защиту достоинства каждого [10]. Очевидно, что данные процессы являются приоритетными и в волонтерстве.

От качества взаимодействия с гражданами отличной от своей национальности, зависит эффективность профессиональной деятельности волонтера [4]. Поэтому волонтерская деятельность и способствует активному формированию социокультурной компетенции. Успешное умение общаться с представителями других социальных групп имеет важное значение для личной и профессиональной жизни [1] волонтера. Для успешного использования социокультурной компетенции необходимо интерпретировать различные культурные системы, уметь сочетать их и не допускать их несовместимости между собой [11, 13].

Необходимой компетенцией для волонтера является лидерская компетенция. Обладание данным видом компетенции необходимо волонтеру в любом виде деятельности. Norey J. пришел к выводу, что формирование лидерского потенциала происходит сквозь влияние, мотивацию, вдохновение, через прямые и косвенные средства для достижения организационных целей [8]. Недопустимо сравнение лидера с организатором или утверждение, что наличие лидерского качества способствует достижению организаторских целей. Лидер по своей сути должен обладать задатками организатора, в ином случае лидерский потенциал подобного рода личности не будет иметь совершенно никакого влияния. А эффект влияния здесь является основополагающим. Бесспорно, что лидер, не имеющий способности оказывать влияние на людей, не может быть лидером.

Landry L. Lockett делает заключение, что развитие лидерских качеств происходит в процессе становления личности [9]. Можно сделать вывод, что только лишь при условии развитой и активно формирующейся, а может и практически сформированной личности, лидерские качества могут вообще проявляться и проходить этап своего развития. Мы думаем, что более подходящей является характеристика, данная Adair J., в которой приводится утверждение, что лидерство зависит от ситуации [6]. В некоторых ситуациях один человек может превратиться в лидера, в других — нет. Данная модель проявления лидерских качеств, по нашему мнению, является более конкретизированной, так как уровень развитости личности не оказывает существенного влияния на наличие или же отсутствие лидерской компетенции. Однако, все зависит от индивидуальных особенностей отдельно взятой личности. Еще одной особенностью лидера является умение чувствовать ситуацию. Можно усердно выполнять свою работу, достигать необходимых результатов, однако, часто именно обладание качеством видения той или иной

ситуации становится решающим компонентом в построении необходимой для волонтера структуры дальнейших действий. «Обладание интуитивным видением означает способность совершать оптимальный выбор» [3]. Это и есть одним из ключевых аспектов для лидера.

Волонтерские компетенции не являются определенного рода связующим звеном между волонтером и непосредственно волонтерской деятельностью. Они есть составляющей частью волонтера. Именно формирование подобного рода качеств становится фактором эффективной волонтерской деятельности. Сбрав воедино все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что:

1. Формирование компетенций имеет основополагающее значение для волонтера в качестве повышения его компетентности, как личности;

2. Одним из эффективных способов становления и развития компетенций является волонтерская деятельность, предоставляющая условия для качественного личностного изменения и совершенствования;

3. Полноценное развитие компетенций происходит лишь при их активизации с помощью практической составляющей, так как только лишь теоретические знания о необходимости или способах их формирования не дают положительного результата.

Список литературы:

1. Гусева А. В. Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения устному иноязычному общению: школа с углубленным изучением иностранных языков, французский язык: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02/Антонина Васильевна Гусева. – М., 2002. – 235 с.
2. Звездова А. Б. Компетентностный подход в высшем профессиональном образовании./А. Б. Звездова, В. Г. Орешкин. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.miep.edu.ru/uploaded/zvezdova_oreshkin.pdf.
3. Менечетти А. Психология лидера: 4-е изд./А. Менечетти. – М.: Онтопсихология, 2004. – 253 с.
4. Санин С. А. Формирование мультикультурной компетенции будущих специалистов по социальной работе в волонтерской деятельности./С. А. Санин//Гуманитарные исследования. – 2012. – № 4 (44). – С. 185–190.
5. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
6. Adair J. Develop Your Leadership Skills/J. Adair. – Cornwall: British Library Cataloguing-in-Publication Data, 2007. – 89 p.
7. Cohen D. A. Developing a Measure of Sociocultural Competence: The Case of Apology/Cohen D. Andrew, Olshtain Elite//Language Learning Research Club. University of Michigan. – 1981. – V. 31. – № 1. – P. 113–134.
8. Horey J. D. Leadership Competencies: Are We All Saying The Same Thing?/Horey J. D. Fallesen J. J.//The 45th Annual Conference of the International Military Testing Association. – Florida, 2003. – 13 p.
9. Lockett L. L. Enhancing Leadership Skills in Volunteers./Landry L. Lockett, Boyd B.//Journal of Leadership Education. – 2012. – V. 11. – № 1. – P. 233–244.
10. NASW Standards for Cultural Competence in Social Work Practice: National Association of Social Workers. – Washington, 2001. – 32 p.
11. Neuner G. Sociocultural competence in language learning and teaching: Studies Towards a Common European Framework of Reference for Language Learning and Teaching./Gerhard Neuner, Zarate Genevieve. – Germany. Council of Europe, 1997. – 122 p.
12. Pylypiuk N. Ukrainian Language Competencies for Peace Corps in Ukraine./N. Pylypiuk. – Washington, D. C.: Peace Corps, 1992. – 253 p.

*Chervinska Inna Bogdanovna,
Vasyl Stefanyk Precarpathian National University,
Candidate of Pedagogics, Ph D., Associate Professor of Chair Theory
and Methodology of Elementary Education, Ukraine, Ivano-Frankivsk
E-mail: ichervinska@mail.ru*

Implementation of pedagogical potential educational space of a comprehensive school in conditions of transformation society

Abstract: Problem study is to determine the theoretical and methodological principles of formation of educational space of the secondary school in the context of modern pedagogical concepts, paradigms of educational and social transformatsiy. The article focuses on the formation of a secondary school open educational space that is aimed at fostering a fully developed individual as a subject of his own life and success.

Keywords: educational space, formation, educational system, educational environment, personality, environmental approach, activity approach.

The leading attribute of innovative educational institution in XXI century is an open educational space aimed at fostering a fully developed individual as a subject of his or her own life and success, mastering some key competencies necessary for life. Therefore, it is important to substantiate theoretically and experimentally test the new approaches for creating a single educational space as the most effective condition to achieve the goals of students' educating.

As for the methodological basis of educational space research, some philosophical ideas can be taken such as ones of V. Soloviev and M. Fedorov, some searches by A. Chizhevsky, the doctrine of noosphere by V. Vernadsky, "the sphere spirit" by P. Florensky, the phenomena of "childhood space" by I. Demakov, "the educational space of adolescent's school life <by D. Grigoriev>", a child as a subject and a creator of his own life space" by N. Selivanova and B. Vulfov.

The problem of educational space is reflected in "National development strategy of education in Ukraine for the period up to 2021" stating that "the key task of today's practice is the creation of educational space. Educational space is not only the environment but also the spiritual space of a student and a teacher; it is a cultural space that affects the development of personality. It must represent all the range of cultural values and cultural forms of life. It is the space of social and cultural life choices of the individual which self-actualize in different educational environments (academic environment, club environment of creative workshops, etc.)" [4].

The problem of the research is to determine the theoretical and methodological principles of the formation of educational space at secondary school in the context of modern pedagogical concepts, educational paradigms and social transformation.

On the basis of the research, the study of psychological and pedagogical literature and personal pedagogical experience the aim is to reveal the specifics of theoretical and methodological bases of forming the educational space at a comprehensive school in terms of society's transformation.

Such concepts as "educational system", "educational environment" and "educational space" belong to categorical conceptual apparatus of education. Lively discussions are held on the pages of educational media as for the definition of functional connection, the nature and structure of these concepts.

Educational system is a well-organized, complete system of components, which interaction and integration contribute to purposeful and efficient development of students at a particular educational institution.

The term "educational system" was first introduced into scientific use by Russian academician L. Novikova in 1989. Her followers were E. Baryshnikov, I. Kolesnikova, M. Rozhkov, E. Stepanov and others [5, 10]. Educational environment is a combination of factors that were really established and function in society, "granted, but not the result of constructive activity of educators as well as managers of the educational process who create conditions for students' development".

The attempts of researchers (M. Ilchykov, V. Karakovsky, L. Novikova, G. Kovhanych), modern educators and practitioners to make the environment encouraging and adequate for the development of growing personality caused, according to V. Kirichenko, the emergence and rapid entry into scientific use the term "educational space". These scholars tend to understand that "educational space is a part of potential educational environment (typically broader than educational process itself), established by teachers and pupils". Accordingly, the statement "educational space", appears relatively narrower than the concept of "educational environment". The researchers, such as V. Kirichenko and G. Kovhanych, believe that «the basic mechanism of creating educational space is interaction of subjects united by common understanding of the educational space concept, educational problems» principles and approaches to education, where a technological key point is in their mutual converting activity [3, 8]. The interesting fact in this context is the interpretation of the category of educational space by Scientist D. Alfimov. In particular, he claims that "the educational space of a modern comprehensive school is a special organization of student's life in educational school consenters, allowing to educate a competitive person, a future leader" [1, 16]. According to I. Yermakov, school educational space is "a social cultural and pedagogical (educational) phenomenon, which forms the vital functions of institutions, the interaction of educators (teachers) and students (pupils) while involving the latter in the values and meanings of social life, creating the conditions for the emergence and implementation of the structural social and creative activity of students. In the future, school educational space will be a kind of a training playground which will help to educate a child with the help of consistent set of educational interventions without verbal notations; they will include special organization of school life, the organization of student's life at school, social practice, social and life planning, involving a person in spiritual heritage of creation" [5, 89].

The educational space of a comprehensive school is usually multidimensional and multilevel. Compactness (the strength of educational influence) and space (size) are typical for it. In the given context it is necessary to point out some qualitative characteristics of educational space: integrity, stability, differentiation, integration, self-organization. As for the design of educational space in the social environment, the distinction of its structure and infrastructure (social institutions, public organizations, groups of people, events, institutions, communities, components, etc.) are of fundamental importance.

Educational space defines a higher degree of adjusted human interaction with social cultural and natural environment. After all, according to researchers (V. Karakovsky, L. Novikova, N. Selivanova), the conversion of a certain environment into educational space not only increases its educational potential, but creates an opportunity to manage it more effectively and efficiently. This is the difference between educational space and environment. Environment is the foundation, not the

result of constructive activity. Educational space is the result of humanization, mutual activity. Therefore, environment has to be used for educational purposes while educational space has to be created. That's why, it is necessary to focus on the social challenges that occur on the way of the building of educational space in a modern educational institution:

- the contradictory nature of economic, social and political development of society leads to the fact that the school leavers can not always find opportunities to apply their knowledge and skills;
- the differences between a high level of adult's culture and education and a low material level of their lives that is the main cause of negative phenomena among pupils;
- impairment role of education, decline in the authority of a teacher, increase in aggression, violence, pupils' nihilism;
- organized and targeted education at schools and grassroots impact of environment;
- the confrontation between school and community;
- media contradictions (political life and historical past of our country, the ideals of the society);
- the process of education without taking into account the desires, interests and requests of children in the educational process generates formalism and fitness.

According to these social challenges, the activities of educational institutions should be aimed at the improving of educational process, which provides the following:

- the organization of educational centers — creating of school museums, thematically designed recreations;
- the organic combination of tasks that school should solve in connection with the needs of environment.

The strengthening of educational space is based on the principles that define the objective, content, ways and means of its development. The key ones among them are: the principle of child centrism; the principle of humanism; the principle of natural compliance; the principle of cultural compliance; the principle of systems; the principle of continuity; the principle of dialogue; the principle of adaptability.

The realization of pedagogical potential of educational space at comprehensive schools should be based on the methodology of "environmental approach" that adheres to the principles of pedagogical research and design, synthesizes and takes into account underlying factors of personality formation.

The general methodology of optimization in educational space functioning at school also includes "activity approach" to the formation of pedagogical conditions providing the activation of teaching and learning activity of the student. Therefore, within the functioning of educational institution it is necessary to ensure a broad range of extracurricular educational activities that promote personal fulfillment.

The educational space of an educational institution is not only an important source of formation and development of the individual, but also a place of ideological and value cultural formation both an individual and school communities, which determines the spiritual and moral, creative and intellectual atmosphere (style, lifestyle) of an educational institution and also provides some impact on the overall social cultural environment and the society of the settlement while enriching and complementing each other.

The concept of "educational space" has been defined as ambiguous by researchers today; lots of approaches to understanding of this phenomenon is explained by the scientific and personal position of the researcher, his practical experience and realizing the mechanisms of design and creation of educational space. Educational space is considered both as a pedagogical category and as a condition of personality development of a child living in a certain environment (natural, cultural, social). Under these conditions, educational space is an important factor in the humanization of modern society. The creation of educational space at comprehensive school includes the internal processes associated with the choice of priorities in pedagogical activities and external ones, which include the mastering of culture relations in the environment by the community of children and adults. The prospects of further scientific studies are associated with the research of the problem of interaction between the subjects of educational space.

References:

1. Alfimov D. V. Company formation space leadership skills of pupils. // *Spirituality: Methodology, Theory and Practice*. – 2013. – 4 (57). – S. 13–20.
2. Yermakov I. H. Education for life: models of educational systems. – Group Kh.: Vydav. «Osnova», 2006. – 224 s.
3. Kyrychenko V. I., Kovhanych H. H. Foundling space, nature and technology creation. // *Postmetodyka*. – 2009. – 2 (86). – S. 7–15.
4. National Strategies for the Development of Education in Ukraine for the period till 2021. // [Electronic resource]. – Available from: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/344/2013>.
5. Novykova L. Y. Educational system: general characteristics. // *The educational system of educational institution*. V 2 ch. – Ryha, 1989. – Ch. 1. – S. 7–11.

*Yuzhakova Nina Evgenyevna,
Finance University under the Government of the Russian Federation,
Senior teacher, «Foreign Languages Department-2»
E-mail: sp895@mail.ru*

Teaching business writing as a crucial part of the course on teaching foreign language at non-linguistic university

Abstract: The article examines the issues of business letter writing in the course of teaching foreign language at non-linguistic university. The author concentrates on the practice of introducing business writing in the basic course of teaching English in the Finance University under the Government of the Russian Federation.

Keywords: business correspondence, formal style, uniformity of style, politeness, non-linguistic university.

*Южакова Нина Евгеньевна,
Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации,
Старший преподаватель, кафедра «Иностранные языки-2»
E-mail: sp895@mail.ru*

Обучение деловой корреспонденции как неотъемлемая часть курса преподавания иностранного языка в неязыковом вузе

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы преподавания деловой корреспонденции в курсе обучения иностранному языку в неязыковом вузе. Автор сосредотачивает внимание на практике включения основ деловой корреспонденции в базовый курс преподавания английского языка в Финансовом Университете при Правительстве РФ.

Ключевые слова: деловая корреспонденция, официальные стиль, единообразие стиля, вежливость, неязыковой вуз.

В современном мире экономики и финансов, несмотря на введение санкционных мер и ухудшение экономической ситуации, продолжается сотрудничество между компаниями, работающими в разных уголках земного шара, и востребованность знающих, опытных специалистов, более того, сотрудников, специализирующихся в области права, финансов и экономики, владеющих иностранным языком, по-прежнему, остается высокой. Соответственно, требования рынка труда диктуют направленность и содержание курсов и дисциплин, преподаваемых в вузах Российской Федерации, и наличие таких дисциплин, как «деловой иностранный язык», «деловая корреспонденция», «бизнес коммуникация» остается актуальным, необходимым и обязательным. Такие курсы существуют в Финансовом Университете при Правительстве Российской Федерации, в котором элементы ведения корреспонденции на иностранном языке преподают студентам не только в рамках основного университетского курса, в рамках базовой программы в бакалавриате и магистратуре, но также в ходе работы в группах дополнительного образования по программе курсов ВЕС и ICFE, которые предлагают студентам как дополнение к основному курсу обучения иностранному языку. Соответственно, в рамках обучающего курса по иностранному языку преподаватели Финансового Университета при Правительстве РФ сосредотачивают внимание студентов на практике составления и оформления деловых документов.

Говоря о деловой корреспонденции, стоит остановиться на самом понятии корреспонденция. Под деловой корреспонденцией мы подразумеваем служебное письмо, телеграмму, факс, электронное сообщение. Если следовать определению термина, то можно отметить, что понятие «служебные письма» охватывает письма между юридическими лицами или юридическим и физическим лицом. Следует отметить, что при оформлении деловых писем обязательным является приведение справочных данных об организации, в разделе которых составитель должен упомянуть «Место составления документа», а также наличие второго экземпляра письма, который не отправляют адресату, а оставляют в деле для контроля. В соответствии со стандартами оформления письма могут быть простыми и сложными, входящими и исходящими.

Примерами простых писем могут служить короткие сопроводительные письма, гарантийные письма и напоминания, в то время как к сложным деловым письмам относятся коммерческое письмо и рекламация. В реквизитах делового письма мы найдем наименование организации, регистрационный номер документа, адресата (это может быть организация, структурное подразделение, должностное или физическое лицо), дату, заголовок к тексту, текст, отметку о приложении, подпись, и отметку об исполнителе.

Одним из наиболее важных законов, которого следует придерживаться при написании деловых писем, является

обязательное следование требованиям, предъявляемым к адресату, то есть тому лицу, которое инициирует составление и отправку письма. Среди этих требований такие требования, как соблюдение обязательного объема, который не должен превышать двух страниц, более того, немаловажным условием служит четкость изложения материала, которая предполагает употребление коротких, понятных предложений, не содержащих профессионализмы. Еще одним правилом к написанию деловых писем служит единообразие стиля и наличие номера и даты отправки, а также необходимость сосредоточения внимания адресата только на одной проблеме. Помимо этого неотъемлемым условием для составляющего письмо лица считается стремление быть вежливым.

Хорошее владение иностранным языком, а также умение вести деловую переписку с коллегами на иностранном языке обеспечивает студентам возможность карьерного роста. Поэтому вот уже многие годы на базе Финансового Университета при Правительстве РФ функционируют курсы по обучению деловому иностранному языку (BEC Vantage, BEC Higher), которые позволяют студентам чувствовать себя более уверенными при прохождении собеседования с будущими работодателями. Коммуникация, целью которой является обмен информацией для взаимопонимания и согласованного действия людей в различных областях человеческой деятельности, служит основой существования любой организации. Деловая коммуникация представляет собой очень ценное средство, поскольку она повышает эффективность работы организации, а также помогает решению многих проблем, с которыми сталкивается организация.

От эффективности деловой коммуникации зависят взаимопонимание, согласованность действий и четкость приоритетов, возникающих у коллег, сотрудничающих в сфере бизнеса и финансов и настроенных на укрепление дальнейших связей.

Задача формирования письменной репродуктивной речи представляет большую сложность, не смотря на тот факт, что развитие навыков письменной речи — обязательный компонент ESP и предполагает владение коммуникативной, лингвистической, лингвострановедческой компетенций. Формирование навыков создания письменных продуктов начинается на первом курсе с простых видов реализации коммуникативных намерений, переходя к более сложным формам письменной коммуникации на 2 и 3 курсах. Формирование же письменной компетенции для сдачи международных экзаменов ICFE и BEC имеет намного более глубокую направленность, так как предполагает обучение письменной аргументации в форме письма и доклада. При подготовке студентов к сдаче письменного экзамена преподаватели ставят своей целью формирование навыков написания письма в объеме 120–180 слов в ответ на письмо-задание (input letter), при этом преподаватели также учат студентов давать аргументированные подтверждения решениям предложенных вопросов (5 content points) в соответствии с коммуникативной установкой: оценка

событий или действий, решение проблемы, выражение личного мнения, описание, убеждение, сравнение, противопоставление, предложение, рекомендация, объяснение, извинение, подведение итогов и т. д. Письменные задания в формате экзамена BEC предполагают:

1) написание служебной записки (первая часть письменного задания), которая включает вежливое обращение к адресату, вежливое заключение, формулировку проблемы и вариант её решения;

2) составление доклада (вторая часть письменного задания), в котором экзаменуемый должен изложить цель написания данного документа, изложить несколько основных проблем и сформулировать пути их решения, более того студенту необходимо грамотно проанализировать условия и ситуацию, которые требуют корректировки, а также аргументировать правильность принятия определенного решения.

Официально-речевая коммуникация также характеризуется использованием определенных фраз-клише в ходе написания письма. Примерами таких фраз-клише могут служить следующие: We'd appreciate a reply; I am writing to clarify the terms of the agreement; I'd like to confirm; I was disappointed to find.; Please can you sort out the mess with the accounts и др.

Еще одной особенностью официально-деловой коммуникации является то, что официально-деловой стиль характеризуется краткостью, компактностью изложения, экономным использованием языковых средств [3].

Немаловажным для написания писем является грамматическая компетенция, то есть знание грамматических элементов языка и умение ими пользоваться в процессе общения. Здесь следует отметить, что умение правильно оформить письмо является одним из преобладающих. Умение вести корреспонденцию сопряжено со знанием использования некоторых общепринятых стандартных оборотов и устойчивых выражений. В качестве образца следует использовать типовые письма и сообщения из учебных пособий, аутентичный материал: переписку реальных фирм и компаний.

Не следует забывать о профессиональной направленности обучения, которая предполагает значение учебного материала для адекватного восприятия текста письма и обеспечивает дальнейшее самостоятельное использование лексических единиц в профессиональном общении.

Подытоживая все вышесказанное, можно утверждать, что письменная деловая коммуникация нацелена на плодотворное сотрудничество партнеров, достижение взаимопонимания между ними, помощь в урегулировании и решении спорных вопросов бизнеса, в который эти партнеры вовлечены. Поэтому при обучении студентов навыкам ведения деловой переписки необходимо ознакомить их с основными характеристиками письменного делового общения, которыми являются его регламентированность, т. е. подчинение установленным правилам и ограничениям; строгое отношение участников делового общения к использованию речевых средств, а также учет культурологических особенностей правил ведения деловой переписки с зарубежным партнером.

Список литературы:

1. Калинычева Е. В., Куликова О. О., Южакова Н. Е. Развитие навыков письменного делового общения как элемент повышения коммуникативной компетенции студентов-экономистов.//Современные модели в преподавании языков и культур в контексте менеджмента качества образования./Материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-методической конференции 10 апреля 2012 года. – М.: РГСУ, 2012. – С. 214–220.
2. Лэйхифф Дж. М., Пенроуз Дж. М. Бизнес коммуникации. Стратегии и навыки. – СПб.: Питер, 2001.
3. Пассов Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. – М.: Просвещение, 1991. – 208 с.

Section 6. Psychology

*Lekerova Gulsim Zhanabergenovna,
doctor of psychological sciences, professor,
M. Auezov South-Kazakhstan State University
Jexenbaewa Kaliyash Ospanovna,
doctor Phd of pedagogics
Balabekov Aydarkhan Torekhanovich,
doctor Phd of pedagogics
Demeuov Akhan Kalaubayevich,
doctor Phd of pedagogics
Bekbosunov Ansar Kuralovich,
doctor Phd of pedagogics
E-mail: gulsimlekerova@mail.ru*

Psychologische Mechanismen zum Formieren der beruflichen Orientierung einer Persönlichkeit

Abstrakt: Psychologische Mechanismen zum Formieren der beruflichen Orientierung einer Persönlichkeit, Probleme der psychologischen Anpassung der Studenten bei neuen sozial-ökonomischen Bedingungen der Ausbildung (psychologische, berufsorientierte) geht, sowie um Studium von Persönlichkeitsvorgängen, die mit dem Problem der Formierung von beruflichen Selbstbestimmung verbunden sind.

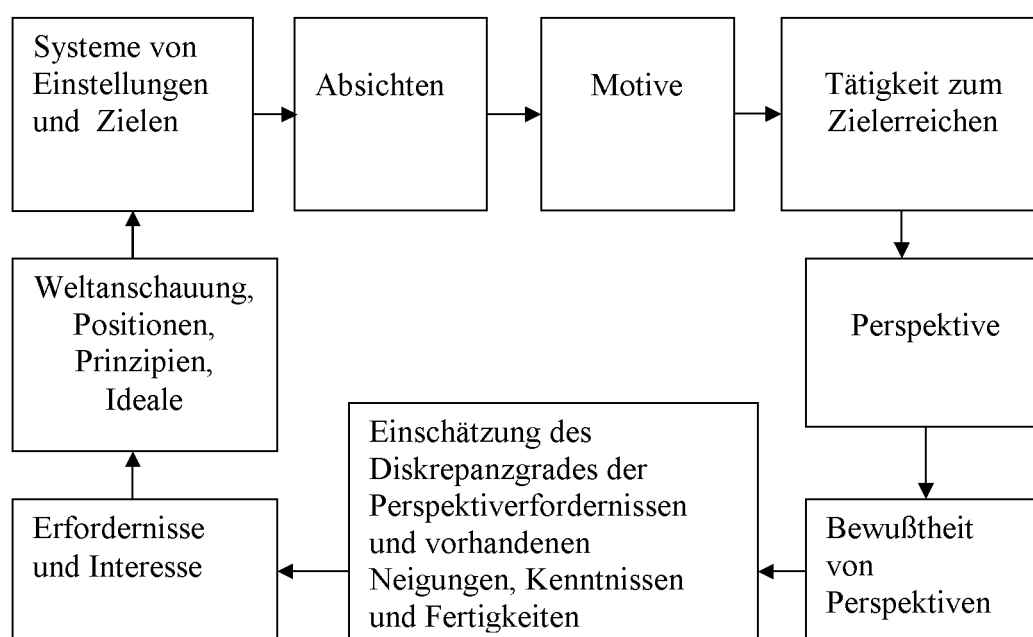
Stichwörter: Absichten, motive, systeme von einstellungen und zielen, weltanschauung, positionen, prinzipien, ideale.

Reformierung des kasachstanischen Ausbildungssystems ist mit globalen Veränderungen in allen Sphären des gesellschaftlichen Lebens verbunden. Modernisierung der kasachstanischen Gesellschaft, Orientierung des Landes auf einen innovativen Typ der Wirtschaft fordern eine Revision der zur Translation von Kenntnissen und zum Formieren von Fertigkeiten und Fähigkeiten benutzenden Ausbildungstechnologien und die Entwicklung von mobilen pädagogischen Technologien, die eine schöpferische Selbstentwicklung von Subjekten des Ausbildungsprozesses sichern konnten. Kasachstan hat sich an den gesamteuropäischen Prozess angeschlossen, da von diesem Land Bologna-Deklaration unterschrieben wurde, deren Ziel die Bildung von einer allgemeinen europäischen Hochschulausbildungszone ist. Und das setzt eine Praxis des allgemeinen Herangehens an die Ausbildung von Fachleuten voraus. Bei dieser zielgerichteten Arbeit soll die Hauptrolle, zweifellos, einem Lehrer und der kognitiven Selbstständigkeit von Studierenden anvertraut werden. Und das hebt, natürlich, eine Reihe von aktuellen Aufgaben hervor, darunter auch die, die mit der Bildung von Technologien zum Projektieren von verschiedenen pädagogischen Objekten verbunden sind und von denen Qualität von Ausbildungsdienstleistungen abhängt. Aktualität von diesem Problem steigt, wenn es um die Probleme der psychologischen Anpassung der Studenten

bei neuen sozial-ökonomischen Bedingungen der Ausbildung (psychologische, berufsorientierte) geht, sowie um Studium von Persönlichkeitsvorgängen, die mit dem Problem der Formierung von beruflichen Selbstbestimmung verbunden sind. Zu solchen Problemen gehört auch psychologische Untersuchung des Formierungsvorganges und Entwicklung von beruflicher Orientierung der Persönlichkeit an der Anfangsstufe des Hochschulstudiums. Die Entstehung des wählerischen Verhaltens zum Beruf bedeutet die Bildung eines Systems „Person — Beruf“, derer innerhalb die Wechselwirkung des Objektes und des Subjektes der Wechselwirkung beginnt. Der Begriff „Verhalten einer Person zum Beruf“ kann nicht auf die vom Subjekt ausgehende Aktivität zurückgeführt werden, und Untersuchung der beruflichen Orientierung, Bedingungen und Bewegungskräfte ihrer Entwicklung kann nicht vom System der Einwirkungen abgerissen werden, die von anderer Seite der Beziehung gehen, d. h. vom Beruf. Bei bestimmten Bedingungen gewinnt die Wechselwirkung von Seiten dieses Verhältnisses den Charakter eines dialektischen Widerspruches, der die Triebkräfte für Entwicklung der beruflichen Orientierung bildet. Ein ideales Modell der Übereinstimmung der Persönlichkeit und der Arbeit soll eine volle Koinzidenz des objektiven Inhaltes der Tätigkeit und ihrer Persönlichkeitsinhalte enthalten.

Betrachten wir detaillierter die Bedingungen der Entstehung, der Entwicklung und eine Lösung zu diesem Widerspruch [1, 15]. Man kann drei Ebene — qualitativ eigenartige Formen der Nichtübereinstimmung — aussondern. Im ersten Fall existiert eine organische Verbindung zwischen dem dominierenden Motiv zum Berufsauswahl und den wesentlichen Seiten ihres objektiven Inhaltes. Dabei ergänzen und unterstützen gewöhnlich die anderen Motive der Berufsauswahl das führende. Nichtübereinstimmung besteht doch in der Anwesenheit von potentieller Möglichkeit für eine vollere Widerspiegelung der Forderungen bei der Motivationssphäre einer Person, d. h. in der Vertiefung des Persönlichkeitssinnes der Auswahl. Eine andere eigenartige Form der Nichtübereinstimmung entsteht bei solchen Fällen, wenn die dominierende Rolle ein Motiv spielt, das gegenüber dem objektiven Inhalt der Tätigkeit als nebensächlich auftritt, und die Struktur von Motiven enthält dabei auch die direkte. So zeigte Untersuchung von Auswahlmotiven zum pädagogischen Beruf, daß in einer Reihe von Fällen ein beruflicher Reservevorsatz das Vorherrschen von solchen Motiven als „Sicherheit in eigener Tauglichkeit“ und „Prestige eines pädagogischen Berufes“ im Grunde hatte. Und solche direkte Motive wie „Interesse an den Entwicklungsvorgang von Kindern“ und „Streben zur Beibringung für Kinder eines Lieblingsfaches“ waren gleichzeitig viel schwächer und hatten deshalb keine definierende Bedeutung. Die grundlegende berufliche Absicht (mit pädagogischer Tätigkeit nicht verbundene) wurde bei diesen Studenten durch ganz andere Motive bestimmt. Bei keiner Möglichkeit zum Realisieren der Hauptabsicht wurden diese Nebemotive zur Auswahl eines pädagogischen Berufes frei. Die Anwesenheit von direkten Motiven machte diese Auswahl innerlich gerechtfertigt, obwohl sie als keine optimale Variante begriffen wurde. Die dritte Form der Nichtübereinstimmung entsteht beim vollen Fehlen von direkten Motiven zur Berufsauswahl. Es geschieht gewöhnlich dann, wenn die Auswahl einer Hochschule für eine Person nur als ein Mittel zum Erreichen eines

für sie bedeutenden Ziels (z. B. Immatrikulation an die psychologische Fakultät einer Universität gibt Möglichkeit in der Zukunft als ein Hochschullehrer tätig sein) dient. In diesen Fällen ist die Nichtübereinstimmung zwischen den Auswahlmotiven und dem Inhalt des ausgewählten Berufes so voll und Berufsanforderungen für die Person so fremd, dass der Begriff „berufliche Orientierung“ einfach den Sinn verliert. Wie auf diesem Modell gezeigt ist, entstehen Erfordernisse und Interesse beim Studenten auf Grund der Bewusstheit von Perspektiven und einer adäquaten Einschätzung des Diskrepanzgrades der Perspektiverfordernissen und vorhandenen Neigungen, Kenntnissen und Fertigkeiten. Auf Grundlage von allgemeinbedeutenden Perspektiven werden Weltanschauungen, Positionen, Prinzipien und Ideale, Systeme von Zielen und Einstellungen und Vorhaben formiert. Perspektive treten dabei als einzelne Ziele vom Studenten auf. Änderung der gesellschaftlichen Wichtigkeit von einer Perspektive, ihre Bewußtheit und adäquate Einschätzung des Diskrepanzgrades der Perspektiverfordernissen und vorhandenen Kenntnissen und Fertigkeiten führen zur Entstehung von neuen Erfordernissen und Interessen, Zielsystemen und Einstellungen, zur Notwendigkeit der Vervollkommenung von Positionen und Weltanschauung. Diese Änderungen geben Anstoß zur aktiven Tätigkeit, die die entstehende Diskrepanz ausgleicht. Sieht ein Individuum im Tätigkeitsvorgang keine Perspektive oder ist ihm als einer Persönlichkeit die gesellschaftliche Signifikanz von keinem Interesse, so wird sich die Orientierung nicht entwickeln, da es keine aktive Tätigkeit zum Erreichen einer gesellschaftlich bedeutenden Perspektive gibt. Im Entwicklungsprozess der beruflichen Orientierung geht Studierende eine Reihe von Stufen durch [2, 14]. Anfangsstufe. Der Studierende ist äußerlich für Meisterung eines konkreten Berufes entschieden, er hat dafür emotionale Einstellung, episodische situationsbedingte Interesse, Facheinstellung, einige Arbeitsgewohnheiten. Aber er hat dabei keine Selbständigkeit und er ergreift keine Initiative.



Zweite Stufe. Der Studierende hat eine fixierte Berufseinstellung und stabilere Interesse; bei ihm treten es Neigungen zutage, aber er interessiert sich mehr für die praktischen Seiten des Lehrstoffes; das formierte Ziel gibt allgemeine Orientierung für Lehr- und Betriebstätigkeit, es zeigen sich bei ihm das Selbstgefühl und die Selbständigkeit; es wird das Verantwortungsgefühl formiert. Dritte Stufe. Der Studierende hat eine feste Berufseinstellung, standfeste Interesse und Neigung zu diesem Beruf; er interessiert sich besonders sowohl für praktische, als auch für theoretische Seite des Lehrstoffes; es geschieht Selbstbehauptung der Persönlichkeit durch die berufliche Arbeit [3, 12]. Vierte Stufe. Leidenschaftliche Begeisterung für den Beruf; die Person und die Sache werden einheitlich; Orientierung formiert sich beim Vorhandensein von grossen Fähigkeiten zum gewählten Beruf; Neigungen und Berufung sind deutlich ausgedrückt; es zeigt sich hohe berufliche Meisterschaft und Vorhandensein der beruflichen Ideale; es gibt feste Überzeugung in persönlichen und gesellschaftlichen Wichtigkeit des eigenen Berufes. Erkenntnistätigkeit, die den Zufluss der neuen Information vom Beruf und von seinen Forderungen an eine Person gewährleistet, ist effektiver bei voller beruflichen Orientierung (Vorherrschen der direkten Auswahlmotiven). Beim Vorherrschen der Nebenmotiven ist die neue Information über die Forderungen, die vom spezifischen Inhalt der Tätigkeit gehen, für die Veränderung

des ursprünglichen Persönlichkeitssinnes zur Auswahl des Berufes nicht immer ausreichend, deshalb kann sie zur Motivenverschiebung nicht führen und folglich den Übergang des Widerspruchs vom äußerlichen Niveau zum inneren nicht gewährleisten [4, 41]. Organisation einer aktiven Kraftprobe in der Tätigkeitssphäre, auf die wir Studenten orientieren, ist die wichtigste Bedingung zur Erhöhung des Niveaus ihrer beruflichen Orientierung. Realisierung dieser Bedingung setzt solche Organisation der Tätigkeit voraus, bei der vor den jungen Leuten die solche Aufgaben gestellt werden, die die Tätigkeitsspezifität und ihre schöpferische Seiten zeigen. Es ist zu berücksichtigen, daß im Grunde der Veränderung des Motivationsverhältnisses zur Tätigkeit die Veränderung von entsprechenden Bedürfnissen, Interessen und Neigungen liegt [5, 23]. Als psychologische Mechanismen der beruflichen Orientierung bei einem Person können also die komplizierte Mehrebenenstruktur von Motiven, Werten, Persönlichkeitssinnen und Fähigkeiten auftreten, die die professionell wichtigen Eigenschaften bestimmen. In Zusammenhang mit den oben beschriebenen Triebkräften der beruflichen Orientierung ist zur Entwicklung der letzteren eine solche Organisation der Studententätigkeit notwendig, die den Widerspruch zwischen den Forderungen der bevorzugten Tätigkeit und ihren Persönlichkeitssinn für eine Person aktualisieren würde. Die Möglichkeiten von verschiedener Arten der Tätigkeit sind in dieser Hinsicht ungleichwertig.

Referenz:

1. Halapina L. N. Sozialisierung eines Lehrers. – Kuzbass, 1995.
2. Lekerova G. J. Features of Motives' Manifestation of Professional Development and Personal Characteristics of Future Teachers. // Life Science Journal. – 2014. – 11 (1s).
3. Lekerova G. J. Features of the organization and conduct of professional orientation to, 3 teaching profession in the field of education. // The Psychology of learning Moscow. – 2007. – № 9. – P. 100–109.
4. Lekerova G. J. Psychological and pedagogical bases of active teaching methods. // Life Science Journal. – 2014. – 11 (bs).
5. Lekerova G. J. Forming of steady motivation and orientation of entrants in the system of high professional schools in Kazakhstan. // European scientific journal. – 2015. – vol. 11, no. 1. – P. 116–119.

*Tollkuci Ela Bujar,
PhD candidate, Centre of Albano-logical Studies
Institute of Cultural Anthropology and Study of Art,
Department of Ethnology
E-mail: tollkuci@yahoo.it*

*Marjola Rahim Lagji,
Msc student, Mediterranean University of Albania,
Faculty of Law and Political Science
E-mail: marjola.lagji@hotmail.com*

Pregnancy and behaviours associated with it. A pilot study based on age and level of education of the women

Abstract: This study arises from the will to know the aspects related to births in Albania, focusing mainly on three stages: pregnancy, birth and postpartum. The random sample of this pilot study consisted of 50 women. Among the

most important results of the study we can identify: the use of folic acid begins mainly during the early pregnancy process; the number of ultrasounds scans remains high for women of any age or level of education; natural births are more common to any group of age or level of education and monitoring of breastfeeding is generally adequate. Exception is for the group of women with middle class degree which demonstrated lower results to this variable.

Keywords: pregnancy, birth, postpartum, folic acid, breastfeeding.

Introduction

Today, it is accepted by the great part of researchers and doctors that, a mother gets gradually shaped by a cumulative work that begins many months before the actual child birth [13]. According to ISTISAN 2012 [5], the road to the birth is a unique opportunity for health promotion, but in lot of cases consists in spontaneous information research, by women, like a spontaneous tendency to reduce various vulnerabilities. Every new mother develops in her mind a completely different mental set than she didn't had before, and will enter a large area of unknown experiences for women who are not mothers [13]. During the pregnancy, the woman is expected to be attentive about her diet in order to ensure the health and proper development of the child [9]. The body of the newborn is a symbol of the ability of the mother to feed and to be concerned for his health [6]. For example, according to the survey ISTISAN 1996 [4], fifty percent of women who smoke, stop smoking during pregnancy but also those who continue to do it, reduce the average in half of the number of cigarettes. An extraordinary combination between medical priorities and psycho-social aspects is today the case of pregnancy in women with diabetes. A woman with the first type of diabetes (dependent from insulin) and second type of diabetes (independent from insulin), that desires or even is in the situation to be pregnant, will be accompanied by questions like: *can I get pregnant? Will my child inherit diabetes? Is my child's life at risk during childbirth? Is my life at risk during childbirth? Will the diabetes get worse during pregnancy?* [1]. To achieve pregnancy a diabetic woman should reach standards [12] and also follow a pregnant program that often requires a very high level of motivation, both in the physical and psychological point of view. It is advisable about these patients to follow a pregnancy management plan in cooperation with members of a working group. There is a worsening of metabolic control to these women especially in comparison with the first moment when they just become part of the educational program [10]. The main reasons for the deterioration is the unstable self-control, the difficulty to keep alive the intensive behaviour oriented to self-management and lack of social support. These aspects increase the social responsibility of the operators to control all the stressful factors that this young mother have to face [7]. It also becomes necessary the implementation of a pre-conception counselling mainly for women who schedule a pregnancy within a year.

Pregnancy

The future mother ought to adhere to a natural regimen of physical exercises for 15 to 30 minutes per day [8]. At the moment the mother discovers that she is pregnant, she should set up a meeting with a good doctor to examine the overall state of her health. Most important is the estimation

of the number of red beads which play an important role in the transmission of oxygen to the brain of the mother and child. During the period before the conception, that is one to two months before pregnancy and throughout the first trimester of pregnancy, it is recommended for all women to schedule their pregnancy and to take folic acid (series of vitamin B). According to scientific evidence, folic acid is associated with a reduction of risk for several birth deformities. The results of the pilot study on folic acid, conducted by ISS Union 2010 [11], highlighted that it was used from 22.1 % of Italian women and 6.4 % of foreign women. Among Italian women the use of folic acid in the period before conception was significantly higher for women that are employed, married, at the first experience of pregnancy and in more mature age. The lowest use of folic acid among women with more than one pregnancy, was interpreted as an aspect related to the fact that, although it is recommended during pregnancy, it is not accompanied by appropriate information on the necessity and the correct way of his acquisition. Regarding to the courses of accompaniment during pregnancy, there is a vast scientific literature that assesses the impact of various indicators on well-being. ISS has conducted two observational studies on birth path in the years 1995–1996 and 2002 [11]. Both studies showed a significant correlation between participation in the preparatory birth courses and reduction of risk for inappropriate practices. For this reason it is recommended that: “Pregnant women, should be given the opportunity to participate in the birth accompaniment courses, organized in order to allow interaction between participants and instructors of the courses. Women should seek and receive information on pregnancy, birth, breastfeeding, childcare and parenting” [11]. According to ISTISAN 2012 [5], the topics that are mostly covered during the preparatory courses provide with general information (for example the work with the body, relaxation techniques, recommendations on the limit of no more than three ultrasound scans, etc.), contractions during the birth, childbirth and breastfeeding.

How to realize a “perfect” childbirth

Referring to the literature and the numerous studies performed on aspects that related to the specific moments of contracting till the time of birth, we can noticed a set of guidelines and recommendations that are useful to the welfare of the young mother and child as well as to the specific work of doctors, obstetrics, nurses and all the staff involved into the process. The mother has to be in the position in which gravity can work for her and her child [8]. The woman must be conscious when she faces a strong coercion as well as when it comes the time for an appropriate rest

during childbirth. It is better to use a birth stool for a more comfortable birth and likely to have an open position. The Use of baths with warm water is a technique that is becoming common in the practices of public and private hospitals all around the world. Warm water is a natural stimulant of endorphins which plays an essential role for the relaxation of muscle tension especially for women during the contractions. In conclusion to these recommendations, the last but not the least, when the head of the child comes out, the lights must be switched off or at least must be lowered. A bright light burns the cells of the eyes in an irrecoverably way causing to the infant the loss of 40 % of the ability to see [8]. The most significant indicator of excessive medicalisation of births is the worldwide increasing proportion of birth operations. Especially in Italy (38 %) this percentage is the highest in Europe the more if this is compared to Netherlands and Slovenia where this value varies between 14 % to 15 %. The caesarean is a very important surgical practice to save lives in cases of pregnancies at risk (the appropriate cases of this operation estimated up to 15 %), but it is inappropriate in pregnancies without complications. Based on the results of the study of ISTISAN 2012 [5], for the Italian champion the caesarean section is more common among older women, mothers who give birth for the first time and residents in the southern region compared to the northern region. Such issues are of interest and must be analysed around the world but also in the territory and for birth practices in Albania. This is not only for the consequences and costs associated to the caesarean section, but for all the psychological consequences of the operation itself, the lack of immediate contact with the baby and the consequences of the difficulties to recover of the mother in the after intervention period.

Important instruments of actions with infants

Immediately after the process of birth, as the child is quickly washed and the mother is cleared from all the bloodshed, they should be allowed to relax together as “skin to skin” [8]. This does not only provides an emotional security, but also provides the opportunity for the child to learn the basic rhythms of the universe in a new context. Regarding the manner of feeding the child, the mother’s milk is the best for a child. National and international institutions, such as WHO, UNICEF and the European Union [2] have agreed on the recommendation that follows: “exclusive” provision of breastfeeding up to 6 months of life; continuation of breastfeeding up to two years or more based on the wishes of the mother and child. Interventions that promote the breastfeeding to the child refer to the hospital caring, the transmission of accurate information, support during breast-feeding, attention through popular hospital practices that favour the breastfeeding such as observation during breastfeeding, skin to skin contact, the connection to the breast within two hours from the birth or even earlier, within the first half an hour, in order to favour the assuming of the colostrum [5]. According to the research of ISTISAN 2012 [5], 64.8 % of the women in Italy have stated that they have breastfed

for more than the first three months of life and 23.7 % for less than the three months of life. Among those who have not breastfed after the birth, 45.9 % have done it because of health problems related to the child and 10.5 % of them because of a personal choice.

Materials and Methods

This pilot study was based on a sample of 50 women. The study was conducted in two main cities of Albania: Tirana and Saranda. The places where the submission of the questionnaire was conducted, were near the playgrounds, nurseries, kindergartens and various premises where the mothers of young children gathered together. The age of the participant varied from 18 to 45 years old. The period that has passed from the moment where the participants became mothers ranged from one month to less than two years.

The measuring instrument used in this study was a questionnaire composed of four sections:

- A. Part I — Items about the Pregnancy period;
- B. Part II — Items about the Birth period;
- C. Part III — Items about the Postpartum period;
- D. Part IV — Items about Socio-demographic characteristics.

Study hypothesis

For the purpose of this study we raised four experimental hypothesis:

H1 = the use of folic acid before the gestation phase increases with the growing of the age and the level of education of women.

H2 = the number of ultrasound scans during the pregnancy decreases with the growing of age and women’s education.

H3 = the level of education and the age of mothers relates with the preference for natural births instead of the caesarean section.

H4 = by the increase of level of education and the reduction of maternal age, there is a growing number of observations during breastfeeding of the infant.

Results

From the data analysis it was found that 48 % of the mothers interviewed had a high school education. This number is followed by mothers with higher level of education, which constituted of 40 % of the respondents (2 % of them had a post-university degree and 38 % of them had a University degree). 12 % of the mothers had a middle class degree of education, which is the lowest level analysed in this study. Regarding to the age groups of the subjects who participated in this pilot study, we calculated that 36 % were from 26 to 30 years old. Another 34 % consisted on the age group of 18 to 25 years old (4 % of them were in the age of 18 to 20 years old and 30 % of them in the age of 21 to 25 years old). Also 16 % are in the age of 31 to 35 years old and 14 % in the age of 36 to 45 years old (only 2 % of these belongs to the age group of 40 to 45 years old). In table. 1 there are reflected the interest responses of the mothers that meet the needs of our study. Responses are accompanied by higher sample percentages starting by every level of the measurement scale that was used.

Table 1. – Table of summary for the responses of the mothers

No	Question	Answer	The highest %
1	Who has followed you during the pregnancy?	Gynaecologist	94 %
2	How many ultrasound scans did had during the pregnancy?	Up to four	78 %
3	Who counselled you during the pregnancy?	Only the doctor	74 %
4	Have you been part of a preparatory course during the pregnancy?	No	94 %
5	Would you like telling any of your friends to follow the preparatory courses?	Yes	56 %
6	Did you take the vitamin b	Yes	90 %
7	How was your baby-birth?	Natural birth at the hospital	66 %
8	Which would have been the type of birth you would have wanted to have?	Natural birth at the hospital	74 %
9	Did you have an immediate contact with your baby (skin to skin) after the birth?	Yes	66 %
10	How did you thought to feed the baby before the birth?	Absolutely breastfeeding	100 %
11	Who are the reasons of not breastfeeding?	Because of a baby problem	33 %
12	During your staying in the hospital, did anyone observed you while breastfeeding?	Yes	86 %

Table 2. – The relationships between the level of education and four types of characteristic behaviours for each of the aspects of the pregnancy

	Education Level			
	Post-University	University	High school	Middle school
Folic Acid				
During/	100 %	68.4 %	79.2 %	66.7 %
Before Pregnancy	00 %	15.8 %	12.8 %	33.3 %
Ultrasound scans				
4–5, ≤ 5	100 %	60 %	70.8 %	66.7 %
Up to 3	00 %	40 %	20.2 %	33.3 %
Type of birth				
Natural	100 %	73.7 %	54.2 %	83.3 %
Caesarean Section	00 %	21 %	45.8 %	16.7 %
Observation During Breastfeeding				
Yes	100 %	100 %	87.5 %	33.3 %
No	00 %	00 %	12.5 %	66.7 %

Table 3. – The relationship between age of participants and four characteristic behaviours in the stages of birth

	Age					
	18–20	21–25	26–30	31–35	36–40	41–45
Ultrasound scans						
4–5, ≤ 5	100 %	86. %	72.2 %	87.5 %	55 %	100 %
Up to 3	00 %	14. %	27.8 %	12.5 %	45 %	00 %
Folic Acid						
Before/	100 %	86.7 %	66.7 %	62.5 %	66.7 %	100 %
During Pregnancy	00 %	13.3 %	16.3 %	27.5 %	16.7 %	00 %
Type of birth						
Natural	50 %	80 %	55.6 %	50 %	83.3 %	00 %
Caesarean Section	50 %	20 %	38.9 %	50 %	16.7 %	100 %
Observation During Breastfeeding						
Yes	100 %	86.7 %	100 %	50 %	100 %	100 %
No	00 %	13.3 %	00 %	50 %	00 %	00 %

Table 2 arises from existing relationships between the level of education and four types of characteristic behaviours for each of the aspects of the pregnancy: folic acid consumption, number of ultrasound scans, methods of birth, mother's observation during breastfeeding.

As we can notice from the Table 2, the folic acid is consumed more during the first period of pregnancy for all the

levels of women education. The same can be said about the number of ultrasound scans as there has been no variation in these numbers by the changing of the level of education. The majority of mothers, for all levels of education, has committed more than 5 scans with ultrasound scans. Beyond the educational level, most of the women have conducted a natural birth. There is a low percentage of those women who have performed

a caesarean birth notwithstanding the desire for a natural birth anyway. From the relationship between level of education and observations during breastfeeding, we noted a reduction in the number of observations by the responsible staff for mothers with lower level of education. The differentiation starts from the women with high school education for which the number of observations is on the rate of 87.5 %. The discrimination was highlighted for women with a middle school degree. This may come as a result of the low level of information of this category of mothers with the resulting of a lower demand for observation during breastfeeding. On the other hand, women with a higher level of education may have a broader information about the importance of this process claiming a higher observation from the staff during the breastfeeding. Table 3 shows the relationship between age of participants and four characteristic behaviours in the stages of birth.

We noticed that there is no significant relation between women's age and the number of ultrasound scans they have committed. This number is high, more than 4 for all ages. Also, there are no differences in the consumption of folic acid starting by the age. Its consumption has been realized for all the woman during the beginning of the pregnancy. What we could pointed out was that the age groups of 21 to 25 years old and 36 to 40 years old have a predominance for natural birth, more than for the age groups of 26 to 30 years old and 31 to 36 years old who have a ration of half and half between natural and caesarean birth. So we have two extremities: the youngest and the oldest mothers. For the youngest mothers we might think that the reason is the encouragement of the doctors to perform a natural birth and for mothers of the age 36 to 40 years old, we can say that the age may be related to the possibility they have had other childbirths, a fact which facilitates the possibility to perform again with a natural birth. In conclusion, the analysis of the tables show that there is a natural correlation between birth and the age groups of mothers from 21 to 25 years and 36 to 40 years old.

Discussion

For the majority of women in this sample the consultations and the monitoring during pregnancy is mainly done by the private gynaecologist. There is a dominant preference for the private gynaecologist (76 %). This reflects about the shake on the credibility of Albanian mothers to the state structures (only 18 % did the consulting in the state structures). This is due to the low monitoring of the public structures. There is a predominance of a very high number of women that have

performed ultrasound scans during pregnancy. 78 % have done more than four ultrasound scans and 52 % have passed the number of five ultrasound scans. In the meantime, 22 % of the mothers respected the quote of no more than three ultrasound scans that is what today is known, referring to the literature, as the most appropriate number of possible ultrasound scans. Many women do not have enough information about the correct number of ultrasound scans. The women referred that the doctors themselves have ensured them on the fact that there is no problem related with the number of ultrasound scans. There is no information of our subjects of the study, about the existence of birth preparatory courses. 98 % of the women stated that they did not attend a preparatory course and only 2 %, which is the percentage that correspond to a single woman, confesses that has followed a preparatory course. Most of the women have expressed a desire for a preparatory course and were willing to recommend it to a friend. In the absence of such courses they suffered the lack of information about the aspects associated with the birth. The consumption of the folic acid is carried out by a good part of women. 74 % of the women have taken the folic acid ones the pregnancy has begun. Only 16 % had information of the necessity to obtain the folic acid before conception. 10 % of women said they had never taken the folic acid. These included even a woman who did not remembered the exact type of vitamin she was said to take and therefore she answered negatively (it was suggested that, to avoid misinterpretation, women were said beforehand that the folic acid is the series of vitamin B). 74 % of women stated that they wanted a natural birth. The results have highlighted that 66 % of women have had a natural birth. 16 % of the women had a caesarean birth because of an emergency. 16 % of the women had an elective caesarean birth. We remain at similar levels to those Europe countries with a lower quote of caesarean intervention. Regardless of the fact that the study was conducted only in 50 subjects, it is still important to evidence a tendency for the women to a natural birth. It is noted that 66 % of new mothers have had an immediate contact, skin to skin, with the newborn. 34 % of the mothers said they did not have an immediate contact to the baby at the birth. These include some of those mothers who have not been aware because of the caesarean birth or by anaesthetics. 100 % of the subjects had wanted to breastfeed the baby even before the real birth. Despite this, 18 % of them could not conducted this desire because of health reasons of the mothers or even of the child.

References:

1. Agrusta M. Motivation for the changes in the lifestyle during the pregnancy: how to prolong it even after giving birth. V national conference center studies and research foundation AMD-NPO. – Florence, 2010.
2. Feeding of infants and young children up to three years: standard recommendations for the European Union.// [Electronic resource]. – Available from: https://www.unicef.it/Allegati/Raccomandazioni_UE_alimentazione_lattanti.pdf
3. Diabetologists Medical Association, 2009–2010. Italian standards for the treatment of diabetes mellitus. Italian Society of Diabetology, Infomedica, Turin.
4. Baldini M., Fabietti F., Giarrunarioli S., Onori R., Orefice L., Stacchini A. Methods of analysis used for the chemical control of foods. – Reports ISTISAN 96/34. – 1996.

5. Lauria L., Lamberti A., Marta Buoncristiano M., Bonciani M., Andreozzi S. Birth path: promotion and evaluation of the quality of operational models. Surveys of 2008–2009 and 2010–2011. – Reports ISTISAN 12/39. – 2012.
6. Lupton D. Food, the body and the self. – SAGE, London. – 1996.
7. Mc Veigh C. Functional Status After Childbirth in an Australian Sample.//Journal of Obstetric, Gynecologic, & Neonatal Nursing. – 1988. – vol. 27, 4. – P. 402–409.
8. Maxwell M. E., Smith R. L., Pearce J. Superparenting: Growing up in the new millennium. Translated from English into Albanian by Canollari B. A., Skrapari D., Kadaifçiu O. 2013. – Plejad, Tirana. – 2009.
9. Murcott A. On the altered appetites of pregnancy: conceptions of food, body and person.//The Sociological Review. – 1988. – Vol. 36, 4. – P. 733–764.
10. Rose M., Fliege H. M., Schirop Th., Klapp B. F. The network of psychological variables in patients with diabetes and their importance for quality of life and metabolic control.//Diabetes Care. – 2002. – vol. 25, 1. – P. 35–42.
11. SNLG-ISS, 2010. Physiological pregnancy. Guidelines 20. – Rome: Ministry of Health, National Institute of Health, Center for evaluation of the effectiveness of health care.//[Electronic resource]. – Available from: http://www.snlgiss.it/lgn_gravidanza_fisiologica_2010.
12. Italian standards for the treatment of diabetes mellitus 2009–2010 – AMD.// [Electronic resource]. – Available from: http://www.aemmedi.it/files/Linee-guida_Raccomandazioni/2010/2010_2010_linee_guida.pdf
13. Stern D. N., Bruschweiler S. N. Birth of a mother. – Mondadori, Milan. – 1998.

Section 7. Sociology

*Gryshchenko Mariia,
Taras Shevchenko University of Kyiv,
Phd student, M. A. in Sociology, Sociological Department
E-mail: mary.v.g.my@gmail.com*

Critical discourse analyze in the study of political placard discourse – conceptual schema of analysis

Abstract: The author pay attention on the political placards presented during the protest discourse analysis. The author successively disclosed the key features of political placard as political discourse, its basic characteristics and role in contemporary protest movements in the paper. Based on the main characteristics of the political poster as a discourse, it is presented the conceptual schema of the political placard analysis using N. Fairclough's CDA, completed elements of R. Wodak's historical discourse method.

Keywords: Critical discourse analyze, new social movements, social protest, political discourse, political placard discourse.

*Грищенко Мария,
Киевский национальный университет имени Тараса Шевченка,
Аспирант, магистр социологии, Факульте социологии
E-mail: mary.v.g.my@gmail.com*

Использование КДА в исследовании дискурса политического плаката – концептуальная схема анализа

Аннотация: Автор статьи обращается к анализу дискурса политического плаката, представленного во время акции протеста. В статье последовательно раскрыты особенности политического плаката, как политического дискурса, его ключевые характеристики и роль в современных акциях протеста. Исходя из основных характеристик политического плаката, как дискурса в статье представлена схема анализа политического плаката используя КДА Н. Феркло, дополненный элементами Исторического дискурс метода Р. Водак.

Ключевые слова: Критический дискурс анализ, новые социальные движения, социальный протест, политический дискурс, дискурс политического плаката.

1. Вступление

С развитием современного общества неинституциональные, неформальные практики политического участия обретают все более широкого распространения, способствуя развитию новых форм политического участия. Одним из таких форм политического участия являются акции протеста. Протестные акции в публичном пространстве города продолжают играть ключевую роль в развитии социальных движений, и таким образом играют важную роль в социальных трансформациях. Именно социальные акции протестов дают возможность участникам социального движения предстать перед публикой, заявить о себе не только перед общественностью, но перед властью. Для презентации своей точки зрения, выдвижения своих требований участники современных акций протеста используют широкий набор инструментов. Важную роль среди

практик протеста продолжают играть политические плакаты. Целостное понимание причин, содержания, структуры и практик современного протеста может быть реализовано только в ключе системного междисциплинарного анализа протестных практик, дискурса в историческом и социо-культурном, глобальном контексте. Так, целью моей статьи является представить схему анализа дискурса политического плаката, представленного в пространстве протеста используя КДА.

2. Теоретические предпосылки исследования

2.1. Политический плакат как дискурс

В своем исследовании я рассматриваю социальные движения с точки зрения парадигмы новых социальных движений (Турен, Хабермас, Мелучи, Кастельс, Гидденс, делья Порта). Современные социальные движения возникают, как «новые формы коллективного действия»

(индивидуализированное), в ответ на постмодернистические социальные трансформации, снижение роли «традиционных институтов политического представительства», и повышение практик неинституциональных, стихийных форм коллективного действия [1, 114–115]. Так, вслед за Донателлой делла Портой и Марио Диани, мы будем рассматривать «социальные движения» как «(1) неформальные сети, базирующиеся на (2) разделяемых всеми ценностях и солидарности, мобилизующие своих участников по поводу (3) конфликтных проблем посредством (4) регулярного использования различных форм протеста» [1, 119]. Для «новых социальных движений» характерным является ориентированность на постматериалистические ценности и коллективная идентичность, базирующаяся на ценностно-нормативных фреймах, посредством которых придается смысл коллективным действиям [1, 116–117]. Более того, анализ новых социальных движений невозможен вне рассмотрения общего социального контекста.

Основной сферой взаимодействия гражданских организаций, социальных движений и политических институтов является публичная сфера. Одним из ключевых механизмов публичного представления новых социальных движений являются акции протеста, представленные в публичном пространстве города. Основной целью таких акций является презентация себя публике, расширение сети участников социального движения, а также конструирование «коллективной» идентичности. Для реализации основных целей участники акций используют широкий набор дискурсивных практик — начиная от классических выступлений активистов со сцены, маршей, скандирования лозунгов, заканчивая новыми креативными театрализованными постановками. Новое значение в контексте современных акций протеста приобретает и политический плакат. Так, с одной стороны, плакат выступает средством усиления доминирования дискурса организаторов и активистов акции протеста, с другой стороны дает возможность самовыражения отдельному участнику акции. Более того, в условиях ограничения доступа к возможности публичного выступления, плакат остается единственным способом презентации своей точки зрения на публике, более того представить альтернативную точку зрения в условиях гегемонии. Таким образом, политический плакат играет важную роль конструирования идентичности социального движения с одной стороны, и индивидуального самовыражения, самопрезентации с другой.

Политический плакат является объектом визуальной культуры (направленный на оптическое восприятие), представляющий краткое послание с изображением, выполненное в агитационных, информационных, образовательных, рекламных целях. Таким образом, политический плакат, объединяя вербальный и иконографический семиотические коды, является креолизованным текстом [9, 122]. Именно такое взаимодействие вербального и иконографического текста обеспечивает необходимый коммуникативный

эффект. Так, вербальное сообщения обращено к разуму и несет объяснительный характер (составляет информационный контекст), в свою очередь невербальный компонент обеспечивает эмоциональный контекст. Такое соединение способов выражения дает возможность «сделать политический текст ярким, броским, привлекательным, интересным, чтобы более эффективно воздействовать на *ratio* и *emotion* адресата», более того реализует интенцию самовыражения автора плаката [9, 121].

Вслед за Бахтиным мы будем рассматривать политический плакат, как «первичный жанр политического дискурса», направленный на «убеждение адресата к совершению какого-либо действия» [6, 159–160]. Так, Ванн Дейк предлагает понимание «дискурса», как «текста в контексте», как «действия и процесса», как социальную практику [5, 8–9]. Политический плакат выступает социальной практикой презентации сообщения в публичном пространстве протеста. Исходя из того, что понятие «дискурса» используется для обозначения не только текста, но и для отображения «всего процесса социальной интеракции, где текст является только частью» [3, 24]. Политический плакат следует рассматривать, как часть протестных дискурсивных практик, таких как митинг, выступление лидеров со сцены, выкрикивание лозунгов и т.д., в общем социально-историческом контексте.

Более того, говоря о понятии «дискурса», Фэркло предлагает различать «дискурс» и «семиозис», так под «семиозисом» он понимает категорию, которая означает широкий круг семиотических элементов социальной жизни (например, язык, визуальные семиозисы, «язык тела» и т.д.) [2, 453]. Семиозисы, представлены в социальных практиках тремя основными способами:

- 1) как часть социальных активностей, действий (и взаимодействий);
 - 2) как способ репрезентации;
 - 3) как способ конструирования идентичностей [2, 454].
- Как семиозис, протестный плакат представлен:
- 1) как часть протестных практик участников социального движения (социальная активность);
 - 2) как форма (само)презентации своей позиции и точки зрения, которая характерна конкретному индивиду, или социальной группе, организации в публичном пространстве (способ репрезентации);
 - 3) плакат или другой визуальный объект, представленный в пространстве протеста, несет информацию о требованиях протестующих, представляет самоописание участников протеста, формируя образ протестующих, их оппонентов, конструируя идентичности протеста. Более того, семиозис, как часть социальных активностей основывает «жанры» — политический плакат участника протеста выступает жанром политического дискурса. Семиозисы, как форма репрезентации и самопрезентации социальных практик создают «дискурсы» — так, плакат является образцом социального, политического или культурного дискурса (в зависимости от конкретного кейса).

Наконец, семиозис, как часть идентичности создает «стили» — для плаката характерны смешивание различных стилей представления сообщения — карикатуры, официального постановления, лозунга, объявления, шаржа и т. д.

Итак, к основным характеристикам политического плаката, как политического дискурса можно отнести:

- 1) интертекстуальность, интердискурсивность, интермедийность, конвергенция стилей, экспрессивных средств и стилистических приемов в одном тексте;
- 2) установка на воздействие и убеждение;
- 3) ориентированность (направленность на конкретную аудиторию) и целенаправленность дискурса;
- 4) отображает цели, социальный опыт, ценностные ориентации, установки индивида, социальной группы, как создателей текста, так и реципиентов;
- 5) лаконичность, простота, конвенциональность и понятность сообщения;
- 6) диалогичность дискурса;
- 7) идеологичность и мифологичность;
- 8) злободневность;
- 9) эмоциональность и театральность политического дискурса.

Как часть политического дискурса плакат (или другой визуальный объект), представленный в пространстве протеста (социальной акции) исполняет функции ориентации (побудительная функция — убеждение, агитация призыв или руководство к действию), интеграции (самопрезентации и конструирование идентичности, солидарности, сплочения и дифференциации) и функцию борьбы за власть (легитимация/делегитимация власти). Специфичность политического плаката как визуальной коммуникации состоит в том, что коммуникация с аудиторией может происходить без непосредственного контакта с автором сообщения. Таким образом, политический плакат должен привлечь к себе внимание, вызвать интерес для донесения сообщения, направленное на побуждение к действию.

Итак, для разработки целостного подхода к анализу дискурса политического плаката необходимо учитывать все структурные особенности данного типа дискурс практики, условия создания текста, учитывать характеристику аудитории. Более того, исходя из специфики практик участия в современных акциях протеста нам необходимо также зафиксировать и контекст данного социального взаимодействия, а также взаимодействие всех типов дискурс практик, представленных в пространстве протеста. Наиболее целостно данные аспекты анализа дает возможность учесть именно КДА.

2.2. Основы Критического дискурс анализа

Критический дискурс анализ, как междисциплинарный метод, позволяющий раскрыть структуру, цель и скрытые идеологические свойства текста, учитывая широкий социокультурный контекст, набирает широкого распространения в социо-гуманитарных науках. Так, Критический дискурс-анализ (сокращенно КДА) представляет собой набор теорий и методов эмпирического исследования дискурса,

направленный на выявление взаимосвязи между дискурсом, с одной стороны, и социальным и культурным контекстом, с другой. Центральное понятие «дискурса» в рамках КДА рассматривается, как социальная практика, которая формируется и реализуется под влиянием культурных, социальных и психологических условий. Таким образом, в основе КДА лежит предположение о социальной сконструированности дискурсивной практики [4, 45]. Более того, КДА предполагает, что социальные структуры влияют на дискурс опосредовано через повседневные практики социальных агентов [5, 8]. Одновременно, как социальная практика, дискурс в свою очередь формирует социальную реальность (закрепляя или трансформируя существующие социальные практики). Итак, КДА направлен на выявление напряжения между этими двумя сторонами использования языка, как социально конструирующего и социально сконструированного. В результате, КДА дает возможность выявить, как эти практики, события и тексты возникают и идеологически формируются под влиянием властных отношений и борьбы за власть с одной стороны, а также выступают фактором закрепления системы неравенства, гегемонии и власти с другой [4, 46]. Итак, КДА, как интерпретативный и объяснительный метод, направлен на разработку методологии системного анализа текста в его связи с социальными условиями, идеологиями и отношениями власти [8, 198–199].

Тем не менее, КДА нельзя отнести к единой школе или парадигме, в рамках КДА можно говорить о существовании 4 основных подходов — Амстердамская (Т. А. ван Дейк), Венская (Р. Водак, Ф. Менц), Британская (Д. Синклер, П. Чилтон, Н. Фэркло), а также Немецкая (З. Егер, Ю. Линк, У. Квастхофф, У. Маас) школы. Несмотря на различия в теоретических основаниях, а также набора используемых аналитических методов и методик, в рамках КДА можно выделить несколько общепологающих принципов:

- 1) Междисциплинарность — ориентация на исследование социальных проблем предполагает использование широкого набора аналитических методик а также привлечение различных теорий социологии, лингвистики, культурологи, антропологии;
- 2) Взаимообусловленность и диалектическая связанность дискурса и социо-культурных процессов;
- 3) Идеологичность дискурса — так, одной из важнейших целей КДА является выявление таких идеологических манипуляций в дискурсе [7, 103];

4) «Критичность» дискурс анализа — теоретики критического дискурс-анализа не рассматривают это научное течение как «политически нейтральное» [7, 144]. Так, важной целью КДА является активное содействие социальным изменениям и более равномерному распределению власти в процессах коммуникации и обществе в целом.

Итак, КДА рассматривая дискурс, как социальную практику, дает возможность выявить идеологические структуры скрытые в дискурсе. КДА дает возможность зафиксировать, как структурные особенности текста, его направленность, цель, аудиторию; так общий

социо-культурный контекст создания, воспроизводства и восприятия дискурса. Так, КДА дает нам возможность осуществить целостный и разноплановый анализ политического плаката, представленного в пространстве протеста, как дискурса, учитывая особенности данного типа коммуникации в общем контексте протестных практик.

3. Описание схемы анализа политического плаката используя КДА

В рамках нашего исследования мы обращаемся к анализу дискурса политического плаката, представленного во время проведения протестной акции. Для наиболее целостного раскрытия значения политического плаката в широком социальном контексте мы обращаемся к Критическому дискурсу анализу. Разрабатывая схему анализа, мы базируемся на трехмерной структуре анализа Фэркло, дополняя ее элементами анализа Исторического дискурса метода Водака. Выбор стратегии анализа дискурса Фэркло обоснован тем, что, во-первых, именно Фэркло представил наиболее разработанную и целостную схему анализа дискурса, которая дает возможность учитывать социальный контекст. Это свойство полностью соответствует объекту исследования, поскольку понимание содержания и скрытых смыслов плаката темпорально обусловлено и возможно исключительно в понимании всего контекста социального движения. Во-вторых, подход Фэркло дает возможность зафиксировать дискурс в контексте других дискурсивных практик. Так, политический плакат это только один элемент дискурсивной практики протеста, и для понимания дискурса плаката необходимо учитывать взаимодействие разных дискурсивных стратегий протеста. Более того в условия современных социальных движений, а также процессов глобализации, для понимания современного протеста необходимо учитывать интертекстуальность дискурса. И наконец, политический плакат, зачастую объединяет в себе как вербальный так и иконографический тексты, и именно КДА Фэркло дает возможность анализировать не только вербальные проявления дискурса, но и визуальные элементы.

Тем не мене, подход Фэркло имеет и ряд ограничений. Основным недостатком подхода является то, что он не дает возможность зафиксировать проявление групповой идентичности и взаимодействия социальных групп в дискурсе. Политический плакат, представленный во время протестной акции, является способом самопрезентации социальных агентов, которые порой не имеют другой возможности представить себя публике. Далее, одной из ключевых целей современного социального движения является построение идентичности и солидарности во время протеста. Таким образом фиксация способов конструирования идентичности участников протеста, является ключевым в нашем исследовании. Для фиксации этих социальных аспектов конструирования дискурса мы используем элементы Исторического дискурса метода Водака.

КДА предполагает рассмотрение дискурса с точки зрения трех уровней: 1) социальные условия производства и интерпретации (социальные факторы), 2) процесс

производства и интерпретации (как текст был создан и как это влияет на интерпретацию), 3) текст, как результат предыдущих двух этапов [3, 24–26]. Такая структура находит отображение в «трехуровневой структуре метода дискурса анализа» по Норману Фэркло, который предполагает анализ таких параметров: социальной практики (взаимоотношения между дискурсивной практикой и порядком дискурса), дискурсивной практики (процесса производства, распространения и восприятия), анализ языка текста (лингвистический анализ).

В свою очередь, Исторический дискурс метод Рут Водак дает возможность учитывать такие условия производства текста, как: «речевая ситуация, статус участников, время и место, вместе с социологическими переменными (членство в группе, возраст, профессия) и психологическими детерминантами (опыт, принятые нормы поведения и т. п.)» [8, 212]. Так, Исторический дискурс метод предполагает следующую схему анализа текста:

- 1) детальное рассмотрение условий и контекста создания, трансляции и восприятия текста;
- 2) тематическая ось;
- 3) группы представленные в тексте;
- 4) анализ интертекстуальности;
- 5) точное описание текста на всех лингвистических уровнях.

Таким образом, схема анализа политического плаката используя метод КДА предполагает анализ дискурса на трех уровнях:

- 1) уровень социальной практики;
- 2) уровень дискурсивной практики;
- 3) лингвистический анализ текста.

Уровень социальной практики (социально-исторический контекст). Дискурс, как социальная практика выступает медиатором между социальной структурой и социальным событием. Анализ дискурса на уровне социальной практики предполагает анализ взаимосвязи дискурсивного события и параллельных социальных практик и процессов, связанных с данным событием (параметры анализа предполагают — (1) Анализ активностей и (2) Социальных взаимоотношений участников протеста, в том числе взаимоотношений распределения и борьбы за власть) предполагает анализ следующих характеристик: практики протеста использованные в рамках акции; соотношение с другими дискурсами практиками в рамках социального движения; практики контроля над пространством и дискурсом; практики участия и не участия в протесте (социальные детерминанты протеста); практики конфронтаций и столкновений в пространстве (как проявление политического противостояния (кого с кем)); стратегии взаимодействия с властью (оппонентом); практики привлечения внимания аудитории и СМИ; противоположные (оппозиционные) дискурсы, а также последующие дискурсы, вызванные дискурсом событием. (3) Время и место. Данный этап предполагает событийный анализ (фиксация значимых событий, связанных с дискурсивным событием, предшествующие ему, а также

последующие события); а также пространственный анализ (анализ городского пространства, как контекста и условия события; анализ пространства протеста с точки зрения центра/периферии (места повышенного интереса и борьбы), близости к значимым объектам и властным структурам).

Данный этап также предполагает анализ более широкого социального контекста, событий в том числе, предшествующих протесту, а также социальных изменений (в том числе и социальных практик) вовремя и после дискурсивного события.

Уровень дискурсивной практики. На данном уровне предполагается фиксация общих характеристик дискурса для конкретного коммуникативного события, так анализируются такие характеристики:

- 1) жанр дискурса (способ интеракции; форма и структура подачи текста (текст+изображение); интердискурсивность, как социальная активность и как направленности текста на социальные изменения);
- 2) тип дискурса (способ репрезентации);
- 3) структура дискурса и основные тематические акценты дискурса, фиксация ключевых слов;
- 4) авторство сообщения, а также стратегия презентации плаката (анонимная/индивидуальная) (как отображение самоидентификации, а также источник информации о конструировании дискурса);
- 5) уникальность/единичность/тиражность (массовое сообщение, единичное, способ передачи сообщения (от руки, печать (качество печати)));
- 6) присутствие указания на аудиторию дискурса (обращение);
- 7) интертекстуальность — отображение в дискурсе предшествующего дискурса, а также отображение дискурсивного события в СМИ, Интернет.

Детальный анализ условий проведения акции социального движения в рамках которого было осуществлено дискурсивное событие на данном этапе предполагает анализ условия презентации дискурса:

- 1) анализ реальной и потенциальной аудитории, групп интересов и контроля, что предполагает фиксацию представленных и задействованных социальных субъектов в пространстве протеста, их взаимоотношения и роли) — фиксация основных социальных групп визуально представленных в пространстве; фиксация сведений о организаторах и способах мобилизации участников протеста;
- 2) пространственный анализ — территориальное размещение плаката в публичном пространстве города (пространственные характеристики, символические характеристики (центр/периферия), взаимосвязь территориального размещения, и тех социальных организаций, институтов к которому направлено обращение акции; а также потенциальная аудитория и потенциал привлечения внимания; отображение контроля над дискурсом (кто осуществляет контроль над доступом и поведением в пространстве протеста, а также форма взаимодействия с властью);

3) практики распространения анализируемого дискурса, как в пространстве, так и через СМИ, практики привлечения внимания.

Уровень текста — лингвистический анализ. Данный уровень предполагает анализ формы лингвистической презентации вербального текста, а также семиотический анализ представленного на политическом плакате образа. Анализ вербального сообщения подразумевает анализ на трех уровнях:

- 1) уровень анализ «Мы»–«Ты» дискурса (фиксация способов представления идентичностей — категоризация и оценка социальных групп, самописание и их лингвистическая реализация);
- 2) стратегии лингвистической реализации — модальность (залог глагола), транзитивность, использование лингвистических средств — символы, сравнения, метафоры, аналогии, предположения, цитаты, уравнивание/генерализация, репрезентация дискурса, риторические вопросы, вводные формулы, намеки, предположения, утверждения, предикация [8, 212];
- 3) стратегия построения аргументации — тип обращения (требование (цели, способа), констатация факта, ожидание, одобрение, обвинение, обращение); техники приписывания или отрицания ответственности; обращение к прошлому или проекция будущего; типы аргументации — обращение к эмоции, рационализация выбора или поведения.

Для анализа образа, представленного на политическом плакате следует применить семиотический анализ, который предполагает рассмотрение представленного образа с точки зрения следующих характеристик: стиль изображения, роль изображения в дискурсе, объект (субъект) изображения (как отображение образа) и символика (значимость изображения), цель изображения объекта (субъекта) в таком образе, и наконец анализ взаимоотношения вербального и иконографического элементов дискурса.

Итак, В своем исследовании методологической основой методики анализа дискурса политического плаката мы берем трехмерную структуру КДА Фэркло, дополняя ее элементами исторического КДА Водака. Тем не менее, описанная последовательность основных этапов и элементов анализа, их внутреннего порядка следует рассматривать в качестве «идеальной схемы», которая может быть дополнена или подкорректирована в ситуации конкретного исследования.

4. Выводы

Итак, политический плакат является ключевым элементом самопрезентации социального актора (индивида, политической партии, социальной организации, социального движения) в публичном пространстве протеста. Исходя из основных характеристик и функций плаката в современных социальных движениях, политический плакат выступает средством конструирования идентичности протеста, а также привлекает внимание потенциальной аудитории акции. Таким образом,

политический плакат выступает средством подкрепления доминирования дискурса протеста. С другой стороны, использование политического плаката может выступать единственным возможным средством донесения своей точки зрения индивидуального участника акции в условиях контроля и ограничения доступа к основным дискурсивным практикам протеста. Таким образом, для целостного понимания природы, причин и последствий протестной акции необходим системный анализ всех дискурсивных практик в более широком социальном контексте. Так, анализ дискурса политического плаката, представленного в пространстве протеста, в свою очередь предполагает анализ интердискурсивности и интертекстуальности, а также рассмотрения дискурса плаката в взаимодействии с другими практиками протеста, а также учитывая широкий социальный контекст. Наиболее подходящим методом анализа дискурса политического плаката является применения КДА Н. Фэркло, дополняя его подход элементами Исторического дискурс метода Водака, дающие возможность зафиксировать уровень представленности социальных групп и социальной идентичности в дискурсе плакатов. Так, схема анализа дискурса политического анализа предполагает три уровня анализа:

- 1) уровень социальной практики;
- 2) уровень дискурсивной практики;
- 3) лингвистический анализ текста.

Данный подход дает возможность проанализировать не только лингвистические структуры построения дискурса, более того учитывать такие важные обстоятельства, как: предпосылки и события, дискурсы повлиявшие на возникновение акции; условия представления дискурса (организация пространства, место и время); практики контроля и ограничения доступа и представления дискурса в пространстве протеста (как со стороны участников, так и со стороны власти); ключевые практики протеста и дискурса, сопровождающие протест; дискурс практики оппонентов. Такой многосторонний подход дает возможность более глубокого понимания цели и основной аудитории социального движения. Более того сделать вывод об практиках построения идентичности, что даст возможность выйти и на идеологические ориентации акции, а также скрытые мотивы как со стороны организаторов, так и участников. С другой стороны, такой анализ даст возможность сделать предположение о возможной реакции власти на протест, а также его роль в социальных изменениях.

Следующим этапом моего исследование является применение данного инструмента для анализа идеологических представлений участников акций протеста во время социального движения Евромайдан в 2013–2014 году в городе Киеве. Более того, последующий этап предполагает объединение качественного и количественного анализа дискурса плакатов.

Список литературы:

1. Della Porta D., Diani M. Social movements: an introduction. 2nd ed. – Oxford, Blackwell, 2006.
2. Fairclough N. Critical discourse analysis. // International advances in engineering and technology. – Vol. 7. – 2012.
3. Fairclough N. Language and Power. – London: Longman, 1989.
4. Horváth J. Critical Discourse Analysis of Obama's Political Discourse. // International conference of language, Literature and culture in a changing Transatlantic world. – 2009.
5. Van Dijk T.A. Introduction: Discourse and Domination, in T.A. van Dijk, Discourse and Power. – N. Y.: Palgrave Macmillan, 2008.
6. Бахтин М. М. Т. 5. Проблема речевых жанров. // Собрание сочинений: в 7 т. – Москва: Русские словари, 1996.
7. Йоргенсен М. В., Филиппс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Харьков, 2008.
8. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. / Пер. с англ. – Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009.
9. Ходус Е. Ю. Политический плакат Франции, как креолизованный текст. // Вестник Ставропольского государственного университета – № 76. – 2011.

*Toria Janna Nodarovna,
aspirant of the journalistic chamber,
The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
E-mail: jannatoria@mail.ru*

The traditional training in the Caucasus: prospects and realities

Abstract: The author shows us the traditional norms of training in the Caucasus, the girl's and boy's training, the separation of the sexes, distinctive types of work. And also the author stresses the dynamics of the training in the different periods of time (islamic period, Soviet Union period). The author gives us the future conclusion in the training.

Keywords: traditional training, the Caucasus, the dynamics of the training, Islamic values, the Soviet union's values.

Тория Жанна Нодаровна,
аспирант ИГСУ РАНХиГС, факультет журналистики,
кафедра общественных связей и медиаполитики
E-mail: jannatoria@mail.ru

Традиционные устои воспитания на Кавказе: вчера, сегодня, завтра

Аннотация: В статье автор кратко рассматривает традиционные устои воспитания на Кавказе, обособление полов, отличительные виды работ для девочек и мальчиков. Также автор подчеркивает изменения в воспитании в период доминирования исламских ценностей, присоединения Кавказа к России, Советский период и нынешнее время. Даются краткие выводы о воспитании в эпоху глобализации.

Ключевые слова: традиционные устои воспитания, Кавказ, изменение в воспитании, исламские ценности, ценности советского человека.

Необходимо начать с того, что Кавказ многокультурен и многоэтничен, часть Кавказа входит в состав Российской Федерации. Можно применять понятие общекавказских традиционных устоев воспитания, но при этом, необходимо учитывать специфические черты каждого региона.

Кавказ делится на Северный Кавказ (Ингушетия, Чечня, Дагестан), Северо-западный (КЧР, КБР) и Южный Кавказ (Абхазия, Грузия, Армения).

Культура, обычаи, традиции и менталитет любого народа зависят от особенностей быта в исторических условиях его проживания. Бесконечные военные тревоги оставляли жителям Кавказа мало времени заниматься хозяйством. Это, естественно, отражено в воспитании.

Основной ценностью на Кавказе всегда являлась семья. В связи с этим, большое значение имеют кровнородственные отношения. Авторитетом всегда считались родители и, естественно, старейшина своего рода. Разные народы Кавказа социальный институт кровнородственных отношений называют по-разному: тейп, тухум, клан. Но все эти понятия, в принципе, следует назвать род. Так вот, тейп (родовая община у жителей Северного Кавказа) — это община, состоящая из кровнородственных семей, имеющих общего предка. Каждый кавказец знает к какому роду (тейпу) он относится, и обязан знать всех своих предков и родственников вплоть до седьмого колена. Этому учат с самого детства. Например, моя девятья фамилия Агрба, то есть я представитель фамилии Агрба, вхожу в целый род Аграа (множественное число от фамилии Агрба). Род Аграа включает в себя три фамилии: Агиров, Агирбов и Агрба. Первые две фамилии, Агиров и Агирбов — это абазинские фамилии, представители их проживают на территории Карачаево-Черкесской Республики, в основном. Фамилия Агрба — это абхазская фамилия. Но все три фамилии входят в один род. В Абхазии и КЧР происходят встречи и благотворительные акции для однофамильцев.

Вообще, возникает вопрос «Зачем же нужны тейпы, институт старейшин рода, глава рода?» Все эти социальные институты кровнородственных отношений безусловно нужны, они помогают выживать людям в условиях нестабильной экономической ситуации, семейных спорах, разрешение конфликтов и т. д. Тейпы приходят на

помощь своему члену, оказавшемуся в затруднительном положении. Клановая взаимовыручка играет большую роль в жизни народов Кавказа. Существуют такие пословицы на Кавказе «Кто без рода, тот несчастен»; «Лишних родственников нет»; «Самый неприятный родственник и самый близкий друг равносильны».

Все это свидетельствует о том, что важными особенностями традиционного кавказского воспитания является поддержка своего рода, терпимость, толерантность, стремление к достойным компромиссам.

Как отмечает Л. Соловьева, старший научный сотрудник Отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН, любое общество, для которого характерны культурная, этническая, религиозная неоднородность могут стабильно существовать только при наличии определенной степени толерантности. Особенность воспитания толерантности у людей на Северном Кавказе не с проста. Это горный регион, многочисленные различия и несходства существовали не только между этносами, но зачастую и внутри одного этноса. Некоторые села были обособлены друг от друга, что привело к формированию «локальных» традиций. В кумыкской пословице говорится «Каждый аул мясо по-своему режет». Так, локальные этнические традиции присутствовали даже в такой относительно единой по нормам области культуры, как разделение труда между полами. Например, переноска тяжестей на спине в горном Дагестане — дело исключительно женское, а у кумыков — исключительно мужское; мужчина, косящий траву косой в Дагестане — обычное дело, а у тиндинцев — традиционно недопустимое [1, 40].

Что касается воспитания, то как отмечает доктор социологических наук, профессор, начальник отдела Северо-Осетинского Центра социальных исследований Института социально-политических исследований РАН. Владикавказ Х. В. Дзуцев, в воспитании детей имелись два возрастных рубежа, соответствовавших приблизительно 6–8 и 10–12 годам и выявлявших традиционные половозрастные градации. Лет до 6–8 дети, независимо от пола, пользовались большой свободой. Все дети бегали, играли, непринужденно общались друг с другом. Приобщение детей к труду сводилось к таким незначительным занятиям, как,

например, подать какую-нибудь легкую вещь, но затем девочки начинали постепенно обособлять от мальчиков и, как правило, раньше привлекать к работам по хозяйству [2, 132]

М. А. Мисиков пишет, что уже к девочке 6–8 лет начинают предъявлять более строгие требования, нежели к одноклассникам-мальчишкам [3, 69]. Ее посылали с поручениями, за водой, за хворостом, приучали к уходу за младшими детьми и к обслуживанию старших членов семьи. Привлекали ее к уборке дома и к приготовлению пищи, к работе на огороде и в особенности к различным женским домашним промыслам и рукоделиям [3, 69].

Х. В. Дзуцев выделяет следующий возрастной рубеж — 10–12 лет. Обособление полов становилось более строгим. Из общего помещения дома, где дети могли спать вместе с родителями, мальчиков переводили спать в гостевое помещение — кунацкую, а если была возможность — в отдельную комнату. Девочке не разрешалось покидать дом с наступлением темноты, уходить далеко от дома, оставаться наедине с посторонними подростками, юношами или мужчинами, которым до нее нельзя было притронуться пальцем. С того же времени воспитание мальчиков, которое до сих пор в основном находилось в руках женщин, становилось главным образом делом мужчин [2, 133].

К. А. Хетагуров отмечает, что «в 13–14 лет мальчик становился помощником отца во всех отраслях хозяйства, а к 16-ти годам свободно управлялся с сохой, владел топором, серпом и косой. С этих лет он делался взрослым, с правом голоса, членом семьи» [4, 340–341]. В соответствии с традициями патриархальнофеодального быта большое внимание уделялось также и тому, чтобы сделать из подростка хорошего джигита. Уже ребенком мальчика учили верховой езде, поощряли в нем любовь к физическим играм и состязаниям. Мальчиков учили скалолазанию и переходу через горные потоки, ходьбе по льду, скачкам и джигитовке; лазанию, бегу, перетягиванию каната, умению карабкаться по гладкому, смазанному жиром столбу или промасленному канату. Важной составной частью такого воспитания были обращение с холодным оружием и стрельба по цели, сперва из лука или пращи, а затем и из огнестрельного оружия. Повсеместно же были распространены борьба, подъем и метание тяжелых камней и т. п. [5].

Так вот, воспитание мужского подрастающего поколения было направлено, прежде всего, на то чтобы вырастить упорного, целеустремленного, стойкого и отважного человека, который мог бы при необходимости довольствоваться малым, но и сумел бы защитить свою землю, свою семью от вражеского посягательства [6]. В мальчиках воспитывалось мужество и смелость, традиционное стремление к лучшим результатам во всем. Такое стремление у чеченцев и ингушей, в частности, называется «яхь». Там говорится: «Пусть не родится на свет ни мальчик, ни девочка, у которых в сердце нет яхь». Важная особенность кавказского воспитания показать, что дети воспитаны, хорошая семья, дом убран и чист, хозяева гостеприимны. Очень важны кавказскому социуму мнение окружающих. Французский

писатель А. Дюма в своих записках о пребывании в лезгинском селении (Дагестан) сообщал о вооруженных боевыми кинжалами детях, «таких, которым у нас ножа в руки не дают... чтобы они себя не ранили» [7]. Мальчиков приучали к жизни в условиях постоянных военных тревог. По адыгскому обычаю в пять лет ребенку из аристократической семьи дарили лук и стрелы как символ его будущего предназначения. Также их приучали терпеливо переносить боль, усталость, холод и голод, сурово пресекая проявления слезливости, жалоб, нетерпения. Уже с довольно раннего возраста их начинали брать в тяжелые дальние поездки, на пастушеские стойбища высоко в горах, где на них накладывались определенные хозяйственные обязанности. От мальчиков требовалась готовность защитить свою честь и достоинство, защитить своих братьев и сестер.

Из девочек стремились воспитать хороших домохозяек и умелых рукодельниц. Девочки помогали взрослым женщинам в домашних делах, они ходили за старшими женщинами в семье, подражая им, пытались выполнять домашние работы и постепенно так и привыкали к хозяйствованию. Становясь взрослыми, они уже не могли спокойно переносить беспорядок в доме и торопились его устранить. С малых лет девочке давали вязальные спицы или иголку с ниткой, и на досуге она занималась рукоделием. Девочек тоже приучали к терпеливости, умению стойко переносить неприятности и лишения, но менее строго, чем мальчиков. Однако по сравнению с мальчиками девочки были окружены целым набором запретов и правил этикета. Если подвижные игры и детские исследовательские изыскания мальчиков поощрялись, то девочки должны были постоянно следить за целостностью и чистотой своей одежды, что, конечно, сильно ограничивало подвижность, стараться тихо себя вести перед старшими, а лазить по деревьям и скалам считалось совсем недевичьим занятием. С раннего детства их учат уважать отца и брата, представителей мужского пола. По народной чеченской традиции девушки должны соблюдать этикетные нормы (гылаакхаш) и научиться вести домашние дела (гулаакхаш). Они должны привыкать к тому, чтобы вставать раньше всех и ложиться позже всех. В присутствии старших они не должны сесть первыми. Они не имеют права разговаривать со старшими без их позволения [8].

Девочек чаще, чем мальчиков, заставляли заниматься домашними делами, предъявляли требования к качеству выполненной работы. По сравнению с девочками, мальчики будто «отдыхали» перед предстоящими тревожными буднями взрослой жизни, сельским трудом и военными походами. В то же время женское достоинство оберегалось от постороннего посягательства гораздо ревностнее мужского. Братья защищали сестер больше, чем друг друга, и уже на оскорбительные слова, сказанные в адрес сестры, непременно следовало ответить физическим ударом. По традиционным кавказским представлениям, грубо или презрительно отзываться можно было только о падшей женщине (пришедший от времен эпохи матриархата менталитет, свойственный многим народам, у которых сохранились пережитки

родоплеменного строя), поэтому оскорбление женщины было равносильным признанию ее таковой и требовало отпущения со стороны ее родственников [2].

С рождением детей и достижением высокого уровня матери статус женщины значительно повышается, и ее называют матерью огня. Ассоциация образа матери с огнем видна в таком народном изречении: «Даже если на ладони поджарить яичницу и поднести ее матери, и тогда дети не окупят свой долг перед ней» [8].

На Кавказе существовал «обычай избегания», по которому, приласкать ребенка мог в любое время кто угодно, кроме отца. Также был обычай и избегание между супругами, чем моложе были супруги, тем строже соблюдался обычай избегания. Мужу и жене не полагалось находиться днем в одном помещении дома, беседовать, есть за одним столом, оставаться наедине. К. Ф. Сталь писал об адыгах: «Молодой муж не позволяет себе видеть жену днем, а непременно ночью и то украдкой. Видеть жену днем, войти к ней в саклю и разговаривать с ней в присутствии других может себе позволить только пожилой простолюдин, а князь и дворянин — никогда» [9, 613]. Также, по этому обычаю существовал запрет на ласку ребенка отцом. По свидетельству К. Хетагурова, «только в самом интимном кругу (жены и детей) или с глазу на глаз позволительно отцу дать волю своим чувствам и понянчить, приласкать детей. Если осетина-отца в прежние времена случайно заставали с ребенком на руках, то он не задумывался бросить малютку куда попало... Я не помню, чтобы отец назвал меня когда-нибудь по имени. Говоря обо мне, он всегда выражался так: где наш сын? не видал ли кто нашего мальчишка?» [4]. Избегание старших родственников, например, предотвращало конфликтные ситуации.

Со временем, много поменялось, с укреплением роли ислама в обществе, стали в большей мере, доминировать исламские принципы, с установлением на Северном Кавказе Советской власти также способствовали изменению и переустройству бытового уклада горской семьи воспитанию детей. Представителям кавказских национальностей пришлось пересмотреть рамки приличия и поведения их детей, так как со временем на Кавказе появились

светские и религиозные школы, где уже не происходило обособление полов, мальчики и девочки стали учиться в одном классе, после Революции, когда к власти пришла политическая партия большевиков и установления на Кавказе Советской власти все религиозные школы были закрыты, вместо них повсеместно были учреждены светские, а общее образование стало обязательным для детей всех народов и вероисповеданий, независимо от происхождения. Советские школы давали невиданный ранее на Кавказе уровень образования, однако в них все было наполнено пропагандой марксистско-ленинских идеалов и восхвалением правящей партии.

В настоящее время под влиянием облегчающих повседневную жизнь благ цивилизации, в корне других, нежели в старину, социальных отношений традиционная кавказская культура во многом разрушена. То же касается и традиционных принципов кавказского воспитания. В частности, в прошлое уходит обычай мужчин избегать прилюдного общения с детьми: теперь многие, особенно городские жители и религиозные люди, не считают чем-то предосудительным приласкать своего ребенка в присутствии посторонних, старшие и младшие ужинают за одним столом, также нет социального института аталычества, и так далее. Также стоит заметить, что светская школа привнесла и изменение стиля одежды девочки, если раньше было немыслимо, что кавказская девочка надевает спортивные штаны и занимается физкультурой, то сейчас это считается вполне нормой. Дети путешествуют по миру, видят как живут в Европе, применяют многое к себе. Например, сейчас одинаково может быть одета школьница 5 класса в России, в Европе, в Америке. То же самое касается и музыки, которую слушают школьники.

Сегодня и, скорее всего, в дальнейшем основой традиционного воспитания на Кавказе будет: уважение к своему роду, своей семье и старшим, здоровый образ жизни, толерантность, терпимость. Также представители разных национальностей стараются сохранить свой национальный язык. Сохранение традиций и языка помогает детям понять свое внутреннее «Я» и свою национальную идентичность.

Список литературы:

1. Соловьева Л. Благодати не бывает там, где нет согласия. // Этносфера. – 2006. – 8.
2. Дзуцев Х. В. Воспитание детей в современной осетинской семье: этносоциологический анализ. // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – 7 (85).
3. Мисиков М. А. Материалы по антропологии осетин. // Одесса – 1916.
4. Хетагуров К. Л. Особа.: Собр. соч. в 5-ти томах // М., 1961. – Т. 4.
5. Тайсаев К. У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа. // АДД. – М., 1997.
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://history-tema.com/istoriya-i-samobytnost-vospitanie-detej-na-kavkaze/>
7. Александр Дюма. Кавказ. Перевод с французского. – Тбилиси: «Мерани», 1988. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://apsnyteka.org/495-diuma_kavkaz.html
8. Амерханова З. Ш., Нюдюрмагомедов А. Н. Ценности традиционной культуры в формировании этнической идентичности девочек-подростков. // Этносоциум и межнациональная культура. – 2015. – 3.
9. Кох К. Путешествие по России и в кавказские земли. // АБК в известиях современных авторов XIII–XIX вв. – Нальчик, 1974.

Section 8. Philology

*Romanova Liubomira Grigorievna,
North-Eastern Federal University, teacher,
the Faculty of Foreign Philology and Regional Studies
E-mail: liubomirarom@mail.ru*

Features perception of time from the French and Yakut (on example of phraseological units)

Abstract: Time is an universal category and has its refraction in each culture. This article shows the features of the perception of time based on the analysis of temporal phraseological units in two completely different languages and cultures: French and Yakut.

Keywords: phraseological units, temporality, time, phraseological semantic groups.

*Романова Любомира Григорьевна,
Северо-Восточный федеральный университет,
старший преподаватель,
Институт Зарубежной Филологии и Регионоведения
E-mail: liubomirarom@mail.ru*

Особенности восприятия времени у французов и якутов (на примере фразеологических единиц)

*Статья публикуется при поддержке проекта РГН № 15–18–20047
«Онтология ландшафта: семантика, семиотика, и географическое моделирование»*

Аннотация: Время, будучи универсальной категорией, имеет свое преломление в каждой культуре. В данной статье показаны особенности восприятия времени на основе анализа темпоральных фразеологических единиц в двух совершенно разных языках и культурах: во французском и якутском.

Ключевые слова: фразеологические единицы, темпоральность, время, фразео-семантические группы.

В образном содержании фразеологических единиц воплощено культурно-национальное мировидение. По замечанию В. Н. Телии, «сами фразеологические единицы приобретают роль культурных стереотипов». В языке закрепились и образовались именно устойчивые выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами [4].

Время, будучи универсальной категорией, известной любой культуре, имеет не только универсальное начало, но и специфичное преломление в каждой языковой картине мира. Эти различия могут касаться представлений различных временных отрезков, членения циклов на части, скорости течения времени и др.

В данной статье мы рассматриваем специфику восприятия времени в двух различных культурах: в якутском и французском через призму употребляемых темпоральных фразеологических единиц.

В якутской языковой картине мира представление о членении суток отчасти схоже с западным. Поскольку традиционный уклад жизни якутов основан на скотоводстве, сутки делятся на четыре части, по времени деля коров. Приведем пример: *түөртүүр ыам* — время между дневным и вечерним доем, послеобеденное время. Для сравнения это же время выражается во французском языке в следующей фразеологической единице: *heure de l'abstinence* — час аперитива, отражающей именно французскую культуру виноделия. По традиционному календарю, в якутском языковом сознании отсчет дня начинается с рассвета: *тың хатыыта* — время первой зари, когда на востоке появляется узенькая светлая полоска; *күн тиит баһыгар таһыста* — солнце поднялось, букв. поднялось выше верхушки лиственницы, *күн ортото буолла* — солнце к середине близко, *күн тиит баһыгар түһэн эрэр* — солнце заходит, букв. солнце заходит за

лиственницу [2]. Как показывают вышеприведенные примеры, членение суток у якутов непосредственно связано с движением солнца, а утро начинается с рассвета. Данная семантика отсутствует во фразеологических единицах французского языка, например *le bon matin* — рано, раннее утро; *le petit matin* — заря, раннее утро. В представлении французов *matin* — *утро* — это промежуток времени от полуночи до полудня (ср. *une heure du matin* etc). У якутов наступление вечера связано с темнотой: *тууңҕэ (хараҕаҕа) ылар* — *туун (хараҕа) буолуор диэри (үлэлээ, айаннаа)* — букв. вечер, наступление темноты застигает — до вечера (до наступления темноты). В данной фразеологической единице слова «ночь» и «наступление темноты» используются как равнозначные, взаимозаменяемые элементы.

Это позволяет сделать вывод, что в якутской действительности время суток тесно связано с освещенностью, с солнцем, с природными явлениями, а у французов, время суток определяется характером деятельности, которой надлежит заниматься.

Расхождения наблюдаются также и в обозначении времен года. Так, якуты, живущие в тесном единении с природой, представляют широкий спектр обозначения природных явлений, связанных с изменением погоды, сменой времен года: *халлаан бэлиэтээтэ* — временное потепление перед наступлением весны (падение крыш, деревьев, капель оттаявшего снега), букв. небо пометило; *сылын сыыйара* — осенняя пора, когда начинаются заморозки, увядание природы и сильные ветры, сдувающие пожелтевшую листву, хвою; *отун-маһын бэлиэтээтэ* — блекнуть, желтеть, осенняя пора; *маһын ииктэтэр* — осенняя оттепель (когда с деревьев смываются листья, хвоя и капает растаявший снег), букв. деревья свои заставляют мочиться; *дьыл оройо* — самая середина зимы, букв. самая верхушка года; *күөххэ үктэннэ* — наступление лета, букв. наступил на траву; *хотуур орто* — середина лета, букв. середина покоса. Последняя фразеологическая единица со значением темпоральности в якутском языке связана со скотоводством, как основным занятием якутов.

Французский язык такого богатства оттенков не показывает: *saison avancée* — поздняя осень; позднее время года; *la saison nouvelle* — весна; *après saison* — зима. Как видно из примеров во всех трех фразеологических единицах используется слово *saison* — сезон, время года, с разной характеристикой: *avancée* — поздняя, *nouvelle* — новая, *après* — после, которые и формируют представление об определенном времени года.

Интересно наблюдать восприятие времени по отношению к моменту речи. Так, в выражении давно прошедшего времени используются такие фразеологические единицы: *du temps des collets montés* — встарину, во время оно, букв. во времена стоячих воротников; *il y a/depuis belle lurette* — издавна, давно, давным-давно, по одной из версий происхождения данного выражения, не существует

слова *lurette*, оно состоит из сочетания двух слов *belle*, выражающее степень интенсивности и *heurette*, которое можно перевести как «часик», следовательно, выражение указывает на довольно значительный промежуток времени [6]; *au temps où la reine Berthe filait* — в старину, букв. во времена, когда королева Берта убегала. История происхождения данного выражения довольно интересна: венгерская принцесса Берта, обещанная королю Франции Пипин и прознав, что он небольшого роста и некрасивой наружности, просит свою фрейлину Элизабет выйти замуж вместо нее, представившись Бертой, а сама скрывается [7], *au temps du roi Dagobert* — в старину, букв. во времена царя Дагобера ср. русс. при царе Горохе; *c'est du bon temps de Jean de Vert* — это дело прошлое, мне до этого нет никакого дела, букв. во времена Джона де Вера, выражение берет свое начало от имени генерала Джона де Вер, который сражался несколько раз против французов, вселяя огромный ужас. Таким образом, данное выражение напоминает о забытом зле [5].

В якутском языке данный промежуток времени представляется как «время наших предков»: *былыр үйэҕэ* — в старину, *өбүгэ саҕаттан* — с незапамятных времен. В отношении же будущего времени любопытно наличие в якутском языке фразеологических единиц со значением «не знать, что ждет впереди; не предугадывать завтрашний день»: *иннин тымтыктан көрбөт*; *сарсыңныны сарсыңны таңара (күн) билиэ*, аналогов которых мы не встретили во французских единицах. Возможно эти фразеологические единицы показывают тот факт, что традиционно якуты, в силу климатических условий, тяжелой физической работы и природной предосторожности (ср. *күөскүн эрдэттэн өрүүмэ*, букв. не ставь в огонь горшок заранее), не говорят громко о будущем, о завтрашнем дне (ср. заранее не готовятся к рождению ребенка, не заявляют о своих планах), чего не скажешь о французах, как представителей западной культуры, которые придерживаются четко запланированного графика.

В частности, последнее находит отражение в наличии ряда фразеологических единиц со значением «вовремя»: *à l'heure battante* — в точно указанное время, *à un moment donné* — в условленный час, в определенное время. В якутском языке значение «вовремя» имеет двоякую осмысленность: *лоп курдук* — точно, как раз, аналогичное вышеприведенным французским фразеологическим единицам, но это может быть и время определенное свыше: *бото болдьох (кэтэ кэрдии)*. В количественном отношении рассмотренные фразеологические единицы со значением «вовремя» составляют 14 единиц во французском языке против 3 в якутском. Все это говорит о том, что «необязательные», «непунктуальные», с точки зрения других западных культур, французы предстают без сомнения намного более четкими и точными, нежели якуты.

Для выражения времени, обозначающего неограниченную длительность «никогда» и в якутском, и во

французском наблюдаются фразеологические единицы со значением невозможности: *quand les poules auront des dents* — когда у кур появятся зубы или *à la Saint-Glinglin* — в день святого Гленглена (не существует такого святого), *хара тураах туртайдагына* — когда побелеет черная ворона, *аны (иккистээн) төрүүргэ* — ко второму рождению.

Различие в восприятии времени отмечается в скорости его течения. В повседневной жизни французы, как и все западные люди, стремятся выиграть время. Забота о быстротечности времени постоянно ощущается во всех делах повседневной жизни: *faire qch sur le champ* — сделать что-л. немедленно, сразу; *faire qch en deux/trois coups de cuiller à pot* — сделать что-л. быстро и легко; *faire qch en moins de deux* — сделать что-л. очень быстро, мигом и др. В якутском языке тоже содержатся многие фразеологические единицы со значением «быстро»: *кыл түгэнинэн* — с быстротой молнии, *буута быстарынан* — со всех ног, букв. чтоб бедро разорвалось,

охтооһор тургэнник — проворно, букв. быстрее стрелы и др. Однако, если у французов практически отсутствуют фразеологические единицы, выражающие медленный темп, то в якутском их довольно много, к примеру, *аа-дьуо-бытааннык* — медленно; *аалын баһа хоңнон биэрбэт* — медлить, мешкать, не торопиться с осуществлением чего-либо. букв. нос его судна не сдвигается; *тонҕ күүс быстыһа* — долго, букв. пока сварится замороженная еда. Последний пример интересен тем, что он отражает повседневный уклад жизни в холодных климатических условиях, когда все питание хранится в замороженном виде почти круглый год.

Очевидно, восприятие времени, замедленный ритм жизни якутов объясняется климатическими условиями, существующими в Якутии: холодная долгая зима, которая длится до девяти месяцев, жизнь в тесной связи с природой (все замирает в холодное время года), огромные расстояния, которые необходимо преодолевать.

Список литературы:

1. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология: на материале французского и русского языков. Издание второе. – Москва, 2010.
2. Гоголев А. И. Традиционный календарь якутов. – Якутск: ИЛИН, 1999. – С. 72.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – 2006. – 538 с.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингво-культурологический аспекты. – М., 1996. – С. 49.
5. Diderot D., Alembert J. Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences des arts et des métiers. – V. 36, Partie 2. – 1772. – С. 487 [оцифрован: 2 апр. 2009].
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.linternaute.com/expression/langue-francaise/211/il-y-a-belle-lurette>
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.france-pittoresque.com/spip.php?article7019>

Camosuk Nataluy Lvovna,
Military academy of material-technical provision
named after Army General A. V. Khruleva,
PhD, assistant professor,
Department of Russian language
E-mail: s.n.l@rambler.ru

Visual representation of silence or the type of cinema gesture in a literature language (for example a novel «Shutter Island» by Dennis Lehane)

Abstract: This article is about the connection between two different art's languages (cinema and literature in the narrow aspect). I say here about representation of silence through the cod of gestures. Gestures like a visible form belongs the cinema languages. But its representation in a novel is the interesting example spread the cinema languages in literature.

In the novel «Shutter Island» by Dennis Lehane the «silence» is as a part of the plot which formed like a cod of gestures. The meaning of «silence» changes because of context. It says about multiple possibilities of using one visual cod in system of literature language.

Keywords: Visual representation, visual cod, gestures, thriller, silence, tension, sexuality, distrust.

Самосюк Наталья Львовна,
 Военная академия материально-технического обеспечения
 имени генерала армии А. В. Хрулева,
 к. ф. н., доцент кафедры Русского языка
 E-mail: s.n.l@rambler.ru

Визуальная репрезентация молчания или стилистика киножеста в литературе (на материале романа Дениса Лихейма «Остров проклятых»)

Аннотация: Работа посвящена проблеме взаимосвязи двух образных систем в их частном аспекте. А именно проблеме создания визуального кода жеста, характерного для языка кино, в системе образов литературного произведения. Ситуация «молчания» в романе Денниса Лейхема «Остров проклятых» контекстуально зависима, ее значение формируется через определенный код жестов, что на наш взгляд, является примером использования одной системы образов в художественной парадигме другого.

Ключевые слова: визуальная репрезентация, визуальный образ, жест, триллер, молчание, напряженность, сексуальная привлекательность, недоверие.

С появлением кино жест становится неотъемлемой частью визуального образа. Он может отражать статус героя, его социальное положение и эмоциональное состояние. Другими словами, кино, обладая возможностью, демонстрировать движение, жесты, жестикуляцию героя, выработало уникальный набор приемов, передающих информацию при помощи визуального ряда, например, жеста.

В настоящее время литература, отзываясь на возможности новой образности, которые предлагает кинематограф, сформировала и продолжает формировать собственные решения в прочтении жеста, его семиотической нагрузки в репрезентации разного рода смыслов. На примере романа Денниса Лихейма «Остров проклятых» (2010) мы хотели бы продемонстрировать пути и способы создания атмосферы напряженного ожидания или, наоборот, некоей общности, единения между героями через репрезентацию жестов, которые, на наш взгляд, не просто сопровождают реплики, а формируют визуальный образ восприятия эпизодов, привнесенный в литературу из кино.

О контекстуальной семантической составляющей жеста в романе свидетельствует его присутствие в различных эпизодах. Жест сам по себе может привлекать внимание к разным частям тела героя: рукам, голове, шеи, запястью, выделяя их в качестве доминант в восприятии героя в том или ином эпизоде.

Например, описание того или иного жеста, концентрирует внимание на теле героя, задерживая при этом развитие действия в эпизоде. Или наоборот, смена оптических ракурсов с одного героя на другого формирует некий внутренний код, по которому «свои» понимают друг друга, а «чужие» нет.

Описание жеста так же возможно через систему взаимодействия жеста и реплик диалога, или жеста и смены внимания авторского взгляда с главного героя на пейзаж или других героев, участвующих в разговоре.

На наш взгляд, в романе «Остров проклятых» присутствуют яркие примеры визуальной репрезентации ситуации молчания, для которой при отсутствии вербальной коммуникации, жест становится основным смыслообразующим элементом. Кроме того, принадлежность романа к жанру триллера требует создания новых художественных средств, которые стремились бы максимально воздействовать на эмоции читателя.

Кино в современной системе искусств является одним из самых сильных источников воздействия на эмоции современника. Следовательно, в задачи автора входит создание такой системы образов, которая могла бы, не теряя преимуществ литературы, использовать приемы, характерные для другого вида искусств, а именно кино, которое также активно реализует себя в жанре триллера.

Сразу стоит заметить, что мы разделяем ситуацию «молчание» и «тишину», и говорим о том, что это явления неравнозначные. Молчание предполагает отсутствие вербального сообщения, но не отсутствие коммуникации как таковой. Молчание возникает в ситуации погружения героя в свои мысли, при самоощущении и восприятии внешнего мира как данности, которую он стремится познать. И если герой не произносит реплик, мир вокруг него может быть полон звуков, передающих присутствие других героев или явления природы.

Молчание, в свою очередь, усиливает восприятие мира через слух и зрение. Герои вслушиваются в происходящее, всматриваются в лица собеседников в то, как те выражают себя через язык жестов.

Наблюдение становится аналогом тщательного и детального изучения всего, что происходит на острове. Это хорошо вписывается в сюжет, характерный для жанра триллера. По сюжету речь идет о расследовании двумя сотрудниками федеральной службы Теда и Чаком загадочного исчезновения пациентки Рейчл Саландер, проходившей лечение или отбывавшей заключение на острове.

Загадочным это происшествие считается потому, что женщина исчезла из закрытого и охраняемого помещения. И все сотрудники больницы утверждают, что не видели ее и не понимают, как это случилось, как человек мог исчезнуть сам по себе и находиться на острове без поддержки кого-либо.

Обращаем внимание на то, что ситуация молчания в романе контекстуально обусловлена, то есть его восприятие может менять свое значение в зависимости от ситуации. Молчание по характеру может быть угрожающим, дружеским, напряженным. Оно может характеризоваться через аппозицию — неожиданный крик или резкий звук на фоне молчаливых действий героев.

Создавая череду экспрессивных картин, в которых ситуация молчания приобретает смыслообразующий компонент, автор устанавливает совершенно особую атмосферу недосказанности и двусмысленности, которая оправдывает жанровую принадлежность романа.

Например, при первой встрече главврача больницы Коули с Тедди и Чаком завязывается разговор. Разговор сопровождается жестами и мимикой. Коули в течение эпизода несколько раз отвечает на реплики собеседников либо молчанием, либо жестом, описание которого подтверждает наличие паузы. «And their victims? Teddy said. Cawley raised his eyebrows, waiting» [1, 38]. «Teddy said, “We don’t know anything about a senator, Doctor. We were assigned by the state field office”».

Cawley propped his elbows on a green desk blotter and clasped his hand together, placed his chin on top of them, and stared at them over the rim of his glasses» [1, 39]. И далее:

«But your given first name? Theodor?
“Edward”

Cawley leaned his chair back, his hands falling free of his chin. He tapped opener against the desk edge, the sound as soft and persistent as snow falling on a roof» [1, 41].

Жесты героя обозначены таким образом, чтобы их значение могло быть прочитано и соотнесено с репликами диалога.

“Taddy said «And you’ve searched the grounds»
«Yes».
«Pretty thoroughly?»

Cawley took a few second to answer, played with a silver bust of the horse on the corner of his desk” [1, 42].

Разговор при этом поддерживается доктором Коули в своеобразной манере: он либо повторяет реплики Тедди и Чака, либо дает пространные объяснения, стараясь при этом избегать глаголов. Возникает ощущение некоей замедленности действия. Собственно именно этот тип поведения человека, желающего скрыть что-либо от собеседников, и демонстрирует доктор Коули. Таким образом, постоянные паузы в диалогах, заполненные четко прописанной жестикуляцией, необходимы, чтобы сосредоточить внимание читателя на видимой составляющей диалога.

Жесты героев даны автором, без объяснения именно потому, что они сами по себе несут смысловую нагрузку

и не просто оформляют высказывание, но и формируют расстановку сил в эпизоде, демонстрируют эмоциональную реакцию героев и их понимание сложившейся ситуации. То есть другими словами, жесты приобретают значение самодостаточного элемента коммуникации.

Это формирует манеру поведения героя, его жестикуляцию и мимику.

Демонстрация тех или иных жестов определяет взаимоотношения героев еще до того как будут произнесены слова. То есть диалог начинается еще до осуществления вербального контакта и этот диалог, надо сказать, имеет два вектора направления. С одной стороны, он характеризует соотношение сил внутри эпизода, именно потому, что жест — показатель статуса героя, его эмоционального состояния. А с другой, жест направлен на диалог с читателем, поскольку через понятный читателю код жестов формируется система значений, которая позволяет разобраться в запутанных и неоднозначных мотивациях персонажей.

Так, например, в эпизоде первого допроса всего персонала больницы достаточно выверенных жестов, пугающих своей навязчивой продуманностью. «Taddy stood in the centre of the room? The staff in a circle around him. He rested his hands on the top of a metal chair, Chuck slouched against a beam beside him, hands in his pockets» [1, 58].

Интересно, что после предложения Коули представить персоналу больницы, Чак, поприветствовав присутствующих, снова засунул руку в карман. «Chuck gave a small wave to the group, put his hand back in his pocket» [1, 59].

Так, безусловно, руки в карманах говорят об уверенности героя, его превосходстве и даже сексуальной доминантности над собравшимися. Тедди на фоне уверенного в себе Чака выглядит невыразительно и его жестикуляция не так однозначна.

Вообще в этом эпизоде сексуальная напряженность имеет место быть и передается она также через жест. Например, одна из медсестер по имени Керри Марайно поддерживает разговор. Ее жестикуляция во время всего эпизода допроса обладает достаточно рельефным рисунком. «Her cap sat in her lap, and she finger-combed her hair in a lazy way that suggested weariness but had every guy in the room sneaking glances at her, the way that weary finger-combing suggested the need for a bed» [1, 59].

«Marino held up her hand as if to say, Oh, excuse me, boys, and said “Just thought I’d bring it up Neddy turn to Nurse Marino “You hear all the commotion and you...”» [1, 59].

Ее сексуальность передается также через магию жеста и продолжается в подражании ей со стороны других присутствующих:

“«I lock the nurses» station. I come out into the rehall at about the same time Hicksville was coming through the front door”. She shrugged and lit a cigarette, and several other members of the group took it as a cue, lit up their own.

Молчание и жест, которым она отвечает на вопрос Тедди, также демонстрируют ее уверенную в себе сексуальность:

«And nobody could have gotten by you in the nurses' station».

She dropped her chin on the heel of her palm, stared through a sickle-stream of smoke at him.

«Gotten by me to were?» [1, 64].

Именно эта уверенность, а также существование в ситуации, где само понятие естественного ставится под сомнение пугающей способностью человека проявлять нечеловеческую жестокость к себе подобным, позволяет героине с помощью молчаливой паузы и жеста, который выдает ее эмоции, красноречивее, чем слова, замкнуть свои знания в себе, не желая делиться опытом. Ибо описание происходящего стоит за гранью допустимого.

“Taddy gave her a nod and a sheepish smile. «Let me rephrase. Anything occur in group last night that was more memorable than, um ...?»

«Normal?» she said.

That drew a smile from Cawley, a few stray laughs.

Taddy nodded.

She thought about it for a minute, her cigarette ash growing white and hooked. She noticed it, flicked it off into ashtray, raised her head. «No. Sorry» [1, 65].

Если в предыдущих эпизодах паузы в разговорах, жесты, сопровождающие молчаливую реакцию героев на слова, создавали напряжение, то в романе появляются ситуации, когда молчание, наоборот отражает дружеское понимание, при котором слова только мешают, так как нарушают внутреннюю удовлетворенность героев присутствием друг друга. Так в эпизоде после игры в карты Тедди и Чак обсуждают события прошедшего дня. После односложных реплик диалога, по поводу карточной игры, Чак спрашивает Тедди о его отце. Прежде чем ответить Тедди пытается вспомнить отца и вспоминает только его руки. «Teddy tried to picture him in the dark, could only see his hands, weltd with scares» [1, 84]. Тедди подыскивает метонимическое сравнение и передает свое понимание того, что представлял из себя его отец через лодку отца. «He was his boat. When he lost his boat, he just drifted away» [1, 84].

Молчание Чака на это замечание не обижает Тедди, его сознание продолжает работать вне зависимости от того слушает его Чак или нет. Тедди заполняет паузу воспоминаниями, в которых образ отца вырисовывается через статичную фигуру человека, сидящего без работы. Так передается бессмысленность и рутинная обыденность жизни отца, который заперт в размноженном болезненным сознанием Тедди пространстве дома. «He could suddenly see his father, all of him, sitting in that chair on the days there'd been no work, the man swallowed by the walls, ceilings, rooms» [1, 85].

Неожиданное восклицание Чака прерывает молчание Тедди и возвращает его к событиям прошедшего дня. Односложный диалог, при котором оба прекрасно понимают, о чем говорит другой, свидетельствует о завидной эмоциональной близости и доверии. Надо заметить, что свой вопрос о том, как он, Тедди, выдает себя во время игры, был задан в начале эпизода. А ответ прозвучал в конце,

собственно, когда Тедди не только не ждал его, но и ушел в своих размышлениях далеко от суеты прошедшего дня.

“«They lay in silence, and Taddy listen to the ocean for a while.

You purse your lips», Chuck said, his voice beginning to garble with sleep.

What?

When you're holding a good hand. You only do it for a second, but you always do it».

«Oh».

«Night, boss».

«Night» [1, 85]

В этом случае, односложные диалоги, затянувшееся молчание Чака перемежаются с молчанием Тедди, которое заполняется его размышлениями о жизни и звуками океана, создают законченный эпизод, со своим внутренним сюжетом, ритмом, визуальным рядом и звуковым сопровождением. Своеобразные ритмический рисунок эпизода таков: рубленные фразы диалогов противопоставлены размеренному ритму предложений, в которых говорится об отце Тедди и о поисках сбежавшей Рейчал Саландер. Благодаря динамике перехода от вербального общения героев к погружению Тедди в мир собственных образов или тишины, в которой образы природы становятся символами враждебного внешнего мира, возникает эмоциональное состояние, при котором читатель одновременно оказывается зрителем разворачивающихся в эпизоде событий. Именно зрителем, так как эстетическая ценность визуального ряда при такой организации текста повышается: ритм фразы, паузы, жесты подчиняют себе сюжет.

Так паузы в диалогах, прерванных полусонным молчанием Чака, говорят о доверии, которое связывает этих по сути незнакомых друг другу людей. Они беседуют, даже не глядя друг на друга, так как кровати, на которых расположились герои, находятся друг над другом: больничные палаты похожи на казарму.

В таком случае ситуация молчания, тишины является значимым элементом концептуального построения взаимоотношений героев друг с другом, а так же с миром внутренним и внешним.

В другом эпизоде Чак и Тедди, реагируя на поступки и слова других людей, совершают одни и те же движения, не произнося при этом ни слова. «Teddy smelled pipe tobacco, and he and Chuck turned at the same time, realized there was another man in the room» [1, 74]. Единообразие жестов, как реакция на ситуации демонстрирует объективность потенциальной опасности, которая в одинаковой мере грозит обоим. Опять-таки, еще до того как состоялся разговор жесты героев, их положение относительно друг друга создают подтекст, который позволяет составить представление о характере взаимоотношений участников сцены. С другой стороны, жестикуляция третьего лица относительно Тедди и Чака в свою очередь подчеркивает их обособленность, соответственно объединяя их в такой неоднозначной ситуации в некую группу, к которой

применимы единые санкции. «The man blinked in acknowledgment but didn't offer his hand, so neither did Teddy or Chuck» [1, 74].

В поэтике триллера, где мотивы персонажа не ясны, когда в вопросах звучит обвинение, а ответы могут восприниматься двояко, язык жестов становится аналогом искренности. Чак и Тедди воспринимают друг друга через жесты и мимику, которые интерпретируются ими в системе координат дружеских доверительных отношений. «Teddy looked over at Chuck. Chuck gave him a small smile, slightly abashed» [1, 77]. «Chuck caught Teddy's eyes, his own filled with question marks» [1, 101]. «Teddy and Chuck both looked over their shoulders at the door» [1, 165]. «Teddy and Chuck leaned against the beige wall and spoke in flat tones while facing the room» [1, 198].

Таким образом, жест, как молчаливая реакция героев приобретает дополнительные контекстуальные значения, продолжая формировать визуально-концептуальный ряд романа.

Молчание и соответствующая жестикация может быть формой психологического давления. В эпизоде, когда от Чака и Тедди требуют сдать оружие, оба делают это с неохотой. МакФерсон один из служителей охраны больницы предъявляет свои настоятельные требования, используя характерные жесты. Он протягивает руку ладонью вверх «McPherson held out one massive palm, as if in supplication to the sun. «You are hereby requested to surrender your firearms at all time»» [1, 29]. Объяснение МакФерсона занимает достаточно многословный отрывок текста, замечательно, что монолог произносится при неизменном жесте героя: «Teddy looked at Chuck. Chuck tilted his head at McPherson's extended palm and shrugged» [1, 29]. Возвращаясь к вопросу о влиянии киноприемов на поэтику литературного произведения, следует отметить, что в данном случае действие эпизода происходит в режиме настоящего времени. Слова и жесты создают пространственно временной континуум эпизода, который имеет своей целью создание визуального ряда, читаемого и интерпретируемого в понятных для каждого образах. Чак проявляет медлительность при передаче оружия, в котором читается недовольство и нежелание подчиняться требованиям, так нарочито выдвигаемым с позиции силы. Однако терпеливое молчание МакФерсона и является той формой психологического давления, за которой стоит чувство превосходства и силы требований. «Chuck was a little slower with his weapon, fumbling with the holster snap, but MacPherson showed no impatience, just waited until Chuck placed the gun awkwardly in his hand» [1, 30]. Это противостояние сил не требует аргументации, оно мотивировано утверждением определенного порядка, с одной стороны, и желанием поставить под сомнения разумность этого порядка, с другой. Таким образом, молчаливое сопротивление Чака, продемонстрированное им в жестах не случайность. Его отношение к требованиям представителя охраны говорит о возможности двоякой интерпретации

ситуации на острове. С одной стороны, просьба сдать оружие, действительно продиктована соображением безопасности и следованием букве закона, даже в столь необычной ситуации, а с другой, это же самое может обозначать желание оставить Чака и Тедди безоружными, следовательно, более уязвимыми. Таким образом, молчание МакФерсона оказывается аналогом безоговорочного, абсолютного проявления силы системы: что само по себе вызывает реакцию обеспокоенности. В данном контексте ситуация молчания, приобретая свою визуальную составляющую, становится значимым элементом поэтики романа.

Восприятие действительности героями начинает видоизменяться, двоиться и тяготеть к взаимно противоположным интерпретациям. Здесь интересен процесс изменения статуса Чака, который в конце концов оказывается одним из участников спектакля разыгранного ради пациента, каким на самом деле является Тедди. Мельчайшие движения мимики должны быть понятны, мотивы жестикации должны быть четко обозначены, так как от того насколько герой может проникнуть в намерения другого зависит его жизнь. Пристальное вглядывание в лица и фигуры других людей, в условиях, при которых поступки могут быть поняты двояко, а намерения сознательно утаиваются, формирует манеру поведения героя, его внимательное, основанное на недоверии отношение к действительности.

Именно из-за несоответствия жеста и намерения в поведении Чака Тедди начинает подозревать его в том, что напарник не тот, за кого себя выдает. В этом случае молчание становится признаком недоверия и метафорой нарастающего подозрения. «He looked at his partner. He let the silence grow.

«What?» Chuck said finally. «I don't know who Joe Whoever-the-Fuck is, so now you are looking at me funny?

I'm not looking at me funny, Chuck. Like I said, I get Portland and Seattle mixed a lot.»

«Right. So then» –

«Let's keep walking», Teddy said.

Teddy stood. Chuck sat there for a few seconds, looking at the piece of paper still dangling from his hand. Ye looked at the trees around them. He looked up at Teddy. He looked off toward the shore.

The foghorn sounded again» [1, 255].

Молчание, во время которого Чак меняет направление взгляда, красноречиво указывает на его беспомощность. Что-то было сделано не так и его самоуверенность и умение с юмором взглянуть на любые неприятности уступают место растерянности, которая передается через жесты, направления взгляда. Информативность жеста говорит об отсутствии необходимости как-либо проявлять себя вербальными средствами. А молчание в данном случае свидетельствует о нарастании напряжения, которое приведет к отчужденности героев и замкнет их каждого в собственном мире. Для того, чтобы продемонстрировать насколько изменились отношения героев, автор прибегает к визуальному образу. «Teddy watched Chuck back as

they walked and climbed and walked some more» [1, 256]. «Teddy hoped so, because the more he found himself looking at Chuck's back, the more certain he grew that he was now alone on this. Completely alone» [1, 257].

Все выше сказанное демонстрирует пути и возможности проникновения методов кино в поэтику литературы. Характерные для кино демонстрации воспроизводятся в художественном произведении через систему визуальных кодов, создание которой опирается на собственно

литературные средства: подтекст, контекстуальное противопоставление и сопоставление, ритмическое и тематическое соотношение эпизодов, детализацию и обобщение на уровне метафор и символов.

Таким образом, возникают устойчивые смысловые объединения, формирующие образную систему художественного произведения, при которой появляется возможность внедрения форм одного вида искусств, кино, в поэтику другого — литературы.

Список литературы:

1. Dennis Lehane. *Shutter island*. – New York: Harper Collins Publishers, 2009.
2. Кристиан Метц. *Воображаемое означающее. Психоанализ и кино*. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. – 334 с.
3. Оксана Булгакова. *Фабрика жестов*. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 304 с.
4. Gordon Gray. *Cinema: a visual Anthropology*. – Bloomsbury Academic, 2010. – 167 с.

*Sheremeta Victoria Petrovna,
National Pedagogical University,
postgraduate student, the Institute of Ukrainian philology
and literature creativity of Andrey Malysenko
E-mail: rfj@ukr.net*

Language means describing mother-in-law in the imagination of Ukrainians in Ukrainian folk songs

Abstract: The paper deals with the national linguistic stereotypes. Particular attention is focused on the description and analysis of linguistic resources with the help of which lyric song reflect the Ukrainians imagination, directly related to the lives of women, men and their position in society and the family; the relationship between the woman and her own children (son, daughter), between the woman and another's children (daughter-in-law, son-in-law) and their families.

Keywords: stereotype, linguistic stereotype, hyperonym, hyponym, linguistic image, the epithet, comparison.

*Шеремета Виктория Петровна,
Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова,
аспирант, Институт украинской филологии
и литературного творчества им. Андрея Малышка
E-mail: rfj@ukr.net*

Языковые средства выражения представлений украинцев о свекрови в украинских народных песнях

Аннотация: В статье рассмотрены вопросы национально-языковых стереотипов. Особое внимание сосредоточено на описании и анализе языковых средств, с помощью которых в песенных текстах отражено представление украинцев, связанное непосредственно с жизнью женщины, мужчины и их положением в обществе, семье; взаимоотношения между женщиной и взрослыми родными детьми (сыном, дочерью), между женщиной и чужими детьми (невесткой, зятем) и их семьями.

Ключевые слова: стереотип, языковой стереотип, гипероним, гипоним, языковой образ, эпитет, сравнение.

В современных лингвистических исследованиях под влиянием антропоцентрического подхода к изучению языковых единиц актуальными становятся вопросы взаимосвязи языка и культуры, языка и менталитета народа.

Уже доказано, что не только человек влияет на язык, но и язык влияет на формирование личности. Поэтому формирование этноса без языка невозможно, ведь язык является одним из важнейших признаков нации. «Язык — это наш

национальный признак, в языке — наша культура, степень нашего сознания. Язык — это форма нашей жизни, жизни культурной и национальной» [11, 239].

Понятие стереотипа детально рассматривают в своих научных трудах представители разных лингвистических направлений: этнолингвисты (Е. Бартминский, С. Толстая), лингвокультурологи (С. Ермоленко, В. Жайворонок, В. Кононенко, В. Маслова, Л. Мацко, В. Телия), психоллингвисты (В. Красных, Ю. Сорокин, Н. Уфимцева) и другие.

Изучение национально-языковых стереотипов, связанных с образом женщины в украинском языке и культуре, является важным этапом изучения мировоззрения украинцев, отраженного в языке. Стереотип женщины — это фрагмент языковой картины мира украинцев. Проблема стереотипа исследуется достаточно активно, однако в этнолингвистике изучена недостаточно и словарь стереотипов украинского языка еще требует основательной доработки и дополнения, поэтому практический анализ языкового образа женщины в фольклоре будет существенным вкладом в развитие этнолингвистики.

Целью статьи является изучение национально-языковых стереотипов образа женщины, описание языковых средств, с помощью которых в текстах украинских народных песен выражены представления украинцев о *свекрови*, об отношении украинского народа к женщине. Углубленный анализ песенных текстов позволяет воспроизвести ключевые элементы стереотипа женщины-матери, то есть главных представлений о чисто женских чертах характера, внешности и поведения. К тому же народное творчество содержит немало непосредственных установок относительно взаимоотношений между мужчинами и женщинами, между женщиной и родными детьми (сыном, дочерью), между женщиной и чужими детьми (невесткой, зятем) и их семьями.

Человек смотрит на мир, который его окружает, через призму своей национальной культуры, ее традиций, истории. Поэтому все, что происходит вокруг нас, люди расценивают согласно установившимся культурным позициям и стереотипам. Неисчерпаемым сокровищем украинской культуры являются украинские народные песни, в текстах которых народ сумел передать состояние души, боль, радость, мечты, надежды, представления о себе и о представителях других культур. Поэтому для исследования народных представлений (стереотипов) о женщине трудно найти лучший источник.

Гипероним ЧЕЛОВЕК в народных песнях представлен гипонимами ЖЕНЩИНА и МУЖЧИНА. Переход от гиперонима к конкретным названиям взрослого лица женского пола, замужнего лица женского пола сопровождается выделением различных сем в понятии «женщина».

На их основе выделяем различные семантические подвиды языкового образа женщины в зависимости от:

- 1) возраста (*девушка, женщина, бабушка*);
- 2) родства (*мать, свекровь, теща, дочь, девушка, девушка (в значении «дочка») сестра; невестка, девушка (в значении невестка)*);

3) по семейному положению (*невеста; жена, женщина, хозяйка (в смысле жена), женщина (в смысле замужняя женщина), вдова*).

В песенных текстах лексема *мать* и ее производные употребляется в следующих значениях: женщина по отношению к ребенку, которого она родила [16, 647]; ближайший из родни человек [3, 356]: «Ой ясно, красно, та куди соненько сходити, Ой яше, красше, куди *рідна матінка* ходить» [10, 205]. В этой песне *мать* сравнивается с *ясным солнцем*, без которого на земле нет жизни ничему живому. Соответственно, без матери жизнь ребенка не представляется полноценной.

Когда взрослые дети собираются связать свои судьбы в одну, то есть пожениться, то в песнях о любви (реже), а чаще всего в свадебных песнях используются лексемы *свекровь* и *теща*.

В украинских народных песнях для номинации матери мужа используется лексема *свекруха* (им. суц., ж. р.): «Ой там гора кам'яниста, Там *свекруха* *норовиста*» [12, 73]; словосочетания им. прилаг. *чужий* + им. суц. *мати* и его варианты (*матінка, ненька, мамуненька*) — *чужа мати, чужа мамуненька*: «Чужий батько, чужа мати Не б'є, а болить» [12, 428]; «Бо *чужа мамуненька*, вона мене не збудить, Тільки піде на сусіди та й мене обсуди» [13, 393]; словосочетание с прилаг. *нерідний* + им. суц. *мати* — *нерідная мати*: «Бо *свекруха* — *нерідная мати*, Не дасть мені до пори доспати. А буде ж мене раненько будити, Загадає ділечко робити» [12, 209]; словосочетания *твоя мати* (указательное местоим. + им. суц. *мати*): «У мене корови — чорнії брови. Буде твоя *мати* мені виговоряти».

В песенных текстах описывается ситуация, когда молодая женщина не знает, как ей называть мать своего мужа: «Ой назову я «*свекрушенька*», — та й не гоже, Ой назову я «*матінкой*», — милий гожий. ... Ой назову я «*ненькой рідной*», — милий гожий» [12, 281].

Чаще всего в народных песнях используется лексема *свекруха* и ее варианты. В текстах свадебных песен, записанных в разных регионах Украины, встречаются лексемы *свекрушина, свекорка*: «Прибирайся, *свекрушино*, прибирайся Та своєї невісточки сподівайся» [12, 184]; «Ми в *свекорки* були, Горілочку пили» [12, 185]; в русскоязычных регионах в текстах свадебных песен используется лексемы *свекров* (в 11-ти томном Словаре украинского языка не зафиксирована) и *матушка* (в украинском языке употребляется в значении жена священника; монахиня) [16, 653]: «Назову я *свекров'ю* — *матушка*» [12, 252].

В народных песнях часто используются деминутивы *свекрушенька, свекрушечка*, образованные с помощью ласкательных суффиксов -еньк-, -ечк-: «Та буде ж в тебе ж і *свекрушенька*» [12, 274]; «Ой назову я «*свекрушенька*»» [12, 281]; «Ой *свекрухо, свекрушечко*, Подивися у віконечко» [12, 376]; «Єсть у тебе, дитя моє, *свекрушечка*» [12, 481].

В народной песне о любви молодой козак зовет девушку под венец: «Піди, піди, Гандзюню, за мною, Будеш моїй

матюниці слугою. ... А мені жоною вірною” [13, 17]. Девушка, которая выходила замуж, должна была стать для мужа верной, любящей женой, а его родным, особенно матери — свекрови, слугой (человек для личных услуг в доме) [18, 376].

После свадебного обряда невестка переходила жить в дом своего мужа, то есть *свекрови*, что привносило в ее жизнь целый ряд трудностей. Еще на свадьбе невесте пели песни, в которых молодую женщину предупреждали о лукавстве и коварстве *свекрови*, которая заманивает к себе девушку, обещая ей: “З нами, Ганусю, з нами, На мальовани сани, В насничого ни роблять, Хорошенько ходять, Вітерець хату мете, Сонечко хлібець пече (2), Круз окно вода тече” [5, 85].

С раннего детства украинские девушки знали, что жизнь их веселая и беззаботная только в доме *родных матери и отца*. В родном доме мужа ее ждет чужая родня — *чужой отец и мать*, которые не пожалеют, не приласкают, а их ей придется беспрекословно слушать и исполнять все их приказы: “Гей головонько ж моя бідная! В мене *мати* та й не *рідная*. В мене *ненька* та й не *рідная*, А *свекруха* неймовірна” [21, 164]; “А в *свекрухи* в хати Треба рано встати, Що *свекруха* скаже, Треба послухати” [13, 402]. Девушка понимает, что жизнь замужней женщины отличается от жизни незамужней девушки: “Что не буде да *свекруха*, ой як *родна мати*, ой *мати*. Что не буде да пускати ой погуляти, ой погуляти” [12, 268].

Чаще всего на плечи невестки ложилась вся самая тяжелая домашняя работа, поэтому ей приходилось рано вставать: “Ой матінко, не буди рано, Бо я в тебе да й не надовго. Щоб я в тебе до пори доспала, А в *свекрухи* да й не дрімала. Бо *свекруха* — *нерідная мати*, Не дасть мені до пори доспати. А буде ж мене раненько будити, Загадає ділечко робити”. Песенный текст построен на использовании оппозиции “*рідная мати*” — “*свекруха*” — “*нерідная мати*”, в родительском доме девушка спит “до пори”, а в доме свекрови “да й не дрімала”, ее “раненько будили”, чтобы она “ділечко робила”. Сюжет обостряется использованием глаголов и наречий.

Двум хозяйкам тяжело было ужиться под одной крышей. *Свекровь* не устраивало все, что делала невестка, она пыталась переучить ее на свой лад: “Мету хату, то й *перемітає*, Помий ложки, то й *перемиває*. Скажу слово, то й *перекривляє*, Відріж хліба — скося поглядає: — Іще ж на цей хліб ти не наробила, А великий кусок одломила!” [12, 583]; “Ой лаву змию — вона не сідає, Постіль стелю — вона не лягає” [12, 580]. Использование глагольных пар: *мету* — *перемітає*, *помий* — *перемиває*, *скажу* — *перекривляє*, *змиє* — *не сідає*, *стелю* — *не лягає* подчеркивает недовольство работой, которую исполнила молодая невестка, раскрыто черты характера свекрови — коварство, придирчивость, предвзятое отношение к жене сына.

В текстах народных песен часто используется параллелизм, в котором *свекровь* сравнивается с горой: *гора* — *свекруха*. Ее образность подчеркивается эпитетами *креміністая*, *норовистая*: “Ой там *гора креміністая*,

Там *свекруха норовистая*. Та вона ж тобі *норови* покаже, Вона ж тобі *правдоньки* не скаже. Ти діло зробиш — вона й переробить, Слово скажеш — то й *переговорі*” [12, 575]. Образ *гори креміністої, кам'яної* — символ прочности, стойкости, строгости, который рисует в воображении слушателя злую и неприветливую женщину, которая ни за что не изменит своих убеждений. Народный певец, чтобы подчеркнуть черты характера *свекрови*, использует эпитет *норовистая*, который употребляется в значении *капризная, непокорная, упрямая* [17, 444]. Стойкие словосочетания *норови покаже* (в значении *показать характер, упрямство*), *правдоньки не скаже* (в значении *обманывать, врать*) усиливают негативный образ *свекрови*.

Кроме того, что *свекровь* всем недовольна, она еще любит посудачить о своей невестке с соседями: “Та буде ж в тебе ж і *свекрушенька* Ой молодая. ... Та вона ж тебе ж і ранесенько Ой та розбуде. ... А сама піде ж і до сусіда Ой та й осуде” [12, 274]; “*Чужа мати* не питає, рано збудить Та піде ще до сусідки та й обсуди” [12, 429]; “Бо *чужа мамуненька*, вона мене не збудить, Тільки піде на сусіди та й мене *обсуди*” [13, 393]. В песенных текстах используются глаголы *осуде, обсуди* (в значении “недоброжелательно, с осуждением высказываться, говорить о ком, что-либо; осуждать, критиковать кого-то”) [17, 588].

Молодая женщина в доме мужа часто остается голодная. *Свекровь* специально посылает ее “по воду”: “Сама сяде вечеряти, Тебе *пошле та по воду*” [12, 581]; “*Свекруха* — *чужа мати* — Не буде й годувати. Самі сядуть вечерять, Мене *пошлють по воду*” [12, 596]; то смотрят сколько она ест: “Їсти хочу — аж *серденько в'яне*, Хліба дріжу — вона скося гляне” [12, 121]. Чтобы подчеркнуть страдания бедной женщины, в песенном тексте используется метафорическое словосочетание “*серденько в'яне*”, которое означает “душевные муки, переживания” [20, 794], словосочетание “*скося гляне*” подчеркивает недоброжелательное отношение свекрови, означает “относится недоброжелательно или с подозрением к кому-то, проявлять свое недовольство кем-то” [20, 657].

В народной песне даже описан распорядок дня невестки, из-за постоянной работы у нее не хватает времени на завтрак, обед у нее “*під полудне*” (в полдень), ужин “*опівночі*” (в полночь). Чтобы подчеркнуть ее плачевное состояние, используется метафорическое словосочетание “*виплакати очі*” (долго и часто плакать) [20, 98]: “В чужої матіночки Сніданочка не буде. ... А обід під полудне. Вечеря опівночі — *Виплачеш, Маруся, очі*” [13, 380].

Когда девушка приходит к матери в гости, то жалуется ей, что та не учила ее, как надо будет жить в доме свекрови, чтобы уметь ей “*догоджати*”: “Ой чом же ти не вчиш, не навучаєш, як *свекрусі* годити?” [12, 569]. Мать, используя свой личный опыт, отвечает девушке: “*Устань раненько, вмийся біленько, Поклонися низенько*. Та й *держ* світлоньку, як у віночку, І рушничок на кілочку. Та *держ* відерця все чистенькі І водиці повнесенькі” [12, 569]; “*Свекрусі* годи — *Головоньку гляди*” [12, 571]. В этих

песенных текстах используются глаголы действия: *устань, вмийся, поклонися, держи, гляди*, которые подчеркивают, что молодая женщина должна постоянно работать, убирать в доме, быть приветливой и послушной, чтобы найти путь к сердцу матери мужа — *свекрови*.

Проанализировав тексты украинских народных песен, можно реконструировать представления украинцев о жизни невестки в доме свекрови. Жизнь со свекровью для молодой женщины — это мука, душевная каторга из-за ее придирок и укоров, для этого в тексте используется глагол *докоряти* (выражать свое недовольство по поводу чего-либо, обвинять кого-то в чем-либо; упрекать) [15, 354]: “А в свекрухи Гірше муки, Буде докорять” [12, 583]; “До лихої свекрухи, Щоб набратися й муки” [12, 596]. Невестку могут физически не бить, но злые слова ранят ее еще больше, это подчеркивает метафорическое словосочетание “*словами в’ялить*” (глагол *в’ялить* используется в значении

“лишать свежести, сочности, упругости; присушивать”; в переносном смысле “лишать живости, подвижности, бодрости” [14, 798]): “А свекруха — не матінка, Словами ж в’ялить” [12, 363]; “Чужий батько, чужа мати Не б’є, а бо-лить” [12, 428].

Таким образом, в украинских народных песенных текстах отражены, в основном, культурные стереотипы, созданные коллективом, ведь песенные тексты являются коллективным произведением, совершенствовались на протяжении веков не одним автором. Украинцы, создавая песенные тексты, использовали культурные стереотипы, опираясь не только на собственный опыт. С помощью языковых средств (лексических, стилистических), которые создают языковой образ *свекрови*, культурные стереотипы закрепились и сохранились. Они, как это видно из приведенных выше примеров, негативные, традиционные и постоянные.

Список литературы:

1. Bartmiński J., Panasiuk J. Stereotypy językowe. // Encyklopedia Kultury Polskiej XX wieku. Współczesny język polski. – Wrocław: Wiedza a Kultura, 1993. – Т. 2. – С. 363–387.
2. Ермоленко С. Я. Язык и украиноведческое мировоззрение. / Ермоленко С. Я. – К.: НДИУ, 2007. – 444 с.
3. Жайворонок В. В. Знаки украинской этнокультуры: Словарь-справочник / Жайворонок В. В. – К.: Довира, 2006. – 703 с.
4. Жайворонок В. В. Украинская этнолингвистика. Очерки: Учеб. пособие. для студ. высш. учеб. закл. / Жайворонок В. В. – К.: Довира, 2007. – 262 с.
5. Кондратович А. П. Свадьба на Полесье. / Кондратович А. П. – Луцк: Надстир’я, 1996. – 112 с.
6. Кононенко В. И. Символы украинского языка. / В. И. Кононенко. – К.; Ивано-Франковск; Изд-во Прикарпат. нац. ун-та им. В. Стефаника, 2013. – 440 с.
7. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных – М.: ИТДГК “Гнозис”, 2002. – 284 с.
8. Краткий словарь когнитивных терминов. / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996.
9. Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. Заведений / В. А. Маслова – М.: Изд. центр Академия, 2001. – 208 с.
10. Народная лирика. / [сост., вступ. ст. и примеч. М. Плисецкого]. – К.: Сов. писат., 1941. – 247 с.
11. Огиенко И. Украинская культура. – К.: Абрис, 1991.
12. Свадьба [у 2 кн., Кн. 1] / Сост. М. Шубравская. – К.: Наук. думка, 1970. – 255 с.
13. Свадьба [у 2 кн., Кн. 2] / Сост. М. Шубравская. – К.: Наук. думка, 1970. – 479 с.
14. Словарь украинского языка: в 11 томах. – К.: Наук. думка, 1970. – Том 1. А-В, 1970. – 799 с.
15. Словарь украинского языка: в 11 томах. – Том 2. Г-Д, 1971. – 799 с.
16. Словарь украинского языка: в 11 томах. – Том 4. И-М, 1973. – 744 с.
17. Словарь украинского языка: в 11 томах. – Том 5. Н-О, 1974. – 840 с.
18. Словарь украинского языка: в 11 томах. – Том 9. С, 1978. – 916 с.
19. Стилистика украинского языка: Учебник для студ. филол. спец. высших учеб. закл. / Под общ. ред. Л. И. Мацко. – К.: Высшая шк., 2005. – 461 с.
20. Фразеологический словарь украинского языка. / Сост. В. М. Белоноженко и др. – К.: Наук. думка, 1999. – 984 с.
21. 300 лучших украинских песен. – К.: Изд-во “ВЕК”; типография В. П. Бондаренка и П. Ф. Гнездовского, 1914. – 240 с.

Section 9. Philosophy

*Zdorovenko Viktor Vasil'evich,
department of philosophy
the name of professor Valeryi Grigor'evich Scotnyi
of Drogobych state pedagogical university
the name of Ivan Franko, professor
E-mail: innovationvz@drogobych.com*

The problems of education in contemporary art practice

Abstract: It is shown that the artistic development of the fundamental problems of human social activity is very interested in the problems of education. The experience of Western and Soviet art in the image of different types of schools as "genetic matrix", created their own culture, in which teachers recreate the cumulative experience of generations.

Keywords: education, art, conflict, liberalism, creation, school type, the trivialization, the character of culture.

*Здоровенко Виктор Васильевич,
кафедра философии имени профессора Валерия Григорьевича Скотного
Дрогобычского государственного педагогического
университета имени Ивана Франко, профессор
E-mail: innovationvz@drogobych.com*

О проблемах образования в современной художественной практике

Аннотация: Показано, что художественное освоение фундаментальных проблем социальной деятельности человека проявляет большой интерес к проблемам образования. Анализируется опыт западного и советского искусства в изображении разных типов школы как «генетической матрицы», созданной своей культурой, по которой учителя воссоздают совокупный опыт поколений.

Ключевые слова: воспитание, искусство, конфликт, либерализм, образование, творчество, тип школы, тривиализация, характер культуры.

Актуальность анализа особенностей состояния и функционирования современного образования обусловлена необходимостью объяснения совокупности причин, по которым все более масштабными становятся стереопизация и тривиализация, господство «мозаичного», разорванного характера ценностных ориентаций, вытеснение духовно-личностного начала в стиле жизни молодежи механически-потребительскими. Ввиду того, что эти явления не только тормозят создание новых знаний, новизну образов и впечатлений у многомиллионной аудитории учеников, но и порождают кризис идентичности, а также утрату молодым поколением Общей Идеи, Общего Дела, которые только и могут вдохновлять жизнеспособное общество, становится понятным значение анализа трансформационных процессов в современном образовании. Искусство наших дней активно способствует познанию природы этих процессов, исследуя их художественными средствами в резонансе с главными векторами самого исторического процесса. Это в значительной мере позволяет определить

истинное состояние общества и человека в потоке жизни, прояснить достижения и проблемы в системе образования как социального института, а также обусловленные его характером смыслы и цели.

Анализ последних исследований, ориентированных на осмысление процессов трансформации образования свидетельствует о возрастании внимания к принципам, подходам в организации образования, типологии обучения, характеристики школы как «генетической матрицы» культуры. Среди работ, объединенных данной темой отметим исследования С. Г. Кара-Мурзы, которому принадлежит и определение школы как «генетической матрицы» культуры, и глубокий анализ природы двойственной системы образования, двойственных типов западной школьной практики.

Роль образования в цивилизационном воспитании молодежи исследуется Н. В. Скотной. Подобные исследования важны для характеристики такого состояния цивилизации, в котором личность теряет целостное видение

мира, а также те антропологические принципы мироотношения, которые были базовыми до разрыва между социальным и культурным циклами, обусловленного глобализационными процессами.

Сравнительный анализ общих принципов, подходов, моделей управления, ценностей, национальной специфики в организации разнообразных форм образования стран ЕС, предпринятый Т. И. Левченко, также представляет интерес для понимания общих тенденций в этой сфере. В равной степени как и исследования В. Г. Скотного о природе цивилизационных изменений, о базовых чертах цивилизационного кризиса, которые позволяют увидеть проблемы образования в более широком, мировоззренческом аспекте, нежели в социально-экономическом измерении проблем конкретного общества.

Целью статьи является характеристика возможностей художественного освоения современных проблем образования.

Образование, как ведущая форма социальной деятельности человека, непосредственно зависит от духовной жизни общества. Ведь образовательная деятельность — это метасистема, в которой базовыми составляющими являются информация и воспитание, а потому от решения вопросов чему учить и как учить «зависят содержание и методы всего обучения. Правила же воспитания выводятся из представлений о человеке и цели его существования. Вопросы чему учить и как учить, остаются бессмысленными пока не будет дан ответ на вопрос о том, зачем учиться. От ответа на этот вопрос зависят и задачи и принципы, и методы, и само содержание любой педагогической системы» [3, 254]. Ориентируясь на это методологическое определение в подходах к исследованию проблем образования в контексте новой (постсоветской) антропологической реальности, охарактеризуем художественное наследие, объединенное школьной тематикой.

Со второй половины XX в. западное и советское искусство сумело отразить различные типы школы как «генетической матрицы», созданные своей культурой, по которой учителя воспроизводили совокупный опыт поколений. Для дальнейшего анализа заявленной проблемы это замечание имеет существенное значение, поскольку именно «тип школы, выработанный той или иной культурой, является важным фактором формирования и воспроизводства цивилизации. Школа — механизм, который сохраняет и передает из поколения в поколение культурное наследие определенного общества. В то же время это идеологический механизм, который «воспроизводит человека» определенного общества» [1, 225].

Творческое наследие таких известных художников как С. Герасимов («Учитель»), С. Ростоцкий («Доживем до понедельника»), В. Меньшов («Розыгрыш»), Д. Асанова («Ключ без права передачи»), И. Добролюбов («Расписание на послезавтра»), Е. Ташков («Уроки французского»), Б. Фрумин («Дневник директора школы»), И. Фрэн («Это мы не проходили») опирался на нравственные задачи по

созданию образа школы такого типа, чтобы ее выпускник, сказав, как когда-то А. Пушкин: «В начале жизни школу помню я», — вложил в это воспоминание такой же просветленный смысл. Отталкиваясь именно от него, несколько поколений росло в уверенности, что в хорошей школе должно быть честно, светло, радостно, тяжело в учении. Поэтому приоритет отдавался воспитанию перед развлечениями, поскольку культуре учатся через поступок, действие, живое слово. Воспитание уважения к знанию и любознательности создало общее убеждение, что призвание школы — готовить к реалиям жизни: труду, испытаниям, мужеству. Ученик шел в школу развиваться, возвышаться, расти морально, умственно, физически. Чтобы расти, во-первых, нужен эталонный тип учителя, во-вторых, такой тип школы, который функционирует на основе принципов единого, целостного, общеобразовательного обучения.

Для упомянутых мастеров было принципиально важно ориентироваться на школу, которая стремилась быть единой потому, что именно при таком условии она была способна воспроизводить народ, а не определенные классы социума. Потому что такая школа, по справедливому замечанию С. Г. Кара-Мурзы, является инструментом сокращения и преодоления культурных различий между различными социальными группами, а не инструментом их углубления. Десятилетия опыта педагогической практики В. Сухомлинского и В. Шаталова доказали, что принцип единой, целостной школы — это действенная реальность. Дети менее культурно развитых семей, различные по индивидуальным способностям, были способны к усвоению общей для определенной культуры школьной программы высокого качества. Типовая программа никоим образом не нивелировала личные способности. Она привлекала учеников к овладению культурных основ своего общества, способствуя органическому приобщению к собственному народу.

Так утверждалось ощущение органического единства между элементом и целым. С. Г. Кара-Мурза метко заметил, что главная идея единой, целостной школы заключается в том, что существует общее «тело народа», дети которого, по определению, являются равными как дети одного общества. В школе такого типа они и воспитываются как те, кто говорит на языке одной культуры. Следствием общеобразовательного характера школы, в которой все без исключения ученики усваивали знания «университетского» типа, то есть знание целостное, опирающееся на принципы культуры и науки, было содействие развитию личности, самостоятельности, творчества ее мысли. Общим мотивом этих творческих работ есть желание показать, во-первых, такой характер школы, которая ориентирована на воспитание творческой личности, носителя целостной системы знания, а не «человека массы», во-вторых, что школа, которая базируется на принципах целостности и общеобразовательности, служит не столько для выполнения рабочих функций, сколько для жизни вообще. Жизнь всегда переключается на высшие регистры, если человек

получает образование, которое возвышает его до уровня смысложизненных вопросов.

Существенно отличный характер школы выявляет роман «Вверх по лестнице, ведущей вниз», принадлежащий перу американской писательницы Б. Кауфман, а также его одноименная экранизация, осуществленная режиссером Р. Маллиганом. Особенность муниципальной школы «Келвин Кулидж Хай Скул» не столько в том, что она предназначена для обучения «трудных» детей, но прежде всего в том, что сам смысл ее образовательной технологии, свидетельствует об отсутствии в ориентированном на рынок обществе, идеи единого, целостного школьного образования.

В либеральной капиталистической действительности имеется радикальный разрыв между различными сетями школьного образования. Дискриминационный характер этой образовательной системы обусловлен принципиальной невозможностью для большинства детей из малоимущих слоев, подняться, после неполной профессиональной школы, на уровень полной средней школы, которая только и выполняет функцию социального лифта — открывает перспективы вхождения в высшую школу и карьерного продвижения к платежеспособному благополучию.

Парадоксально, но современная политика либерализма в сфере образования дискредитирует ценность гуманистических антропологических принципов мироотношения, что провоцирует кризис культурной идентичности и социальное потрясение на всем постсоветском пространстве.

Дискриминацией является и практика разграничения учащихся по возрастному цензу, который в случае неуспешного обучения, становится решающим для отказа в переводе в школу высшей ступени. Дискриминацией является и одна из основных в американской системе образования проблема неравенства образовательных возможностей, а именно — «сортировки» учащихся путем определения их якобы врожденных «интеллектуальных способностей». Это приводит к тому, что в разряд обреченных на перманентную неуспеваемость зачисляются дети, живущие в семьях с низким социальным статусом. Класс мис Бэррэтт из школы имени Келвина Кулиджа в этом смысле — квинтэссенция обозначенной проблемы. Ей придется работать не с учениками класса «СС» — способных старшеклассников, а с классом «ОО» — особенно отсталых.

Совокупность этих основных технологий организации образования в условиях рыночного общества и предопределяет крах идеалистических представлений молодой учительницы о смысле своей работы и о характере отношений учителя и учеников в школе. Сущность знаменитого названия этого социально острого романа и фильма глубоко метафорическая, многослойная и, конечно, содержательно превосходит прямую норму регламентации поведения учащихся в школах США, в которых для предотвращения образования толпы во время перерывов, предписывалось одними лестницами пользоваться только для передвижения на верхние этажи, а по другим лестницам — на нижние. Поскольку, нарушители правил создавали заторы и опасную

для здоровья тесноту, их за это строго наказывали. Однако, в действительности, идти вверх по лестнице, которая ведет вниз — это метафора тщетных попыток двигаться к цели, если путь к ней выбран неправильно, если спутники оказываются не теми, кто способствует достижению цели, если средства достижения желаемого не верны, если изначально ошибся направлением восхождения, но все равно упорно продолжаешь свое шествие.

Таким образом, безотносительно от благих намерений честных и влюбленных в свое дело учителей, или их коллег, которым учительская специальность противопоказана, сам тип муниципальной «полусредней практической» школы, которую изобразили Бел Кауфман и Роберт Маллиган, «ни в коем случае не является “худшим” вариантом полной средней, как бы ее нижней ступенькой, с которой можно, осуществив усилия, сделать шаг к нормальной средней школе. Напротив, “полусредняя практическая” школа активно формирует подростка как личность, которая по определению несовместима со школой для элиты. Переход в этот коридор означает не просто усилия, а этап саморазрушения личности, которая сформировалась — разрушение и воспринятой системы знания и метода познания, и стереотипа поведения» [1, 254].

Эта проблема и сегодня не потеряла своей актуальности. К ней продолжают обращаться художники, пытаясь осмыслить в контексте современных социальных вызовов, мотивацию деятельности учителей, которые решаются добиться того, чтобы ученики увидели перед собой достойное будущее. Тщательное всматривание в сущность этих проблем заставляет авторов выявлять укорененность дискриминационных учебных практик в сущность самой действительности либерального рыночного общества. Это засвидетельствовано содержанием биографической книги учительницы Эрин Грувелл «Дневник свободных писателей», которая была написана по истории, произошедшей в Wilson Classical High School (Лонг-Бич), а также экранизацией этой книги американским режиссером Р. Лангравенеце в фильме «Писатели свободы» (Freedom Writers) в 2007 г. Проявление личного мужества учителя, который решается преодолеть многочисленные проблемы неравенства образовательных возможностей, положено в основу фильмов «Учителя» (Teachers) режиссера А. Хиллера (США, 1984), «Директор» (The Principal) режиссера К. Кейна (США, 1987), «Триумф: История Рона Кларка» (The Ron Clark Story) режиссера Р. Хейнса (США, Канада, 2006), «Учитель года» (School of Life) режиссера В. Диара (США, Канада, 2003), «Учитель на замену» (Detachment) режиссера Т. Кэй (США, 2011).

Система знаний, которая была в социалистической цивилизации, уже с начальных классов приобщала учеников к практике систематизированного изучения естественных и гуманитарных наук. Показательно, что учебные программы провинциальных школ ничем не отличались от столичных. Эта закономерность воспроизведена в повести В. Распутина «Уроки французского» и ее одноименной

экранизации режиссером Е. Ташковым. Уроки математики, языка и литературы, французского, как обязательного иностранного, обеспечивает квалифицированный учительский коллектив.

Даже распространение учебной специализации, которое наблюдается в этом обществе, также имело свою специфику, цель которой определяет воспитание навыков к самостоятельному научному мышлению. Образом такой модернизированной формы школы является кинофильм «Расписание на послезавтра», снятый белорусским режиссером И. Добролюбовым. Красноречивое название этого фильма-модели, как бы предлагает заглянуть в будущее современной школы, которая призвана выполнить свое сверхзадание — определить не только профессиональное будущее ее учеников, но и их духовную жизнь. Физико-математическая школа имени Л. Ландау — это ответ на вызов неимоверного ускорения темпо-ритма современности, в которой поток информации возрастает в геометрической прогрессии. Ответ, который революционизирует, переосмысливает традиционные методы обучения, делает ставку на исследовательские методы, которые активизируют мышление, самостоятельность и смелость мысли, качественно приумножают когнитивные способности, единство разума и эмоций, знаний и чувств. Это было эвристическое предвидение эпохи, в которой творения разума человека ценится больше, нежели нефть или товары конвейерного производства. Авторы сумели заглянуть в эпоху, где главным становится не индустриальное производство, а «человекостроение».

Существенной проблемой этого процесса становится фетишизация, актуальной в эпоху научной революции, специальности теоретической, ядерной, биологической и химической физики. Престижность сенсационных исследований в этой области создает атмосферу самовлюбленности у молодых энтузиастов, которые одержимы мечтой приобщения к легендарной когорте интеллектуалов, чья деятельность вознесла профессию физика на невиданную доселе высоту.

Действенным противодействием интеллектуальному снобизму учеников 10-го «А» оказывается драматургия метода новой учительницы литературы Антонины Сергеевны, которая системно ломает предрассудки и стереотипы адептов точных дисциплин, провоцируя интерес к интеллектуальному и эмоциональному богатству мысли, чувств, переживаний, конденсированные творчеством Есенина, Маяковского, Ахматовой, Толстого. Смысл и красота художественного слова включается в систему ценностей функционально ориентированных учащихся тактичным, но твердым управлением разнообразной информацией (тексты, факультативы, видео, звук, фото), благодаря которой поток образов, звуков, идей и знаний постепенно превращается в целостную, глубоко личностную картину мира. В ней бескорыстное творческое наслаждение изучением физики, которое составляет смысл существования учеников спецшколы имени Л. Ландау, делает возможным

одухотворение собственного развития. Символично выглядит финал фильма, в котором вестибюль школы, украшенный портретами Ландау, Эйнштейна, Дирака, Галуа, дополняют портреты Чехова, Достоевского.

Обратим внимание на то, что уникальность жизненного пространства спецшколы, в котором разворачивается действие сюжета, (современная архитектура интерьера и экстерьера, зимний бассейн, оборудованная современными технологиями физическая лаборатория, а также учительский корпус высшей квалификации) — вся эта совокупность факторов определяет не закрытый, элитарный характер обучения, который призван воспитывать элиту общества, объединенную корпоративным духом избранности. Наоборот, это общедоступная школа, критерием поступления в которую была не платежеспособность ученика, а только степень его личной одаренности. Качественную особенность педагогики этой школы определяли решительное преодоление односторонности ума, соблазнов превосходства, а также обучение доброте и красоте человеческого духа.

Как отмечает Н. В. Скотная, двойственный характер школьного образования в буржуазном обществе выявляет методика организации обучения, которая провоцирует качественное разграничение молодежи на лидеров и аутсайдеров в социальной структуре современного общества, ориентированного на рынок конкурентного наемного труда [4, 340]. Для нас здесь важен вывод о том, что в зависимости от того, какие ценности предлагают воспитание и обучение, определяются цель и содержание образования.

Анализ содержания методики школьной практики, совершенный французскими социологами образования К. Бодло и Р. Естабль, также доказывает, что существенными различиями в способах овладения знаниями является, во-первых, наличие систематического и абстрактного изложения естественных наук в «полной средней» школе, «в соответствии с научной классификацией минерального, растительного и животного мира, размещение каждого объекта в соответствующую нишу, а в сети “неполной практической” школы естественные науки излагаются с помощью эмпирического наблюдения за окружающей средой. Систематизация здесь даже рассматривается как нежелательный и опасный подход» [1, 253]. Во-вторых, гуманитарный блок знаний также используется для отлучения массы детей малоимущих слоев от целостного, системного знания, то есть от университетского способа организации образования. «Дети буржуазии изучают словесность, основой которой является “латинская” модель, — они получают классическое образование. Это образование не только не является продолжением орфографии и грамматики начальной школы, она означает полный разрыв с начальной школой, представляет его как “обучение без продолжения”, как особый культурный субпродукт.

Что изучают в средней школе? Те произведения великих французских писателей, в которых поднимаются вечные проблемы человека, где бушуют страсти, психологические

и социальные конфликты, трагедии и противоречия жизни. По этим шедеврам ученики пишут сочинения (диссертации), которые оцениваются в зависимости от глубины мысли юноши, поэтики его субъективного восприятия, способности к диалектическому мышлению. Здесь не обращают внимание на грамматические ошибки.

Что же изучают их сверстники в “неполной” школе? Вроде ту же литературу и тех же писателей — но только те отрывки, где описываются сцены сельской природы и практически отсутствует человек, за исключением стереотипной бабушки, путника, который присел отдохнуть или безличного лирического героя <...> По этим отрывками ученики пишут диктанты и изложения. Они оцениваются по точности передачи текста и количества ошибок — сам язык становится ловушкой и гарантирует массовую неуспеваемость» [1, 256]. Сравнительный анализ общих принципов, подходов, моделей управления, ценностей, национальной специфики в организации среднего, профессионального и высшего образования стран ЕС, совершенный Т. И. Левченко, также представляет интерес для понимания общих тенденций в этой сфере. В частности, отмечается, что за последние 20 лет во многих государствах ЕС наблюдается не только вытеснение общего образования узкопрофессиональным, но и направленность реформ на нужды производства и интересов рынка, а «не на совершенствование программ обучения, на улучшение качества профессиональных знаний, умений, навыков и отношений <...>, на повышение гибкости системы образования» [2, 52–53].

Талантливое художественное воплощение этого образовательного мейнстрима олицетворяет снятый в 1989 г. фильм австралийского режиссера Питера Уира «Общество мертвых поэтов» (Dead Poets Society). Весь пафос сюжета, по которому учитель художественной литературы Джон Китинг вдохновляет учеников консервативного американского колледжа г. Велтон (Welton) из штата Вермонт (Vermont) на такое мироотношение, в котором приоритетное значение приобретает поиск собственного голоса в невыразительном хоре общества. Его вдохновенные лекции глубже программного объема изучения английской литературы и открывают удивительный и свободный мир поэзии, сосредотачивая внимание на осознании бесценности мимолетной жизни, каждое мгновение которой уникально.

Оказывается, что для карьеры будущих бизнесменов именно тактичное, оригинальное, с проявлением истинного уважения к личности каждого ученика, иногда даже экстравагантное, посвящение в тайны творческой лаборатории английской литературы обретает необыкновенное значение. Ведь так ученики учатся постигать глубинные смыслы классических произведений, поощряются к попыткам самостоятельного стихосложения, учатся смотреть на явления действительности с различных точек зрения, в контексте их внутренних противоречий, отстаивают свое мнение, не поддаются чуждому давлению на него. В конце концов, начинают осознать, чего они

хотят достичь в своей жизни.

«Латинскую» культуру как краеугольный камень, на котором точится лезвие мыслей и чувств будущей элиты буржуазной цивилизации, поэтизирует сюжет фильма «Императорский клуб» (The Emperor's Club) режиссера М. Хоффмана (США, 2002). Благодаря педагогическому таланту наставника и учителя истории Уильяма Хандерта, «латинская» культура «интегрирует школьников полной средней школы как доминирующий класс, дает им общий язык и огромный запас образов, метафор, моральных штампов и риторических приемов.

Овладение определенным лингвистическим наследием позволяет культурной элите выработать способ выражения, основывающийся на ссылках, на аллегориях, на морфологических и синтаксических намеках, на целом арсенале риторических фигур, для чего и нужны рудименты латыни и иностранных языков. Это дает не только поверхностные выгоды пышного эзотеризма. Господствующий класс нуждается в этом литературном корпусе для усиления своего идеологического единства, для распознавания друг друга, чтобы отличаться от подвластных классов и утверждать свое господство над ними. Быть буржуа — определяется знанием Расина и Малларме» [1, 256].

Настоящим диссонансом методики мобилизации интеллектуальных и духовных усилий учеников элитных школ является педагогика тривиализации, мозаичности, бессистемности знаний, которая не приучает учеников к овладению когнитивным арсеналом культуры мысли, а только наполняет их псевдоконкретными знаниями в пределах определенной компетенции. Эту особенность методики обучения в школе, которая занимается фабрикацией субъектов, ярко воплощает ряд талантливых фильмов, родословную которых можно выводить от работы английского режиссера Джеймса Славелла «Учителю с любовью» (To Sir with Love). Весьма показательно, что директор школы при первом знакомстве с выпускником университета, который не найдя работы по специальности, соглашается на должность учителя в школе для трудных подростков, акцентирует его внимание на отсутствии здесь какой-либо методической системы обучения.

Таким образом, главная задача учителя этого типа школы — суметь занять собранных здесь до конца учебного года учеников, от которых отказались в других школах, наиболее экономным и приятным для учащихся образом. Невероятное самообладание, сила воли и мудрая доброта помогают учителю не только выдержать многочисленные провокации учеников, но и завоевать их расположение и симпатию. Хотя для этого ему приходится в одном лице совмещать преподавание географии, математики, литературы, физкультуры. А также подменять изложение учебного материала многочисленными дискуссиями на произвольные темы обо всем, что интересует подростков. Даже учить готовить салаты во время уроков.

То, что подобный «активный метод» обучения превратился в неотъемлемую составляющую школы для массы, свидетельствуют работы современных мастеров ис-

куства. Это, в частности, «Класс – 1984» (Class of 1984) и «Класс – 1999: Новый учитель» (Class of 1999) режиссера Марка Лестера (Канада, 1982, 1990), «Замена» (The Substitute) режиссера Г. Менделя (США, 1996), «Опасные мысли» (Dangerous Minds) режиссера Джона Н. Смита (США, 1995), «Последний урок» (La journée de la jupe) режиссера Жан-Поля Лилиенфельда (Франция, Бельгия, 2008), «Учитель на замену» (Detachment) режиссера Т. Кея (США, 2011). Все они исследуют метаморфозы учебной практики, не нацеленной на подготовку к реальной жизни, поскольку не предполагают усвоение учащимися тех целостных знаний, которые способствуют освоению сущности внутренних противоречий, присущих конкретно-историческим жизненным коллизиям.

Обобщение изложенного материала позволяет сделать вывод о том, что осмысление причин проявления

аксиологического кризиса, обусловленного качественным изменением антропологических принципов мироотношения, мотивирует художников на поиск таких духовно-метафизических оснований жизнеустройства, которые способны совершить разработку ценностных моделей для реализации образованием его витальной функции. Такая постановка проблемы предполагает движение авторов от исследования индивидуальности, к универсальной проблеме Человека.

Перспективными в исследовании трансформационных процессов в современном образовании средствами искусства могут быть его характеристики как такого социального института, смыслом и целью существования которого является обеспечение преемственности культуры духа между поколениями.

Список литературы:

1. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. / С. Г. Кара-Мурза. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. – 832 с. (Серия «История России. Современный взгляд»).
2. Левченко Т. І. Європейська освіта: конвергенція та дивергенція: [Монографія] / Т. І. Левченко. – Вінниця: «Нова книга», 2007. – 656 с.
3. Скотний В. Г. Рациональне та ірраціональне в науці й освіті. / В. Г. Скотний. – Київ-Дрогобич: Коло, 2003. – 288 с.
4. Скотна Н. В. Особа в розколотій цивілізації: освіта, світогляд, дії. / Н. В. Скотна. – Львів: Українські технології, 2005. – 384 с.

*Kokhanevych Oksana Viktorivna,
Osteuropäische Nationale Lessja Ukrainka Universität,
Aspirantin, Institut für Sozialwissenschaften
E-mail: oksana.kokhanievich@mail.ru*

Ontologie der televirtuellen Realität

Abstrakt: Der Artikel ist der Konzeption des ontologischen Status der televirtuellen Realität gewidmet. Es sind die Begriffe «des Simulakrums» und «der Hyperrealität» wie die Phänomene der Ontologie der televirtuellen Realität analysiert.

Stichwörter: die Televirtualität, die Ontologie, die Hyperrealität, die Realität, die Simulation, das Dasein.

*Коханевич Оксана Викторовна,
Восточноевропейский национальный университет
имени Леси Украинки, аспирантка, Институт социальных наук
E-mail: oksana.kokhanievich@mail.ru*

Онтология телевиртуальной реальности

Аннотация: Статья посвящена концепции онтологического статуса телевиртуальной реальности. Проанализированы понятия «симулякр» и «гиперреальность» как феномены онтологии телевиртуальной реальности.

Ключевые слова: телевиртуальность, онтология, гиперреальность, реальность, симуляция, бытие.

Ранневизантийский философ Василий Великий еще в IV веке в своей натурфилософской работе «Шестоднев» утверждал, что одна реальность может воспроизводить вторую, законы существования которой не будут сводиться

к законам бытия порождающей ее действительности. Ныне телевиртуальность — новая форма отражения внешнего мира, которая начинается там, где Подобие прекращает свое существование, а симулякр обретает виртуальное бытие.

В философско-культурологическом исследовании онтологический аспект виртуальной реальности в своих трудах рассматривают Жиль Делёз, Славой Жижек, Надежда Маньковская, Николай Носов, Сергей Хоружий и др. Современная русская исследовательница Екатерина Прилукова утверждает, что телевиртуальность — гомоморфное отражение эмпирической реальности, которое лишено темпоральной и континуальной длительности.

Цель статьи — философско-культурологический анализ онтологии телевиртуальной реальности.

В последние десятилетия XXI в. благодаря развитию телевизионных технологий появилась новая форма бытия — телевиртуальность. Современная философия обосновывает ее существование в научном знании и выделяет как философскую категорию, которая конкретизирует бытие человека и общества XX – начала XXI столетия. Украинская исследовательница Анна Чмиль утверждает, что этот новый тип реальности олицетворяет телевизионную деятельность, которая существует независимо от сознания человека и выступает структурным компонентом его бытия. Она — результат преобразования бытия в небытие, замена одного типа существования вторым. По мнению современной исследовательницы, «телевиртуальность — часть реальности, которая тождественна симулякру и не сводится к внешней действительности или отдельному ее фрагменту» [8, 190–191]. Это новый вид бытия, где сущее есть симулякр, производящий посредством характерного для него «эффекта вложенных матрешек» различные онтологические копии действительного мира.

По мнению известного словенского философа и культуролога Славоя Жижека, телевиртуальная реальность представляет часть действительности, которая лишена собственной субстанции. Исследователь указывает: «Точно так же, как кофе без кофеина обладает запахом и вкусом кофе, но им не является, так виртуальная реальность переживается как настоящая, не будучи таковой» [7, 16]. Она, несмотря на свой статус порожденности, представляет онтологически равноправную форму отражения внешней действительности. Сегодня телевиртуальное Подобие — единственная дефиниция настоящего реального.

Ныне, как утверждает французский философ-постструктуралист Жиль Делёз, мы больше не способны определить искусственную природу телевиртуальности за характером ее отношения к настоящей модели Того же Самого действительного мира, из которой и выводится качество подобия всех ее копий. Подобие здесь возникает как внешний результат симулякра. Исследователь указывает: «Оно становится ушедшей во внутрь разницей, где идентичность Разного — изначальная власть Того же Самого, а сходное — лишь симуляционная сущность, выражающая функционирование симулякра» [5]. Современная телевиртуальность не предполагает Того же Самого и Подобного — наоборот, она конституирует только То же Самое того, что различно, и только сходное — сходное несоответствующего. Она представляет второстепенный образ

действительности, ее своеобразный онтологический субгоризонт, недо-род бытия, где То же Самое и Подобное: «всегда одновременно больше или меньше, но некогда не равенство» [5].

В телевиртуальной реальности, как считает Жиль Делёз, тщетной является попытка воспользоваться моделью Другого, поскольку здесь не существует модели, которая могла бы противостоять головокружительности ее симуляции [5]. Находясь вдалеке от своего основания, она поглощает настоящую реальность, гарантируя всеобщий ее развал (*effondrement*), который несет в себе характеристики радостного и позитивного события, лишённого собственной субстанции. «За каждой пещерой, — утверждает исследователь, — еще более глубокая пещера — над всякою поверхностью более обширный, неведомый, богатый мир и пропасть за отдельным основанием» [5]. Современная телевиртуальная реальность представляет нам гигантские онтологические сферы, глубины и дистанции, с которыми мы не способны справиться, поскольку испытываем шокирующее впечатление от необозримого многоликого виртуального подобия мира, которое состоит из разнообразных симулякров.

Известный французский философ Жан Бодрийяр считает, если раньше феномен объективной реальности был тесно связан с репрезентативностью и указывал на то, что объект («вещь в себе» у Канта, «реальное» у Лакана) недоступен субъекту, то сегодня мы живем во вселенной, которая избегает репрезентации [2, 73]. В мире самореферентных знаков телевиртуальности нет никакой реальности. Здесь символические сущности отсылают к таким же символическим сущностям, а отражение истинной действительности сменяется ее извращением, маскировкой ее отсутствия, полной утратой какой-либо связи с настоящей реальностью. Происходит замена смысла образом отсутствующей действительности — симулякром («копией копии», ложным претендентом Подобия).

В телевиртуальной реальности модель — абстрактное определение, владеющее образом настоящей действительности, больше не представляет трансцендентальность или ее проекцию. Как указывает Жан Бодрийяр: «В нашем распоряжении уже нет никаких средств драматической репрезентации вещей. <...>. И отныне уже никто не в состоянии возвыситься над ним, ибо этот Универсум абсорбирует все, что ему трансцендентно, поглощает всякое свое отражение» [2, 74]. Современный телевиртуальный мир — вселенная, где нет горизонта, никакой горизонтальности, здесь все — артефакт. Изолированные объекты вне своего преференциального контекста, которые возведенные в чистые знаки и описывают отсутствие, пустоту.

В пространстве телевиртуальности, по мнению Жана Бодрийяра, понятие «виртуального» совпадает с понятием «гиперреальности» — абсолютно гомогенизированной, «цифровой» и «операциональной» действительности, которая силою своего совершенства, контролируемости и непротиворечивости заменяет все

иное. Части реальности, которая благодаря своей совершенной «завершенности» — более реальна, чем сама реальность [2, 20]. Французский исследователь пишет: «Мы имеем дело уже не со старым добрым философским виртуальным, которое стремится превратиться в актуальное и находится с ним в диалектических отношениях. Теперь виртуальное есть то, что идет на смену настоящему реальному и знаменует собой его окончательное разрушение, поскольку делает вселенную предельной реальностью» [2, 20]. У телевиртуальной действительности настоящее реальное — это нулевой уровень бытия виртуального, из которого исчезли весь шарм и смысл, вся глубина и энергия репрезентаций. Отныне оно испаряется, гибнет в гиперреализме телевиртуальности, в ее галлюциногенном сходстве с ним.

В современном виртуальном мире телевидения существующее образовано из разных измененных моделей и образов внешней действительности, которые способны воспроизводиться бесконечное количество раз. По мнению Жана Бодрийяра, в телевиртуальности настоящая реальность есть «то, что можно эквивалентно воспроизвести» в отличие от гиперреальности, которая — «то, что всегда уже воспроизведено» [4, 151]. Современная телевиртуальная реальность представляет собой бесконечный процесс симуляции настоящего «сада расходящихся тропок», где каждый порожденный симулякр конституирует серию

своих подобных копий.

Новый виртуальный мир телевидения существует как бытие частиц, сегментов, как реальность онтологически автономных фрагментов внешней действительности. Ныне, как утверждает Жан Бодрийяр: «Мы имеем дело с вселенной непосредственного соединения, склеивания вещей и их репрезентации, с универсумом, который погружает в визуальное, где каждый образ вовлекается в процесс образного становления мира, в котором все происходит исключительно в режиме *on-line*» [2, 75]. Современная телевиртуальность — сфера искусственно-технологического бытия, в которой действуют простая информативность, просчитываемость и исчислимость; сфера репрезентации мира, где нет ни объекта настоящей реальности, ни субъекта мысли, ни субъекта действия, а существует только симулякр.

Телевиртуальность — новый вид реальности, конституируемый симулякрами. В процессе современного преобразования бытия в небытие, замены одного типа существования иным она выступает онтологически равноправной формой репрезентации настоящего, воспроизводя множество симулятивных копий с модели внешнего мира, в которых визуальные знаковые сущности отсылают к таким же знаковым сущностям, и где за их отражением скрывается полное отсутствие действительности. Это форма имманентной антиципации настоящей реальности, где подобие — лишь второстепенный образ внешней действительности.

Список литературы:

1. Бодрийяр Ж. Соблазн./Пер. с фр. А. Гараджи. — Москва: Ad Marginem, 2000. — 317 с.
2. Бодрийяр Ж. Пароли. От фрагмента к фрагменту./Пер. с фр. Н. Суслова. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006. — 200 с.
3. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция./Пер. с фр. А. Печенкина. — Тула: Тульский полиграфист, 2013. — 204 с.
4. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть./Пер. с фр. С. Н. Зенкина. — М.: Добросвет, 2000. — 387 с.
5. Делёз Ж. Платон и симулякр.//[Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.philosophy.ru/library>.
6. Гонгало Е. Ф. Концепция виртуальной реальности в творчестве Ж. Бодрийяра.//Философия и социальные науки. — 2010. — № 4. — С. 57– 62.
7. Жижек С. Добро пожаловать в пустыню Реального.//Пер. с англ. А. Смирного. — М.: Фонд «Прагматика культуры», 2002. — 160 с.
8. Чміль Г. П. Екранна культура: плюральність проявів. — Х.: Крук, 2003. — 336 с.

Seregin Alexander Vasilevich,
Ufa Institute (branch) Plekhanov Russian University of Economics,
Assistant Professor of «Humanities» department
Volkova Angelina Sergeevna,
Assistant of the department «Economics and Management
at the enterprises of trade and catering»
E-mail: angelinavolkova123@mail.ru

The social and humanitarian aspects of the advertising service businesses

Abstract: The article deals with social and humanitarian aspects of the advertising service businesses. Brief analyzes the development of the social and humanitarian aspects of advertising. It is a fundamental aspect in the development of the advertising service businesses.

Keywords: advertisement, advertising, retail, social and humanitarian aspects.

*Серегин Александр Васильевич,
Уфимский институт (филиал) Российского
экономического университета имени Г.В. Плеханова,
Кандидат философских наук, доцент кафедры
«Гуманитарные дисциплины»*

*Волкова Ангелина Сергеевна,
Ассистент кафедры «Экономика и управление
на предприятиях торговли и общественного питания»
E-mail: angelinavolkova123@mail.ru*

Социально-гуманитарные аспекты рекламы предприятий сферы услуг

Аннотация: В статье рассмотрены социально-гуманитарные аспекты рекламы предприятий сферы услуг. Кратко проанализировано развитие социально-гуманитарных аспектов рекламной деятельности. Сделан основной аспект на развитие рекламы предприятий сферы услуг.

Ключевые слова: реклама, рекламная деятельность, предприятия торговли, социально-гуманитарные аспекты.

В последнее время рекламная деятельность охватывает, практически, все области социальной жизни, в частности, рекламу предприятий сферы услуг. В данном контексте четко прослеживаются такие ее отрасли, как торговая, политическая, имиджевая, религиозная, социальная и другие виды рекламы [1; 3].

Таким образом, основной целью данного краткого исследования является рекламная деятельность, которая занимается рекламой предприятий торговли, туризма и сферой финансовых услуг.

Следует сразу заметить то, что еще в период античности появляется такая информация, которая была предназначена конкретным группам людей. Таким образом, данный фактор позволяет определить это направление коммуникаций как промо-рекламу [2, 8].

Однако, в эпоху Средних веков, силы человеческие были внутренне и духовно сосредоточены, но не были достаточно внешне проявлены [3, 100], что позволяет констатировать медленное, но все-таки развитие рекламной деятельности в обозначенный период. Впрочем, все резко изменилось в эпоху индустриализма, ибо «индустриализм — нечто большее, чем дымящиеся трубы и поточные линии, это богатая многосторонняя социальная система, касающаяся любого аспекта человеческой жизни» [4, 53], чему в немалой степени способствовало развитие рекламной деятельности.

В свою очередь, период индустриализма породил процесс глобализации, когда «две части экономики — мир корпораций, быстро развивающийся в техническом отношении, обладающий огромными капиталами и сложной организационной структурой, с одной стороны, и сфера деятельности тысяч мелких традиционных собственников — с другой стороны» [5, 27] и составляет сложность

познания данного процесса. Но не данный фактор определяет смысл рассмотренного процесса, а то, что «европейцу стал понятен американский образ жизни, прежде для него темный и загадочный» [6, 29].

Таким образом, рекламная деятельность стала носить глобальный характер.

Необходимо отметить, что развитие отечественной рекламы проходило несколько иным путем, потому, что нравственное, психологическое воздействие самого общества, его отрицательное и недоверчивое отношение ко всякому нескромному, наглому, соблазнительному выкрикиванию значительно сильнее в России, чем где бы то ни было [7, 280], чем можно объяснить данный феномен запоздалого развития отечественной рекламной деятельности. Однако, несмотря на указанный феномен развитие отечественной рекламной деятельности уже, практически, приблизилось к мировым стандартам, благодаря «развитию современных общественно-экономических отношений на данный момент трудно себе представить без рекламной деятельности, ибо она достаточно прочно укоренилась в обыденном массовом сознании» [8, 103].

Таким образом, можно констатировать тот факт, что на данный момент «торгово-розничная реклама, используемая продавцами с целью продажи товаров или услуг напрямую потребителям, оценивается как половина всех расходов на рекламу» [9, 655].

Однако в финансовой рекламе действуют несколько иные законы, чем в рекламе торговли, ибо финансовый рынок рассчитан на ожидания получения прибыли, а не получение прибыли, как в торговле. Следовательно, для финансовых предприятий в большей степени характерен PR, а не рекламная деятельность. Отсюда, PR в отношении финансовых предприятий можно свести к выполнению четырех прин-

ципов. Поэтому «банк сам рекламирует новые виды услуг; о банке говорят должностные лица; деятельность банка отражается в рейтингах; вокруг банка и его должностных лиц постоянно возникают всякого рода скандалы» [10, 108–109].

В отношении предприятий туризма следует констатировать то, что «туристическая реклама несет информацию, которая представлена в сжатой и художественной форме, ибо она должна довести до сознания потребителей наиболее важные сведения о продуктах

туристической индустрии» [11, 6]. Отсюда «в настоящее время начинает укореняться мнение о том, что развитие сферы услуг, прежде всего внутреннего туризма, играет все большее значение» [12, 254], хотя проблем здесь не меньше, чем в любой другой отрасли рекламной деятельности.

Следовательно, не смотря на всю дискуссионность изложенного материала, думается, он может представлять интерес для исследователей обозначенной проблематики.

Список литературы:

1. Шуванов В. И. Психология рекламы. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
2. Роман Е. В. Реклама. – СПб.: Питер, 2002.
3. Бердяев Н. А. Смысл истории. – М.: Мысль, 1990.
4. Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 2004.
5. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. – М.: АСТ, 2004.
6. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2004.
7. Ученова В. В., Старых Н. В. История рекламы. – СПб.: Питер, 2002.
8. Серегин А. В. Влияние социально-информационных аспектов рекламной деятельности на современное общественно-экономическое развитие. // Проблемы и перспективы социально-экономического реформирования современного государства и общества. Материалы международной научно-практической конференции. – М.: Спецкнига, 2014.
9. Уэллс У., Бернет Дж., Морнати С. Реклама: принципы и практика. – СПб.: Питер, 2001.
10. Почепцов Г. Г. Паблик релейшнс. – М.: Центр, 2004.
11. Волкова А. С. Проблемы развития рекламы туризма в Республике Башкортостан. // Национальные традиции в развитии торговли, экономики и культуры. Материалы студенческой научно-практической конференции. – Уфа: УИ (ф) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2013.
12. Серегин А. В. Социально-гуманитарные аспекты развития рекламы туризма в Республике Башкортостан. // Россия и Европа: связь культуры и экономики. Материалы международной научно-практической конференции. – Прага: World Press, 2014.

Section 10. Economics and management

*Kravets Alexandr Vitalyevich,
Novosibirsk State University of Economics and Management,
Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor Economics and Business
E-mail: apt-words@mail.ru*

Problems and prospects of the Russian economy in conditions of global economic crisis

Abstract: The article discusses the impact of the economic crisis and Western sanctions against Russia on the country's economy, you are revealed-economic problems that Russia will face in the near future.

Keywords: economic crisis, factors commodity markets-ki, inflation, wealth, loans, credits, financial sector.

*Кравец Александр Витальевич,
Новосибирский государственный университет экономики и управления,
кандидат социологических наук, доцент кафедры
экономики и предпринимательства
E-mail: apt-words@mail.ru*

Проблемы и перспективы Российской экономики в условиях мирового экономического кризиса

Аннотация: В статье рассматривается влияние экономического кризиса и санкций запада в отношении России на экономику страны, выявлены экономические проблемы, с которыми Россия столкнется в ближайшем будущем.

Ключевые слова: экономический кризис, факторы, сырьевые рынки, инфляция, благосостояние, займы, кредиты, финансовый сектор.

В настоящее время российская экономика находится в сложном положении. Ухудшились условия внешней торговли, геополитическая обстановка в мире и сохраняются санкции развитых западных стран.

В результате этого отмечается сокращение внутреннего спроса и спад потребления товаров краткосрочного и долгосрочного пользования. Если учитывать снижение реальных зарплат и доходов домохозяйств (в том числе и по причине падения курса национальной валюты по отношению к евро и доллару), по всей вероятности, эта тенденция будет сохраняться.

Наиболее вероятный размер потерь в 2015 году, которые обусловлены ухудшением условий внешней торговли, может достичь –6,9%, в результате чего совокупное сокращение реального валового внутреннего дохода может составить 10,7% [1, 11–12].

Высокая волатильность доходов — типичная картина для стран-экспортеров нефти, и это может создать дополнительные сложности для управления экономической системой в целом — особенно если произойдет более

значительное снижение темпов экономического роста в долгосрочной перспективе [7, 22–25]. Изменение реального валютного курса существенно снизило покупательную способность населения страны [5, 404–420].

Первые три месяца календарного года чистый экспорт начал расти из-за резкого снижения и данная тенденция наблюдалась и во втором квартале текущего года. Однако, рост чистого экспорта лишь частично компенсировал резкое сокращение ВВП. В I квартале 2015 года инвестиции резко сократились. Предприятия сокращали свои товарно-материальные запасы в условиях более слабого, чем ожидалось, потребительского спроса, а также неопределенности экономической политики, продолжающейся геополитической напряженности и международных санкций со стороны западных стран. Ужесточение условий кредитования и отказ банков принимать на себя риски также не способствовали улучшению условий для инвестиций [3, 42–48].

На финансовом рынке продолжился процесс консолидации, при этом на фоне приостановления этапа смягчения денежно-кредитной политики не произошло заметного

снижения процентных ставок (ставка рефинансирования Центрального банка РФ в настоящее время высока и не способствует инвестиционной активности и политике импортозамещения). Согласно предварительным оценкам, во II квартале темп сокращения инвестиций ускорился, в том числе и по причине падения инвестиционной привлекательности большинства субъектов страны [1, 14–16].

Несмотря на то, что государственные инвестиции со стороны государства в целом растут, это не может компенсировать существенный спад частных инвестиций в связи с неопределенностью экономической ситуации как в стране так и в целом в мировой экономике. На наш взгляд причиной этому является сложная ситуация на Ближнем Востоке [6, 421–437].

Ситуацию в экономике осложняет также снижение цен на энергоносители, которое началось в первом полугодии 2015 года. В конце августа цены упали почти до 40 долларов за баррель и в настоящее время цена колеблется от 48 до 52 долларов за баррель. Ситуация на мировом рынке нефти существенно осложняет ситуацию с Федеральным бюджетом (снижение доходной части бюджета от падения цен на нефть) [2, 158–164].

Перспективы экономического роста на 2015–2016 годы негативны. Вероятно, когда в 2015 году в полной мере проявятся последствия двух шоков, в России наступит рецессия. В базовом сценарии Всемирного банка прогнозируется спад экономики на 3,8 % в 2015 году и небольшое снижение на 0,3 % в 2016 году. Представленный диапазон темпов экономического роста опирается на два альтернативных сценария, которые отражают влияние различных цен на нефть на основные макроэкономические параметры [1, 158–164].

Главным риском, угрожающим среднесрочному прогнозу экономического роста России, является сохранение низкого уровня инвестиций. Низкий инвестиционный спрос свидетельствует о более глубоких структурных проблемах российской экономики и уже заложил основу для новой эпохи низких потенциальных темпов роста экономики. В настоящее время в условиях высоких процентных ставок российские банки испытывают давление по мере роста стоимости финансирования, снижения темпов роста кредитования и роста дефолтов по кредитам. В результате может возникнуть порочный круг в виде дефицита кредитных ресурсов для финансирования проектов на фоне замедления экономики и повышения процентных ставок по кредитам. При этом существуют и другие, более фундаментальные факторы, которые могут ограничивать инвестиционный спрос. Неопределенность, связанная с геополитической напряженностью и санкциями, все еще препятствует инвестиционной активности; по всей вероятности, потребуется еще какое-то время, чтобы восстановить доверие инвесторов [3, 49–52].

Воздействие санкций, скорее всего, будет сохраняться в течение длительного времени. Как показывает международный опыт, санкции вполне могут привести к

изменению структуры российской экономики и каналов интеграции России в мировое пространство. Уже налицо ранние признаки изменений, а именно, переориентация России на новых торговых партнеров и на рынки, отличные от Европы и стран Запада, а также усилия по обеспечению более тесной интеграции со странами Восточной Азии, Латинской Америки и странами бывшего Советского Союза. Помимо этого, может усилиться протекционизм и присутствие государства в экономике. Однако независимо от того, какой будет новая экономическая эпоха в России, необходимо будет научиться управлять рискам, связанными с низкими ценами на нефть и экономическими санкциями. Несмотря на более избирательный путь интеграции в мировую экономику, Россия по-прежнему будет зависеть от экспорта своих природных ресурсов. В этой связи будет важно добиться прогресса в освоении технологий добычи нефти и газа на труднодоступных месторождениях. Если в условиях ограничения доступа к внешнему финансированию в качестве ответной меры доходы от реализации сырьевых ресурсов не будут эффективно инвестироваться для повышения потенциала роста, то дальнейший рост производительности может быть ограничен. Сокращение прямых иностранных инвестиций может привести к ограничению передачи инновационных разработок и технологий, столь важных для повышения потенциала экономического роста России. Достижение цели повышения всеобщего благосостояния находится под угрозой. За последнее десятилетие в России произошло значительное сокращение уровня бедности, что позволило многим стать частью среднего класса. Уровень бедности, рассчитанный по методологии Всемирного Банка, сократился примерно с 40 % от общей численности населения в 2001 году до 10 % в 2010 году, а численность среднего класса за 10 лет удвоилась с 30 % от общей численности населения до более чем 60 %. Однако, в базовом сценарии Всемирного банка прогнозируется рост уровня бедности по методологии Росстата с 10,8 % в 2013 году до 14,2 % в 2015 и в 2016 годах.

Рост уровня бедности ожидается вследствие снижения располагаемых доходов и потребления. Это станет первым существенным повышением уровня бедности за период после кризиса 1998–1999 годов. Уровень бедности не повышался в течение кризиса 2008–2009 годов, благодаря некоторому росту располагаемых доходов [4, 49–52].

Однако ввиду текущего ограничения бюджетных ресурсов в 2015–2016 годах, дополнительная поддержка бедного и уязвимого населения, вероятно, будет менее существенной, чем в 2008–2009 годах. Несмотря на то что население в нижней части распределения по доходом, очевидно, находится в наиболее уязвимом положении, в целом в 2015–2016 годах будет меньше возможностей для роста всеобщего благосостояния, при этом существует вероятность отрицательной динамики данного показателя [8, 22–28].

Список литературы:

1. Доклад Всемирного банка об экономике России (№ 34 сентябрь 2015 года)./[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.worldbank.org/eca/russian/>.
2. Кашин А. В., Никульшина А. А. Сетевые предприятия общественного питания и их конкурентоспособность.//Российское предпринимательство. – 2011. – № 1–2. – С. 158–164.
3. Мамонов В. И., Плеслов А. А. Креативный подход к развитию малого бизнеса.//Экономика и современный менеджмент: теория и практика. – 2015. – № 48–1. – С. 42–48.
4. Мамонов В. И., Полуэктов В. А. Некоторые аспекты быстро реагирующего производства.//Сибирская финансовая школа. – 2014. – № 5 (106). – С. 49–52.
5. Кравец А. В. Технология управления процессом социальной адаптации курсантов в военных вузах как решение проблемы социальной дезадаптации обучаемых [Текст]/Наука и образование: современные тренды. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. – № 2 (8). – С. 404–420.
6. Кравец А. В., Карицкая И. М. Социальная адаптация курсантов (на примере Новосибирского военного института внутренних войск) и ее последующая динамика при прохождении службы в войсках [Текст]/Наука и образование: современные тренды. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2015. – № 2 (8). – С. 421–437.
7. Федорович В. О., Конципко Н. В. Аналитический обзор современной системы ипотечного кредитования в России.//Проблемы учета и финансов. – 2012. – № 4 (8). – С. 22–25.
8. Федорович В. О., Федорович Т. В., Конципко Н. В. Аналитический инструментарий финансового менеджмента в условиях реструктуризации промышленных корпораций.//Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 2 (305). – С. 22–28.

*Lastovetska Roksolana Orestivna,
Ivan Franko National University of Lviv,
postgraduate student, the Faculty of International Relations
E-mail: lastovetska_roksolana@ukr.net*

The impact of remittances outflows on the economy of Poland

Abstract: The impact of remittances outflows on the economy of Poland is analyzed in the article. Based on historical data the vector autoregression model (VAR) was built to examine the effects of the sharp rise in the volume of remittances outflows. The model results are presented for the next macroeconomic indicators: GDP, inflation, interest rate and exchange rate.

Keywords: migration, remittances, vector autoregression model (VAR), gross domestic product, inflation, interest rates, real effective exchange rate.

As most countries with transition economies Poland has a negative value of net migration [1]. This allows us to classify it as a standard migrant sending country. However, in terms of global perspective Poland is moving from the traditional donor country to the country of immigration, where despite the consistently high level of emigration there also exists the increase of immigrant workers. In our paper, we first attempt to explore the effects of immigration particularly the impact of remittances outflows on the economy of Poland, considering it not as a donor but as a migrant recipient country.

Accession to the EU intensified the emigration of Poles to other European countries. However, after intensive movements in 2004–2007 the level of emigration in Poland decreased significantly [2]. EU membership and significant flows of foreign investments allowed Poland to intensify not only the return of their own citizens, but also to attract a large number of workers from other countries. In 2013 Ukraine, Germany, Belarus, Lithuania and Russia were top donors of labor force to Poland [1].

In 2013, remittances inflows in Poland amounted to PLN 22 billion, while remittances outflows only reached the point of PLN 5.4 billion [2]. Nevertheless, if to calculate remittances outflows to inflows ratio, one could argue about the existence of a growing trend, indicating the importance of remittances outflows for the economy. Although Poland is not considered as a major immigrant center in Europe, this is an interesting choice of the country for conducting the research. In this paper we are going to investigate the impact of remittances outflows on the economy of EU member, which has been demonstrating consistently high levels of economic growth.

Based on the works of V. Corbo, J. Tessaga [3, 40–44] and W. Charemza, S. Makarova, Y. Prytula, J. Raskina, Y. Vymytnina [4] we build an empirical model. In this investigation we try to cover all the possible macroeconomic effects of the sharp growth in remittances outflows. To conduct our research we apply a non structural vector autoregression model (VAR-model). The model includes quarterly data from 2000 to 2014. The empirical database for the study includes data

from the IMF International Financial Statistics [5], Eurostat [6] and Central Statistical Office in Poland [2].

The dependent variable in our model is a nominal gross domestic product gap (GDP_GAP). Independent variables are the following: $LGDPW_GAP$ — world GDP gap, determined on the basis of EU; $LINV_GAP$ — investment gap, calculated as the sum of foreign direct and portfolio investment; $LREM_GAP$ — outflow remittances gap, calculated according to the BPM5 [7]; LR_GAP — money market rate gap; $LREER_GAP$ — real effective exchange rate gap (Index 2010 = 100 %); $LCPI_GAP$ — inflation gap, calculated as Consumer Price Index, CPI 2010 = 100 %.

In order to avoid the impact of seasonal factors on the results of our model, we conduct a seasonal adjustment of the data using Census X12 method. In case of remittances data we also smooth the values using Hodrick-Prescott filter ($\lambda = 15$). In our model, we do not take ordinary data logarithms but the deviation of variables from their equilibrium state. The equilibrium state is calculated by smoothing the time series using Hodrick-Prescott filter ($\lambda = 1600$). Final variables gaps are obtained as the difference between seasonally adjusted and smoothed time series.

Lag intervals ($l = 1; 2$) for the model are chosen according to the Schwarz information criterion. AR Roots table shows that our model satisfies the stability condition. Statistical

significance evaluation is based on the t-statistics values, Coefficient of determination value, Akaike information criterion and Schwarz information criterion.

Shock in a particular variable is transferred to all the other variables of the VAR-model due to its dynamic structure. Using impulse response option we try to show how the growth of one standard deviation in remittances outflows affects the dynamics of GDP, inflation, interest rate and real effective exchange rate over the next eight quarters, during the years of 2014–2016.

To simulate the impulse we use a Cholesky Decomposition Method. When using this option, the order of the variables in the model is crucial, since all components of the overall effect attribute to the variable that first enters the model. In our case, we explore the impact of remittances outflows on the economy of Poland. Obviously, the GDP, as a basic economic indicator, is first to respond to the impulse. We assume that GDP fluctuations affect the inflation rate, and through the interest rate fluctuations affect the real effective exchange rate. In our opinion this kind of Cholesky ordering is the most clear and realistic for the VAR-model.

Figure 1 shows the dynamic of GDP gap, inflation gap, interest rate gap and exchange rate gap in response to the impulse — the growth of one standard deviation (0.07 %) in remittances outflows gap. Results are presented in the corridor of ± 2 standard deviations.

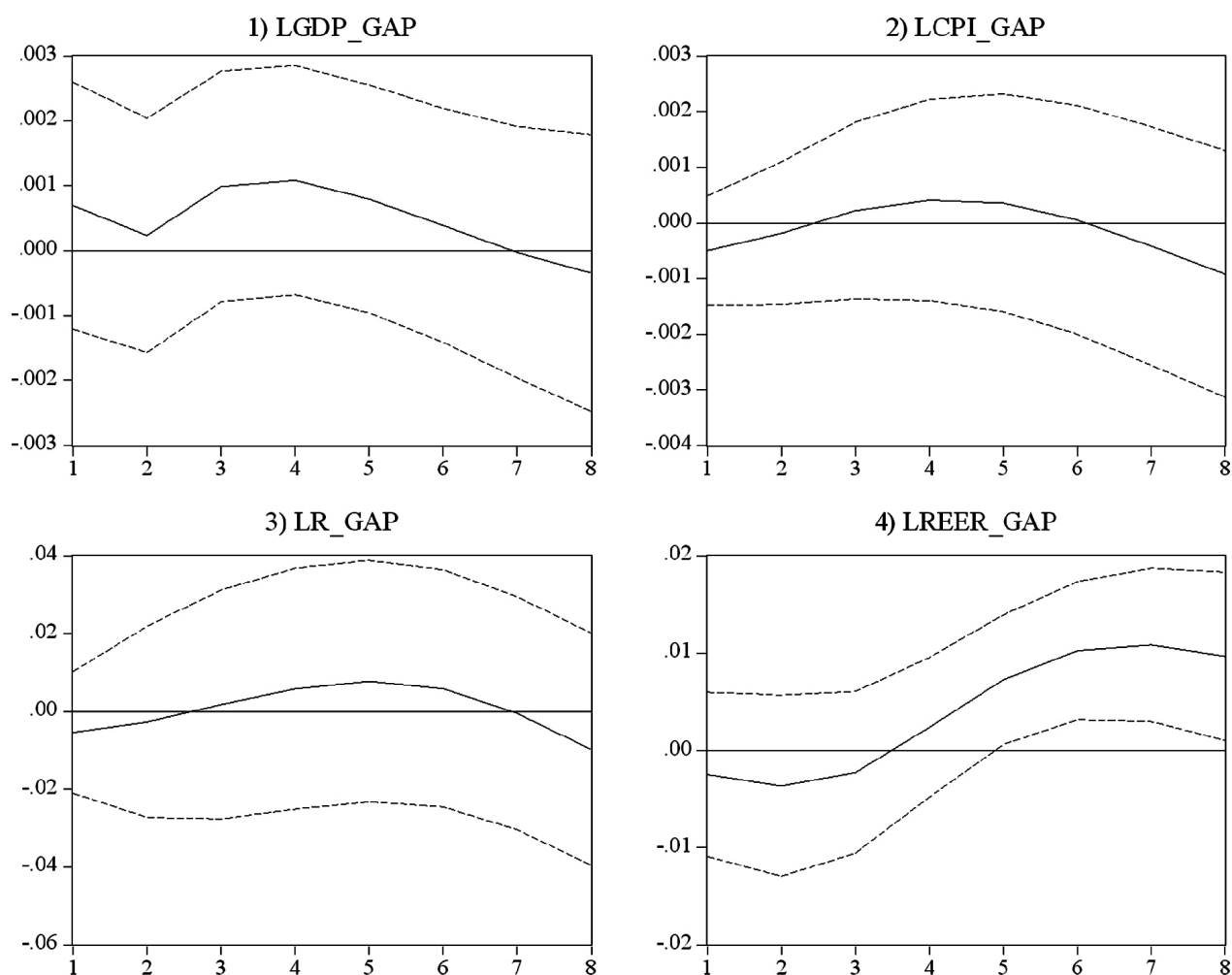


Fig. 1. Response to Cholesky one s. d. innovation ± 2 standard deviations, 2014–2016 (%)

We now turn to the description of our results. VAR-model demonstrates a direct relationship between growth in remittances outflows and the GDP growth in Poland. Impulse of 0.07 % in the gap of remittances outflows has positive impact on the GDP growth in Poland: deviation from the equilibrium increases by 0.001 % in 4 quarters after the shock. In our opinion, this result can be explained by the inverse relationship between the variables, since it is possible that economic growth increases remittances outflows in Poland. However, such procyclical behavior of remittances yet to be explored.

The results of our VAR-model show that remittances outflows do not affect the inflation rate in Poland. Thus, the immediate result of the shock in remittances outflows is a slight decline in the country inflation rate (-0.0005%). As well in two quarters there is a small positive growth of inflation gap (0.0004%). In our opinion, such results can be explained by an effective policy of inflation targeting. Monetary policy conducted by the Polish government turns out to eliminate any influence of remittances outflows on the inflation level in this country.

Similarly to previous results, VAR-model shows a neutral effect of remittances outflows on the interest rates in Poland. Thus, during the two quarters following a sharp increase in remittances interest rate deviation from the equilibrium is negative — 0.005% . Subsequently, interest rates deviation begins to increase — up to 0.007% . As in the previous case, in our opinion, such result is a consequence of inflation targeting regime, because the interest rate is one of the main tool of this monetary policy.

The next finding emerging from the simulation results shows that the immediate effect of the shock in remittances outflows is a devaluation of Polish national currency. Deviation of the real effective exchange rate index reduces by 0.003% . In most cases migrants do not send remittances in zloty but in euros or dollars. Consequently, in order to make the transfer, they exchange currencies. As a result, it increases the demand for euros and dollars. But supply for zloty also increases, which leads to a slight devaluation of the currency. However, in six quarters after the shock in remittances outflows we can observe the reverse strengthening of the zloty (see figure 1).

Summarizing the results of the paper we can distinguish the following effects of remittances outflows on the economy of Poland. First of all, the model confirmed a direct link between the remittances outflows and economic growth of the country. Also our model showed that the outflow of remittances stimulates the devaluation of the currency. The study revealed a neutral effect of the transfers on inflation and interest rates levels, that can be explained by effective implementation of the inflation targeting monetary policy.

In most migrant receiving countries the share of remittances outflows in the financial system is quite small, therefore economic impact of these transfers is not always tangible. But in any case, it is important to create all the necessary conditions for migrants' easy access to the financial system of the host country. This will reduce the outflow of the currency through the illegal channels and simplify the process of migrants assimilation as new members of the host society.

References:

1. Bilateral migration matrix.//The World Bank. – 2013.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.econ.worldbank.org>.
2. Regional Statistics.//Central Statistical Office in Poland. – 2015.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.stat.gov.pl>.
3. Corbo V. Response to external and inflation shocks in a small open economy.//V. Corbo, J. Tessaga//General Equilibrium models of the Chilean economy (ed. R. Chumacero and K. Schmidt-Hebbel). – Central Bank of Chile. – 2005. – 29–55 p.
4. Charemza W. A small forward-looking inter-country model (Belarus, Russia and Ukraine).//W. Charemza, S. Makarova, Y. Prytula, J. Raskina, Y. Vymyatnina//INTAS program. – 2008. – 25 p.
5. International Financial Statistics.//IMF. – 2015.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.imf.org>
6. Eurostat.//European Union. – 2015.//[Electronic resource]. – Available from: <http://www.ec.europa.eu/eurostat/data/database>
7. Balance of payments manual. Fifth edition (BPM5).//International Monetary Fund. – 1993. – 188 p.

*Rubel Oleg Evgrnyevich,
Institute of Market Problems and Economic-Ecological
Researches of NAS of Ukraine, Senior Researcher
E-mail: rubeloleg@gmail.com*

Genesis of of neoinstitutional economic theory: analysis and thesaurus

Abstract: The article considers the neo-institutional economics, economic and environmental transaction economics conventions.

Keywords: the Periodic Law, humanities, interdisciplinary approach.

*Рубель Олег Евгеньевич,
Институт проблем рынка и экономико-экологических
исследований НАН Украины, старший научный сотрудник
E-mail: rubeloleg@gmail.com*

Генезис неинституциональной экономической теории: анализ и тезаурус

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы методологических трансформаций в процессе генезиса неинституциональной экономической теории с особым рассмотрением его тезауруса.

Ключевые слова: неинституциональная экономика, экономико-экологическая транзакция, экономика конвенций.

Постановка вопроса. Развитие элементов рыночной экономики в пост-тоталитарном обществе связано с острым конфликтом между старыми «тоталитарными» институтами управления и «рыночными институтами» с одной стороны значительным дефицитом институтов рыночной экономики вообще и экономико-экологических институтов в частности.

Институциональные структуры, как правило, не возникают спонтанно, поскольку особую роль в этих процессах играют неформальные правила, определяющие морально — этические и нормы поведения. При всем многообразии институциональных условий в каждой конкретной стране доминирует определенная модель институциональной среды, отражающая уровень развития экономики, социальные, культурные и исторические особенности общества.

В условиях перманентных экономических реформ, формирующихся под влиянием внешних и внутренних политических и экономических факторов, смены политических элит и постоянной корректировки их направлений крайне необходимо формирование теоретико-методологической «платформы» экономических реформ, в том числе в экономико-экологической сфере.

Необходимость разработки основ создания институциональных условий, обеспечивающих выход на экономический рост предполагает синтез различных научных и организационных направлений с учетом международного и национального опыта институционального проектирования и продвижения.

Целью настоящей работы является описание методологических трансформаций в процессе генезиса неинституциональной экономической теории с особым рассмотрением его тезауруса.

Реализация этой цели требует синтеза достижений различных областей экономических знаний, представленных ниже в работе.

Институциональный подход к изучению экономических процессов занимает в современной науке особое место. Исторический приоритет в формировании самостоятельной исследовательской программы институциональной экономической теории принадлежит американской школе. Основы ее методологии содержатся в трудах

Т. Веблена, Дж. Коммонса, У. Митчелла [4; 20; 22]. Значительно позже возникает новая институциональная экономика, методология которой была разработана Р. Коузом, Д. Нортом, О. Уильямсоном и др. [23].

В отечественной научной среде методологии неинституциональных экономических подходов посвящены работы В. Гееца, А. Гриценко, В. Дементьева [6]. Институциональным преобразованиям в экономико-экологическом секторе посвящены работы И. М. Вахович, З. В. Герасимчук, В. А. Голяна, Б. М. Данилишина, В. М. Трегобчука, М. А. Хвесика, И. А. Александрова, А. И. Мартиенко [1–3; 7; 16; 17; 18; 19].

Данные исследования затрагивают многие аспекты экономических и социальных явлений. Так, широкое освещение получила теория прав собственности, поскольку все страны с переходной экономикой в той или иной степени сталкивались с проблемами реформирования отношений собственности и становления соответствующих институтов. В рамках изучения институциональных условий особая роль отводится транзакционным издержкам, которые оказывают влияние на возможность субъектов осуществлять ту или иную деятельность. Теория общественного выбора исследует политический механизм макроэкономических решений.

Однако следует отметить, что в большинстве случаев исследуется значимость отдельных институтов, а характеристики именно институциональной среды остаются мало изученными. Данная категория либо не рассматривается вовсе, либо ей уделяется второстепенное внимание [21].

Любой акт обмена в теории институционализма рассматривается как обмен пучками прав собственности. Экономико-правовой форме, обеспечивает такую передачу, есть контракт, договор. Этот вопрос также тщательно исследуется, подтверждением чего является наличие отдельного направления в современном неинституционализме — «экономике соглашений (конвенций)».

Разнообразие институциональных форм хозяйствования определяет различные типы возможного поведения экономических агентов. При этом возрастает роль внутренних механизмов контроля за экономическими процессами распределения, транзакциями и их результатами.

Особое внимание в современной экономической науке к вопросам собственности в целом уделяется институциональной теории. Однако следует отметить, что институциональная теория подходит к вопросам собственности, исходя из правовых позиций [5].

В экономико-экологическом аспекте не разработана единая концепция и обеспечивающий ее инструментарий, охватывающий все стадии общественного воспроизводства базовых экономических и надстроечных (политических, правовых, научных, образовательных и др.) отношений собственности на природные объекты. В широком смысле форма собственности на природные ресурсы заключается в экономических отношениях, возникающих между государством, домохозяйством и предприятием, которые определяются степенью самостоятельности субъекта в процессе присвоения природных ресурсов и ограниченности доступа других субъектов к присвоению данных природных объектов [12].

Противоречие возникает в том, что: представители экономической науки считают, что «собственность» — категория правовая [9] правовики считают, что это категория экономическая [1].

Собственность — экономическая категория, через которую проявляется характер связи общественных систем, коллективных групп, отдельных индивидов с объектами материального мира и результатов материального производства, его предметами и вещами [1]. Эта категория определяет порядок распределения объектов материального мира, порядок их присвоения, признание «своими» для одних и «чужими» для других субъектов общественных отношений. Она является определяющей в отношениях, поскольку из-за характера присвоения — материальную, экономическую сторону проявляется их социальная сторона — взаимодействие и взаимоотношения между субъектами.

Именно с целью урегулирования последних любые отношения закрепляются с помощью норм права. И тогда собственность в правовом смысле приобретает форму права собственности.

Институт права — система относительно обособленных от других и связанных между собой правовых норм, регулирующих определенную группу (вид) однородных общественных отношений. Институты права — необходимое звено в целостной системе права. Как правило, каждая отрасль права имеет институты права как свой самостоятельное структурное подразделение [9]. Институт экологического права — это относительно обособленная совокупность экологических норм и принципов, регулирующих и охраняют однородные экологические отношения [15].

Под термином оппортунизм (франц. *Opportunism* — приспособленчество от лат. *Opportunus* — удобный, выгодный, удобное) достаточно часто понимают поведение, целью которой является получение выгоды, нечестным путем (авантюризмом). Б. Корнейчук считает [10, 245],

что оппортунизм это поведение, нацелена на преследование собственного интереса и не ограничена соображениями морали, то есть с использованием обмана, хитрости и коварства. Подобной точки зрения придерживаются и П. Милгром и Дж. Робертс, которые считают, что оппортунистическое поведение — это «эгоистическое поведение, не сдерживается соображениями нравственного порядка» [14, 379]. Оппортунистическим можно считать такое поведение, которое направлено на достижение собственных целей экономического агента и не ограничено соображениями морали. В основе оппортунистического поведения лежит несовпадение экономических интересов, обусловленная ограниченностью ресурсов, неопределенностью и как следствие — несовершенностью условий контракта. Если ожидаемые выгоды, связанные с уклонением от условий контракта, оказываются меньше, чем те выгоды, которые оно принесет, то данный экономический агент выберет ту или иную форму оппортунистического поведения.

Трансакция реализации отношений собственности это экономические и юридические отношения по поводу передачи экономических и юридических прав на объект природного капитала и получение дохода от его эксплуатации, а также всех остальных экономических и юридических прав и обязанностей согласно «пучка» прав, рассмотренных в контексте собственности на природные ресурсы [11]. Трансакция может носить единовременный, единоразовый характер либо повторяться многократно. Она может быть направлена на полную смену собственника или только на передачу права пользования объектом природного капитала.

Обменные процессы трансакций можно классифицировать следующим образом по направлениям обмена объектами собственности:

- трансакция обмена собственностью на объекты природного капитала между собственником природного ресурса и пользователем;
- трансакция обмена собственностью на объект природного капитала и выполнение другим субъектом определенного комплекса работ по охране, восстановлению, воспроизводству природного ресурса;
- трансакция обмена собственностью на объекты природного капитала на инвестиционный капитал других собственников данного капитала;
- трансакция получения кредита под собственность на объекты природного капитала (ипотека) [12].

На наш взгляд, неинституциональная экономико-экологическая концепция должна базироваться на 5 «столпах» (*pillars* – англ.) Эти столпы: экономико-правовые отношения, экономические отношения собственности, контрактные отношения и экономико-экологическая трансакция, оппортунистическое поведение. Такое утверждение пересекается с представлениями и других украинских ученых — институционалистов (Мартиенко, 2003) [12], (Хвесик М. А., 2006) [19].

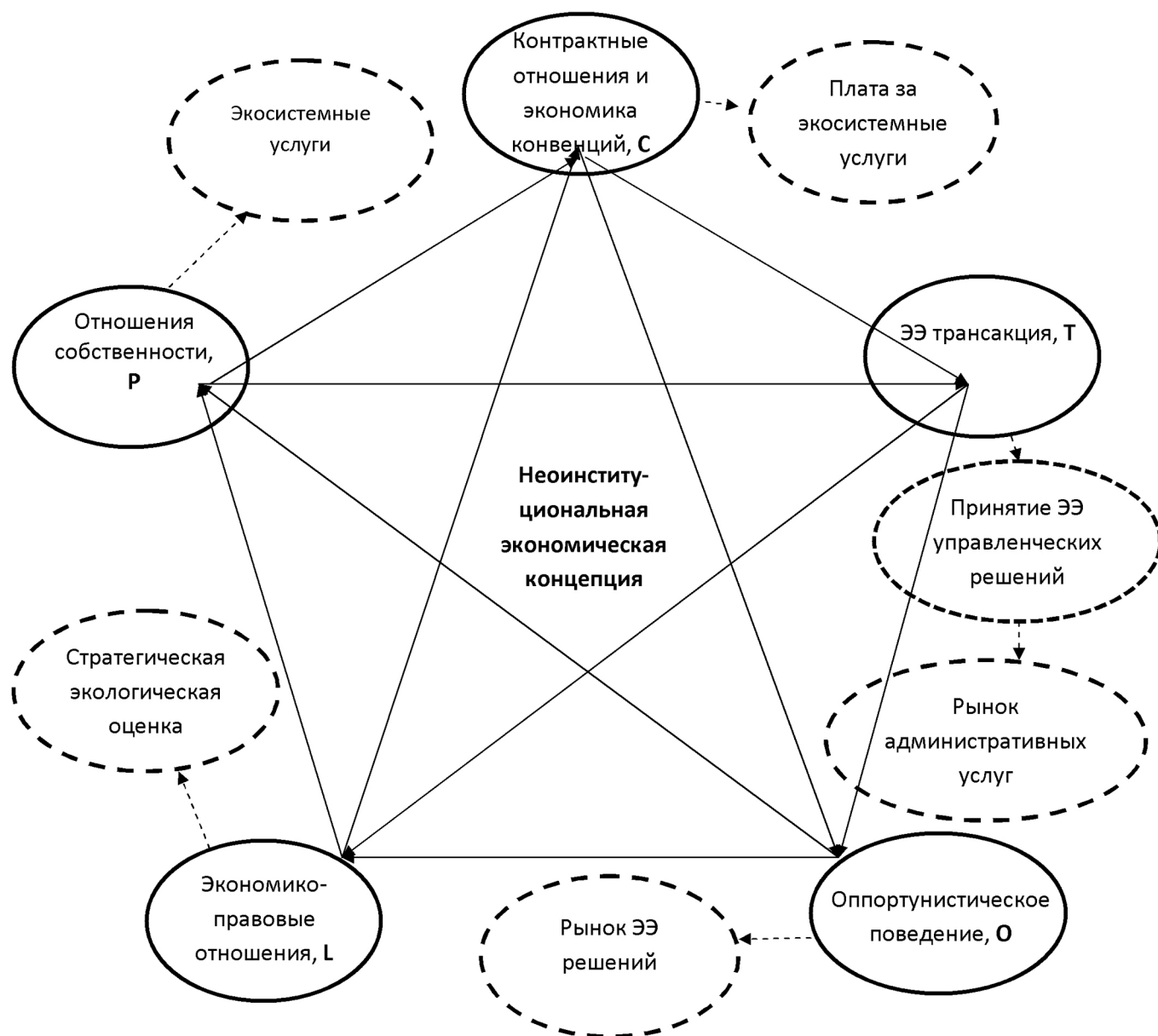


Рис. 1. Векторная модель неоинституциональных отношений в системе экономико-экологической (ЭЭ) теории

Каждый из представленных «столпов» может быть представлен как вершина пятиугольника (экономико-правовые отношения (L), экономические отношения собственности (P), контрактные отношения (C) и экономико-экологическая транзакция (T), оппортунистическое поведение (O)), который образуется соответствующими векторами. Главные вектора образуют соответствующий цикл: $L \rightarrow P$; $P \rightarrow C$; $C \rightarrow T$; $T \rightarrow O$; $O \rightarrow L$ (рис. 1).

Каждый из этих векторов имеет свое экономико-экологическое толкование и институциональную интерпретацию и может быть охарактеризован отдельно.

Связь экономико-правовых отношений и формирования экономических отношений собственности очевиден, А.И. Мартиенко описывает его так [11]: Институциональная теория ставит на первое место и уделяет основное внимание правовым вопросам выражения и закрепления собственности. Однако правовые вопросы собственности

являются вторичными и объективно отражают базисные производственные отношения, в основе которых лежат отношения собственности [12].

Связь собственности (P) и контрактных отношений (C) в экономико-экологической сфере проявляется в следующем ... Договор, будучи договоренности между различными субъектами в сфере природопользования может включать регулятивные нормы для сторон, устанавливая не только права и обязанности, но и конкретные правила поведения. Основное назначение договора регулирования в рамках закона поведения людей путем указания на ее границы и определения последствий нарушения соответствующих требований [11, 10].

Взаимосвязь договорных (контрактных, конвенциальных) отношений (C) и транзакций (T) имеет следующую особенность: не все виды транзакции (например, транзакция рационализации, транзакция управления,

транзакция сделки [22]) связаны с договорными отношениями, но все договорные отношения реализуются, как правило, через транзакции.

Как правило, контракт (конвенция) является статичным, а транзакция является динамичным проявлением договорных отношений между субъектами экономических (экономико-экологических) отношений.

Институты обеспечивают распространение воли отдельного человека за сферу, в рамках которой он может влиять на окружающую среду непосредственно своими действиями, то есть за рамки физического контроля. Такое распространение называется транзакциями в отличие от индивидуального действия как таковой (акции) или обмена товарами.

Транзакция — это стратегические отношения в ходе экономической деятельности, транзакции — это действия, которые формируют мотивацию к экономической деятельности.

Экономико-экологическая транзакция может рассматриваться как составная часть сделки природопользования, которая, в свою очередь, может быть описана следующей эвристической формулой:

Природопользование = ресурсная трансформация + экономико-экологическая транзакция

Под Экономико-экологической транзакцией понимается элементарное экономическое взаимодействие субъектов природопользования, которое определяет форму, направление, содержание и мотивацию связанной с ней ресурсной трансформации в процессе природопользования.

Связь транзакций (Т), включая экономико-экологические и оппортунистического поведения (О) проявляется в поведении экономического агента в соответствии с собственными интересами, ущемляющее при этом интересы партнеров, включая, экологические и экономико-экологические интересы.

Значительная часть институтов — традиций, обычаев, правовых норм — призвана уменьшать негативные

последствия ограниченной рациональности и оппортунистического поведения. Значительная часть социальных институтов — традиций, обычаев, правовых норм — призвана минимизировать негативные последствия, ограниченной рациональности и оппортунистического поведения [2]. Стремление общественных институтов сдерживать оппортунистическое поведение экономических и экономико-экологических исследований становится источником правовых отношений и правовых институтов (L).

Выводы

1. Методологические подходы неоклассического направления экономики остаются недостаточно востребованными в процессе формирования базиса современных экономических реформ. Однако, именно, неоклассическая теория, описывающая тонкие механизмы саморегуляции современного общества на основе экономической, социально-психологической мотивации способна прояснить как процессы формирования рынков так и процессы принятия управленческих решений. Как показано в представленной работе свойство цикличности и системности достаточно четко проявляется в неоклассической экономике.

2. Методологическая общность, проявляющаяся в свойствах цикличности, системности, синергии, особого значения коммуникационных механизмов между неoinституциональной и экономико-экологической (экологической) теорией позволяет использовать методы неoinституциональной теории в приложении для решения экономико-экологических проблем.

3. Дальнейшие изыскания в направлении уточнения неoinституциональной теории следует связать с развитием прикладных механизмов реализации институциональных отношений, включая экономико-экологические: реализацию права собственности на природные ресурсы, управление экономико-экологическими транзакциями, сдерживание оппортунистического поведения путем развития инструментов экономики конвенций.

Список литературы:

1. Александров І. О. Майбутнє України: стратегія поступу: монографія./І. О. Александров, О. І. Амоша, В. П. Антонюк, І. В. Багрова, Н. О. Балтачєєва, С. О. Біла, І. І. Гомаль, В. М. Гриньова, Л. І. Дмитриченко, В. В. Дорофієнко. – НАН України, Ін-т економіки пром-сті України, Акад. екон. наук України. – Донецьк: Юго-Восток, 2008. – 303 с.
2. Алексеев С. С. Теория права./С. С. Алексеев. – М.: Издательство БЕК, 1994. – 220 с.; Грант Н. Л. Источники права./Н. Л. Грант//Юрист. – 1998. – № 9. – С. 6–12.
3. Алимов О. М. Економічний розвиток України: інституціональні та ресурсні забезпечення: Моногр./О. М. Алимов, А. І. Даниленко, В. М. Трегобчук, О. О. Веклич, В. В. Венгер; Об'єдн. ін-т економіки. – К., 2005. – 540 с. – Бібліогр.: – С. 510–536.
4. Блауг М. Коммонс, Джон Роджерс./100 великих економістів до Кейнса = Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. – СПб.: Економікус, 2008. – С. 145–147. – 352 с.
5. Булеев І. П. Транзакції і їх роль в системі ринкових відносин./І. П. Булеев, О. В. Шепеленко//Наукові праці Донецького національного технічного університету. – Донецьк, 2007. – Серія: економічна. Випуск 31–1 (117). – С. 142–146.
6. Гец В. М. Характер переходних процесів к економіці знань./В. Гец//Економіка України. – 2004. – № 4. – С. 4–14.

7. Данилишин Б. М. Розвиток продуктивних сил і регіональна економіка: навч. посіб./Б. М. Данилишин, Д. В. Клиновий, Т. В. Пепа; за наук. ред. Б. М. Данилишина. – Ніжин: ТОВ «Видавництво «Аспект-Поліграф»», 2007. – 688 с.
8. Дементьев В. В. Власть как проблема экономической теории. // Экономика Украины. – 2003. – № 5 – С. 41–46.
9. Інститут права. (2015, березень 22). – Вікіпедія, Retrieved 19:32, серпень 19, 2015. // [Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://uk.wikipedia.org/w/index.php?title=%D0%86%D0%BD%D1%81%D1%82%D0%B8%D1%82%D1%83%D1%82_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%B0&oldid=15861458.
10. Корнейчук Б. В. Институциональная экономика: учебное пособие для вузов./Б. В. Корнейчук. – М.: Гардарики, 2007. – 255 с.
11. Малишко М. І. Екологічне право України./М. І. Малишко//Навчальний посібник. – К.: Видавничий Дім «Юридична книга», 2001. – 392 с.
12. Мартиенко А. И. Общественная собственность на природные ресурсы как основа развития многообразных форм собственности в природопользовании./А. И. Мартиенко//Економічні інновації. – Выпуск 48. – 2012. – с. 166–176.
13. Мартиенко А. И. Трансакционные издержки реализации форм и прав собственности на объекты природного капитала./А. И. Мартиенко. Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. – Выпуск 36–2. – 2009. – С. 5–11.
14. Милгром П., Робертс Дж. Экономика, организация и менеджмент: В 2-х т./Пер. с англ. Под редакцией И. И. Елисеевой, В. А. Тамбовцева. – СПб.: Экономическая школа, 2001. – Т. 2. – 422 с.
15. Правознавство: Підручник./В. Ф. Опришко, Ф. П. Шульженко, С. І. Шимон та ін.; За заг. ред. В. Ф. Опришка, Ф. П. Шульженка. – К.: КНЕУ, 2003. – 767 с.
16. Трансформація інституціонального механізму природокористування в умовах глобалізації: екологічні імперативи та системні суперечності [Текст]: монографія/З. В. Герасимчук, І. М. Вахович, В. А. Голян, А. О. Олексюк; наук. ред. З. В. Герасимчук. – М-во освіти і науки України, Луцький держ. техн. ун-т. – Луцьк: Надстир'я, 2006. – 228 с. – Бібліогр.: С. 215–225.
17. Харичков С. К. Концепция многообразия форм собственности на объекты природно-ресурсного потенциала в Украине./С. К. Харичков, С. И. Рассадникова//Институт проблем рынка и экономико-экологических исследований НАН Украины. – Одесса: ИП-РЭЭИ НАН Украины, 1995. – 28 с.
18. Хвесик М. А. Інституціональне середовище сталого водокористування в умовах ринкових відносин: національні та регіональні виміри: Моногр./М. А. Хвесик, В. А. Голян, Ю. М. Хвесик; Рада по вивч. продукт. сил України НАН України, Нац. авіац. ун-т. – К.: Книжк. вид-во НАУ, 2005. – 180 с. – Бібліогр.: С. 173–179.
19. Хвесик М. А. Інституціональне забезпечення землекористування: теорія і практика./М. А. Хвесик, В. А. Голян – К.: НАУ, 2006. – 260 с.
20. Шумпетер Й. Глава 9. Уэсли Клар Митчелл (1874–1948). //Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса = Ten Great Economists: From Marx to Keynes. – М.: Институт Гайдара, 2011. – С. 328–354. – 400 с.
21. Экономическая библиотека. // [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy-lib.com/formirovanie-institutsionalnoy-sredy-v-rossiyskoy-ekonomike#ixzz3kXNXtZCj>
22. Commons J. R. Institutional Economics. // American Economic Review. – 1931. – V. 21. – № 1.
23. Laurence Arnold (3.9.2013). Ronald Coase, Nobel Winner Who Studied Corporations, Dies at 102. – Bloomberg.
24. Breit William and Barry T. Hirsch. Lives of the Laureates, 4th ed. – Cambridge, Mass: The MIT Press, 2004.

*Sekelgidi Klavdiia Shandorivna,
National academy of public administration,
Office of the President of Ukraine,
post-graduate student,
Ukrainian and Foreign languages department
E-mail: sekelgidi@gmail.com*

Reframing as neurolinguistic tool of public servant self-management

Abstract: The article, due to the results of research, proves the necessity of skills of control and management individual emotions and other inner processes for public servants. The peculiarities of reframing usage in public administration are analyzed.

Keywords: public service, neurolinguistic programming, reframing, self-management of public servant.

Секельгиди Клавдия Шандоровна,
 Национальная академия государственного управления
 при Президенте Украины, аспирант,
 кафедра украинистики и иностранных языков
 E-mail: sekelgidi@gmail.com

Рефрейминг как нейролингвистический инструмент самоуправления государственного служащего

Аннотация: В статье на основе проведенного исследования доказывается необходимость для государственных служащих владения навыками контроля и управления собственными эмоциями, а также другими внутренними процессами. Проводится анализ особенностей применения рефрейминга в самоуправлении государственного служащего.

Ключевые слова: государственная служба, нейролингвистическое программирование, рефрейминг, самоуправление государственного служащего.

Достижение в Украине европейских стандартов жизни и выход ее на ведущие позиции в мире определены стратегическими целями развития государства на период до 2020 года [5]. Одной из главных преград на пути развития Украины является управленческий кризис. Об этом говорится в Аналитическом докладе к Ежегодному Посланию Президента Украины к Верховной Раде Украины «О внутреннем и внешнем положении Украины в 2015 году». По показателю качества государственных институтов в рейтинге глобальной конкурентоспособности Украина в 2014 году заняла 130 место среди 144 стран мира [1, 173]. В связи с этим, по нашему мнению, одной из первоочередных реформ является реформа государственной службы, в результате которой нужно создать профессиональный аппарат государственных служащих, способный принимать эффективные решения, реализовывать государственную политику, адекватно реагировать на внутренние и внешние вызовы.

Требования, которые сегодня общество предъявляет к государственным служащим, предполагают не только усиление ответственности и эффективности при исполнении служебных обязанностей, но и постоянное повышение собственной профессиональной компетентности. Как утверждают специалисты, госслужащие сегодня обязаны владеть не только узкоспециальными знаниями, но и знаниями механизмов взаимодействия государства, общества и отдельных граждан, а также уметь применять эти знания в повседневной деятельности. Сегодня чувствуется нехватка правовых, экономических, политологических, управленческих, социогуманитарных и психологических знаний, необходимых для осуществления деятельности органов государственной власти [1, 178].

Не менее важно для государственного служащего уметь управлять собственным эмоциональным состоянием, психическими процессами, своей деятельностью и поведением. По мнению С. Брониковой, «имеющая навыки управления мышлением и поведением личность уверенней берется за решение любой управленческой задачи, ведущей к цели/потребности: обезопасить свою жизнь, реализовать свое предназначение и т. п.» [2, 120]. Также

ученый убеждена, что в современных условиях особое значение приобретает развитие госслужащим своего эмоционального интеллекта (понимание собственных эмоций и эмоций окружающих, управление эмоциональным состоянием), поскольку именно он определяет профессиональное мастерство управленца на 70 %, в то время как знания (технический интеллект) и навыки управления составляют по 15 % в вышеупомянутом мастерстве [3, 152].

Чтобы определить, влияет ли проявление эмоций на управленческое общение и в последующем на результаты управленческой деятельности, мы провели опрос 300 чиновников (руководителей и рядовых специалистов структурных подразделений) одной из государственных администраций города Киева. Участникам опроса было предложено ответить «да» или «нет» на 25 вопросов. Анализ ответов позволил сделать следующие выводы:

- с проблемами в управленческом общении сталкиваются в той или иной мере и руководители, и сотрудники структурных подразделений, хотя более характерными эти проблемы являются для последней категории;

- главными причинами возникновения барьеров в общении являются эмоции, в основном негативные и те, которые не удается контролировать; для респондентов характерными оказались неумение руководить собственными эмоциями, негибкость и невыразительность эмоций, их неадекватное проявление, доминирование негативных эмоций.

Интересным в этом контексте является также ответ опрошенных специалистов на вопрос, что нужно предпринять с целью избегания барьеров в управленческом общении: большинство предложило контролировать свои эмоции и не допускать пренебрежительного отношения к участникам коммуникации [6].

Принимая во внимание заключения специалистов о важности эмоционального интеллекта, а также результаты проведенного нами опроса, стоит еще раз подчеркнуть необходимость для государственных служащих владения навыками контроля и управления собственными эмоциями, а также другими внутренними процессами. Осознанное и целеустремленное влияние личности на собственные

психические состояния, свойства, процессы, деятельность и поведение с целью их поддержания или изменения называют самоуправлением. Взаимодействие личностного самоуправления и государственного управления, которое носит постоянный характер, «представляет собой динамическую систему, где личность управляет государством, а государство — личностью» [2, 119].

Главной особенностью самоуправления является совпадение субъекта и объекта управления, а также максимальное использование личностью своих собственных возможностей, осознанное управление своей жизнью, преодоление внешних обстоятельств (предупреждение негативных последствий, уменьшение их влияния) и т. д. [6]. В этом контексте прослеживается схожесть основной идеи самоуправления и фундаментального постулата нейролингвистического программирования о том, что любой человек способен достичь самых высоких результатов и владеет всеми ресурсами для саморазвития, задействуя при этом скрытые ресурсы организма, внутренние психические процессы [3, 153].

Техники нейролингвистического программирования предлагают большой ресурс для расширения профессиональных возможностей государственного служащего, оптимизации его поведения. Например, техника рефрейминга способствует быстрому моделированию позитивного поведения, принятию адекватных управленческих решений.

Фрейм (с англ. — рамка, кадр, структура) с точки зрения нейролингвистического программирования определяет то, как человек воспринимает определенную ситуацию, другого человека, собственные переживания и т. п. Известно, что в силу своих знаний, убеждений, жизненного опыта разные люди могут смотреть на одни и те же события по-разному (одну и ту же «картину» помещают в разные «рамки»). Следовательно, осознание, что собственное отношение к ситуации вызывая негативные эмоции, ухудшает психическое и физическое здоровье, приводит к принятию неправильных решений, неадекватным действиям, способствует сознательному выбору «соответствующей рамки», помогает справиться с ситуацией, избегая нежелательных последствий.

В перемещении объекта или переживания в новую рамку, изменении смысла любого события путем смены фона, на котором это событие происходит, и заключается суть рефрейминга (смены рамки). Таким образом, под рефреймингом подразумевают «один из способов управления оценкой (а, следовательно, и последующим рациональным восприятием) одного и того же факта в рамках от негативного до максимально позитивного аксиологического полюса», в следствии чего ранее негативный фактор может стать ресурсным для личности [3, 154].

Применение рефрейминга в управлении возможно на различных коммуникационных уровнях: на личностном (например, для избегания стресса или минимизации его негативных последствий, для осознанного и продуктивного использования стресса в собственных целях),

межличностном внутри организации (например, для предупреждения возникновения коммуникативных барьеров, а также их преодоления), межведомственном и внешнем уровнях. Методика рефрейминга будет уместна в информационных кампаниях, направленных на подготовку общественного мнения для проведения «непопулярных» реформ. Так, правительство Украины при повышении тарифов на жилищно-коммунальные услуги проводит информационную кампанию по разъяснению необходимости такого решения и шагах, предпринимаемых для защиты малообеспеченных слоев населения. «Государственная помощь ищет тебя. Государство стремится поддержать наименее защищенные слои населения, поэтому компенсирует часть расходов на оплату коммунальных услуг. Тарифы выросли, а вы будете платить привычную сумму», — такую информацию предлагают макеты для региональной прессы [4].

В контексте самоуправления государственного служащего нас, в первую очередь, интересует авторефрейминг — умение использовать методику смены рамки для изменения личного отношения к ситуации, тем самым обеспечивая контроль над собственным состоянием. Выше мы уже говорили об использовании рефрейминга на личностном уровне с целью управления стрессом, преобразования его негативной разрушающей силы в созидательную. Приведем еще один пример. Государственный служащий готовится к приему граждан. Его поведение во время приема будет зависеть от его настроя и ожиданий от встречи с посетителями: если чиновник убежден, что прием будет носить негативный характер и у него не хватит умения изменить «тон» разговора, то он выберет соответствующий стиль поведения: оборонительный или даже нападающий. И наоборот, если чиновник будет настроен положительно, то он сумеет не только взять под контроль собственные эмоции и поведение, но и сможет при необходимости изменить негативные эмоции и поведение посетителей. Эта ситуация может служить примером контекстного рефрейминга, суть которого заключается в предании поведению или событию другого смысла посредством помещения его в иной контекст.

Существует также рефрейминг смысла, который заключается в изменении точки зрения человека на ситуацию путем изменения его целей или намерений в данной ситуации. Этот вид рефрейминга широко используют, в частности, при проведении совещаний, специфика которых предусматривает достижение консенсуса по ключевым вопросам, учитывание различных точек зрения на проблему.

Таким образом, использование рефрейминга способствует самоусовершенствованию и личностной самореализации государственного служащего, развитию «раскрепощенного» мышления, принятию нестандартных решений. Овладение таким инструментом повышает эффективность государственного служащего, а эффективный государственный служащий — стратегический элемент эффективного государственного управления.

Список литературы:

1. Аналітична доповідь до Щорічного Послання Президента України до Верховної Ради України «Про внутрішнє і зовнішнє становище України у 2015 році». – К.: НІСД, 2015. – 684 с.
2. Броникова С.А. Государство и Homo villicus: проблемы взаимодействия./С.А. Броникова/Право и проблемы функционирования современного государства: материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. (Махачкала, 17 мая 2015 г.)//Апробация: научный журнал № 5 (32). – Махачкала: Научно-издательский центр «Апробация. РФ», НП Научно-аналитический центр «Этноэкономика», 2015. – С. 119–120.
3. Броникова С.А. Соціокомунікативний механізм державного управління: теорія і практика моделювання: монографія./С.А. Броникова. – Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2010. – 346 с.
4. Міністерство інформаційної політики України.//[Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://mip.gov.ua/content/umovi-otrimannya-subsidiy.html>.
5. Про стратегію сталого розвитку «Україна-2020»: указ Президента України від 12 січня 2015 року № 5. – 2015./Законотворчість України.//[Електронний ресурс] – Режим доступу: <http://www.president.gov.ua/documents/18688.html>.
6. Секельгіді К.ІІІ. Самоуправління державного службовця як ресурс мінімізації комунікативних бар'єрів в управлінському спілкуванні.//[Електронний ресурс]. – Режим доступу: http://irbis-nbuv.gov.ua/cgi-bin/irbis_nbuv/cgiirbis_64.exe?C21COM=2&I21DBN=UJRN&P21DBN=UJRN&IMAGE_FILE_DOWNLOAD=1&Image_file_name=PDF/tppd_2014_15_14.pdf.

Sydorenko KaterynaViktorovna,
National Aviation University,
postgraduate student of Department of International Economics
E-mail: sydorenko.kateryna2014@gmail.com

Evaluation of competitiveness of production infrastructure of the world market of air transportation

Abstract: The task of this article is to propose a methodology of evaluation of competitiveness of production infrastructure of the world market of air transportation.

Keywords: competitiveness, production infrastructure, airport, world market of air transportation.

Сидоренко Екатерина Викторовна,
Национальный авиационный университет,
аспирант кафедры международной экономики
E-mail: sydorenko.kateryna2014@gmail.com

Оценивание конкурентоспособности производственной инфраструктуры мирового рынка авиаперевозок

Аннотация: в статье предложена методика оценивания конкурентоспособности производственной инфраструктуры мирового рынка авиационных перевозок.

Ключевые слова: конкурентоспособность, производственная инфраструктура, аэропорт, мировой рынок авиационных перевозок.

Развитая и эффективная производственная инфраструктура мирового рынка авиаперевозок на сегодняшний день является одним из необходимых условий обеспечения эффективного функционирования национальных экономик, поскольку аэропорты являются важным фактором локализации экономической деятельности, активизации секторов экономики. На основании научных достижений выдающихся ученых Belobaba P. [1], Bruinsma F. [2], Forsyth P. [3], Odoni A., Park Y. [4], Reynolds T., Rietveld P. в сфере развития транспортной

инфрасистемы нами начато исследование особенностей управления конкурентоспособностью производственной инфраструктуры (ПИ) мирового авиарынка [5]. Однако отсутствие готовых программных средств и прямо применяемых классических моделей для мониторинга конкурентоспособности инфраструктурной составляющей мирового рынка авиаперевозок указывает на необходимость разработки соответствующей методики с учётом специфики предметной области, что обуславливает актуальность статьи.

Комплексно-ситуационный подход к оцениванию конкурентоспособности производственной инфраструктуры мирового рынка авиаперевозок представлен следующими этапами (рис. 1).

На первом этапе на основе анализа внешней маркетинговой среды необходимо выделить базовые факторы, определяющие конкурентоспособность инфрасистемы мирового рынка авиационных перевозок (табл. 1).

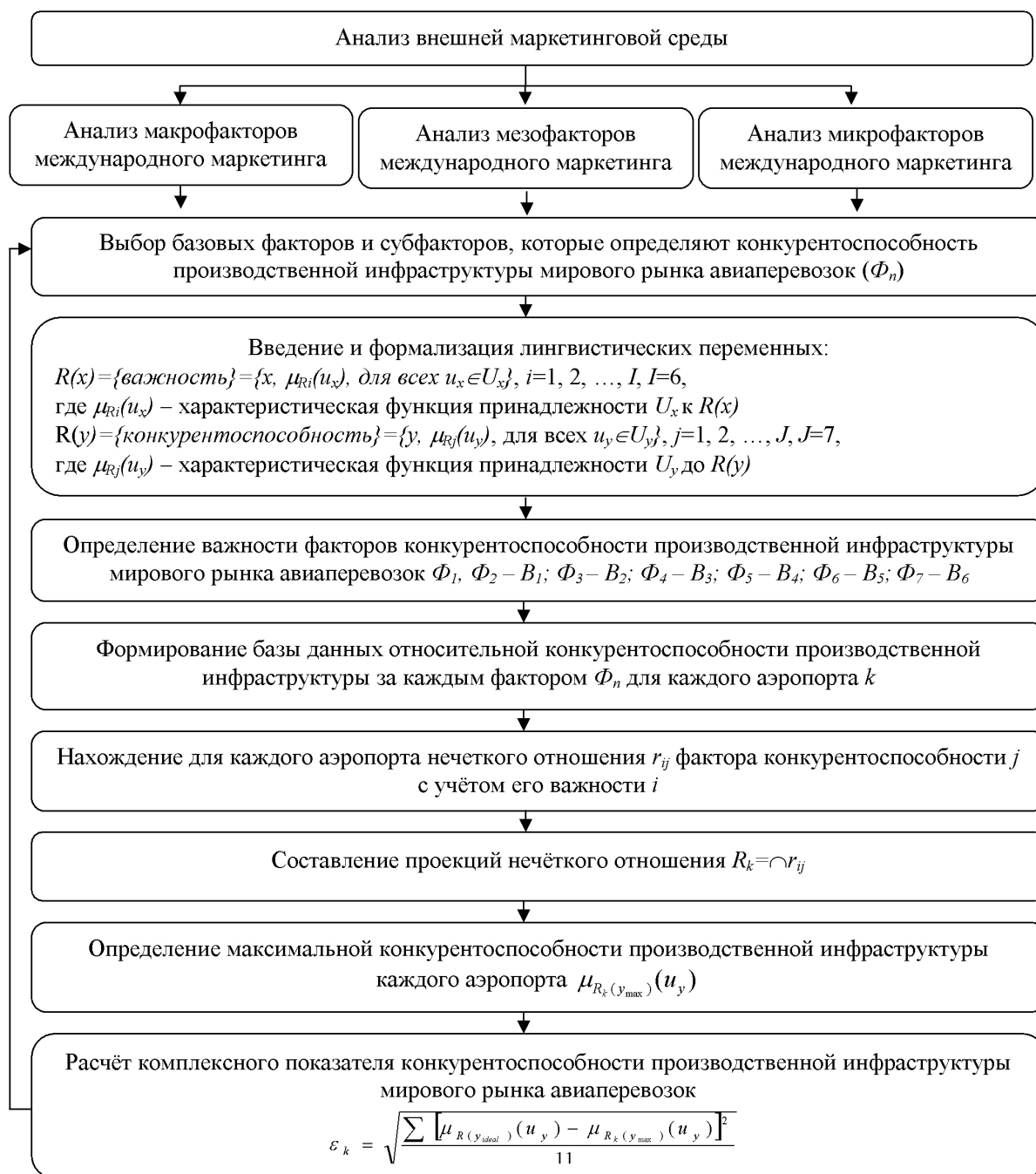


Рис. 1. Комплексно-ситуационная модель оценивания конкурентоспособности ПИ мирового рынка авиаперевозок

Таблица 1. – Факторы конкурентоспособности ПИ мирового рынка авиаперевозок [6, 130]

Обозначение	Фактор
Φ ₁	Безопасность и экологические последствия
Φ ₂	Влияние инфраструктуры на экономический рост
Φ ₃	Качество обслуживания участников авиарынка, что обеспечивается производственной инфраструктурой
Φ ₄	Легкость вхождения на авиарынок и доступа к инфраструктуре
Φ ₅	Потенциальные возможности аэропортов
Φ ₆	Инновационная составляющая аэропортов
Φ ₇	Финансовая, коммерческая и организационная деятельность аэропортов

Предложенные факторы в полной мере раскрывают свойства ПИ мирового рынка авиаперевозок, однако имеют нечеткие границы показателей, что обуславливает применение инструментария аппарата нечетких множеств, предложенного Л. Заде [7]. Поэтому на втором этапе вводятся лингвистические переменные и задаются функции принадлежности соответствующих нечетких термов.

Введем нечеткие лингвистические переменные: переменная «Х-важность», характеризующая важность фактора при определении конкурентоспособности ПИ, и переменная «Y-конкурентоспособность», указывающая на уровень конкурентоспособности фактора. Нечеткими подмножествами переменных X и Y является $R(x)$ и $R(y)$

Таблица 2. – Термы и соответствующие им функции принадлежности лингвистической переменной «Х-важность»

Языковые критерии	Лингвистические термы
B_1	$R\langle\text{«наибольшая важность»}\rangle(x) = \mu_x^6 \in U_x$
B_2	$R\langle\text{«очень большая важность»}\rangle(x) = \mu_x^3 \in U_x$
B_3	$R\langle\text{«большая важность»}\rangle(x) = \mu_x \in U_x$
B_4	$R\langle\text{«достаточно большая важность»}\rangle(x) = \mu_x^{1/3} \in U_x$
B_5	$R\langle\text{«не большая важность»}\rangle(x) = 1 - \mu_x \in U_x$
B_6	$R\langle\text{«очень не большая важность»}\rangle(x) = 1 - \mu_x^3 \in U_x$

Соответственно, переменная «Y-конкурентоспособность» выражается как $R(y) = \{\text{конкурентоспособность}\} =$

$\{y, \mu_{R_j}(u_y), \text{ для всех } u_y \in U_y, j = 1, 2, \dots, J, J = 7, \text{ где } \mu_{R_j}(u_y) - \text{характеристическая функция принадлежности } U_y \text{ к } R(y) \text{ (табл. 3)}\}.$

Таблица 3. – Термы и соответствующие им функции принадлежности лингвистической переменной «Y-конкурентоспособность»

Языковые критерии	Лингвистические термы
K_1	$R\langle\text{«очень высокая конкурентоспособность»}\rangle(y) = \mu_y^8 \in U_y$
K_2	$R\langle\text{«высокая конкурентоспособность»}\rangle(y) = \mu_y^4 \in U_y$
K_3	$R\langle\text{«конкурентоспособность выше среднего»}\rangle(y) = \mu_y^2 \in U_y$
K_4	$R\langle\text{«средняя конкурентоспособность»}\rangle(y) = \mu_y \in U_y$
K_5	$R\langle\text{«конкурентоспособность ниже среднего»}\rangle(y) = 1 - \mu_y^2 \in U_y$
K_6	$R\langle\text{«низкая конкурентоспособность»}\rangle(y) = 1 - \mu_y^4 \in U_y$
K_7	$R\langle\text{«очень низкая конкурентоспособность»}\rangle(y) = 1 - \mu_y^8 \in U_y$

Поскольку факторы конкурентоспособности ПИ мирового рынка авиаперевозок имеют различную силу влияния, на следующем этапе необходимо присвоение каждому из факторов степени важности. Важность факторов определена путем их попарного сравнения по методу анализа иерархий Т. Саати. Матрица парных сравнений является диагональной и обратно симметричной. Учитывая вектор приоритетов, установлено, что наибольшую важность при определении конкурентоспособности ПИ мирового рынка авиаперевозок имеют факторы Φ_1 и $\Phi_2(B_1)$, на втором месте – $\Phi_3(B_2)$, на третьем – $\Phi_4(B_3)$, четвертом – $\Phi_5(B_4)$, пятом – $\Phi_6(B_5)$, шестом – $\Phi_7(B_6)$. Согласованность экспертных оценок проверена на основе значений индексов согласованности и отношения согласованности. Величина отношения согласованности не превышает 20%, что позволяет утверждать о согласованности экспертных оценок.

соответственно, определяемые как семантическое правило для связывания значений с каждым именем переменной. Характеристические функции принадлежности $R(x)$ к X и $R(y)$ к Y задаются в диапазоне $[0, 1]$. Универсальное множество $U = \{0, 0; 0, 1; 0, 2; 0, 3; 0, 4; 0, 5; 0, 6; 0, 7; 0, 8; 0, 9; 1, 0\}$. Функции принадлежности новых термов рассчитывают с использованием операций концентрации, растяжения и дополнения нечеткого множества.

Получим, что «Х-важность» варьирует, тогда новые величины переменных будут следующими: $R(x) = \{\text{важность}\} = \{x, \mu_{R_i}(u_x), \text{ для всех } u_x \in U_x, i = 1, 2, \dots, I, I = 6, \text{ где } \mu_{R_i}(u_x) - \text{характеристическая функция принадлежности } U_x \text{ к } R(x) \text{ (табл. 2)}\}.$

Местом концентрации и координации действий основных поставщиков авиатранспортных услуг являются аэропорты, что указывает на их важность в эффективной организации транспортного обслуживания [8, 5], поэтому целесообразным является представить конкурентоспособность ПИ мирового рынка авиаперевозок через призму конкурентоспособности ПИ международных аэропортов. Тогда на четвертом этапе для каждого исследуемого аэропорта по каждому фактору определяется относительная конкурентоспособность его производственной инфраструктуры (табл. 4). Однако оценить конкурентоспособность ПИ аэропортов на мировом рынке авиаперевозок из-за отсутствия необходимой информации в большинстве случаев оказывается невозможным, поэтому для чистоты выводов предлагается использовать мнение высококвалифицированных экспертов.

Таблица 4. – Относительная конкурентоспособность ПИ международных аэропортов

Уровень конкурентоспособности фактора Φ_n	Φ_1	Φ_2	Φ_3	Φ_4	Φ_5	Φ_6	Φ_7
Название аэропорта (код IATA)							
Abu Dhabi International Airport (AUH)	K ₄	K ₆	K ₃	K ₆	K ₄	K ₁	K ₅
Amman Queen Alia International Airport (AMM)	K ₅	K ₇	K ₄	K ₅	K ₇	K ₅	K ₅
Boryspil International Airport (KBP)	K ₇	K ₇	K ₆	K ₆	K ₄	K ₆	K ₇
Cape Town International Airport (CPT)	K ₆	K ₆	K ₄	K ₆	K ₅	K ₄	K ₆
Dubai International Airport (DXB)	K ₃	K ₅	K ₄	K ₂	K ₅	K ₃	K ₄
Hong Kong International Airport (HKG)	K ₂	K ₂	K ₃	K ₃	K ₃	K ₂	K ₃
Paris-Charles de Gaulle Airport (CDG)	K ₅	K ₁	K ₆	K ₄	K ₃	K ₄	K ₄
Sheremetyevo International Airport (SVO)	K ₆	K ₄	K ₅	K ₅	K ₄	K ₆	K ₆
Singapore Changi Airport (SIN)	K ₁	K ₃	K ₁	K ₁	K ₂	K ₂	K ₂
Tokyo Haneda International Airport (HND)	K ₂	K ₄	K ₂	K ₅	K ₁	K ₃	K ₃

На пятом этапе для каждого аэропорта по каждому показателю конкурентоспособности фактора j с учетом его важности i находится нечеткое отношение r_{ij} , используя в уравнении функции принадлежности соответствующих термов нечетких лингвистических переменных «X-важность» и «Y-конкурентоспособность»:

$$r_{ij} = R_i^T(x) \otimes R_j(y), \quad (1)$$

$$\left[\mu_{R(x)}^T(u_x) \otimes \mu_{R(y)}(u_y) \right] = \begin{cases} 1 & , \text{ если } \mu_{R(x)}^T(u_x) \leq \mu_{R(y)}(u_y), \\ \mu_{R(y)}(u_y) & , \text{ если } \mu_{R(x)}^T(u_x) > \mu_{R(y)}(u_y). \end{cases} \quad (3)$$

На шестом этапе для каждого аэропорта k строится нечеткое подмножество всех показателей оценки конкурентоспособности его производственной инфраструктуры путем «отсечения» функций принадлежности выводов правил. Такое сечение определяется как нечеткое отношение $R_k = \cap r_{ij}$ и имеет следующую функцию принадлежности:

$$\mu_R(u_x, u_y) = \min_{xy} \left[\mu_{R(r)}(u_x, u_y) \right]. \quad (4)$$

На седьмом этапе определяется максимальная конкурентоспособность ПИ каждого аэропорта $\alpha_{R_k(y_{\max})}(u_y)$:

$$\mu_{R_k(y_{\max})}(u_y) = \max_{u_y} \left[\min \left\{ \mu_{R(x)}(u_x, u_y), \mu_{R(y)}(u_y) \right\} \right]. \quad (5)$$

Восьмой этап — преобразование нечеткого набора выводов в четкое число. Для определения комплексного

где $R_i^T(x)$ — транспонированное значение x , $\otimes$ — операция композиции, которая задается функцией принадлежности $R_i^T(x) \otimes R_j(y)$ и определяется:

$$\mu_{R(r)}(u_x, u_y) = \min \left[\mu_{R(x)}^T(u_x) \otimes \mu_{R(y)}(u_y) \right], \quad (2)$$

где $\otimes$ — операция композиции, при которой элементы ее функции принадлежности можно задать следующим образом:

показателя конкурентоспособности ПИ мирового рынка авиаперевозок предлагается применить относительное евклидово расстояние, где кратчайшее расстояние будет показателем высокой конкурентоспособности:

$$\varepsilon_k = \sqrt{\frac{\sum \left[\mu_{R(y_{\text{ideal}})}(u_y) - \mu_{R_k(y_{\max})}(u_y) \right]^2}{11}}, \quad (6)$$

где $\mu_{R(y_{\text{ideal}})}(u_y)$ — функция принадлежности идеально высокой конкурентоспособности ПИ аэропорта, $\mu_{R_k(y_{\max})}(u_y)$ — функция принадлежности максимальной конкурентоспособности ПИ аэропорта k .

То есть, последним шагом предложенной методики является определение конкурентных позиций ПИ аэропортов на мировом рынке авиационных перевозок (табл. 5).

Таблица 5. — Конкурентные позиции производственной инфраструктуры аэропортов, 2014

Название аэропорта (код IATA)	ε_k	Рейтинговая позиция
Singapore Changi Airport (SIN)	0,240	1
Hong Kong International Airport (HKG)	0,315	2
Tokyo Haneda International Airport (HND)	0,367	3
Abu Dhabi International Airport (AUH)	0,426	4
Dubai International Airport (DXB)	0,431	5
Paris-Charles de Gaulle Airport (CDG)	0,520	6
Cape Town International Airport (CPT)	0,584	7
Amman Queen Alia International Airport (AMM)	0,843	8
Sheremetyevo International Airport (SVO)	0,884	9
Boryspil International Airport (KBP)	0,887	10

Таким образом, предложенный методический подход к оцениванию конкурентоспособности ПИ мирового рынка авиационных перевозок, основанный на теории нечетких множеств и нечеткой логики, позволяет обеспечить

количественное оценивание конкурентоспособности инфрасистемы с учетом широкого диапазона оценочных показателей, конвертированных в формализованные лингвистические переменные.

Список литературы:

1. Belobaba P., Odoni A., Reynolds T. Airport Systems: Planning, Design and Management. – Saint Louis: McGraw–Hill, 2012. – 816 p.
2. Rietveld P., Bruinsma F. Is transport infrastructure effective?: Transport infrastructure and accessibility: impacts on the space economy. – Berlin: Springer, 1998. – 383 p.
3. Forsyth P. Airport alliances and multi airport companies – implications for competition policy. // Journal of Airport Management. – 2011. – № 3. – P. 34–39.
4. Park Y. An analysis for the competitive strength of Asian major airports. // Journal of Air Transport Management. – 2003. – Vol. 9. – P. 353–360.
5. Sydorenko K. The mechanism of competitiveness management of production infrastructure of international airports in the global air transportation market. // European science review. – 2015. – № 4. – P. 159–162.
6. Корж М.В., Сидоренко К.В. Конкурентоспроможність виробничої інфраструктури міжнародних аеропортів як чинник соціально-економічного зростання в умовах глобальної конкуренції. // Актуальні проблеми міжнародних відносин. – 2015. – № 124. – С. 122–133.
7. Zadeh L. A. The Concept of a Linguistic Variable and its Application to Approximate Reasoning. // Information Sciences. – 1975. – № 8. – P. 301–357.
8. Hussain M. Investment in Air Transport Infrastructure. – Washington DC: The World Bank, 2010. – 260 p.

*Tsybuliak Anastasiia Gennadiivna,
Institute of International Relations
of Kyiv National Taras Shevchenko University,
Candidate of Political Sciences,
researcher of international finance department
E-mail: anastasia@glossary.com.ua*

Paradigm of ecologization in international economic relations

Abstract: The article researches the trends of shaping and implementing the paradigm of ecologization within international economic relations. The main environmental issues in the context of economic interaction and possible ways of their solution are determined and substantiated here.

Keywords: the paradigm of ecologization, nature protection, international economic relations, international natural resources, ecological vectors.

The modern stage of interstate economic cooperation development is being implemented under the influence of internationalization, globalization, integration, transnationalization. At the same time, the deepening of international labor division, the development of scientific and technological progress, the emergence of new forms, methods and tools for running business at international level — are bringing new demands to the organization of cooperation between countries in the economic area. In particular, the ecologisation of international economic relations as a factor of the environmental security management, implementation of the nature protection sustainable development of the world community countries are becoming very important issues.

The process of increased contradictions of interaction between Economic Community and the environment until recently had been accompanied by the emergence of only local or regional environmental crises, which covered the productive forces, ecologic conditions of economic activity and influenced on life of only individual part of humanity. However, qualitative complication and aggravation of such contradictions caused the expanding of their spatial scales

on the one hand, and increasing environmental internationalization and interdependence of the states in the form of transboundary environmental effects of the anthropotechnological activity; exporting of national environmental problems abroad, growth in consumption volumes, pollution of international natural resources — on the other, led to the aggravation of global and regional environmental contradictions. Deepening of the internationalization in socio-economic development strengthens a cross-border nature of environmental problems, provoking the threat of global environmental catastrophe.

In this regard a significant impact on the development of global economic space and the interaction between its participants are implemented by means of new ecological vectors. First of all, here is being said about dumping, protectionism and neo-colonialism, which gain a new coloring in the context of integrating environmental aspects of their implementation. In particular, environmental dumping is a manifestation of unfair competition and is related to unjustified reduction of export prices by reducing the cost of nature protective and ecologically safe technologies.

In turn, ecological neo-colonialism takes place in the form of environmental expansion of the developed countries, their attempt to solve their own environmental problems by moving the nature-dangerous productions, toxic and radioactive wastes into less developed countries, by intensive use of the world natural riches while conserving their own natural resources and increasing sales outside the country of environmentally harmful products.

The policy of the ecological protectionism is used in the form of prohibitions and restrictions of production, sale and use of ecologically unsafe products and the import of technologies and products that damage the environment and threaten the public health [1]. It should be noted here that establishing prohibitions on production, sale, use and import of the ecologically unsafe products or technologies by the countries can diversely affect on foreign economic relations, by causing either a decline in international trade or activating the export-import operations with environmentally dangerous commodities mainly from countries which have not introduced the environmental restrictions.

These contradictions require the implementation of the approach, in which all countries would aspire to such a type of development that would unite the interests of industries with the interests of preserving and improving the ecological resource base value and ensure a high standard of living. Such approach, above all, requires the rational nature management which means the implementation of legislation, enforcement of environmental safety requirements, ensuring effective and comprehensive measures for environmental protection, natural resource management, achieving coherence in actions of the world countries in the field of environment, the use of the concept of sustainable development in their activities.

In general, the concept of sustainable development should be seen as a strategy to solve the problems of conservation and restoration of the environment and ensure a high standard of living around the world [2]. The concept of sustainable development orients the world countries to the implementation of ecologically aimed measures as for restructuring both national economies and international economic relations towards the ecologisation of all life activity kinds in society. In a whole, thanks to the balanced ecological efforts being undertaken by states to achieve the socio-economic progress and harmonization of relations between civilization and nature, which are outlined within the concept of sustainable development of the world community, the real preconditions to preserve the potential of natural resources with aim to ensure the vital needs of contemporary and future generations, are being created.

The concept of sustainable development is aimed at implementing environmentally targeted measures for restructuring the national economy and international economic relations, the ecologization of all of society by conducting the appropriate complex of organizational, technological, financial, credit, international-legal, administrative measures which will be implemented by the world community, its regional institutions and each country individually.

In order to develop the modern world according to the above mentioned provisions, it is reasonable to determine the key environmental issues that have priority in the context of ecologising paradigm within international economic relations. These include protection of soils and the expanded reproduction of fertility of agricultural land; reforestation; the protection of water bodies and provide the population with clean drinking water; improving the efficient use of energy resources, energy conservation and switching to alternative, renewable sources of energy carriers; regulation of population.

Cooperation in the field of efficient use of natural resources and the environment to increase the ecologisation of international economic links, have to be based on the following forms of interaction. Firstly, the manufacturing cooperation and the exchange of scientific and technical information, technologies; secondly, the joint environmental assessments, the environmental and nature-restoring measures; thirdly, the monitoring and quality control for the environment; fourthly, the establishment of international financial funds and banks of ecological information.

In this regard, it is reasonable for the world countries to ensure their individual environmental interests within foreign economic activity, to create effective tools for interstate parity in the issues of transboundary transfer of pollutants, industrial emissions and discharges; to encourage attraction of foreign investments for environmental purposes and thoroughly fulfill its international commitments for environment problems [4].

Environmental factors are becoming some of the key in the formation and functioning of international economic relations. At the same time, the expansion of international economic cooperation increases the impact of the world economic relations on the dynamics of social production within individual countries, gaining a meaning of an independent factor in formation of ecological situation for member countries of the international economic exchange. Practice of the developed countries shows that they already implement on macro and micro levels the ecologically oriented strategy for economic growth as the objectively reasonable direction to achieve sustainable development [5, 143–156]. Environmental problems in the developing countries can not be solved without the use of a fundamentally new model of the sustainable ecologically safe functioning of the global economy. The peculiarity of environmental situation in the transition countries is determined by the long-lasting systemic social and economic crisis, which has closely combined with the environmental crisis. Considering this, only a positive experience of nature use from the other states, and international support of the national environment protection activity are gaining special importance. It should be noted that economic and scientific-technical cooperation between the world states aimed at the rational use and conservation of natural riches is complicated by differences in their geopolitical development.

The presence of common environmental problems is the basis for intensifying international cooperation in this area. Interstate cooperation in this direction began in the nineteenth century with the adoption of declaration on the protection of birds between Austria-Hungary and Italy, and with concluding the agreement between Russia, the US and Japan on protection and sharing of fur seals in the Pacific Ocean. Important in this regard was also the International Conference for the Protection of Nature conducted in Switzerland in 1913 by scientists from 18 countries. After the Second World War the International Union for the Protection of Nature was organized in France. Its main focus was directed on the conservation and rational use of natural resources. In 1956 the organization was renamed into the International Union for Conservation of Nature and Natural Resources, which had been heading the nature protection activity in the world for many years. A substantial role in shaping the ecologising paradigm of international economic relations also plays the United Nations Organisation. Its activity in this direction aimed, above all, to find new common solutions of global environment protection problems and sustainable nature use;

to establish common international ecologic standards; to conduct appropriate measures as for the limitation of reduction in biological diversity; to reduce the negative impact of human production activity on the natural environment and to develop alternative power engineering. Along with this, to implement environmental programs, the governments of states are provided with financial assistance to in the form of grants or loans from international organizations, such as the International Monetary Fund, the International Bank for Reconstruction and Development and others [3].

Modern development conditions of international economic relations, which are connected, as noted above, with the expansion of the global environmental crisis, require transition to international policy of the nature use. Its most important tasks should be, above all, the restoration of natural resources and preservation of biodiversity; management of natural processes stability taking into account all the elements of the environment, as they are interrelated; achievement of reasonable economic and environmental factors balance; the use of resources in quantities that allow their gradual recovery owing to natural processes.

References:

1. Андреева Н. Влияние экологического фактора на формирование современной системы международных экономических отношений. / Н. Андреева, С. Харичков // Региональная экономика. – 2004. – № 2. – С. 146–147.
2. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций. // [Electronic resource]. – Available from: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml
3. Окружающая среда и Цели развития на тысячелетие. / Под ред. Роберто Мартин-Уртадо, Кэтрин Болт, Кирк Гамильтон. – Всемирный банк, 2002. – 21 с.
4. План выполнения решений Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию. // [Electronic resource]. – Available from: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/plan_wssd.pdf
5. Туниця Т. Ю. Збалансоване природокористування: національний і міжнародний контекст. – К: Знання, 2006. – 300 с.

*Shklyar Tatyana Lvovna,
Plekhanov Russian University of Economics,
candidate of economic sciences,
associate Professor of Marketing
E-mail: tlb@mail.ru*

*Vasilyev Stanislav Viktorovich,
Bauman Moscow State Technical University,
Doctor of economic Sciences,
Professor at the Department of Economy
and the Manufacture Organisation
E-mail: vsvict@mail.ru*

Manufacturing environment. Dynamic approach

Abstract: Global competition has affected all spheres of business, the workplace is no exception. In order for the company were attractive to job seekers, the authors propose to consider a dynamic approach to the formation of the production environment, comprehensively considering all the aspects: from the color of walls, lighting, sound, ending the use of fragrances.

Keywords: Personnel marketing, personnel management, workplace.

Шкляр Татьяна Львовна,
Кандидат экономических наук,
Доцент кафедры Маркетинга Российского экономического
университета имени Г. В. Плеханова, РФ, г. Москва
E-mail: tlb@mail.ru

Васильев Станислав Викторович,
Доктор Экономических наук,
Профессор кафедры Экономики и организации производства
Московского государственного технического университета
имени Н. Э. Баумана, РФ, г. Москва
E-mail: vsvict@mail.ru

Производственная среда. Динамический подход

Аннотация: Глобальная конкуренция затронула все сферы бизнеса, рабочее место не является исключением. Для того чтобы компании были привлекательными для соискателей, авторы предлагают рассмотреть динамический подход к формированию производственной среды, комплексно рассмотрев все составляющие: начиная от цвета стен, освещения, звукового сопровождения, заканчивая использованием ароматов.

Ключевые слова: Маркетинг персонала, управление персоналом, рабочее место.

В наше столь нестабильное время, руководители различных предприятий и организаций заинтересованы в привлечении высококвалифицированных сотрудников, и уменьшении текучести кадров. Невозможно говорить о конкурентоспособных преимуществах организации не учитывая при этом персонал.

Рассматриваемые в настоящей статье подходы в разной степени изучались и использовались при реализации мероприятий научной организации труда (советская, американская, японская школы; германским трудовым фронтом в нацистской Германии), а также в даосской практике символического освоения (организации) пространств феншуй.

В статье предлагается перечень простых мероприятий, которые, вместе с тем, также могут активно воздействовать на состояние человека и его восприятие действительности.

Цвет

Цвет это сигнал, который считывается человек и преобразуется в эмоции (авторская трактовка). Следовательно, каждый цвет имеет определенное влияние, которое может способствовать работе, или отвлекать, вызывать агрессию, раздражение.

Цвет должен не просто нравиться менеджерам компании и персоналу, но и соответствовать помещению, в котором он используется. Для оформления рабочего пространства необходимо использовать оттенки, которые будут стимулировать рабочий процесс, при этом не отвлекать от основной деятельности, сосредотачивать и повышать внимание, располагать к продолжительному пребыванию и снижать утомляемость. Всего этого можно добиться именно за счет грамотно подобранной цветовой палитры.

В рабочих кабинетах принято использовать теплые оттенки. Известно, что они способствуют созданию рабочего настроения, оказывают положительное влияние на работников. Данные цвета успокаивают и улучшают зрение.

Необходимо отметить, что если помещение не большое, то теплые оттенки его зрительно увеличат, при этом интенсивные цвета — уменьшат.

Стоит так же упомянуть о палитре мебели. Несомненно, яркая мебель стимулирует рост работоспособности сотрудников, если они заняты творчеством (дизайнеры, психологи, журналисты и т. д.), в обратном случае, она будет отвлекать и утомлять.

Свет

Свет — это ключевой элемент необходимый для нормальной жизнедеятельности человека, влияющий на производительность труда и здоровье (авторская трактовка).

Освещение влияет на эмоциональное состояние и психику человека.

Сравнительная оценка естественного и искусственного освещения по его влиянию на работоспособность показывает преимущество естественного света. Ведущим фактором, определяющим биологическую неадекватность естественного и искусственного света, является разница в спектральном составе излучения, а также динамичность естественного света в течение дня.

Уровни освещенности должны составлять 1000–1500 лк. и могут быть обеспечены дневным светом, если он имеется, или электрическим светом от общего или локализованного освещения, например настольных ламп или комбинацией дневного и естественного света.

Музыка

Использование музыкального сопровождения на производстве и в офисе, как инструмент стимулирования сотрудников — идея далеко не новая.

Музыка является эмоциональным стимулятором, который способствует повышению умственной и физической активности (авторская трактовка).

Воздействие музыки на организм человека основано на таких особенностях психики как эмоциональная восприимчивость и непроизвольное подчинение заданному музыкальному ритму. Кроме того, в организме человека большинство физиологических, биофизических и биохимических процессов протекает ритмично. Таким образом, было установлено, что при использовании музыкальной стимуляции увеличивается общая работоспособность сотрудников на 15 %, повышается активность в первый час работы на 10 %, количество ошибок уменьшается на 30 % [6].

Необходимо отметить, что эффективное использование музыкального сопровождения на рабочих местах зависит от личных предпочтений работников, возрастных и гендерных различий. При составлении плейлиста необходимо учитывать время суток, а также характер работ.

Грамотно подобранные мелодии снимают нервное напряжение и усталость. Помогают сконцентрироваться, улучшают внимание и восприятие. При монотонной работе музыкальное сопровождение помогает сосредоточиться и сохранить тонус, нивелирует монотонный усыпляющий шум. Музыка способствует улучшению взаимоотношений в коллективе, уменьшая количество конфликтных ситуаций.

Ароматы

Обонятельные ощущения имеют воздействие на психологическом, физическом и социальных уровнях. В большинстве случаев вдыхая окружающие ароматы, люди, не осознают их влияние на свою жизнь, а тем более на рабочий процесс. При этом обоняние по силе эмоционального воздействия на людей опережает другие органы чувств на 75 % и является вторым по степени важности после зрения.

Аромат (запах) это стимулятор, который влияет на настроение и поведение человека (авторская трактовка).

В настоящее время с помощью различных ароматов повышают производительность труда и снижают количество ошибок у IT специалистов. Практика использования аромадизайна в офисе и на производстве вполне себя оправдывает, поскольку запахи влияют на психоэмоциональное состояние сотрудников, а при положительном эмоциональном уровне и работа протекает быстрее и эффективнее.

Обоняние непосредственно связано с лимбической системой (совокупностью ряда структур головного мозга), которая, в свою очередь, объединяет эмоции, память и т. д. Этим и объясняется мощное влияние запахов на состояние человека.

Запахи влияют на производительность труда, особенно выделяют ароматы сосны и свеженапечатанных денег.

Некоторые японские компании стимулируют своих сотрудников, впрыскивая определенные ароматы в систему кондиционирования. Утром на рабочих местах

работников встречает бодрящий запах лимона, который к 10.00 сменяется нежным цветочным ароматом, воздействующим на дополнительную концентрацию внимания. После обеда в офисные помещения и на производство поступает аромат расслабляющего розового амбре, а концу рабочего дня в помещения «запускают» аромат кипариса, эвкалипта и цитрусовых. Так же рекомендуется дома служащим засыпать, вдыхая сандаловый запах в сочетании с древесными нотами.

Отмечено, что число ошибок у работников таких фирм в среднем на 20 % ниже, чем у коллег из других офисов, а производительность труда в целом выше на 50 % [8].

Те же японцы подметили: число ошибок у программистов снижалось при вдыхании запаха жасмина на 3 %, лаванды — на 20 %, лимона — на 54 %.

Выявлено, что запахи по-разному влияют на мужчин и женщин. Женщины гораздо более чувствительны к обонятельным раздражителям. Так аромат апельсина помогает только слабому полу, мужчины к нему равнодушны.

Динамический подход к формированию производственной среды

Авторы считают, что рассмотренный выше инструментальный эмоционального воздействия на персонал, должен носить динамический характер. Если по отношению к музыке и запахам это кажется достаточно очевидным (смена музыкального сопровождения и распыляемых ароматов в течение рабочего дня описана выше), то цвет и свет также нуждаются в «динамичности». Современные технические возможности позволяют регулировать и изменять как цветовую гамму, так и освещенность, и направления подсветки помещений. Тем самым в одном помещении можно создать одновременно несколько вариантов цветового и светового оформления и, менять эти варианты в зависимости от решаемых задач и времени суток.

Кроме того, динамический подход предполагает периодический (а если специфика труда позволяет, то непрерывный) мониторинг воздействия тех или иных музыкальных фрагментов, ароматов и светоцветового оформления на показатели деятельности работников, с последующим анализом и корректировками.

Конкурентоспособное рабочее место подразумевает комплекс мероприятий воздействия на сотрудника, что впоследствии приведет к повышению работоспособности, увеличению стрессоустойчивости и снижению ошибок.

При этом отмечено, что любое воздействие предполагает длительный подготовительный процесс, учитывающий гендерную, возрастную и национальную составляющую, особенности рабочего процесса, географию нахождения помещений и многое другое.

Список литературы:

1. Mescon M., Albert M., Hedouri F. Fundamentals of management. – М.: publishing house “Williams”, 2008.
2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.thaicat.ru/forum/81-8869-1>
3. Lihach A. V. The outer limits – М.: Felix, 2004.
4. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alexandria.kharkov.ua/stati/muzyika_v_rabote_-_za_i_protiv

5. Loos V. G. Industrial psychology. 2nd ed. – K.: Machinery, 1980
6. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://granddndz.livejournal.com/656193.html>
7. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.btl.su/info/articles/227>
8. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tvoymalysh.com.ua/view/13376>
9. Satenstein D. Regulation of physiological processes at work. – M.: Medgiz, 1939.
10. Pluzhnikov M. S. Ryazantsev Among the smells and sounds. – From: Young guard, 1991.

Section 11. Science of law

*Abduhamitov Valijon Abduhalimovich,
Russian-Tadzhik (slavonic) of the University,
candidate of jurisprudence, docent,
head of chair criminal law
E-mail: valijon05@mail.ru*

Countering religious extremism in Tajikistan: problems of theory, legislation and practice

Abstract: The article investigates the crime, religious extremism, discusses the measures of criminal-legal influence on criminality associated with religious extremism. Notes about public danger of the specified crime and its threat to national security in the Republic of Tajikistan.

Keywords: crime, religious extremism.

*Абдухамитов Валиджон Абдухалимович,
Российско-Таджикский (славянский) университет,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права
E-mail: valijon05@mail.ru*

Противодействие религиозному экстремизму в Республике Таджикистан: проблемы теории, законодательства и практики

Аннотация: В статье исследуется совершение такого преступления, как религиозный экстремизм, рассматриваются меры уголовно-правового воздействия на преступность, связанную с религиозным экстремизмом. Отмечается об общественной опасности указанного преступления и ее угрозы национальной безопасности в Республике Таджикистан.

Ключевые слова: преступность, религиозный экстремизм.

На современном этапе особую опасность в Республике Таджикистан представляют такие международные террористические и экстремистские организации, как «Братья-мусульмане», «Хизб-ут-Тахрир аль-Исломи», «Ал-чихад-интернейшнл», «Аль-Кайда», «Движение Восточного Туркестана», «Исламская партия Туркестана» (бывшее Исламское Движение Узбекистана), «Движение Талибан», «Армия Тойиба», «Исламская группа», «Исламская организация Пакистана», «Джамаат-таблиг», миссионерская религиозная организация «Движение Таблиг», «Свобода Таджикистана», «Салафизм» и другие, тесно связанные с печально известной «Аль-Кайдой».

Существуют определенные сложности для принятия должных мер воздействия к лицам, занимающимся экстремистской деятельностью:

1) До настоящего времени в Таджикистане отсутствует экспертные учреждения, способных проводить бы экспертизы по материалам и делам, связанным с изготовлением и распространением продукции, направленной

на разжигание вражды или ненависти по национальному, местническому или религиозному признаку.

Производство исследований в рамках доследственных проверок и экспертиз по уголовным делам поручается экспертам, у которых зачастую нет опыта в подготовке заключений и в отстаивании своей позиции на суде. Кроме того, лица, нарушившие закон и их защита могут организовать проведение аналогичных исследований в другом учреждении. На практике встречались ситуации, когда обвинение приводит в доказательство вины подсудимого заключение одного эксперта, а защита предъявляет суду совершенно противоположное и не менее убедительное по своим доводам заключение другого специалиста.

2) Отсутствует порядок формирования списка экстремистских материалов.

В данный список, на наш взгляд, должно включаться материалы, которые признаны судом экстремистскими. Видимо, следует учитывать и тираж продукции, и способ её изготовления и распространения и другие факторы. Полагаем, что формирование списка должно осуществляться

не автоматически, а централизованным органом, в состав которого входили бы представители госорганов, общественных организаций, научных кругов.

Кроме того, о существовании такого списка должны быть обязательно ознакомлены продавцы литературы, видео и аудиопродукции, работники библиотек.

Сложность также заключается в том, что принятый в 2003 году закон «О борьбе с экстремизмом» [1], как нам представляется, слишком пространно толкует экстремистскую деятельность. Экстремизму здесь приписываются свойства, скорее присущие терроризму: «насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности РТ; ... захват или присвоение властных полномочий; создание незаконных вооруженных формирований; осуществление террористической деятельности». Кроме того, в определении экстремизма религиозные организации упоминаются вслед за общественными. Очевидно, что вышеупомянутый закон был принят, исходя из насущных интересов национальной безопасности Таджикистана. В то же время, правовое и терминологическое смешение экстремизма и терроризма представляется неверным.

Популяризация экстремизма в Интернете, регулярными пользователями которого на настоящий момент являются около 14 миллионов человек, создала новую глобальную проблему. В настоящее время глобальная сеть является основным плацдармом распространения религиозно-экстремистских идей. Экстремистские объединения используют компьютерные сети в качестве трибуны для пропаганды своих идей [2, 161] и вербовки новых сторонников.

Пути решения данной проблемы видятся в решительной борьбе с экстремистскими ресурсами Сети. В данном вопросе необходимо использовать позитивный зарубежный опыт декриминализации виртуального пространства (Германия, США), где интернет-провайдеры уже на протяжении нескольких лет тщательно отслеживают и удаляют из сети любые экстремистские сайты, размещая на их месте странички антиэкстремистского содержания. Но если в странах Европы и Америки такого рода меры принимаются частными компаниями по собственному желанию, то в Таджикистане подобная инициатива могла бы исходить «сверху», и в частности от законодателя.

Д. С. Глухарев полагает, что борьба с экстремизмом в сети Интернет нуждается в значительной корректировке. В настоящее время мы боремся с экстремизмом на его поле и по его правилам. Необходимо кардинальное изменение не методов борьбы, а самого социального пространства, в котором эта борьба происходит. Только создание современного медиа-пространства, в котором экстремисты будут действовать и которое будет существовать по нашим правилам, позволит эффективно бороться с их идеологией. В настоящее время политика направлена на подавление источников радикальной информации или прерывание коммуникационных линий, по которым происходит распространение радикальных идей. Это жесткий путь борьбы, который, как учат китайские мыслители, не всегда

эффективен [3, 52–54]. Для распространения идей религиозного учения создаются агентурные сети. До сих пор определенные трудности возникают при попытке правового регулирования связи и распространения информации через всемирную сеть. Например, до сих пор, несмотря на имеющийся в Законе запрет использования сетей общего пользования, в том числе Интернета, для осуществления экстремистской деятельности, остаётся до конца нерешённым вопрос выявления конкретных лиц, размещающих соответствующие материалы, а также привлечения их к ответственности. Полагаем, что это связано, в частности, со сложностями определения материалов как экстремистских. В. А. Бурковская отмечает о непроработанности правового механизма, который обязывал бы субъектов, предоставляющих выход в сети общего пользования либо отслеживать появление экстремистских материалов, либо их блокировать на стадии размещения [4, 64–65]. Пользуясь пробелами законодательства и возможностью оставаться инкогнито, экстремисты используют интернет для координации и постоянного совершенствования своей противоправной деятельности. Проблемным остаётся вопрос о пресечении и контроле связи экстремистов, использующих не собственные ЭВМ, а пользующихся услугами предоставления соответствующей связи в многочисленных интернет-кафе. В обозначенной ситуации возможность идентификации правонарушителя резко сокращается. В этой связи, представляется целесообразным обязать на законодательном уровне организации и частных лиц, предоставляющих услуги связи через интернет, оборудовать помещения соответствующих салонов камерами видеонаблюдения.

Опрос следователей подразделений по борьбе с организованной преступностью показал, что:

- 64 % следователей указали на привлечение к уголовной ответственности, как правило, исполнителей;
- лишь в 20 % выявлены организаторы, в 5 % — наводчики, в 12 % — пособники;
- 62 % следователей отметили, что не удаётся выявить коррумпированные связи преступных структур;
- привлечение к уголовной ответственности организаторов происходит крайне редко, в основном в 2-х случаях:
 - а) в связи с непосредственным участием в совершении преступления — 58 % и
 - б) случайно (наркотики и т. д.) — 45 %;
- 44 % следователей вообще никогда не доводилось привлекать к уголовной ответственности организаторов.

Следует отметить, что сложившееся в результате развития современное состояние религиозного экстремизма выглядит следующим образом. Уровень и удельный вес её не поддается точному определению. Действующие статистические формы не отражают в полной мере состояния даже зарегистрированных подобных преступлений.

В заключении необходимо отметить, что в результате анализа ситуации в обществе можно выделить следующие опасности, исходящие от религиозного экстремизма в Таджикистане:

1. Религиозный экстремизм появляется во все более новых формах и охватывает различные аспекты взаимоотношений в обществе (помимо традиционных форм — наркоторговля, теневая экономика, терроризм, экстремизм и др., появилось одно из новых проявлений — торговля людьми, охватывающая собой и эксплуатацию человека, вовлечение в наркоторговлю и в вооруженные конфликты).

2. Нарушение межрелигиозного мира и согласия. Источником такой опасности выступают религиозная нетерпимость, религиозный фанатизм, множественность религиозных течений, действующих в РТ.

3. Наблюдается рост криминальной активности (в экстремистско-криминальные отношения вовлекаются малообеспеченные лица, несовершеннолетние, женщины, сотрудники правоохранительных органов).

4. Сложился транснациональный характер организованной преступности.

5. Особое внимание, на наш взгляд, также следует обратить на необходимость предупредительно-профилактической работы по ликвидации религиозно-экстремистских и экстремистско-террористических сайтов в сети Интернет. Полагаем, что правоохранительные органы должны вести

систематическую предупредительно-профилактическую работу по предотвращению размещения в глобальной сети подобных пропагандистских материалов. Кроме того, необходимо противодействовать финансированию религиозной экстремистской деятельности, предотвратить использования или угрозы использования локальных или глобальных компьютерных сетей в экстремистских целях.

6. Создать в Таджикистане систему экспертных учреждений, по материалам и делам, связанным с изготовлением и распространением продукции, направленной на разжигание вражды или ненависти по национальному, местническому или религиозному признаку.

7. Подготовить список экстремистских материалов. В данный список должны включаться материалы, которые признаны судом экстремистскими. Следует учитывать и тираж продукции, и способ её изготовления и распространения. Полагаем, что формирование списка должно осуществляться не автоматически, а централизованным органом, в состав которого входили бы представители госорганов, общественных организаций, научных кругов. О существовании такого списка должны быть обязательно ознакомлены продавцы литературы, видео и аудиопроductии, работники библиотек.

Список литературы:

1. Закон Республики Таджикистан «О борьбе с экстремизмом» от 8 декабря 2003 года. // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. – 2003. – № 12. – Ст. 697.
2. Подробнее см.: Бондаренко С. В. Национальные и националистические сетевые сообщества. // Новый стандарт. – 2001. – № 1.
3. Глухарев Д. С. Борьба с экстремизмом в современном медиа-пространстве. // Материалы конф. «Феномен экстремизма и ксенофобии в современной России: факторы генезиса, пути и способы противодействия». 9–10 декабря 2010 г. / редкол.: Л. В. Карнаушенко (отв. ред.), Е. О. Кубякин, Е. М. Куликов, В. Н. Ракачев. – Краснодар, 2010.
4. См. более подробно: Бурковская В. А. Правовое обеспечение борьбы с распространением экстремистских материалов в Интернете. // Право и политика. – 2007. – № 6.

Baranov Victor Alekseevich,

PhD in jurisprudence, assistant professor, Honoured jurist of Russia, head of the chair “Civil and arbitral process”, Financial university under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Prizhennikova Alena Nikolaevna,

assistant professor of the department of “Civil and arbitral process”, candidate of jurisprudence, associate professor, FSEBI of HE Financial university under the Government of the Russian Federation

E-mail: alenaprizhen@mail.ru

Execution of sentence that contains a claim

Abstract: A committed crime results in the violation of property rights, and certain personal non-property rights are damaged. The institute of civil action in criminal procedure is one of the ways to protect the rights of a person who suffered material damage and (or) non-pecuniary damage.

Keywords: criminal proceedings, civil proceedings, a claim in criminal trial, the content of the claim, enforcement order, the adversarial and equality principles, the court enforcement officer.

The scholars who research this matter find the merit of including actionable procedure into criminal proceedings in the

fact that it provides a range of advantages to a claimant (injured person) and gives him access to justice, i. e. a possibility

guaranteed by the government to promptly turn to the judicial procedure in order to protect the rights and interests, and defend them in the statutory manner making the denial of justice impossible.

The major advantage is that it's unnecessary to defend the violated rights and interests twice — in criminal and civil proceedings. When a civil dispute is solved within the criminal proceedings it anticipates bureaucracy and consequently reduces the number of claims under civil judicial procedure. Additionally, unjustified waste of time, efforts and facilities diminish. For instance, a claimant doesn't need to incur extra expenses in attorneys' fees, and witnesses needn't give evidence twice in different proceedings. An obvious advantage is the fact that it is unnecessary to justify the claim under the civil procedure rules when the burden of proof is imposed on the claimant, and according to the RF Criminal Procedure Code the burden of proof is imposed on the prosecution under criminal procedure rules [13].

Such approach to the regulation of the injured person's rights is in line with the provisions of the Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power, providing that persons who suffered damages as the result of criminal offence, including bodily harm and moral damage, emotional distress, material damage or substantial restriction of their major rights, have access to judicial facilities and prompt compensation for damages in accordance with the national legislatures (paragraph 4). The member states of the UNO must try to make the judicial and administrative procedures meet the interests of the victims of crimes to greater extent, including the ways to provide possibilities "to state and consider opinions and requests at corresponding steps of proceedings in cases when their personal interests are involved without detriment to defendants and in accordance with the respective national criminal justice system", and also "through the provision of due assistance to them in the course of the entire criminal trial" (paragraph 6, subparagraphs "b", "c") [1].

In the theory of criminal trial joining a criminal case and civil damage compensation case is called a joint procedure [7: 53, 58; 11, 256–264].

The institute of civil proceedings in criminal procedure has a complex character as the procedure of claim consideration is governed by the rules of the criminal procedure code, but the enforcement, and the questions of legal succession are regulated both by criminal procedure code and rules of civil procedure code, as well as by the law "On enforcement proceedings". The knowledge of the complex character of this institute under consideration makes it possible to see clearly the legal margins of different procedures and to apply respective rules correctly.

A claim in criminal trial is an ancillary remedy for the injured person. Thus, all the questions that concern sustaining the claim refer not to major issues of the sentence provided by Article 308 of the RF Criminal Procedure Code, but to issues subject to be solved in the judicial disposition of the sentence provided by Article 309 of the RF Criminal Procedure Code.

Scholars specializing in criminal procedure law paid much attention to this procedure institute. However, the research was devoted to issues arising at the stage of pre-trial investigation of the criminal case or before the sentence is declared by the court. The issues of sentence enforcement that includes claims were left unconsidered. Additionally, the practice of sentence execution showed that there are issues requiring scientific apprehension and successive legal regulation. That's why we support the opinion provided by legal literature that the institute of civil claimant in the criminal proceedings has not been sufficiently researched [13].

Taking into consideration the fact that the issues under consideration failed to receive clear regulation in the Criminal Procedure Code we are going to interpret them using the rules of civil procedure code and applicable Federal law "On enforcement proceedings" with regard to complex character of the action proceedings.

The first question concerns the following: to what extent the contents of an enforcement order must correspond to judicial disposition and statement of reason in the sentence. As for the sentence, the Decree № 1 as of 29.04.1996 of the Plenum of the Russian Federation Supreme Court [2] set forth that the court must provide the sentence with a full or partial justified recovery of the claim or denial of such recovery, specify the amount of recovery based on respective calculations which meet the requests of the claimant, and specify the law under which the claim is recovered. In case of a civil claim recovery imposed on several defendants, the sentence must specify which amounts have to be charged jointly and which amounts are charged severally [2]. It seems that this indication should be complemented by the provision in the statement of reason that the court must set forth the reasons under which they accept the acknowledgement of the claim. It's necessary in order to avoid cases when the claim is unreasonably raised.

Under Article 309 Part 4 of the RF Criminal Procedure Code provision the court when establishing a judgment of conviction must resolve the claim commenced in the case. Provided it is necessary to make additional calculations related to the claim and involving a delay of court proceedings but when it does not affect the judgment on crime qualification, type of punishment and on other matters, the court may grant the claimant the right to the claim recovery and transfer the matter about the amount of damages to civil jurisdiction.

When establishing an acquittal in the absence of crime in the act or as the defendant is not implicated in the crime, the court rejects the claim. In other cases the court leaves the claim undecided (Article 306 Part 2 of the RF Criminal Procedure Code) [2].

A civil claim may also be left undecided when the claimant or his/her representative defaults to appear before the court except the cases provided in Article 250 Part 2 of the RF Criminal Procedure Code: if there is a motion from the claimant or his/her representative; if the claim is supported by the prosecutor; if the defendant fully accepts the claim.

The person who has suffered morally or physically, or from property damage due to the crime is entitled to bring an action and seek compensation for moral damage, such compensation under the law is performed in money amounts irrespective of property damage that is subject to compensation. When solving these suits one should rely upon provisions of Articles 151, 1099, 1100, 1101 of the Russian Federation Civil Code which run that when estimating the moral damage it's necessary to take into account the character of emotional and physical sufferings inflicted to the injured person as this may be related to his or her individual features, also take into account the extent of defendant's guilt, his/her financial standing and other specific circumstances of the case that influence the judgment in the action. In every case the estimation of the compensation amount must be done with regard to the principle of justice and proportionality [2]. However, it practically can't be found in the court sentences as the defendant is afraid to make the situation worse trying to defeat the action so he acknowledges the claim. The court sustains the claim, and after the sentence the convict (debtor) realizes that he/she will have to pay out the compensation for the rest of his/her life, though that was no-property claim. The judges are amazed at the overestimated amounts of damages that were awarded in the sentence.

As for the compliance of claim contents it reflects only judicial disposition. We think it is improper as it's impossible to establish the reason for succession. And according to the provisions of the new law "On enforcement proceedings" (article 40) a court enforcement officer will determine the successors.

Unfortunately, this issue has not been legislatively regulated and remains technically unprovided. Thus, Article 428 of the RF Civil Procedure Code runs that claimants are provided with an enforcement order but the content of such order is not given. In s. p.5 paragraph 1 Article 8 of the Federal law "On enforcement proceedings" it is set forth that the enforcement order reflects the judicial disposition of the decision or another authority.

Practically, in the situation when a defendant (debtor) is economically disadvantaged the execution of the sentence in relation to claim is extended to an indefinite term. The claimant dies at certain stage and his heir as a successor receives the enforcement order concerning the part of unexecuted sentence. Moreover, part of the rights can not be assigned to successors according to Article 1112 Part 3 of the RF Civil Code [3], that is why the succession here is impossible.

Can a court enforcement officer take it into consideration at the stage of procedure execution? Having the content of the enforcement order but lacking the structure of the recovery he cannot do that.

However, according to the Instruction for court office management the Supreme Courts of republics, courts of districts and territories (krai), city courts of federal jurisdiction and also regional courts must forward enforcement order to the court enforcement officer along with the copy of the sentence that shows what penalties make the final amount

of recovery. However, this provision is not practically followed, and the court enforcement officer acts under the Federal Law "On enforcement proceedings" and there is nothing said about the duty of the enforcement officer to follow the copy of the sentence (or any other court act). The law "On enforcement proceedings" [5] runs that the court enforcement officer must follow the enforcement document. It means that even though the debtor has reimbursed the damages in full, the court enforcement officer will continue the enforcement procedure to the benefit of the claimant's successors.

The following issue that appears at the stage of sentence execution is a procedural aspect of succession in title.

Under Chapter 47 of the Russian Federation Criminal Procedure Code the courts have to decide issues connected with the execution of sentences. The court procedure for these issues is set forth in Article 399 of the RF Criminal Procedure Code.

Particularly, if the issue concerns the execution of the sentence related to civil claim recovery, the claimant and civil defendant may be summoned to the court. Application of Article 399 Part 3 of the RF Criminal Procedure Code along with Article 399 Part 2 of the RF Criminal Procedure Code actually helps the court not to summon the accused (defendant) to the court and to decided at its own discretion the issue on the participation of the accused (defendant) at the hearing related to any matter related to the sentence execution identified in Article 397 of the RF Criminal Code.

In this case Article 399 Part 3 of the RF Criminal Code does not contain even an approximate list of conditions under which the court can make a decision on the participation or non-participation of the accused (defendant) at the hearings. This issue is left to be solved exclusively at the judge's discretion who under Article 396 Part 6 of the RF Criminal Procedure Code solely considers all the cases related to the sentence execution.

Thus, Article 399 Part 3 of the RF Criminal Procedure Code actually provides the opportunity to consider any matters related to the sentence execution without the accused being present at the hearing. This is very important. This can be a mere technical matter related to the erroneous drafting of the enforcement order that resulted in its return to court by the enforcement officer. These may be matters that concern a procedural legal succession or a sentence execution cessation, the solution of such matters affects the further range of execution acts and individuals but the possibility of further execution activity.

The existing provision in the process of its realization can significantly breach the defendant's rights to relief which is granted to him by the RF Constitution. It is due to the fact that should the defendant fail to participate in court hearings, he can realize in full his rights to defense granted to him by the RF Constitution including stated in the Criminal Procedure Code rights: the right to know the subject matter of the case, affirm a motion or communication or deny it, give evidence and explanations, file motions and denials, retain the advocate,

participate in court proceedings, appeal court acts and decisions in case of disagreement with them.

This statement is based on the fact that according to Article 399 Part 3 of the RF Criminal Procedure Code an accused is entitled to review the materials submitted to the court, participate in its consideration, file motions and denials, provide explanations, submit documents only in the case when he participates in the court hearings. Consequently, if the accused does not participate in the court hearings, he has no such rights.

The consideration of the matter concerning procedural rights succession within the execution of the relief demand of the injured person (claimant) in the absence of the accused (defendant) is a clear example that shows the possibility to breach the rights of the accused in case the court hears the case related to the sentence execution in the absence of the accused.

Part 2 of the article 123 of the RF Constitution. allows a court trial in absentia in cases provided by the Federal law. However, when such cases are identified the legislator must act reasonably so that there could be a possibility of a trial in absentia as an exclusion from the common rule. In this case Article 399 Part 3 of the Criminal Procedure Code allows the court which considers the matters of the sentence execution to make a decision even not notifying the accused (defendant), his counsel about the hearing the issues not letting them know about the arguments, not notifying about the time and venue of these issues hearings. Moreover, according to the said rule the court decision on the participation or non — participation of the accused in the court trial may be unmotivated. The remedies are provided to the defendant only in cases when the court acknowledges the necessity to grant a decision on the accused participation or non-participation at court proceedings and summons him/her to the trial. This is a deviation from the principle of equality of citizens before the law and court set forth in Article 19 Part 1 of the RF Constitution, and it's also a restraint of the constitutional right to relief provided by Article 46 Part 1 the RF Constitution.

The accused if he/she wishes to participate in the trial cannot be deprived of this right, cannot be deprived of the possibility to file rejections and motions, study the lines of other participants of the trial and review the materials, give explanations, ask questions to the witnesses etc. These are necessary guarantees of the judicial protection and fair trial of the case at the stage of solving matters related to execution of sentences.

The right to judicial protection provided by Article 46 Part 1 of the RF Constitution is entrenched by the existence of such guarantees that allow exercise it in full and provide an effective and fair justice. One of such guarantees as applied to criminal procedure is the provision on judicial procedure on the basis of the adversarial principle and the principle of the parties' equality set forth in Article 123 Part 3 of the RF Constitution. The adversarial and equality principles were further entrenched in Part 1 and Part 4 article 15 of the RF Criminal Procedure Code, Article 243 Part 1. These principles must be

applied at all stages of the judicial procedure. The proceedings stage when the issues related to the sentence execution must also be included. The range of procedural rights provided to parties at this stage inclusive its aims and peculiarities can be smaller than in the lower court where the criminal case is tried on the merits and the person is charged with committing a crime. However, defining the list of such rights the legislator must take into consideration constitutional requirements that concern conducting judicial proceedings under the condition of adversarial and equality principles [8].

Only in this case there will be created the necessary conditions for judicial error prevention and a fair judicial decision making.

Exception can be connected only with the defendant's motion to consider the case in his absence or failure to appear in court of a probationer who has been notified about the time and venue of the court proceedings.

This legal position is set forth in the Russian Federation Constitutional Court in the Decree as of December 10, 1998 N 27-II on the case of the constitutionality examination of provisions in Article 335 Part 2 of the RSFSR Criminal Procedure Code, Decree as of January 15 1999 N 1-II on the case of the constitutionality examination of provisions in Article 295 Part 1 and 2 of the RSFSR Criminal Procedure Code and Decree as of February 14 2000 N 2-II on the case of the constitutionality examination of provisions in Article 337 Parts 3, 4 and 5 of the RSFSR Criminal Procedure Code. This position was further developed in decisions as of December 10 2002 N 315-O on the claim of D. T. Khudoerov, as of March 25 2004 N 99-O on the claim of V. A. Vlasov, as of April 8 2004 N 132-O on the claim of A. V. Gorskiy [10].

By virtue of the RF Constitutional Court decrees the provision of second and third parts article 399 of the Russian Federation can't be construed as admitting the lowered range of rights guarantees and lawful interests of a person executing the sentence, in the process of the court decision making which results in either cessation of sentence execution concerning claims, or further execution but on the changed conditions.

The conclusion of the RF Constitutional Court stating that Article 399 Part 2 and 3 of the RF Criminal Procedure Code assume that the court upon the respective request of the accused must ensure his participation in the proceedings so that he could set forth his line and present the necessary evidence [10]. This conclusion was made to be applied to criminal punishment, so with regard to the procedure to consider procedural issues on the sentence execution as it is related to relief claim, but omissions remain. We think this problem should be solved the same way as it has been done in the above mentioned definition of the RF Constitutional Court.

The judge in the case consideration in absentia has to solve the issue on the further sentence execution where it concerns claim relief doing so on the basis of case materials which do not correspond to the actual situation in this part of the sentence, i. e. actually not on the basis of the constitutional adversarial and equality principle.

The stated above analysis of the legal regulation of succession rights makes it evident that the criminal procedure code governs not all questions of the institute under consideration at the stage of sentence execution that contains a claim. The Federal Law “On enforcement proceedings” in its turn indicates that in case of withdrawal of one of the parties (death of an individual, reorganization of a legal entity, assignment of a claim, transfer of the debt) a court enforcement officer must make a substitution this party with a successor, defined under the statutory procedure and federal law. The successor is bound to perform all activities which have been performed by the other party before the assignment [4]. Thus the court enforcement officer must be governed by the federal law as the analyzed form is a blanket form. Since the criminal procedure code fails to give answers to all arising questions, another federal law becomes the RF Civil Procedure Code which has regulated many questions of procedure.

But there is no certainty. The applicable articles 20 and 21 of the Federal Law “On enforcement proceedings” indicate some obligatory and optional reasons for the suspension of enforcement procedure. In the new law “On enforcement proceedings” [4] these are articles 39 and 40 respectively. When one of the said reasons occurs, the enforcement proceedings can be and must be suspended under the statutory rules. The same rules for procedure suspension are made in articles 436 and 437 of the RF Criminal Code. However, neither of the stated articles provides such reason as the death of the claimant. It means that after his/her death the enforcement procedure must be extended, but the question is — to whose benefit?

The death of the claimant can be the basis for the cessation of the enforcement procedure as provided in Article 23 of the Federal Law “On enforcement proceedings” (in new law respectively Article 43) and in Article 439 subpar. 3 par.1 of the RF Civil Procedure Code. But it’s said there that in case of claimant’s or debtor’s death the demands and obligations cannot be assigned to the successor of the deceased or to the person declared dead.

We think that before the issue of procedural legal succession is clearly settled, upon the death of the claimant at the stage of enforcement procedure it’s possible to be governed by the Article 215 of the Civil Procedure Code, by analogy rules provided in the Article 1 Part 4 Civil Procedure Code. This article in contrast to previously considered articles says that court must suspend the proceedings in case the person dies, if the dispute admits legal succession of rights. This is of great importance as according to Article 24 of the Federal Law “On enforcement proceedings” (Article 45 of the new law) no enforcement acts are admissible under suspended enforcement procedure. In order to be consistent in this issue, we assume that upon the cessation of enforcement procedure no enforcement acts are admissible, however, a ceased enforcement procedure cannot be initiated again in accordance with Article 439 para. 3 of the RF Civil Procedure Code.

In accordance with Article 440 of the RF Civil Procedure Code the matters concerning enforcement proceedings suspension are heard by court at enforcement officer location

(the same rule has been preserved in Article 45 of the new law “On enforcement proceedings”). Moreover, the claimant, debtor, court enforcement officer must be notified about the venue and time of such proceedings. Practically, if reasons for the succession of rights exist, the judges who have delivered the judgment just issue a new enforcement order to heirs (successors) following the provisions of Article 399 Part 2 of the RF Criminal Procedure Code which sets forth that when it concerns the sentence execution in the part of civil claim both claimant and civil defendant may be summoned to court.

Material interests of debtor are violated in such situation. What can show this? The thing is that in a new enforcement order the judge merely substitutes the name of the injured person (claimant), and all the rest is left unchanged. Taking into consideration the fact that the proceedings have never happened, court enforcement officer and the debtor can not give evidence within the case namely about the uncharged amount of money, so the enforcement order will bear the initial debt. A new claimant (successor) files a enforcement order to the enforcement officer’s service and writes a petition on a case initiation. A new enforcement proceeding is initiated, and this can be done by another enforcement officer but not the one who has been running the initial case, the debtor is requested to fulfill a new requirement not taking into consideration the fact that he (debtor) has already compensated a part of damages. This question could be settled at the level of court enforcement officers’ service but for some formal reasons. The point is that the judge when issuing a new enforcement order and not holding the hearing, fails to attach a judicial act confirming the successor, that is why the enforcement officer, initiating a new case considers him as an independent claimant not connecting the penalty with the penalties imposed earlier.

Such practice does not comply with the rules established by the RF Supreme Court Judicial Department. The subordinate act runs that enforcement documents are forwarded with the copy of the sentence (decision, court ruling) or an extract from the said in the part concerning compensation for the damages incurred through the crime [9].

However, the statutes say nothing about it. In connection with this a question is raised which concerns the legal meaning of the sentence copy for the enforcement officer and about the sentence copy default.

Section 9.2 of the Instruction devoted to sentence execution, rulings and decisions nothing is said about the contents of an enforcement order. The requirements to the contents of the enforcement order can be found in paragraph 9.3.2. of Section 9.3. of the Instruction devoted to the address to execution of decisions, rulings on civil cases. However, this is a blanket regulation since it refers to article 8 of the Federal Law “On enforcement proceedings”. But Section 9.3. of the Instruction does not include indication to forward the copies of court decisions to enforcement officer’s service.

Absolutely the same provision is available in the courts of the Russian Federation constituent entities. Particularly, the Instruction on judicial office management paragraph 12.10 states

that if the court within criminal trial indicated in the sentence the material damages caused due to the criminal act, within three-day period since the sentence took legal effect, and for appeals no later than three days from the day the case was returned from the Russian Federation Supreme Court, the enforcement documents are issued according to the number of claimants and are forwarded to a division of the enforcement officers service at the place of residence or at the place where the convicted defendant keeps his/her belongings, and the claimant is notified about the documents forwarding [6].

In this situation the possible way out is a claim against court enforcement officer actions. But formally he is right as the newly issued enforcement order conforms to the requirements of Article 8 of the Federal Law "On enforcement proceedings", that is why court cannot invalidate his actions. It is important to admit here that the Civil Procedure Code and subordinate legislation have not provided the procedure to correct the mistakes in the enforcement order, and generally, the rules of drafting and issuing of enforcement orders.

We think that it's difficult to accept such approach. It's important to point out that Article 44 of the Civil Procedure Code, providing the rules of succession, failed to establish procedures so that to realize this rule at the stage of enforcement proceedings. Article 440 of RF Civil Procedure Code states the rules of enforcement proceedings suspension and cessation and not the rules of succession. That is why if the contents of Article 44 of the Civil Procedure Code is accepted literally, the court accepts the substitution at any trial stage, in other words it can be presumed that the judge is entitled to act at his own discretion and either call court hearing or not. However, a part of the Article under consideration sets forth that a ruling is made on this issue but it can be appealed. In connection with this it's necessary

to apply Article 224 of Civil Procedure Code to this issue, that entrenches the rule about the necessity to announce the court decisions immediately after their passing. If these articles are joined to Part 4 Article 1 of Civil Procedure Code that sets the rule of analogy, it will be possible to make a conclusion that at the stage of enforcement proceedings the question of succession must be solved according to the rules of Article 440 of the RF Civil Procedure Code.

Taking into consideration the foregoing, we think that Article 399 of the RF Criminal Procedure Code requires specialization concerning issues to be decided by the judge in consideration in absentia, and at the same time consolidation of the issues that must be decided according to the civil procedure code rules, i. e. include blanket regulations in order not to complicate the contents of the criminal procedure code.

The following matter arising at the stage of enforcement is the matter of proceedings cessation. In particular, to decide which participant of the proceedings may take legal action. The point is that neither Civil Procedure Code, nor Federal Law "On enforcement proceedings" fail to identify the entities. Some judges think that only enforcement officer can initiate the consideration of such issue. We think that it can be not only the enforcement officer but any party to the case. This conclusion is based on two provisions; firstly, as it has been mentioned above, the wording of Article 24 of the Federal Law "On enforcement proceedings" and Article 440 of the Civil Procedure Code make this acceptable; and secondly, applying the analogy rule according to Part 4 Article 1 of the RF Civil Procedure Code we can apply Part 1 Article 327 of Administrative Procedure Code stating that enforcement procedure can be suspended by arbitrazh court upon the application of the claimant, debtor and enforcement officer.

References:

1. Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crime and Abuse of Power (adopted by the resolution of the UNO General Assembly 40/34 as of November 29 1985).
2. Decree № 1 as of 29.04.1996 of the Plenum of the Russian Federation Supreme Court "On court sentence" "On court sentence" № 1 (as amended from the Decree of the RF Supreme Court as of).
3. Decree № 1 as of 29.04.1996 of the Plenum of the Russian Federation Supreme Court "On court sentence" "On court sentence" № 1 (as amended from the Decree of the RF Supreme Court as of 06.02.2007 № 7) (paragraph 19).
4. Federal Law as of November 26, 2001 № 146-ФЗ "On effecting Part 3 of the Russian Federation Civil Code".
5. Federal Law as of October 02, 2007 № 229-ФЗ "On enforcement proceedings".
6. Federal Law as of July 21, 1997 № 119-ФЗ "On enforcement proceedings" (art. 7–10).
7. Instruction on judicial office management in the Supreme Courts of the republics, territorial and district courts, city courts of federal jurisdiction, courts of autonomous regions and autonomous districts. Approved by the order Judicial Department with the Russian Federation Supreme Court as of 15.12.2004 № 161.
8. Kvachevskiy A. On criminal prosecution, depositions and pre-trial investigation of crimes under judicial statute of 1864. – SPb, 1966. – P. 53, 58.
9. Kotsubin Yu. M. On constitutionality of the provisions of the RF Criminal Procedure Code Article 399, applied by courts during the consideration of issues related to the execution of sentences. // Russian judge. – 2005. – № 11.
10. Refer to Instruction on judicial office management in regional court. Approved by the Order of the General Director of Judicial Department with the Russian Federation Supreme Court as of 29.04.2003 № 36.
11. Refer to the RF Constitutional Court Decisions as of 11.08.2006 № 351-O "On the claim of Slyusarev Vladimir Nikolaevich related to the violation of his constitutional rights by provisions of Part 2 and 3 Article 399 of the Russian Federation Criminal Procedure Code".

12. Rosin N. N. Criminal Procedure. – Pg., 1916. – P. 256–264.
13. Russian Federation Criminal Procedure: Manual 2nd edit., amended and suppl./L. N. Baskatov (et al.) edit I. L. Petrukhin. – M.: TK “Velbi” Publ. House “Prospekt”, 2006. – P. 291.
14. Ryzhakov A. P. The concept and legal status of a civil claimant in criminal proceedings. Commentary to the article 44 of the RF/SPS Criminal procedure code “ConsultantPlus”.

Pertli Larisa Fedorovna,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of law, Department head
E-mail: larisa.pertli@mail.ru

Kaluzhina Marina Anatolyevna,
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
candidate of law, Leading researcher
E-mail: kaluzhina.marishka@yandex.ru

Historical and legal basis of the russian penal policy

Abstract: Necessity for the transformation of the Russian penal system is the subject to review. The historical and comparative analyses of the formation characteristics and maintenance of the Russian penal policy are the aim.

Keywords: penal policy, correctional system, Russian penal system.

The relevance of historical and legal study of the Russian penal policy is connected with an insufficient theoretical readiness of this problem and the high degree of its demand in nowadays. The question of radical restructuring of the Russian criminal-executive system is an issue. Changes in the Russian penal policy are directed on a humanization of criminal penalties, improvement of a law basis and consecutive implementation of the international obligations in this sphere.

Nowadays the Russian society goes through the difficult period of the updating. Various spheres of social life, as well as the criminal and executive system are exposed to reforming. In this process Russia is guided by the West European experience and achievements, takes into account interests and requirements of the world community for introduction of the international standards of the treatment of inmates. It should be noted the importance of reforming of this sphere as character of criminal and executive policy.

Among the features of formation of national system of execution of criminal penalties it is possible to note quite late transition to the humanistic principles of inmates maintenance. It is known that the state seriously paid attention to the problems of legal protection being held in custody only in the second half of the XVII century. It is necessary to point out that formation and the maintenance of penal policy throughout our history was predetermined by power interests. The penal policy, along with criminal procedure and policy in the sphere of prevention of crime is one of the most important components of nation-wide policy. The state, and only it, but not any political organizations, not only has the right, but also is obliged to define policy in this sphere of the public relations and to establish the precepts of law governing these relations [1, 6].

The penal policy defines the attitude of the state to an order of penal execution. The main activities in this field, the main strategy are defined as well. Thus punishment, as the tool in hands of society for fight against crime, has to be organized so that its unprofitable sides decreased whenever possible, and that maximum of public advantage was reached without violation of the individual rights though criminal, but nevertheless the human person [2, 133]. Character of the penal policy answers the purpose fixed by law. Political goals and strategic tasks in the field of penal punishments find the expression and fixing in the standards of the criminal and executive legislation and subordinate normative legal acts regulating an order and conditions of serving of punishments in correctional institutions. The main legal form of expression of penal policy is the law.

The appeal to historical prerequisites of a humanization of the Russian penal policy allowed studying development of law bases and practical experience of the organization of conditions of keeping inmates in imprisonment places in different years of functioning of prison system of Russia. It gains a special relevance because of the studied pre-revolutionary precepts of law formed a historical and legal basis of the subsequent and modern penal legislation. In this regard the authors taking into account modern achievements of historical and legal science and the criminal and executive right carried out the comparative analysis of legal fundamentals of penitentiary policy during bourgeois modernization of the Russian society of the second half of the XIX century and modern penal policy of Russia and will put forward the thesis about objectively existing historical and legal prerequisites of a humanization of penal policy of the Russian Federation.

The conducted research allowed to group the factors which defined Russian state penal policy and had on it steady impact

from the last quarter of the XIX century on February, 1917 on two groups: external social (the general) and intersystem (special). The first group includes the following factors: international, political, social and economic, cultural, legal, criminological, and the development of fundamental science. Geographical placement of penal institutes and class approach to inmates belong to special factors. We will analyze these factors.

The international penal thought and the development of foreign penal systems impacted on its reforming in Russia. It is necessary to notice the similar shortcomings in the development of Russian and foreign penal systems. Unsatisfactory conditions of inmates keeping and overcrowding of the European prisons promoted that in society the positive opinion on a solitary confinement as the most corresponding to corrective tendencies of punishment, than the general conclusion was created. It should be noted that by the beginning of the Russian era of reforms in the world there were some types of penal systems depending on placement type (single, the general or mixed) and extents of isolation of prisoners. Political factors are connected with emergence of revolutionary situations in the country: on 1859–1861. The country entered an imperialism era. The penal reform for creation of uniform system of execution of all types of punishments had to follow after these events with historical inevitability.

The political factor was the second major factor which had impact on the penal policy of pre-revolutionary Russia in the field of regulation of conditions of keeping of inmates. Russia was in a condition of almost continuous wars directed on expansion of territories of the empire and strengthening of its borders. The aggressive foreign policy of the Russian Empire demanded huge financial expenses, mobilization of the population for participation in military operations.

Economic factors had considerable impact on the penal policy of pre-revolutionary Russia on reduction in norm of conditions of keeping of inmates. The economic condition of society has direct impact on the penal policy. The state safe economically can set higher purposes, do strategy fundamental, and the main forms and methods of its realization — not depending on political factors and an environment. It is capable to create material resources for successful performance of the purposes facing it. The strategy of the penal policy is in bigger dependence on an economic condition of society, than on its purposes and the principles in the conditions of an economic crisis and an impoverishment of the population [3, 191].

The social factors were connected with class contradictions of the Russian society after a peasant reform 1861. The people impoverishment caused the crime rise. Growth of prisoners' number predetermines an overcrowding of jails. Thus, such social factors as social wellbeing of society, welfare of the people had essential impact on conditions of keeping of inmates.

Level of law culture and law consciousness of society also influenced the penal policy. The conducted research showed that the policy of punishment execution depended on a moral condition of society. Considerable impact was

made by ideas of the Russian humanists P. V. Lopukhin, N. S. Mordvinov, N. I. Novikov, A. N. Radishchev during the studied period on the Russian Empire penal policy [4, 41]. Studying of archival materials showed that the noticeable role in formation of public opinion was played by mass media. The public opinion through printing mass media had considerable impact on the penal policy.

The state, structure and dynamics of crime in the society as criminology factors also had direct impact on domestic the Russian penal policy from the last quarter of the XIX century. Social and economic contradictions led to an aggravation of a criminology situation in the country. It inevitably influenced formation of strategy of policy in the field of execution of punishments. The growth rates of criminal crime in the Russian Empire steadily increased at the beginning of the XX century to what statistical data testify.

The period of the beginning of prison reform in Russia is characterized by accumulation of a large number of the legal acts regulating an execution of the punishment in the form of imprisonment. It created certain difficulties in law-enforcement practice of domestic penal bodies and establishments.

One more factor to which V. I. Seliverstov and I. V. Shmarov [5, 17] paid our attention, is the development of the fundamental science. Studying of sources showed that theoretical researches in the field of penal studies concerned means, forms and methods of impact on the persons deprived of freedom.

Thus, the Russian Empire penal policy was defined by the system of the various factors representing the interacting phenomena acting as the driving forces causing a social orientation. The penal policy as a type of social activity includes two interconnected parties: intellectual and theoretical and organizational and practical. The researchers draw conclusions about an orientation of penitentiary policy of the state on the basis of documents on prison transformation.

Of the second half of the XIX century prison reform is characterized by streamlining and centralization of punishments execution organization. The issue of standard fixing in the legislation of conditions of execution of punishments was resolved during the studied period.

The XX modern reform of criminal and executive system of the Russian Federation is carried out. Research of penal policy influence on prison transformations allows to draw a conclusion on existence of the common features of prison reform of 1879 and reform of the criminal and executive system which is carried out in the Russian Federation since 1991 to the present. The main attention of the legislator during reforming of penal system was paid to improvement of the regulatory base regulating an order of serving and a condition in the form of imprisonment now. Goals are similar — to create new system of the establishments executing criminal penalties. The precepts of law focused on the principles of legality, humanity, differentiation, class approach, the accounting of national features, and also broad participation of the public regulating an order of serving and a condition of keeping of inmates of pre-revolutionary Russia formed a historical

and legal basis of the subsequent and modern criminal and executive legislation.

The humanization of penal policy is a system of legal, moral, psychological, esthetic, economic and technical measures for correction of criminals. The serious influence on a humanization of penal policy of Russia, protection of the identity of the criminal against the brutal relation in jails were rendered by decisions and recommendations of the international prison congresses to the prevention of crime.

The knowledge of the saved-up theoretic and legal experience of genesis of domestic penal policy significantly supplements our idea of a condition of modern penal policy. The analysis of features of the penal legislation of the pre-revolutionary period allows drawing the corresponding parallels between experience of the past and modern reality, and also can form a theoretical and practical basis for improvement of standard and legal regulation of criminal and executive system and development of optimum solutions of modern reality.

References:

1. Бриллиантов А. В., Детков М. Г., Перминов О. Г. Уголовно-исполнительное право./Под ред. О. Г. Перминова. – М.: Юрид. лит., 2001.
2. Чубинский М. П. Очерки уголовной политики. Ч. I–III. – Харьков: Печатное дело, 1905.
3. Общая теория права и государства: учебник/под общ. ред. В. В. Лазарева. – М.: Юрист, 1994.
4. Уголовно-исполнительное право: учеб. для юрид. вузов/под ред. В. И. Селиверстова. 4-е изд., испр. и доп. – М.: Юриспруденция, 2003.
5. Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века: учеб. для вузов/под ред. А. И. Зубкова. 2-е изд., пераб. и доп. – М.: Норма, 2003.

Contents

Section 1. Archaeology	3
<i>Filatova Inga Vladimirovna</i>	
Morphological analysis of ceramic vessels of the Malyshevo Neolithic culture early complex (Lower Amur region)	3
Section 2. Journalism	12
<i>Blikharsky Roman Igorovich</i>	
The religious press in Galicia Austrian Empire period – intellectual support and impulse to the political awakening of Ukrainian	12
<i>Pavlenko Victoria Vadimovna</i>	
Key constituents of the concept “war” in British war media discourse	14
Section 3. History	17
<i>Burda Vladislav Yurievich</i>	
Reports authorities during election campaigns in Ukraine in the 1920s.	17
<i>Dryakhlov Vladimir Nikolaevich</i>	
The pagan sacrifice in the “Lex Salica”	19
<i>Gadzhimuradov Murad Tagirovich, Aligadzhieva Nuriyat Umakhanovna</i>	
Tactics and armament of the Russian troops in the capture of Derbent fortress in 1796	22
<i>Klymenko Lyudmila Alekseyevna</i>	
Scientific school P.G. Kostyuk.	26
<i>Lupovskaya Khristina Pavlovna</i>	
Portraits remind (from House of Stankevich iconography)	30
<i>Pugovkina Oksana Gennadevna</i>	
The first results of work on the collection of data on local settlements named after the “former imperialist generals” in the Soviet Turkestan in 1920–1922 (based on the funds of TSGACSA RUz)	41
Section 4. Linguistics	44
<i>Bashmakova Irina Stepanovna</i>	
English idioms with proper name in semiotic aspect	44
<i>Walter Arthur</i>	
On the concept of “corporation”	47
<i>Ismikhanova Gulkhanim Tofiq kizi</i>	
The structural-semantic peculiarities of the temporal words in Mahmud Gashgari’s “Divanu-lugat-it-turk”	49
<i>Ukrainets Liudmyla Fedorovna</i>	
Culturologically-linguistic aspect of the voiceless consonants’ [t], [t:], [t’], [t’:] connotation in the Ukrainian poetic language of XX–XXI centuries.	52
<i>Cipriani Enrico</i>	
A modal account of the initial position.	55
Section 5. Pedagogy	58
<i>Dzhahparaeva Jamila Yusupovna, Omarov Omar Alievich, Omarova Naida Omarovna</i>	
Psycho-pedagogical conditions of education of tolerance and prevention of aggressive behavior of children and youth in innovative continuous Russian regional education system.	58
<i>Zinukova Natalia Viktorovna</i>	
The role of bilingual competence in interpreters’ training in multilingual society	61
<i>Karimova Beibitkul Sarsemhanovna</i>	
Development of systems thinking in advanced training.	64

<i>Semenova Lyudmila Mikhaylovna, Makarova Olga Valentinovna, Mishina Yelena Alekseyevna</i>	
Features of psycho-pedagogical support of families that have children with autism spectrum disorders	67
<i>Nabiev Valery Sharifyanovich, Diakonova Olga Olegovna</i>	
Pedagogical support of university educational activities	71
<i>Sartbekova Nurjan Koodoevna</i>	
Bologna process and features of teaching in technical higher education institution of Kyrgyzstan.	73
<i>Slutskiy Yaroslav Sergeevich</i>	
The formation of the competences, as a component of volunteering activity, among the volunteer.	75
<i>Chervinska Inna Bogdanovna</i>	
Implementation of pedagogical potential educational space of a comprehensive school in conditions of transformation society.	77
<i>Yuzhakova Nina Evgenyevna</i>	
Teaching business writing as a crucial part of the course on teaching foreign language at non-linguistic university	80
Section 6. Psychology	83
<i>Lekerova Gulsim Zhanabergenovna, Jexenbaewa Kaliyash Ospanovna, Balabekov Aydarkhan Torekhanovich, Demeuov Akhan Kalaubayevich, Bekbosunov Ansar Kuralovich</i>	
Psychologische Mechanismen zum Formieren der beruflichen Orientierung einer Persönlichkeit	83
<i>Tollkuci Ela Bujar, Marjola Rahim Lagji</i>	
Pregnancy and behaviours associated with it. A pilot study based on age and level of education of the women.	85
Section 7. Sociology	91
<i>Gryshchenko Mariia</i>	
Critical discourse analyze in the study of political placard discourse – conceptual schema of analysis	91
<i>Toria Janna Nodarovna</i>	
The traditional training in the Caucasus: prospects and realities.	96
Section 8. Philology	100
<i>Romanova Liubomira Grigorievna</i>	
Features perception of time from the French and Yakut (on example of phraseological units)	100
<i>Camosuk Nataluy Lvovna</i>	
Visual representation of silence or the type of cinema gesture in a literature language (for example a novel «Shutter Island» by Dennis Lehane)	102
<i>Sheremeta Victoria Petrovna</i>	
Language means describing mother-in-law in the imagination of Ukrainians in Ukrainian folk songs	107
Section 9. Philosophy	111
<i>Zdorovenko Viktor Vasil'evich</i>	
The problems of education in contemporary art practice	111
<i>Kokhanevych Oksana Viktorivna</i>	
Ontologie der televirtuellen Realität.	116
<i>Seregin Alexander Vasilevich, Volkova Angelina Sergeevna</i>	
The social and humanitarian aspects of the advertising service businesses	118

Section 10. Economics and management. 121

Kravets Alexandr Vitalyevich

Problems and prospects of the Russian economy
in conditions of global economic crisis 121

Lastovetska Roksolana Orestivna

The impact of remittances outflows on the economy of Poland 123

Rubel Oleg Evgrnyevich

Genesis of of neoinstitutional economic theory: analysis and thesaurus 125

Sekelgidi Klavdiia Shandorivna

Reframing as neurolinguistic tool of public servant self-management..... 130

Sydorenko KaterynaViktorovna

Evaluation of competitiveness of production infrastructure
of the world market of air transportation..... 133

Tsybuliak Anastasiia Gennadiyevna

Paradigm of ecologization in international economic relations..... 137

Shklyar Tatyana Lvovna, Vasilyev Stanislav Viktorovich

Manufacturing environment. Dynamic approach 139

Section 11. Science of law..... 143

Abduhamitov Valijon Abduhalimovich

Countering religious extremism in Tajikistan:
problems of theory, legislation and practice 143

Baranov Victor Alekseevich, Prizhennikova Alena Nikolaevna

Execution of sentence that contains a claim 145

Pertli Larisa Fedorovna, Kaluzhina Marina Anatolyevna

Historical and legal basis of the russian penal policy 151